

18+

ФИЛИП МАЙЕР

Пеннсильванская
АМЕРИКАНСКАЯ

ЖАВУИНА

РОМАН

Филипп Майер

Американская ржавчина

AMERICAN RUST by Philipp Meyer
Copyright: © Philipp Meyer, 2009

Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Книга издана с любезного согласия автора и при содействии Rogers, Coleridge & White Ltd и Литературного агентства Эндрю Нюрнберга

© М. Александрова, перевод на русский язык, 2017

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2017

© “Фантом Пресс”, издание, 2017

Моей семье

*Если бы у человека не было вечного сознания...
если бы за всем была сокрыта бездонная
пустота, которую ничем нельзя насытить, чем
была бы тогда жизнь, если не отчаянием?*

Серен Кьеркегор^[1]

*Просто для того, чтобы сказать о том, чему
учит тебя година бедствий: есть больше
оснований восхищаться людьми, чем презирать
их.*

Альбер Камю^[2]

Книга один

1.

Мать Айзека умерла пять лет назад, но он постоянно думал о ней. Айзек жил один в доме со стариком; двадцать уже, но мелкий для своего возраста, на вид просто мальчишка. Поздним утром он спешил через рощу к городу – крошечная фигурка с рюкзаком торопилась поскорее скрыться из виду. Он взял четыре тысячи долларов из ящика стола у старика. *Украл*, поправил он себя. Побег из психушки. Кто угодно тебя засечет, а соседи пустят собак по следу.

Он взобрался на пригорок: зеленые пологие холмы, мутная извилистая река, единственная пропелшина в бескрайних лесных пространствах – городишко Бьюэлл и его сталелитейный завод. Завод сам был как маленький город, но в 1987-м его закрыли, за следующие десять лет растащили оттуда все мало-мальски ценное, и теперь здания торчат романтическими руинами в зарослях дикого винограда, горца и ясеня. Земля испещрена следами оленей и койотов; люди здесь появляются разве что случайно.

Но городок по-прежнему очарователен: аккуратные ленточки белых улочек выются по склону холма, церковные шпили и булыжные мостовые, высокий серебристый купол православного собора. Совсем недавно это было процветающее зажиточное местечко, в центре полно исторических зданий, сейчас по большей части заколоченных. В некоторых районах еще пытаются якобы убирать мусор и поддерживать порядок, но большая часть в полном запустении. Бьюэлл, округ Фейетт, Пенсильвания. Фейетт-нам, как его называли.

Айзек шел по железнодорожным путям, чтобы не попасться никому на глаза, хотя вокруг все равно ни души. Он помнил, как в конце смены на городские улицы выплескивался поток людей из проходных завода – все покрыты стальной пылью, поблескивавшей на солнце; отец, высокий и такой же сверкающий, наклонялся к нему, подхватывал на руки. Это было еще до аварии. До того, как он превратился в старика.

До Питтсбурга сорок миль, лучше всего идти по путям вдоль реки: можно запрыгнуть на проходящий мимо углевоз и проехать, сколько надо. Доберется до города, а потом переседет в поезд до Калифорнии. Он планировал побег целый месяц. Чересчур долго. Думаешь, Поу согласится? Вряд ли.

По реке буксир толкал баржи с углем, слышно было, как тарахтит

движок. Судно скрылось из виду, все стихло, вода в реке всколыхнулась и успокоилась, мутная, глинистая, лес, сбегаящий к самой кромке берега, – такое можно увидеть где угодно, хоть на Амазонке, фото из “Нэшнл Географик”. Солнечник плеснул на отмели – вы бы и не подумали есть здешнюю рыбу, но все едят. Ртуть и ПХБ. Он не помнил, что означают эти буквы, но точно какая-то отравка.

В школе он помогал Поу с математикой, но и сейчас не до конца понимал, почему Поу все же дружит с ним – он со старшей сестрой были главными ботаниками в городе, а то и во всей Долине; теперь-то сестра в Йеле. Айзек надеялся, что ее волна успеха подхватит и его. Он всю жизнь восторгался сестрой, но та нашла себе новый дом, мужа в Коннектикуте, которого ни Айзек, ни отец никогда не видели. Тебе и одному нормально, подумал он. Малыш должен поменьше ворчать и обижаться. Скоро он будет в Калифорнии, и тамошние теплые зимы сделают уютнее его одиночество. Год на то, чтобы стать резидентом штата и подать документы в университет, на астрофизику. Ливерморская национальная лаборатория. Обсерватория Кека и Сверхбольшая Антенная Решетка. Нет, ты послушай себя – это все еще имеет смысл?

Миновав город, он вышел на проселок и решил идти к дому Поу опять по железке. Малыш Айзек упорно продвигался к цели. Лес он знал, как старый браконьер, у него куча альбомов с рисунками птиц и прочей живности, но в основном птиц. Полрюкзака записных книжек с собой. Природу он любит. Может, это потому, что в лесу нет людей, но он надеялся, что все же не поэтому. Здорово все-таки расти в таком месте, потому что в городе, ну не знаю, там ты как будто в бешено несущемся поезде. Мозги постоянно на пределе. Следи за направлением, выбирай колею, не то разобьешься. Люди всему дают имена: лапчатка анемоны козодой тюльпан орешник черемуха. Гикори и дуб. Белая акация и большой косматый гикори. Вполне достаточно, чтобы держать мозг в тонусе.

А меж тем прямо над головой светло-голубое небо, распаханное в открытый космос, – последняя величайшая тайна. Расстояние, как до Питтсбурга – пара миль воздуха, а за этим нежным покрывалом четыреста ниже нуля^[3]. Чистое везение. Все шансы на то, чтобы не выжить, – только подумайте, Ватсон. Но не восторгайтесь вслух и на людях, не то быстро натянут на вас смирительную рубашку.

Вот только фортуна постепенно отвернется – ваше Солнце обратится в красный гигант, и планета сгорит. Бог дал, бог взял. Людям придется перебираться на другие планеты, и только физики могут выяснить, как это

сделать, именно они спасут человечество. К тому времени его, разумеется, давным-давно уже не будет на свете. Но, по крайней мере, он сумеет внести свою лепту. Смерть не снимает с тебя ответственности за тех, кто остался в живых. Если он в чем и был уверен, то именно в этом.

* * *

Поу жил там, где кончалась грунтовка, в спаренном трейлере, который, как и полагается загородному жилищу, стоял посреди большого лесного участка. Восемьдесят акров и острое чувство фронта – чувство, будто ты последний человек на земле, надежно укрытый среди всех этих зеленых холмов и впадин.

Во дворе рядом со старым “камаро” Поу – камуфляжная покраска за три тысячи и сгоревшая коробка – стояло здоровенное сиденье от тягача. Металлолом разной степени коррозии, к одной из железок пришпилен флажок с легендарной тройкой Дейла Эрнхардта^[4], тут же деревянный вертел, чтоб подвесить оленя. Поу сидел на пригорке, выглядывая что-то на реке. Как говорится, сумел бы выплатить ипотеку, жил бы у Господа на заднем дворе.

Весь город думал, что Поу поступит в колледж, чтобы и дальше играть, – не обязательно в одной из команд Большой Десятки, но в приличное место, но вот уже два года миновало, а он все живет в трейлере со своей матерью, все торчит во дворе, и вид такой, будто вот-вот встанет и пойдет колоть дрова. На этой неделе, а может, на следующей. Годом старше Айзека, дни его славы уже позади, у ног валяется дюжина пустых жестянок из-под пива. Высокий и широкоплечий, двести сорок фунтов, раза в два здоровее Айзека.

Завидев его, Поу сказал:

– Что, теряем тебя навеки?

– Не надо слез, – отозвался Айзек. Огляделся. – Где твои вещи?

Хорошо, что есть Поу, это отвлекает от мыслей о ворованных деньгах в кармане.

Поу усмехнулся и отхлебнул пива. Он уже несколько дней не мылся – с тех пор, как его уволили из городского хозяйственного магазина, который теперь работал по сокращенному расписанию, все не спешил устраиваться в “Уолмарт”.

– Как я с тобой пойду, ты ж понимаешь, на мне все это хозяйство, – и Поу торжественно повел рукой в сторону леса и дальних холмов. – Мне бы твои заморочки.

– Ты просто трус, ты в курсе?

– Господи, Умник, ты что, всерьез хочешь взять меня с собой?

– Не вижу иных вариантов, – ответил Айзек.

– Давай взглянем на это дело с моей эгоистической точки зрения. На мне все еще висит условный срок. Уж лучше ограбить бензоколонку.

– Ты уже попробовал.

– Нечего будить во мне чувство вины. Присядь лучше и хлебни пива.

– Времени нет.

Поу еще раз раздраженно оглядел двор, но все же поднялся с места. Допил пиво, смял банку.

– Ладно, – буркнул он. – Так и быть, провожу тебя до большого вокзала. Но дальше – сам.

* * *

Со стороны они, должно быть, напоминали отца с сыном – размерами. Поу, с тяжелым подбородком, маленькими глазками и даже сейчас, через два года после окончания школы, в нейлоновой футбольной куртке, с именем и номером на груди и бьюэлльскими орлами на спине. Айзек, маленький и шуплый, с огромными глазами, одежда не по размеру велика, старый рюкзак забит под завязку: спальник, одежда, тетради и записные книжки. Они шли по узкой дороге к реке, среди лесов и лугов, зеленых и прекрасных в начале весны. Миновали старый дом с обвалившимся фасадом – рухнул в карстовую яму, почва под Долиной изрыта шахтами, некоторые нормально законсервированы, а другие нет. Айзек швырнул камень и сбил с крыши прогнившую вентиляционную трубу. Рука у него всегда была верная, даже лучше, чем у Поу, хотя, разумеется, Поу никогда этого не признавал.

Подошли к ферме Калтрапа, у самой реки. Коровы грелись на солнышке, а из сарая доносился пронзительный визг свиньи.

– Жуть, лучше бы я этого не слышал.

– Да иди ты, – возмутился Поу. – Калтрап делает лучший бекон в округе.

– Но для этого кто-то должен умереть.

– Будь добр, прекрати анализировать.

– А ты знаешь, что сердца свиней используют для лечения человеческого сердца? Клапаны практически идентичны.

– Постараюсь поскорее забыть твои байки.

– Уж это точно.

– Ну ладно, я загнул, – виновато буркнул Поу. – Это была ирония.

Они двинулись дальше.

– Знаешь, я был бы тебе страшно признателен, если б ты пошел со мной.

– Я и Джек Керуак Младший. Который спер четыре штуки у своего старика и даже не подозревает, откуда взялись эти бабки.

– Он просто гнусный скряга с пенсией сталелитейщика. Сейчас, когда он перестал все отсылать моей сестрице, у него куча денег.

– Сестрице, которой, возможно, нужны эти деньги.

– Которая закончила Йель, получив десяток стипендий, в то время как я торчал здесь и ухаживал за Маленьким Гитлером.

Поу вздохнул:

– Бедный сердитый Айзек.

– А кто бы не злился?

– Ну, согласно житейской мудрости моего папаши, куда бы ты ни сбежал, проснувшись поутру, увидишь в зеркале все ту же рожу.

– Жизненный принцип.

– Отарик не дурак в чем-то.

– Тут ты прав.

– Шагай уже, Умник.

Они повернули к северу вдоль реки, в сторону Питтсбурга; шахты и лес остались к югу. Потому здесь и делали сталь, что есть уголь. Вот еще один брошенный заводик с закопченной трубой, тут же была не одна сталь – десятки мелких производств обслуживали заводы и зависели от них: инструменты и заготовки, особые покрытия, оборудование для шахт, да бесконечный список. Это была сложная разветвленная система, и когда заводы закрылись, то разорилась вся Долина. Сталь была ее сердцем. Интересно, сколько времени пройдет, пока все это заржавеет, рассыплется в пыль и Долина вернется в свое естественное состояние? Только камни останутся.

Столетие Долина была сталелитейным центром страны, а фактически всего мира, но к моменту появления на свет Поу и Айзека здесь уже сократили 150 000 рабочих мест – большинство маленьких городов не могли позволить себе даже основные службы; в некоторых и полиции не было. Айзек подслушал, как сестра рассказывала кому-то из колледжа: *половина населения живет на пособие, а другая половина занимается охотой и собирательством*. Преувеличение, но не сильное.

Никаких признаков приближающегося поезда. Поу шел на шаг впереди. Единственные звуки – ветер с реки и хруст гравия под ногами. Айзек надеялся на длинный состав, который замедляет ход, повторяя все изгибы реки. Короткие поезда проносятся гораздо быстрее, запрыгивать на ходу

опасно.

Он смотрел на реку – мутная, илистая, скрывающая множество тайн. Грязь, много слоев грязи, старое барахло, детали тракторов, кости динозавров. Ты не совсем на дне, но и не на поверхности. Трудно разглядеть вещи как они есть. Отсюда и февральские купания. Отсюда и кража у старика. Будто несколько дней прошло, как ушел из дома, а на деле часа два-три, еще можно вернуться. Ну уж нет. Есть множество вещей хуже воровства – лгать себе, к примеру, сестрица и старик чемпионы в этом деле. Или вести себя так, будто кроме тебя никого на свете не осталось.

А ты, в свою очередь, похож на мать. Остаешься подольше – и прямая дорога в психушку. Или на стол в прозекторской. Прогулка по льду в феврале, холод как удар током. Так холодно, что дыхание останавливается, но ты держался, пока боль не отступила, вот так она и ускользнула. Потерпи минутку – и станет теплее. Жизненный урок. А ты бы и не всплыл до сих пор – до апреля, – пока вода в реке не прогрелась, и те существа, что живут внутри тебя, о которых и не подозреваешь, они-то и подняли бы тебя на поверхность. Учительница рассказывала. Мертвый олень зимой похож на скелет, обтянутый кожей, но летом раздувается. Бактерии. Холод притормаживает их, но в итоге они так и так получают свое.

У тебя все нормально, подумал он. Выкинь из головы.

Но все равно помнил, как Поу вытаскивал его из воды, как он твердил Поу: *я хотел узнать, каково это*. Просто эксперимент. Было темно, он бежал, весь в грязи, продирался через бурелом и заросли вербы, в ушах шумело, и он вывалился на чье-то поле. Опавшие листья потрескивали; он так давно замерз, что уже не чувствовал холода. Знал, что это конец. Но Поу опять его догнал и спас.

– Прости, что я дурно отозвался о твоём отце, – сказал он Поу сейчас.

– Фигня, мне плевать, – отмахнулся Поу.

– Мы так и будем дальше идти?

– Как?

– Молча.

– Может, мне просто грустно.

– Может, тебе нужно просто взять себя в руки, – усмехнулся Айзек, но Поу шутку не принял.

– У одних вся жизнь впереди. А у других.

– Ты можешь делать что захочешь.

– Давай не будем, – буркнул Поу.

Айзек еще на шаг приотстал. Поднявшийся ветер трепал одежду.

– Ты так и будешь идти, даже если гроза начнется?

– Не думаю.

– Тогда вон там, за леском, есть старая мастерская. Можем там переждать.

Река в дюжине ярдов слева, а дальше рельсы шли вдоль поймы, поросшей травой, ярко-зеленой на фоне черноты надвигающихся туч. Заросли шиповника скрывали стоящие в центре вагонетки. По краю поймы располагался завод “Стандард Стил Кар”, Айзек бывал тут прежде. Завод наполовину разрушен, кирпичи и обвалившиеся потолочные балки горами лежат поверх старых горнов и гидравлических прессов, все поросло мхом и диким виноградом. Несмотря на кучи щебня, внутри было довольно просторно. И полно сувениров. Старая именная табличка, которую ты подарил Ли, отодрал вон с того кузнечного молота, отполировал и смазал. Мелкий вандализм. Нет, это в память обо всех этих людях, они гордились своими механизмами; спасти хотя бы несколько деталей – крохи жизни после смерти. Ли повесила табличку над столом, ты видел, когда ездил в Нью-Хейвен.

Тем временем хлынул дождь. Будет сыро и холодно. Плохое начало путешествия.

– Боже, – вздохнул Поу, когда дождь припустил во всю мощь, – у этой развалины даже крыши нет. Я должен был догадаться – с твоим-то счастьем...

– Здесь есть другие цеха, в лучшем состоянии, – заметил Айзек.

– Дождаться не могу, веди скорее.

Айзек обогнал его. Поу в дурном настроении, и непонятно, что с этим делать.

Луг они пересекли по оленьей тропе. За главным зданием фабрики стояло еще одно, поменьше, полускрытое деревьями, темное и мрачноватое. Или укромное, как посмотреть. Кирпичное, гораздо меньше главной постройки, размером с гараж скорее, окна заколочены, но крыша цела. Домишко почти весь зарос виноградом, но ко входу вела узкая тропинка. Дождь зарядил вовсю, и они кинулись бежать. Поу толкнул дверь плечом. Она послушно распахнулась.

Внутри было темно, но они сумели разглядеть бывшую ремонтную мастерскую, с дюжиной токарных и фрезерных станков. Металлическая платформа под несколько шлифовальных станков для заточки инструментов, но самих станков нет, да и у токарных сняты хомуты и блоки питания – все, что можно было унести. Везде разбросаны пустые бутылки из-под крепленого вина и еще больше пивных жестянок. В старой

печи недавно разводили огонь.

– Господи Иисусе. Воняет, будто десяток бродяг откинули копыта здесь под полом.

– Да все нормально, – сказал Айзек. – Разведем огонь и обсушимся.

– Да ты только взгляни, это же “Ховард Джонсон” для ханыг. Запас дров и все такое.

– Добро пожаловать в мой мир.

– Умоляю, – фыркнул Поу. – Ты просто сраный турист, и все.

Не обращая на него внимания, Айзек присел на корточки у печки и принялся сооружать аккуратный костер – растопка, мелкие щепки, теперь нужно поискать подходящие палочки. Не самое удобное место для привала, но сойдет. Лучше, чем весь день брести в мокрой одежде. Вот это и означает – в дороге, когда ценишь простые вещи, – простая жизнь. Назад к природе. Если надоест, всегда можно купить билет на автобус. Но тогда не считается – ведь в этом случае можно купить и билет обратно. Малыша не пугаешь. Так больше увидишь по пути – сделать крюк в Техас, обсерватория Макдоналд, гора Дэвис, девятиметровый телескоп Хобби-Эберли. Представь только, как выглядят через него звезды – все равно что оказаться в космосе. Вторая лучшая вещь на свете, после профессии астронавта. Сверхбольшая Антенная Решетка, Нью-Мексико или Аризона, точно не вспомнить. Увидеть все. Не спешить, не тревожиться.

– Что-то ты чересчур развеселился, хорош уже, – сказал Поу.

– Ничего не могу с собой поделат. – Айзек нашел еще несколько деревяшек и вновь занялся костром, строгая ножом щепки на растопку.

– Ты чертову вечность копаешься, в курсе?

– Люблю разжигать костер с одной спички.

– Ага, к тому времени, как разгорится, уже стемнеет и пора будет уходить, потому как я не намерен ночевать здесь.

– Я дам тебе свой спальник.

– К дьяволу. Мы и так уже, наверное, подцепили туберкулез в этом дивном местечке.

– Все будет хорошо.

– Непутевый ты.

– И что ты будешь делать, когда я уйду?

– Думаю, буду бесконечно счастлив.

– Я серьезно.

– Забей. Если мне захочется, чтобы меня кто-то доставал, поговорю с матерью.

– Я сам поговорю с твоей матерью.

– А, ну да, ну да. Ты пожрать захватил?
– Орешки.
– С тебя станется.
– Дай зажигалку.
– Вот бы сейчас горячего “винни-пай” из “Винсента”. Господи, я был там однажды, фирменное...
– Зажигалку.
– Я бы заказал, но “Некстел” отключили мне телефон.
– Угу.
– Это была шутка, – сказал Поу.
– Очень смешно. Дай мне твою зажигалку.
Поу со вздохом протянул зажигалку. Айзек разжег огонь. Занялось быстро. Хороший получился костер. Он распахнул дверцу печки, сел напротив и удовлетворенно наблюдал результат своих трудов.
– Ты будешь улыбаться, даже когда этот сарай вспыхнет у нас над головой.
– Тому, кто повезет двух парней в больницу.
– Не уезжай, – сказал Поу.
– Не могу.
– Знаешь, думаю, ты правильный парень, Умник. Просто хотел сказать – на случай, если тебе важно мое мнение.
– Ты мог бы там поступить в любую футбольную команду. Там полно колледжей, это же как “Спасатели Малибу”.
– Вот только все, кого я знаю, живут здесь.
– Позвони тому тренеру из Нью-Йорка.
– Я рад за тебя. – Поу пожал плечами. – Ты справишься, как твоя сестра. И, как все богатеи, в конце концов женишься. Милый старикашка, будешь тусоваться в Сан-Франциско...
Они помолчали, оглядывая свое убежище. Поу встал, подобрал рваную картонную коробку, прилег на нее.
– Я все еще, слава богу, пьян, – зевнул он. Перекатился на спину, прикрыл глаза. – О господи, жизнь моя. Поверить не могу, что ты на это решился.
– Вагончик Айзек, так меня теперь зовут.
– Любимчик моряков.
– Принц бродяг.
Поу ухмыльнулся:
– Если это твой способ извиняться, то принято. – Он повернулся на бок, завернулся поплотнее в свою футбольную куртку. – Надо дать глазам

отдохнуть минутку. Разбуди меня ровно в тот момент, как дождь кончится.

Айзек толкнул приятеля:

– Поднимайся давай.

– Отвали, дай покайфовать.

Айзек вернулся к огню. Тяга вроде нормальная – не загнуться бы от угарного газа. Толкнуть его еще разок. Не стоит. Пускай дремлет. Похоже, вырубился. И так каждый раз, стоит только посидеть тихонько. Не то что ты – редко засыпал не в своей постели. В таком месте и глаз бы не сомкнул. Хорошо бы и дальше идти вместе. Айзек рассматривал старые станки, стропила, через заколоченные окна пробивался блеклый серый свет. Поу не боится людей, вот в чем разница. Такая у него особенность. Физически не боится, и все. А посмотри на себя – уже переживаешь, волнуешься, как там старик. Ведь знаешь, что все с ним в порядке. И будет в порядке. У Ли богатый муж – они в любой момент могут нанять сиделку. Пока ты там жил, не было необходимости, но теперь, когда ты свалил, сиделка найдется. Ли купит себе свободу. Ты потратил пять лет, а она – пару дней каждое Рождество, они со стариком делают вид, что просто так сложилось, судьба. А ты опять – только подумать – оказался плохим мальчиком. Малыш превращается в вора, бросает своего отца, а сестра опять героиня и любимица.

Он попробовал расслабиться, не вышло. Малышу, похоже, нужна тройная доза прозака. Или что-нибудь покрепче. Вытащил деньги, пересчитал еще раз; казалось, что тут не четыре тысячи долларов, а какая-то громадная сумма. Дальше будет только сложнее, сейчас-то с тобой Поу, и вы все еще в родных краях. Думал, что все рассчитал, ага, твои тетрадки и школьные табели, все, что нужно, чтобы начать жизнь в Калифорнии. На бумаге все идеально, но сейчас выглядит просто смешно. Даже если старик не вызовет копов. Только гордость удерживает тебя здесь, в этом сарае.

В другом конце здания послышался шум, Поу сел, повертел головой. Дальнюю дверь они не заметили. Оттуда, громко топоча, появились трое мужиков в мокрой одежде, с рюкзаками. Двое высоких, один пониже ростом.

– Эй, это наше место, – сказал самый здоровый. Он был крупнее Поу, светловолосый и с густой бородой. Все трое пробрались между станками и остановились в нескольких шагах от печки.

Айзек поднялся, но Поу не двинулся с места.

– Это место ничье, – спокойно сказал он.

– Не-а, – протянул мужик. – Оно наше.

– Да мне пофиг, даже если вы на минутку выходили, – ответил Поу,

разглядывая лужу, которая уже натекла с мокрой одежды гостей. – Но мы останемся тут.

– Мы можем уйти, – сказал Айзек. Он подумал о деньгах в кармане и отвел взгляд. Показалось, что светловолосый лесоруб хочет что-то добавить, но нет.

– Да хрен ли, – заговорил другой. – Хорошо хоть огонь есть. – И сбросил рюкзак.

Он был самым маленьким из компании и самым старым, лет за сорок, с недельной щетиной, тонким носом, таким кривым, будто его постоянно ломали и ни разу не дали срастись. Айзек вспомнил, как Поу однажды сдуру вздумал поиграть без шлема и ему крепко врезали и сломали нос, так он тут же его сам себе поправил, руками, прямо на поле.

Мужики выглядели так, словно они уже давно в пути. Старший выкрутил свою шапочку и положил поближе к огню, мокрые штаны прилипли к ногам. Сказал, что его зовут Мюррей, от него воняло.

– Мы с тобой не знакомы, а? – обратился он к Поу.

– Думаю, нет.

– Откуда же я тебя знаю?

Поу пожал плечами.

– Он играл в футбол, – подсказал Айзек. – Третий крайний в “Бьюэлл Иглз”.

Поу покосился на Айзека.

Мужик заметил футбольную куртку Поу.

– Помню, – сказал он. – Я менял масло на “Джонс-Шеви”, и после работы мы смотрели разные игры.

Думаю, там тебя и видел. Команда колледжа или что-то такое.

– Не-а, – возразил Поу.

– Ты вообще ничего был, – продолжал Мюррей. – Не так давно.

Поу промолчал.

– Да все путем. Отто, вон тот, он в “Золотых перчатках” участвовал в молодости. Мог в профессионалы податься, но.

– Я служил в армии, – сказал Отто. Высокий швед. Большинство народу в Долине были откуда-то: поляки, шведы, сербы, немцы, ирландцы. Кроме семьи Айзека, они шотландцы, и Поу, которые жили тут так давно, что никто и не помнил, откуда они родом.

– Отто, ветеран половых боев, – заржал Мюррей.

– Пошел на хрен, Мюррей, – огрызнулся Отто.

Айзек посмотрел на Отто, но тот замолчал и уставился в пол. Третий, темноволосый, похож на испанца, чуть помельче Поу, с тату на шее –

JESUS, жирными буквами. Все трое были гораздо крупнее Айзека. Швед, тот вообще под семь футов.

– Вам повезло, что сюда мы забрели, – сказал “испанец”. – Тут в округе полно настоящих психов.

– Хесус, – ухмыльнулся Мюррей, – хорош строить из себя чертова мексикашку.

– А Мюррей мог бы и заткнуться, – отозвался Хесус.

Швед Отто добавил:

– Вы тут еще конференцию устройте.

– Эти двое не из наших, они местные.

Помещение казалось маленьким и темным, и швед поднял длинную доску и неловко сунул ее в печь одним концом. Айзек прикидывал, как бы намекнуть Поу, что пора смываться. Дрова потрескивали, угольки отскакивали на пол, а пять мужских теней на стене напоминали сидящих обезьян. Дело плохо, думал Айзек. Хесус выхватил что-то из кармана, Айзек вздрогнул, и Хесус расхохотался. Оказалось, обычная бутылка виски.

– Мне надо отлить, – сказал Айзек. Он просто хотел уйти и выразительно посмотрел на Поу, но Поу не понял.

– Ну иди, – сказал он.

– А они всегда писают вдвоем, – хихикнул Хесус.

Айзек ждал, но Поу все торчал на месте, пялясь на Хесуса и шведа; куртка Поу валялась на полу рядом с рюкзаком Айзека. Поу явно настроен решительно, считает себя непобедимым. Айзек подхватил рюкзак, он не мог себе позволить лишиться хоть малости из его содержимого. Держал рюкзак за ляжку и чувствовал, как все смотрят на него. Он не знал, как дать понять Поу, чтобы тот взял свою куртку и выходил. В итоге вышел один.

Почти стемнело, гроза постепенно стихала, но собирались новые тучи, деревья у реки уже клонились под ветром. Он вновь принялся соображать, как вытянуть Поу оттуда. Думает, что это как в школе, обойдется. В поле вокруг полно металлолома, трава проросла сквозь груды деталей вагонеток, блоков моторов, колес, валов и прочих трансмиссий. Стайка летучих мышей мельтешила над кучами ржавеющей стали.

В просвете облаков вспыхнул кроваво-оранжевый свет, и Айзек смотрел на небо, пока солнце полностью не скрылось. Непонятно, то ли идти и вытаскивать Поу оттуда, то ли он сообразит выйти сам. С Поу вечно так. Чуть не угодил за решетку за то, что поколотил парня из Доноры, до сих пор на условном сроке. Не может он сдержаться, тебе не понять. Возможно, это не его вина. Кто знает, а вдруг таким громилой нельзя стать,

если мозгами не будешь немножко роботом.

Из здания донеслись неожиданно громкие голоса, потом крик и грохот. Айзек затянул ремни на рюкзаке потуже, прикинул, по какой тропинке бежать через поле, и ждал только Поу, чтобы сорваться с места. Но Поу все не появлялся. Жди, уговаривал он сам себя, просто не суетись, будь наготове. Крики и шум стихли. Айзек еще немного подождал. Может, все в порядке. Нет, точно не то. Придется вернуться.

Руки тряслись, но он вытащил деньги из кармана, затолкал их поглубже в рюкзак, потом быстро сунул рюкзак под металлический лист. Отлично. У Малыша все под контролем. Не входить с пустыми руками. Он присмотрел было короткий отрезок железной трубы, но его запросто отберут. Под другой кучей металлолома – он осторожно просунул руку между ржавых железяк – в грязи валялись шарики от промышленных подшипников. Выбрал один, размером с бейсбольный мяч или чуть больше, холодный и очень тяжелый. Может, слишком тяжелый. Поискал что-нибудь другое. Нет, времени нет. Давай, вперед. Не входи в ту же дверь.

Тихонько прокравшись через заднюю дверь, он сразу увидел, что произошло. Мюррей лежал на полу. Мексиканец стоял позади Поу, что-то приставив к его шее; вторая рука его тянулась к ширинке Поу. Поу вскинул обе руки вверх, как бы уговаривая успокоиться. Они стояли напротив печки, спиной к нему. Айзек скрывался в темноте, незаметный для остальных.

– Отто! – завопил мексиканец. – Мне что, торчать так весь гребанный день?

– Твоего дружка не видать, – отозвался голос. – Он, поди, уже свинтил.

Швед ввалился через противоположную дверь, лицо его поблескивало в свете огня, и он улыбнулся Поу, будто был счастлив встрече. Айзек вдруг почувствовал, что изо всех сил сжимает металлический шар, ощутил, насколько тот тяжел, пять фунтов или шесть, он перенес вес на опорную ногу и швырнул со всей силы, так что плечо отозвалось болью. Шар растворился в темноте, и тут же раздался треск. Шар врезался шведу точно в переносицу. Швед застыл на миг, потом колени его подогнулись и он рухнул навзничь, обрушившийся колосс.

Поу вырвался и бросился к выходу; Айзек помедлил секунду, глядя на поверженного им человека, руки и ноги того еще слегка подергивались. Беги, командовал он себе. Мюррей тихо лежал на полу, Хесус опустился на колени перед шведом, что-то говорил, гладил по лицу, но Айзек уже все понял – он помнил тяжесть шара, помнил, с какой силой его метнул.

* * *

В темноте они едва различали рельсы. Опять зарядил дождь. Руки и лицо Айзека были измазаны грязью, грязь налипла на ботинки, он весь промок, но не знал, от пота или дождя.

Надо забрать рюкзак, думал он. Нет, ты туда не вернешься. Этот парень серьезно ранен? Железяка была реально тяжелая, до сих пор рука болит. Не надо было швырять ему в лицо.

Впереди уже можно было различить огни Бьюэлла; они близко. Внезапно Поу свернул и ломанулся через кусты к реке.

– Мне надо помыться, – крикнул он Айзеку.

– Потерпи до дома.

– Он лапал меня прямо за голое тело.

– Потерпи до дома, – повторил Айзек. Голос звучал словно издалека. – Такой водой все равно не отмоешься.

Дождь стал ледяным, с крупинками снега, а на Поу одна футболка. Он скоро начнет замерзать, подумал Айзек. Вы оба сейчас соображаете плохо, но он хуже – отдай ему свою куртку.

Он снял куртку и протянул Поу. Поколебавшись, Поу попытался надеть ее, но не вышло – слишком маленькая. Он вернул одежду.

Айзек услышал, как произносит вслух:

– Тогда нам надо бежать, чтобы ты согрелся.

Некоторое время они бежали трусцой, но было слишком скользко. Поу дважды шлепнулся в грязь, он был совсем не в себе, и они перешли на шаг. Айзек все думал о человеке, лежащем там, кажется, у него по лицу текла кровь, но, может, это просто отблеск огня или тень. У меня не было другого выхода, убеждал он себя, и сам знал, что это неправда.

– Надо добраться до телефона и позвонить 911 насчет того парня. На заправке “Шитц” есть.

Поу молчал.

– Там телефон-автомат, – сказал Айзек. – Никто нас не узнает.

– Плохая идея.

– Мы не можем просто оставить его так.

– Айзек, у него из глаз текла кровь, а ноги дергались – это рефлекс. Если оленю перешибить позвоночник, с ним происходит то же самое.

– Мы о человеке говорим.

– Мы вызовем “скорую”, а следом подоспеют копы.

Айзек почувствовал, как горло сжалось. Он опять вспомнил, как падал Швед. Не пытаясь устоять, зацепиться за что-то, и как потом дергались

конечности. Человек в обмороке не шевелится.

– Надо было сматываться оттуда, как только эти типы появились.

– Знаю, – согласился Поу.

– Твоя мама дружит с Бадом Харрисом.

– Чисто технически парень, которого ты завалил, ничего не сделал. Не он же держал меня.

– Ситуация несколько сложнее, вообще-то, – возразил Айзек.

– Ну не знаю. Я сейчас не в состоянии нормально соображать.

Айзек снова пошел быстрее.

– Айзек, – окликнул Поу, – не делай глупостей.

– Я никому не скажу. Не волнуйся.

– погоди! – Поу ухватил его за плечо. – Ты все правильно сделал, мы оба это знаем.

Айзек молчал.

Поу дернул головой в сторону дороги:

– В любом случае мне лучше тут срезать, так до дома ближе.

– Я провожу тебя.

– Нам надо разделиться.

Лицо Айзека было, видимо, чересчур красноречиво, потому что Поу добавил:

– Ты можешь вернуться к старику на одну ночь, ничего с тобой не будет.

– Не в этом дело.

– Ты все правильно сделал, – повторил Поу. – Утром, на свежую голову, мы разберемся, как быть.

– Нам надо разобраться прямо сейчас.

Поу отрицательно помотал головой:

– Я зайду к тебе утром.

Айзек смотрел, как он разворачивается и уходит по темной дороге к дому матери. Один раз обернулся и помахал. Когда Поу скрылся из виду, Айзек пошел дальше по путям, в темноте, один.

2. Поу

Он брел по раскисшей грунтовке к трейлеру матери. Перед Айзеком-то старался держаться, меньше всего сейчас ему надо знать, что у Поу крыша поехала. Но к тому идет. Темно вокруг, как-то спокойнее, никто его не увидит в таком раздразе, а он вспоминал, как нож прижимается к шее и как его лапает тот мужик. Дождь опять усилился, а потом повалили настоящие снежные хлопья. Он дико замерз, куртку-то бросил в мастерской, где теперь лежит мертвый бугай по имени Отто. Совсем окоченел, что угодно отдал бы за куртку или даже за самую говеную шляпу, галлон крови отдал бы за дерьмовую шерстяную шапочку и, боже правый, все что хотите за пальто, да хоть за полиэтиленовый мешок. Наверное, надо бежать, чтобы согреться, но он еле ноги волочит. Подумал, что согреется дома. И тут вспомнил, что не наколот дров для печки, откладывал, как всегда, до последней минуты, а после ушел с Айзеком, и в доме дубак, без дров-то, а электрическое отопление стоит тридцатку в день, мать его никогда не включает, а топор в больных руках удержать она не может.

Он понадеялся, что мать не очень замерзнет из-за такого поганого сына. Сидит сейчас в трейлере со своими скрюченными артритом руками, а ты дерьмо, натуральный говнюк, который не может позаботиться о собственной матери, гребаный босяк, ссыкло, не смог даже в скобяной лавке удержаться. Интересно, чем это Айзек запулил в того мудилу, что-то тяжелое было, булыжник, что ли, всю рожу ему размозжил. Лоб вдавило в череп. Если повспоминать подольше, наверняка вывернет. Здоровенный, поди, был каменяка, твою мать. Айзек и Отто, матч судьбы. Господи, спасибо, что направил его руку. Спас мою жизнь. А меня потискали за член эти ханыги, да ко всему я еще и обоссался.

Единственный раз, когда надо, чтоб в доме было тепло, там холодильник, а ему нужно тепло как соучастнику убийства, по сути самозащита, но все равно убийство, сбежали от трупа, но, Господи, если кто-то думает, что он вызовет копов из-за этих козлов, то хрен, и этот будущий покойник Отто с улыбочкой на харе размером со стадион идет ко мне, он идет, а к шее моей прижат нож, а чья-то лапа тискает мои яйца, и не ошибешься, о чем этот козел думает. Да, наверное, так себя чувствуют девчонки, когда их лапают всякие отморозки. Такое не забудешь.

От мысли, что Отто валяется там, а чертовы койоты обгрызают его морду, Поу даже немножко согрелся; спроси его утром, так он никогда

никого не ненавидел, но сейчас благодаря Хесусу он ненавидел и покойного Отто, и как он улыбался, глядя на то, как Поу в прямом смысле ухватили за яйца, а еще больше ненавидел того, кто порезал ему шею и держал его, а что до третьего, старикана, ну он не собирался бить его так сильно. Не помнил он, как его зовут, который постарше, который не хотел драки, воняло от него ужасно. Жаль, что он так крепко ему врезал. Он-то нормальный был мужик. Ему-то и досталось от тебя по полной.

Это не убийство, но выглядит все равно паршиво. Он понимал, что все из-за него. Знал, что когда Айзек потопапал отлить, то не затем вышел на самом-то деле. Это у старины Билли Поу в жопе заиграло и кулаки чесались, и не в первый раз из-за этого он влипал в неприятности. Ему хотелось помахать с этими ублюдками. Думал, завалю всех троих, думал, это будет круто, бля, завалить троих, а они возьми и чуть не пришей его самого, и на высоте-то оказался маленький Айзек Инглиш, и это он завалил, буквально прикончил, а не просто покалечил того бугая Шведа. Камнем, а не мечом, как говорится. Господи Иисусе, это же верный электрический стул. Да похрен, хорошо бы, чтоб оба эти козла сдохли, и Отто, и бородатый мексиканец, который порезал мне шею и лапал, блядь, меня, прямо чувствую его поганые пальцы на члене. Он потрогал себя между ног, совсем мягкий, но сразу пошла волна вверх по животу, пришлось остановиться успокоиться. Надо помыться с мылом. Мылом и горячей водой. Горячая ванна и мыло. Здоровый был нож, Господи Иисусе, у него был настоящий нож. Так, уже все в порядке. Он увидел впереди огни трейлера. Добрался-таки.

Уже почти у дома заметил в окне силуэт матери, высматривавшей его, и понял, что придется рассказывать, что случилось, как вышло, что его штаны воняют мочой, шея порезана и он в одной футболке шараялся под ледяным дождем в грозу и чуть не околел до смерти. Медленно побрел от дороги к деревьям в конце двора, надо подождать, пока она не ляжет, нет сил ей про такое говорить. Она расскажет отцу, хотя в этом блядском городе он и так все узнает. Он подумал, что мать могла бы принять обратно старого козла. Видел его с той молодой курвой, математичкой, двадцать четыре года. Еще подмигнул мне. Маме не стал говорить, потому как она решила его простить. Худо ей сейчас, может, это ей нужно, другие ублюдки, которых она приводила в дом, ничем не лучше; тот, что постарше, был еще ничего, а остальные торчали на чертовом диване и пялились в ящик, пока она готовила им ужин, и вообще вели себя как короли, а парочку из них вообще надо было обухом отоварить за то, как они с ней обходились. И поглядеть на их рожи при этом. И рывкнуть тому

жирному с мотоциклом, “хондой”, *это не твой, блядь, дом*, и он живо перестал бы скалиться, когда понял, что я сверну ему челюсть. Надо было бы, но, господи, какое у нее лицо, когда она слышит, что я такое говорю. И потом не разговаривает со мной несколько дней. Умник постоянно твердит: когда доживешь до сорока, вспомни, как эти козлы с ней обходились. И не будь козлом уже в молодости.

Он присел под деревом. Смотрел, как снег хлопьями ложится на траву, осознавал, что время идет и ему уже теплее, уютно сидеть здесь под елкой. Чудо, что именно Айзек спас его. И выглядит он невзрачно, и ручки, и запястья у него такие тоненькие, хрупкие. Изысканный, утонченный – вот подходящее для него слово, и для лица тоже, черты все такие нежные, не мужские совсем. Глаза громадные, пацаны дразнили его пучеглазым. Он был легкой добычей, но Поу всегда был рядом, защищал, и парню гораздо легче жилось. В те давние славные денечки Поу был королем. С тех пор прошло два года. И сейчас Айзек единственный, кто не смотрит на него сверху вниз. Остальные рады полюбоваться, как короля швырнуло с небес на землю, как он стал никем, – подобные истории все любят послушать. Люди, они такие – рады поглумиться над тем, кто был выше. Вот только это все в их дурных головах, потому как он никогда не считал себя выше или лучше. Таких иллюзий у него не было. Он всегда знал, что слава ненадолго. Он дружил с Айзеком, у которого не было других друзей, – а почему? Да потому что он ему нравился. Потому что Айзек был самым умным в Долине, а может и во всем штате, а Пенсильвания – немаленький штат. Хотя, возможно, ему казалось, что, тусуясь с Айзеком, он заработает очки у Ли.

Ветер, подумал он. Надо бы убраться отсюда. Но продолжал сидеть и вроде бы согрелся. Почти хорошо, наверное, стало теплее, точно потеплело на улице, но почему тогда в свете фонаря все еще кружатся такие красивые снежинки. Он не всегда защищал Айзека, верно. Айзек про это не знал, но такое случалось, этого не отменишь.

Зато бывало и такое, что сравнивало счет. Два месяца назад река замерзла, лед тонкий, Айзек посмотрел на него и говорит, мол, слабо, и взял и сошел с камня прямо на лед, сделал несколько шагов и провалился, и скрылся из глаз сразу. Поу запаниковал сперва, а потом прыгнул за ним, проломил ледяную корку, выволок Айзека из воды, они оба промокли до нитки и чуть насмерть не замерзли, Айзек едва не пропал в реке, как его мать. Если это не знак, тогда он и не знает, – он спас Айзека, а теперь Айзек спас его. Вот так понимаешь, что для всего есть причины.

Он смотрел на их трейлер, мать не хотела его покупать, но здесь много

земли, а отцу всегда хотелось обзавестись землей. Ну вот и получил, а потом они разбежались, и мать застряла в захолустье с этим трейлером. Она ведь училась в колледже, несколько семестров, все мечтала переехать в Филадельфию. Раньше, бывало, с самого утра уже красотка, а теперь даже в магазин отправляется в старых грязных штанах и с дурацким пучком на голове. И от твоих дел ей не легче, надо было поступить в колледж хотя бы ради нее. Так, лучше подумать о другом: завтра выглянет солнышко, а после всей этой слякоти травка зазеленеет и кролики повылезают из нор. Свежее мясо тебя вылечит. Жаркое с пивом на обед. Может, в морозилке осталось еще немного прошлогодней оленины, но разве есть что лучше свежего кролика, тушенного два-три часа, чтобы мясо от костей отходило. Или отбить как следует, обвалить в “бисквике”^[5] и поджарить. Да уж, настоящее мясо, дичь, перед играми он всегда им заправлялся, и сейчас все наладится. Давай поднимайся. Он словно смотрел на себя со стороны, издалека. Инглиш никому не проболтается, что друга за яйца лапали, раз он спас тебя – теперь ты его должник. Что ни говори, так оно и есть. Можно рассказать его сестре. Хотя ей наплевать. Не хочется вспоминать про Ли. Про Ли всегда думать тяжело, но особенно сейчас, да и замужем она, но ему ничего про это не сказала, ни одного проклятого словечка, хотя, конечно, он всегда знал, что это просто игра, так, ничего серьезного. Он смотрел на парящие в воздухе снежные хлопья, как же тепло тут под елкой, как приятно любоваться падающим снегом, что-то не так, подумал он, но никак не мог сообразить, что именно, так тихо вокруг.

* * *

Грейс Поу сидела в своем трейлере в том же бесформенном сером свитере, который носила теперь всегда и везде, даже выходя в город. Она не помнила, сколько времени уже сидит так, уставившись на коричневую внутреннюю облицовку ненавистного жилища. Телевизор выключила, чтобы спокойно подумать, наверное, с час назад, последнее время она предпочитала просто сидеть и размышлять, думать свои безумные мысли, представляла, как направляется в Вечный город, – этому путешествию никогда не бывать, она понимала. Воображала себя на скалистом побережье Италии, все эти старые замки и знойное солнце, жара и сушь. Хорошо для суставов. Вино рекой, и все вокруг загорелые.

За окном было темнее, чем обычно в это время, грозовые тучи скрыли город от солнечного света. Кажется, она видела сына на дороге к дому. Наверное, просто почудилось. Ты превращаешься в старуху, подумала она,

потихоньку сходишь с ума. Забавно это или печально? Решила, что забавно. Она сердилась на сына: дров нет, приходится кутаться в два одеяла, и она ведь немногого просит, просто наколоть дров и протопить дом. Нормально злиться в такой ситуации. Нет, они, конечно, не погибают от стужи, есть электрическое отопление, но стоит оно целое состояние, и речи нет о том, чтобы его включить. Лучше всего установить газовый котел, но она ненавидит этот трейлер и много лет надеется выбраться отсюда. Купить настоящий обогреватель, вложить деньги в этот чертов трейлер – все равно что окончательно сдаться. Уж лучше мерзнуть. Она встала, подошла к окну, вглядываясь сквозь свое отражение, но на дороге и в поле никакого движения – тихая пустота, как всегда. Никогда не думала, что будет жить в трейлере, и вообще не представляла, что поселится в деревне.

Она разглядывала свое отражение. Сорок один, почти седая, она перестала краситься, когда муж ушел, – назло ему или себе, не поймешь, и прибавила в весе, вон второй подбородок, складки на шее. Она всегда была крупной, но на лице это никак не отражалось. Кажется, даже глаза потускнели, едва заметны, будто старые фары. А совсем скоро у тебя будет такое лицо, что никак иначе тебя и не назовешь, только старухой. Прекрати упиваться жалостью к себе, оборвала она поток мыслей. Ты вполне могла бы тщательнее следить за собой. Правильно, что приняла обратно Верджила. Верджил не оставит печь без дров.

Что до Верджила, это она надеялась, но толку-то – тетки ее возраста, если у них есть работа, годятся на несколько недель, ну, может, месяцев. Каждый раз она строила планы, и каждый раз надежды рушились; все они желали, чтобы о них заботились, чтобы ужин сам собой появлялся перед носом. Половина из них даже сексом не особенно интересовалась, не получается – и ладно, вроде хоть в этом должно быть чувство собственного достоинства, но нет, ничуть. В библиотеке она подписалась на интернет-сервис знакомств, но все мужчины ее возраста искали женщин гораздо моложе, даже по барам для нее ничего не водилось, только за пятьдесят-шестьдесят; мужики хотят трахать девочек, которым годятся в отцы. Ну хотя бы Верджил вернулся. Ага, думала она, ему удобно же с такой тихой мышкой, как ты.

Снег повалил гуще, она заметила какое-то шевеление в дальнем конце двора, пьяный, подумала она, резвится, пишет мочой свое имя на снегу, а дров в доме нет. Несколько лет назад, сразу как ушел Верджил, она получила предложение работать в Филадельфии и почти приняла его, но у Билли так хорошо шли дела в школе, он играл в футбол, и она надеялась

тогда, что Верджил со дня на день вернется. Жизнь могла бы выглядеть совсем иначе: тридцать пять, квартира в большом городе, вечерние курсы, мать-одиночка – как в кино. Вышла бы замуж за адвоката. Закончила собственное образование. А вместо этого живет в Бьюэлле, в трейлере, со своим избалованным сынком, взрослым мужиком уже, во что только превратился, а ведь у парня было все, спортивная стипендия, колледж, но он решил остаться дома с матерью, сидеть голодным, если она не приготовит ужин. Любопытно, с чего это она в таком дурном настроении. Может, случилось что.

Надо бы выйти на крыльцо. Ногам холодно и мокро, но вокруг очень красиво: все белоснежное – деревья, трава, пустой соседский дом, как на картине, правда; весенний снегопад, зеленая трава присыпана снегом, покой и безмятежность.

– Билли, – окликнула она тихонько, и ее голос разрушил тишину.

Сын сидел под деревом. Что-то здесь не так. Волосы запорошило снегом, и куртки на нем нет. Грейс перегнулась через перила крыльца. Сын не отвечал.

– Билли, – позвала она. – Иди в дом.

Он не шелохнулся.

Она выскочила во двор босиком, подбежала. Глаза его чуть приоткрылись, взгляд остановился на ней, потом помутнел. Лицо мертвенно-белое, на шее глубокий порез, кровь залила футболку и застыла.

– Вставай, – уговаривала она, трясла его изо всех сил.

Попыталась поднять, но сын был чертовски тяжел, нет, подумала она, так не пойдет, просунула руку ему под плечо, но он никак не пытался помочь, слишком тяжелый, не поднять, он, похоже, не понимает, где он и кто рядом с ним. Так окоченел, на ощупь просто бревно или камень.

– Поднимайся! – завопила она, и снегопад приглушил вопль.

Он медленно встал, покачиваясь, и вот они уже оба стоят, и она уговаривает его сделать шаг, нам надо идти, надо идти домой.

Она приволокла его в дом, затолкала в ванну прямо в одежде. Пустила горячую воду, стянула с него обувь. – Что случилось? – спрашивала она, но глаза неподвижно уставились в пространство.

Горячая вода лилась в ванну, но он тупо смотрел прямо перед собой. Не узнавал ее. Вода стала грязной, как в болоте. И вонища какая. Она отстраненно подумала, когда же он мылся в последний раз, бросил следить за собой, да, когда его уволили, он вошел в штопор, уж она-то должна была понять. Решила, что парень должен сам найти собственный путь. Неправильное решение. Кожа абсолютно белая и ледяная, она затолкала

его поглубже в воду.

Комната наполнилась паром, струпья на шее отмокли, порезы закровоточили, и вода почти почернела от грязи и крови. Опустившись на колени, она плескала теплой водой ему на лицо. Ледяное тело охлаждало воду, и она спустила ее немного и добавила еще горячей. Через несколько минут он затрясся, отогреваясь. Она не помнила, можно ли согревать человека так быстро. Помнила, что чего-то делать нельзя, что если слишком быстро согреть, человек может умереть, кажется. Усадила его в ванне, смазала порез на шее йодом, теперь на майке образовалось еще и коричневое пятно.

– Давай-ка разденемся, – ласково проговорила она с теми самыми материнскими интонациями, которых не слышала от себя уже много лет.

Он позволил ей стянуть с себя футболку. Она расстегнула пряжку ремня, пуговицу на тесных джинсах, попыталась стащить их, но он держал джинсы двумя руками – штаны снять не позволит.

– Билли.

Он молчал.

– Пусти.

Пустил, и она с трудом высвободила его ноги, аккуратно оставив трусы на месте. Кровь из раны на шее потекла сильнее, очень прямой и глубокий порез, ножом, догадалась она, как срез на куске мяса, она увидела там что-то белое, неестественное, наверное, сухожилие или другая ткань. Не помнила, заперла ли дверь. Верджил оставил ружье, но она не знала, где патроны.

– Кто-нибудь гнался за тобой? – Потрясла его за плечи: – Билли. Билли, кто-нибудь преследует тебя?

– Нет. – Он постепенно приходил в себя.

– Посмотри мне в глаза.

– Никто не придет, – повторил он.

Перед глазами поплыли темные круги. Просто здесь слишком жарко, уговаривала она себя. Голова была абсолютно ясной. Когда ты в следующий раз увидишь его в таком виде, это будет уже в другом месте – на столе в больничном подвале. Она медленно начала складывать его джинсы, он обмочился, когда его резали. Увидев штаны у нее в руках, он резко очнулся, покраснел и сел. Она наклонилась поддержать его. Он взял джинсы у нее из рук:

– Я сам постираю.

* * *

Едва она вышла, Поу содрал с себя трусы и отскреб изо всех сил места, за которые бродяга его хватал. Рана на шее саднила, и он вспомнил, как думал, что Айзек бросил его, всего на секунду он подумал, что чертов Айзек бросил его там, а потом почувствовал лезвие на шее. Почувствовал, как нож рассекает кожу, и обоссался, чего они и ждали. Он бы меня порезал, Хесус, его звали Хесус, этого мексиканского хуесоса, который до сих пор бродит где-то живой; я не жестокий человек, но если я его найду, привяжу к палке, как оленя, и сдеру с него шкуру. Поу представил, как бродяга будет орать, и от одной мысли, как будет визжать этот Хесус, когда Поу примется заживо сдирать с него кожу, у него встал; а может, он его сначала выпотрошит, разделает на куски и развесит кишки так, чтобы Хесус мог ими полюбоваться. Боже правый, подумал он, ты только послушай себя. У тебя точно мозги не в порядке. Он плеснул себе водой в лицо. Мексиканец так крепко тискал его яйца, что тошнота подступила. Вот тогда он и обделался. *Я не шучу*, сказал Хесус, *я их отрежу, если не уgomонишься по-быстрому*. Он чувствовал дыхание другого мужика и спиной чувствовал, как бьется его сердце, так же как чувствуешь сердце девчонки, когда лежишь на ней, и это было настолько, блядь, омерзительно, и он позволил этому случиться, хотелось сунуть голову обратно в воду и никогда больше не выныривать.

* * *

И еще он помнил тот дьявольски громкий хруст, больше похожий на пистолетный выстрел, мексиканец отпустил его, и Поу ринулся к двери. Он увидел Отто, глаза выпучены, кровяца хлещет изо рта и из ушей. Айзек ждал у двери, отличный парень Айзек, никаких сомнений, чертов настоящий мужик. Хотя про себя он теперь не уверен, после этого момента истины, не уверен, что сам он способен на такое ради другого человека. Он, оказывается, не из таких, вот в чем штука-то. Вот что он узнал про себя. А вот Айзек – Поу хотел бы так, да не смог. Не смог бы заставить себя сделать шаг, ноги бы не пошли. Он всегда подозревал такое за собой, а теперь вот наверняка знает. Но ради Айзека я бы вернулся, подумал он. Ради кого другого нет, но за него – точно.

* * *

Он знал, что Отто до сих пор лежит там, где упал. Дружки не станут его хоронить – хоронить труп, да вам конец, если застукают за этим делом. Может, они все же пошли к Харрису, все знают, что Харрис терпеть не может бродяг, но эти парни наверняка не в курсе. Вдруг они ему все

расскажут, и Харрису ничего не останется, как начать расследование. Он путался с мамой какое-то время. Интересно, было у матери что-нибудь с шерифом Харрисом? Да точно было. Но Харрис вытащил Поу из переделки с тяжкими телесными. Тогда Поу сошло с рук то, что он сотворил с парнем из Доноры. На этот раз Харрис ему не поможет.

* * *

Наконец он отмылся, оделся и вышел в гостиную. Настолько измотан, что с трудом держался на ногах. В доме темно, но тепло, мать погасила везде свет и, судя по запаху разогретой пыли, включила батареи. Он почувствовал себя виноватым, но на душе полегчало.

– Кто-нибудь еще был с тобой? – спросила она.

– Айзек Инглиш.

– Он в порядке?

– Лучше, чем я.

– Твой отец возвращается.

– Ты ему рассказала?

– Нет, просто хотела тебя предупредить.

– Это означает, что он возвращается навсегда?

– Пока не знаю. Посмотрим.

Он сел на другой конец дивана, но она потянула его к себе, и он опустил голову ей на колени. Закрыв глаза и тут же забыл о мексиканце, он слышал только ее дыхание где-то в глубине живота, и все стало хорошо, и он мгновенно уснул.

Проспал с полчаса, а потом подъехал отцовский фургон. Поу тут же подскочил, мать строго посмотрела, он выдавил кривую улыбку, но точно сейчас не выдержал бы срача с Верджилом. Поэтому ушел к себе.

Он слышал, как разговаривают мать с Верджилом. Скоро начнут орать или трахаться. Вернее все же орать – он достаточно знал своего папашу, чтобы прикинуть, к чему дело идет. Но следующим звуком, который донесся до Поу, был стук топора, Верджил колот дрова вместо Поу. Черт, подумал он, черт черт черт, надо было пойти и сделать это, а теперь уже поздно, он профукал шанс, и теперь у старика сто очков форы.

Опять вспомнил про Отто, надо бы позвонить шерифу Харрису, он все же вытащил тебя из прошлой переделки, хотя и тут, пожалуй, опоздал – теперь они с Айзеком точно будут под подозрением. История-то непростая. Формально Швед ничего и не сделал. Собирался, точняк, но по факту только дал пару тумачков. Поу представил, как он лежит там на полу старой мастерской с разможенной головой, и почувствовал себя виноватым. А

ведь мог бы сейчас учиться в колледже, ходить на занятия, его школьный тренер, Дик Кеннеди, старый Дик, пристроил Поу в целых три колледжа; и тот, что Колгейт, штат Нью-Йорк, совсем неплохой, но он заявил, будто не готов. На самом деле, конечно, он был готов, и если бы к нему не приставали со всех сторон, уехал бы в колледж. Но когда все вокруг только и орут на тебя, приказывая, что делать... Вот он взял и послал их всех на хрен, всему городу показал средний палец, променял колледж на работу в магазине “Тернер Эйс”. А теперь он еще раз всех пошлет, возьмет и свалит в колледж. Тренер из Колгейтского велел звонить в любое время, в любой момент – если вы передумаете, мистер Поу. Ну вот я и передумал. И позвоню.

Похоже, в голове все встало на место, теперь все пойдет на лад. А потом он вспомнил: куртка. Куртка валяется в той мастерской, спортивная куртка, на которой его имя и номер, – прямо рядом с трупом и вся в крови наверняка. Тело найдут, это вопрос времени, и придут они не за Айзеком Инглишем. Это у Билли Поу дурная репутация, это он чуть не прикончил того парня из Доноры, и что с того, что это была самооборона, никто же не видел.

Надо забрать куртку и спрятать тело. Сбросить в реку, решил Поу. Сколько оленей он перетаскал из лесу – невелика разница. Есть, конечно, разница. А вот другого выхода нет. Им придется туда вернуться.

3. Айзек

Айзек не спал, утром он слышал, как старик возится внизу. Когда он вернулся вчера вечером, они молча посмотрели друг на друга, кивнули, старик ни слова не сказал о пропавших деньгах. Из окна своей комнаты на втором этаже Айзек видел, что на холмах снег уже растаял. Вспомнил, как выглядывал из этого же окна по ночам, когда завод еще работал, и как ночное небо было залито красными отсветами. Полустертые воспоминания юности. Не первый мертвый бродяга в этом году. Еще одного нашли в старом доме в январе. Умер от холода. Этот, правда, не умер – убит. В чем вся разница. Не спустишь на тормозах.

Странное время года, и не весна, и не зима – на некоторых деревьях уже листья распустились, а другие стоят совсем голые. Сегодня будет теплый день. Холмы, ложбины, укромные местечки – уютно. На сотни миль ни одного плоского участка. Легко спрятаться где угодно. Но со Шведом это ничем не поможет. Рано или поздно Шведа найдут, и все будут против тебя – мертвый человек, а у него мать отец брат сестра. Я, скажем, тоже человек. Нельзя, чтобы мертвые люди лежали где попало. Собаку можно бросить гнить – человек другое дело. Интересно, а собакам любопытно, что это за мертвый пес валяется? Нет, ты же видел, они пробегают мимо не оглядываясь. Для собак естественно, что где-то могут попадаться мертвые собаки.

Все изменилось. Это еще твоя комната, но скоро перестанет быть твоей. Фотография матери над столом, она улыбается, молодая, симпатичная и застенчивая. Несколько наград с научной выставки, первый приз за седьмой, восьмой, девятый класс. А после нет – они не понимали твои проекты. Ты осознавал, что так будет, но все равно шел вперед. Кварки и лептоны, теория струн, а потом получил урок. Половина из них думали, что Земле четыре тысячи лет. Остальные немногим лучше – Полковник Бойд рассказывал классу, что раньше у людей были жабры, но исчезли, когда мы перестали ими пользоваться. *Вообще-то*, попытался ты возразить, *это классическая теория Ламарка. Не думаю, что люди до сих пор верят в подобные глупости.* Ну и схватил “С”^[6] за то, что выставил его дураком. С тех пор и получал одни “С”. Естественно, Полковник Бойд обожал твою сестрицу. Почему? Да потому что она говорила людям то, что они хотели слышать. Даже если ее одноклассникам втюхивали ложные теории.

Айзек вернулся к окну. Он всегда восхищался способностью сестры легко ладить с людьми, пытался у нее научиться. Только сейчас осознал цену – она лжет гораздо легче, чем ты. Как и старик. Нет, все-таки старик – это другое. Не понимает и не интересуется никем, кроме себя. Ну а ты как бы вел себя на его месте – перелом позвоночника в области L1, прогрессирующая нейропатия. Или, к примеру, Стивен Хокинг – твой любимый гений-калека, бросает жену. Двадцать шесть лет она меняла ему подгузники, а потом – прости, дорогая, думаю, пришло время для новой модели. Они со стариком отлично друг друга поняли бы.

Глянув на часы, он постарался припомнить, когда должен прийти Поу. Они договорились во сколько? Нет, не помню. Нетипично. Надо взять на заметку.

С улицы донесся звук подъезжающей машины, он подпрыгнул и бросился к окну, готовясь увидеть белый седан, – копы? Нет. “Мерседес”. Автомобиль Ли. Вероятно, выехала из Коннектикута глубокой ночью, чтобы добраться сюда к утру. Смотрел, как она паркуется. Узнала, что ты украл деньги, вот и примчалась. Черт. На душе стало еще гаже. “Мне безразлично”, – громко произнес вслух. Она сама еще хуже поступила. Точно? Довольно трудно объяснить, что она сделала не так. Бросила меня здесь. Обещала, что вернется, и не вернулась. А между тем машина, на которой она приехала, дороже, чем этот дом.

Он слышал, как она вошла, поздоровалась с отцом, а через пару минут ее шаги на лестнице. Нырнул под одеяло, притворился, что спит.

Ли потопталась за дверью, потом осторожно приотворила, совсем чуть-чуть. Легкий сквозняк. Постояла, должно быть, глядя на него, но он не открыл глаза. Чувствовал, как тело каменеет от напряжения, но старался дышать ровно. Представлял ее лицо, очень похожее на мамино, такая же смуглая кожа, высокие скулы, темноволосая. Она была очень привлекательной девушкой.

– Айзек? – прошептала Ли, он не отозвался.

Она постояла еще пару минут, потом прикрыла дверь и ушла.

Я правильно поступил? Не знаю. Сколько обещаний должен нарушить человек, прежде чем перестанешь его прощать? Очень долго, почти всю жизнь на самом деле, было иначе. Они с сестрой читали мысли друг друга, в любой момент точно знали, чем занят другой, в школе или в дальней части их ветхого кирпичного дома. Если выдавался тяжелый день, он приходил к сестре в комнату, пристраивался в ногах ее кровати, а она читала или делала домашние задания. Он шел сначала к ней и лишь потом к матери. Они втроем, Айзек, Ли и мама, были семьей внутри семьи. А

потом мама покончила с собой. А Ли уехала в Йель. Он ездил к ней однажды, сестра водила его по кампусу, все эти высокие каменные здания, увитые плющом, и он понимал, что она часть этого мира и он когда-нибудь последует за ней, но вот ему двадцать, а он все еще тут, в Бьюэлле. Такие дела.

Ничто не вечно. Швед вернется в землю, кровь высохнет и обратится в пыль, черви и бактерии превратят плоть в гумус. Прекрасная черная почва означает, что здесь кто-то похоронен. Что может быть уликой – кровь, волосы, отпечатки пальцев, следы обуви, – он не представлял, как от всего этого можно избавиться, а перед глазами стояло лоснящееся лицо Шведа и кровавые отблески огня на нем. Он не отрывал взгляда от точки между глаз Шведа, даже когда шар уже вылетел из руки. Целился. Сконцентрировался, чтобы попасть туда. Пытался припомнить руки Шведа, держал ли он оружие, но, похоже, нет. Ничего в руках не было. Безоружный человек, самые страшные слова. Зачем ты швырнул в него эту штуку? Потому что увидел его лицо. Потому что не мог бросить в мексиканца – задел бы Поу. Мексиканец прижал нож к горлу Поу, но убил ты не его. Тот, что умер, просто стоял в стороне.

Вот оно, объяснение. Свой в обмен на чужого. Мертвый Швед против живого Поу. Десять мертвых шведов или сотня. Сколько угодно, если это враг. Спросите любого генерала. Любого священника – в Библии погибли миллионы, нет проблем, если Бог одобрительно поднял большой палец. Даже дети – бери и разбивай младенцев об камни и говори, что Иисус тебе приказал^[7]. Слово Господа и руки человека. У Бога нет других рук, кроме твоих. Сделал дело – умой руки.

* * *

Незадолго до полудня он заметил Поу на краю поля, ярдах в двухстах, торопливо оделся, натянул ботинки и куртку и вылез в окно. Сестра заходила еще раз, проверить, спит ли он, но он запер дверь.

Оглянувшись на дом – громадное здание в стиле георгианского Возрождения, построенное для одного из управляющих завода, – Айзек заметил старика, сидящего на заднем крыльце в своем инвалидном кресле: широкая спина, тонкие руки, седые волосы, любит окрестностями. Леса с проплешинами пастбищ, темно-коричневые пятна свежевспаханых участков, петляющие цепочки зеленых деревьев вдоль далеких ручьев. Умиротворяющая картина, и непонятно, старик дремлет или нет. Как старый плантатор, озирает свои владения – сколько ему пришлось трудиться, чтобы купить этот особняк. Как гордился он домом, и

посмотрите на него теперь. Неудивительно, что ты все время чувствуешь себя виноватым.

Пробираясь сквозь высокую траву, Айзек направился к рощице в низине, где бил родник, он знал все здешние деревья – серебристый клен, и белый дуб, и кария бахромчатая, и ясень, и лиственница. Здесь рос багряник, который посадили они с отцом, как раз сейчас он цветет, розовое пятно на фоне зелени прочих деревьев. Иудино дерево. Подходящее название. Поу сидел в тени, ждал его.

– Никто к тебе не заглядывал? – спросил Поу.

– Нет, – ответил Айзек.

– А чья это машина?

– Ли. Наверное, нового мужа.

– А. – Поу на миг оторопел. Потом нашелся-таки: – “Бенц” Е 320, круто. – Он все смотрел на дом.

Они пошли через лес к дороге, шурша прошлогодней опавшей листвой, вдыхая сладковатый запах.

– Это глупо. – Поу посмотрел на Айзека. – В смысле, я не вижу другого способа, но все равно это идиотизм.

Айзек молчал.

– О господи, – выдохнул Поу. – Спасибо.

Они перешли через дорогу и, пробравшись через заросли ольхи, спустились к реке. Если не считать легкой прохлады, ничто не напоминало о вчерашнем снегопаде, и они брели по галечному берегу, перебираясь через темные мшистые камни, а над ними голубое небо, в лощинах пробивается зелень, жимолость и черемуха, старый клен навис над водой, склон под ним почти осыпался.

Прошли мимо старого грузовика, наполовину завязшего в песке. Айзек вдруг сообразил, что на нем могла остаться кровь, он же не принял душ, вообще не мылся, ничего. Но не могла же она брызнуть так далеко, двадцать, а то и тридцать футов. Неважно. Все равно это чертовски глупо.

По большой дуге обошли город, через лес, чтобы никто их не видел. Только ближе к вечеру впереди между деревьями показались руины старого завода.

– Давай просто зайдем и покончим с этим. – Поу достал сигареты, но продолжал неловко мять пачку в руках, и, хотя было совсем не жарко, на рубахе у него проступили пятна пота.

– Надо дожидаться, пока стемнеет. Придется тащить его к реке часа полтора.

– Это безумие, – простонал Поу.

– Безумием было вчера останавливаться здесь.

– Слушай, до ближайшей дороги не меньше полумили. Да пока сюда кто-нибудь забредет, пройдет несколько месяцев, если не лет.

– Там твоя куртка.

– Считаешь, я должен был подхватить ее, выбегая. Наверное, этот парень с ножом у моего горла меня немножко отвлек.

– Я понимаю.

– Меня ломает туда опять соваться.

– Великий охотник. Он запросто выпускает кишки оленю, но когда дело касается парня, который реально пытался его прикончить...

– Это, блядь, большая разница, – буркнул Поу.

– Ну, надо было думать об этом вчера.

– Я оказался в этой вонючей дыре только из-за тебя, – напомнил Поу.

Айзек развернулся и ушел к воде. Отыскал на берегу камень побольше, сел на него. Река здесь средней ширины, ярдов сто, а глубиной девять-десять футов. Девять футов. Пять морских саженей. Годится и для твоей матери, и для Шведа. Лишенный сердца и свободный от плоти. Прислушайся только, подумал он, приди в чувство. А ведь воображал себя спасителем человечества.

Чуть позже появился Поу, они молча смотрели на воду, прислушивались – шорох прошлогодних листьев, пронзительное кряканье цапли, стук лодочного мотора вдали.

– Ты же понимаешь, просто так не обойдется. Какой-нибудь долбаный хрен на гидробайке наткнется на него уже завтра к обеду, зуб даю. Дерьмо не испарится волшебным образом, даже если сбросить его в реку.

– Не хитрое дело утопить труп, – сказал Айзек.

– Господи Иисусе, Умник. Только послушай нас.

– Все уже свершилось, – вздохнул Айзек. – И притворяться, что мы можем легко отделаться, только хуже. Поу покачал головой и опустился на гальку в отдалении.

Солнце висело уже низко над холмами на другом берегу реки, прекрасная картинка, сидеть и глазеть на воду, но на самом деле все не так. Ты здесь только гость. Смотришь на солнце и думаешь, оно твое, но солнце садится за те холмы уже пятнадцать тысяч лет – со времени последнего ледникового периода. Ледниковой эпохи, поправил он себя, не всего периода. Когда формировались те холмы. Здесь пролегалла граница висконсинского оледенения. А теперь здесь живешь ты. Временный житель подсолнечного мира. Верись, что твоя мама будет с тобой всегда, а она умирает. Пять лет прошло, а все не доходит. Исчезла в один миг. И ты

исчезнешь. И все, что ты видишь, умрет вместе с тобой, – камни солнце небо. Любуешься закатом и думаешь, что он принадлежит тебе, но тысячи лет солнце всходило без тебя. Нет, несколько миллиардов лет. Такие числа даже в голове не укладываются. Единственный, кто вообще осознает твое существование, это ты сам. Рождение и смерть умещаются между двумя ударами пульса планеты. Вот почему человек верит в Бога – тогда он не одинок. Раньше верил. Это мама научила меня верить. И разрушила веру тоже она. Прекрати. Тебе повезло вообще родиться на свет. Не превращайся в нытика.

Есть факты. В твоей власти решить, что с ними делать. Она пролежала под водой две недели с несколькими фунтами камней в карманах. Мотай на ус. На этот раз примерно то же самое. Его обнаружат на плотине, выволокут багром. Или упустят – Отец Вод^[8], все дела, долгое плавание. Рыбы знают свое дело. Жертва так ничего и не поймет. Под покровом воды останутся одни кости. В Судный день восстанет. Не будет этого, подумал он. Невозможно. За вычетом воды основную массу тела составляет углерод. Молекулы, образующие тебя, рассеются, будут расколоты на атомы и частицы, кварки и лептоны. Ты получил тело от планеты, а она – из Вселенной. Это краткосрочный заем. За тот срок, что планета моргнула, ты успеваешь родиться, умереть, а твои кости – распасться на химические элементы.

Они дождались, пока солнце село, и только потом медленно поднялись. Небо залито багровым светом, стаи летучих мышей носились в воздухе, хлопая крыльями. Рановато для них, еще несколько недель до лета.

– Глобальное потепление, – заметил Айзек.

– Слушай, мне очень жаль, правда, – сказал Поу.

– Забей. – И он побрел через высокую траву, а Поу нехотя поплелся следом.

Они то скрывались в тени деревьев, то выбирались на просеку возле железнодорожных путей. На лугу посидели немного за старыми вагонетками в зарослях шиповника; они хорошо замаскировались, но Айзек ощущал, что поджилки у него трясутся. Око за око. Выключи мозги хоть на минутку. Он пока не воняет. Только не смотри в лицо. Хотя все равно придется – как же иначе тащить.

Он оглянулся на Поу, который нервно скалился. Бледный, мокрые от пота волосы прилипли ко лбу, сунул руки в карманы, будто старается стать поменьше размером. Выйдя на опушку, они остановились и внимательно осмотрели открытое пространство впереди. Отчего-то завоняло кошачьей мочой, запах стойко держался, и Айзек догадался, что пахнет от него. Это

запах страха. Адреналин. Будем надеяться, что Поу не заметит.

Трава вокруг мастерской вытоптана, земля изрыта колесами, повсюду следы протекторов. Вверх на холм вела полuzаросшая просека, которую они не заметили накануне, сейчас она вся изъезжена до слякоти. А наверху черно-белый “форд” Харриса. И сам Харрис наблюдает за ними через стекло.

4. Грейс

К югу от Бьюэлла шоссе уходило в сторону от реки, и глубокую тенистую долину прорезала узкая дорога, скрывающаяся в тени деревьев. Грейс ехала мимо заброшенных деревенок, разрушенных бензоколонок, опустошенных угольных шахт с огромными полями терриконов вокруг, похожих на песчаные дюны; серые и безжизненные, и никогда ни одно зерно не прорастет здесь. Старенький “плимут” поскрипывал, перебираясь с ухаба на ухаб, Грейс думала про Бада Харриса, так и не решив, стоит ли ему звонить, не сделает ли тем самым хуже для Билли. Только бы Билли не убил никого.

В последние годы ее настиг наследственный артрит, любая перемена погоды отзывались в суставах, теперь она могла шить лишь пять-шесть часов в день, пока руки не превращались в скрюченные клешни. Как-то раз профсоюзный хмырь рыскал по мастерской, вынюхивал, дожидаясь за дверями до закрытия, это он тогда предположил, что все дело в “туннельном синдроме” и артрит вовсе ни при чем. Травма – обычная история, говорил он, а вот артрит в вашем возрасте – маловероятно. К сожалению, профсоюзный босс махнул рукой на их мастерскую, потому что ни одна из женщин не захотела с ним разговаривать – знали, что тут же потеряют место. Да и не так уж плохо было работать у Штайнера. Грейс понимала, что из большой фирмы ее давным-давно попросили бы, с ее-то мудреным расписанием, а вот Штайнер позволял любые вольности. Гибкий график, так он это называл. До той поры, пока ты приносишь ему прибыль. Жалованье платил по браунсвилльским расценкам, а продавал ее свадебные платья в самой Филадельфии, по ценам мегаполиса, и постепенно разворачивал бизнес в Нью-Йорке. Но весь вопрос в том, насколько этого заработка хватит Грейс, – жизнь-то дорожает, а подработать можно только в “Волмарте”, дешевых забегаловках или в “Лоу”, и везде нужны здоровые руки, а платят гроши. Да еще надо дожидаться, пока освободится место. Получив работу, даже самую паршивую, люди держатся за нее. Год назад она попыталась устроиться к “Венди”, ради эксперимента, но продержалась всего неделю.

Надо принимать реальность как есть. Вот и мать ее надрывалась в трех местах, пока к пятидесяти шести не заработала аневризму, но Грейс, в отличие от матери, предпочитала сохранить чувство собственного достоинства. А это означает, что от тебя не должно вечно нести

прогорклым жиром и тобой не должны помыкать наглые подростки, да еще за жалкие пять пятнадцать в час. Нет ведь ничего особенного в том, чтобы жить с достоинством. В остальном она не многого требовала.

Грейс ехала в Браунсвилль вдоль реки, миновала несколько мостов, и вот уже центр города. С парковкой никаких проблем. Это раньше здесь кипела жизнь, а теперь глушь и уныние, десятиэтажные офисные здания опустели, кирпич и камень заросли копотью. В центре почти как в Европе, ну, по крайней мере, какой она видела Европу по “Трэвел Чэннел”: узкие извилистые улочки, мощенные булыжником, спускаются по склону холма и теряются среди домов внизу. Красота. Направляясь к старым складам, она прошла мимо небоскреба-утюга, на котором красовалась памятная табличка. Второе такое здание находится в Нью-Йорке, только там оно, конечно, не настолько заброшенное.

К часу дня руки заныли с такой силой, что стало ясно: пора прекращать. Слава богу, подумала она, сегодня суббота. Выходной вообще-то. Но, как обычно, почувствовала себя виноватой и задержалась еще, пока не закончила два длинных шва на платье, которое шила к свадьбе в Филадельфии. Платье продадут за четыре тысячи долларов – годовая рента за трейлер Грейс. Она пошла к Штайнеру поговорить, нервничая, как всегда – всякий раз готовилась услышать, мол, все, свободна, можешь больше не приходить. Но Штайнер – стройный, не по сезону загорелый, в рубашке поло, остатки седых волос зачесаны на макушку – улыбнулся, подняв голову, и сказал: “Поправляйся, Грейс. Спасибо, что пришла”. Он не сердился. Он был доволен, что они все явились в мастерскую в свой выходной день, чтобы закончить выгодный заказ. Продолжайте зарабатывать для меня бабки, ага.

Еще не выйдя на улицу, она уже всю мечтала о горячем полотенце, которым обернет руки, как только вернется домой, и тело ее обмякло в предвкушении, а Грейс подумала: а ведь это и есть старость, когда самое большое удовольствие – если ничего не болит. Она попрощалась с остальными работницами. В просторном фабричном помещении полы выкрашены белой краской – ради чистоты, здесь слишком много места, им столько не нужно, а холод такой, что каждая держит под скамейкой обогреватель. Они работают с дорогими тканями, это вам не джинсы шить. Дженна Херрин и Виола Графф бросили дружеское “пока”, другие кивнули или приподняли мизинец. Все знали, сколько стоят платья в магазине, но предпочитали об этом не рассуждать; их работу запросто могли выполнить за пару долларов в день где-нибудь в Южной Америке. Может, качество будет и похуже, но ненамного. Просто Штайнер слишком стар и ленив,

чтобы заводить там производство.

Она спустилась на грузовом лифте, медленно побрела по узким улицам, вечно скрытым в тени пустых высотных зданий, постепенно выбираясь к солнечному свету. Дойдя до вершины холма, где стояла припаркованная машина, она уже запыхалась. Оттуда открывался роскошный вид: зеленая долина, холмы, река, пробившая себе путь между крутых утесов. Грейс задержалась, разглядывая длинный караван барж, не меньше дюжины, ползущий под двумя высокими мостами, переброшенными над тесниной. Прекрасное место для жизни. Но пейзажем не заработаешь, и вообще Штайнер в любой момент может перенести бизнес куда-нибудь еще.

В прошлом году она наведлась в университет в Калифорнии, городке за рекой, посоветовалась с куратором, он прикинул, что до бакалавра ей учиться четыре года – если по вечерам, по два предмета в семестр, и она вообще не уверена, что потянет. И чем платить за обучение? Кредит дают, если учишься очно, а она и так вечно опаздывает с оплатой счетов. Забудь, приказала Грейс себе. Живи безмятежно.

Она села в машину и направилась в Бьюэлл по лесной извилистой дороге. На скале, нависающей над трассой, стоял здоровенный черный медведь, густая весенняя шерсть лоснилась на солнце. Зверь лениво проводил взглядом машину. Да, медведи возвращаются в эти места, как и олени с койотами. Похоже, только у зверья дела идут прекрасно.

На окраине Бьюэлла, в широкой речной долине, все еще стояли старые заводские корпуса; она проехала мимо дома, в котором выросла, – полуразрушен, окна выбиты, черепица осыпалась. Грейс отвернулась. Она помнила, как звучал гудок, означавший конец смены, как улицы тут же заполняли толпы мужчин и встречавших их жен, еще двадцать лет назад жизнь в Бьюэлле кипела, даже не верится; никто и помыслить не мог, что все рухнет настолько стремительно. Грейс вспомнила, как подростком верила, что обязательно уедет из Долины, что не станет женой сталевара, – нет, уедет в Питтсбург или еще дальше. В детстве, бывало, выйдешь из школы, а воздух серый от копоти настолько, что зажигали фонари среди дня, и машины ездили с включенными фарами. И белье нельзя вывесить на улице – снимешь с веревки совсем черное.

Она планировала отъезд, ни о чем другом думать не могла. Но когда ей исполнилось восемнадцать, вернулась со школьного выпускного бала и обнаружила на дорожке перед домом новенький “пинто” и стопку зарплатных чеков. Чья это машина? – спросила она у отца. И тот ответил: твоя. В понедельник начинаешь работать в “Пенн Стил”. Прихвати с собой аттестат.

И тогда, и сейчас – всегда находится мужчина, который все решает за тебя. Год она отработала в прокатном цехе, где и познакомилась с Верджилом. Потом забеременела, они поженились. Она иногда задумывалась, а не затеяла ли это, чтобы сбежать с завода. Впрочем, о чем тут думать-то. Едва выйдя замуж, она пошла учиться, сначала беременная, потом с младенцем под мышкой. Но перед самыми экзаменами начались сокращения на заводе. Верджил продержался целых шесть заходов, но потом настал и его черед. В те времена, чтобы сохранить работу, надо было иметь солидный стаж – сначала десять лет, потом пятнадцать. У Верджила было пять. Он так гордился своим статусом квалифицированного рабочего – выбился в люди единственный из семьи, родня у него типичная деревенщина, из поселка-“заплатки”, отец ни дня в жизни не работал.

Все полетело под откос. Они все ждали и ждали, пока заводы опять откроются. Но увольнения все продолжались, по всей Долине, а потом производство совсем остановилось, а у Грейс был маленький ребенок, и на этом ее учеба закончилась. И работы никакой, вообще. И ни гроша за душой. Кузен Верджила, отрубивший девять с половиной лет на заводе, имевший приличную зарплату, чудесный дом с бассейном во дворе, он в один день потерял и дом, и жену, и дочь. Банк отобрал жилье, жена увезла дочь в Хьюстон, а кузен Верджила ворвался в свой собственный дом, взломав замки, и застрелился в кухне. Кого ни спроси в Долине – у каждого наготове похожая история, просто фильм ужасов. Вот тогда-то Верджил опять начал общаться со своим семейством. И стал потихоньку меняться. Постепенно приходил к мысли, что и сам он ничуть не лучше той грязи, из которой вырос.

Страшные времена настали. Трейлер изъяли за неуплату кредита, но тут люди принялись пикетировать распродажи имущества должников, держать винтовки в багажниках автомобилей, а как-то раз, когда коллектор принялся качать права и наезжать на шерифа, мужчины перевернули его “кадиллак” и подожгли. Чтобы предотвратить самоубийства, судья наложил мораторий на конфискацию имущества. А позже мораторий стал законом. Так им удалось сохранить трейлер, а кормились за счет благотворительной еды и оленей, которых незаконно добывал Верджил. Вот почему она не выносит даже запаха оленины. Два года они питались исключительно дичью.

Эти два года Верджил изучал робототехнику на курсах переподготовки, но в итоге знания нигде негодились – такой работы в городе попросту не существовало. Потом он нашел место на судостроительной верфи, где строили баржи, но и это предприятие закрылось – баржи и речные суда

теперь клепали в Корее, где всем бизнесом заправляли наши правительственные шишки.

Жизнь в трейлере стала проклятием. Мы могли бы хоть переехать куда-то, размышляла она, начать все заново. Но трудно принять решение, понять, куда выгоднее ехать. Мужчины перебирались в Хьюстон, Нью-Джерси, Вирджинию, жили вшестером в комнатках мотелей и посылали семьям деньги, но в конце концов почти все вернулись. Уж лучше бедствовать и маяться среди своих.

Сто пятьдесят тысяч безработных не оставляли шансов на перемены к лучшему, но у них с Верджилом не было родственников в других штатах. Замкнутый круг: чтобы сняться с насиженного места, нужны деньги, но чтобы их заработать, надо переехать. Заводы стояли закрытыми, время шло, и в итоге почти все снесли. Грейс помнила, как люди приходили поглазеть, как взрывали динамитными зарядами новенькие, в двести футов высотой, доменные печи по прозвищу Дороти Пять и Дороти Шесть. Это было как раз вскоре после того, как террористы взорвали Всемирный торговый центр. Никакой связи, понятное дело, но отчего-то одно напомнило ей другое. Да, некоторые места и люди гораздо важнее других. На восстановление Бьюэлла и цента не потратили.

Грунтовка закончилась, и Грейс свернула к своему трейлеру. Верджил обещал быть дома к двум, а сейчас уже почти четыре. Опять не держал слова. Ты знала, что так и будет, напомнила она себе. Она позвонила в Кризисный центр для женщин в Чарлрой, сообщить, что на этой неделе не сможет поработать там волонтером, и ощутила короткий укол горечи, это была ее “линия жизни”, спасательный трос, связывающий с остальным миром; там работали разные люди – учительница, пара юристов из Питтсбурга, финансовый аналитик. Вот кем она хотела стать, если бы смогла закончить образование, – социальным работником.

А почему бы и нет, подумала она. Даже если потребуется шесть или семь лет, ты могла бы начать прямо сейчас. Грейс прошла в кухню, приготовила согревающий компресс, сунула его в микроволновку, включила. Потом взяла стопку старых газет и разожгла огонь в печке – сначала растопка, сверху деревяшки потолще. Звякнул таймер, она достала из микроволновки свернутое полотенце, обжигаяще горячее, дала ему остыть с полминуты, села на диван и обмотала руки теплой тканью. Сначала немного пекло, но уже через несколько секунд наступило долгожданное облегчение. Она откинула голову на спинку дивана и отдалась ощущениям. Это почти как секс. По телу разлилась истома. Грейс проваливалась в дрему. Она понимала, что рискует очнуться с холодным

мокрым полотенцем на руках, но оно того стоило. Мечтала о Бадди Харрисе, что странно и стыдно сейчас, когда вернулся Верджил. Вибратор остался под кроватью у Бада, они несколько лет то сходились, то расходились, дважды она чуть было не ушла от Верджила к Баду, но в итоге не решилась, он был такой нескладный, неуклюжий тихоня, какая с ним может быть совместная жизнь. Или она просто использовала беднягу Бада? Хотя нет, вряд ли. Десять лет назад он стал шефом полиции, но, как сам всегда говорил, это не то же самое, что быть полицейским комиссаром в настоящем городе, у него в подчинении было всего шесть офицеров, да и то из-за всех этих финансовых кризисов половину из них пришлось отправить в отставку. Как бы то ни было, она все еще думает о нем; они с Верджилом расставались столько раз, она встречалась с дюжиной других мужиков, но вот почему-то продолжает вспоминать только старого доходягу Бада Харриса.

Грейс слышала, как подъехал фургон. Верджил ввалился в комнату. Навеселе или под кайфом, она сразу поняла. Тем лучше, ей того и надо. Она поцеловала его в шею, взяла его руку, положила себе между ног.

– Какой чудный день, – пробормотал он.

– Чем занимался?

– Рыбачил с Питом Маккаллистером.

Она отложила полотенце, прильнула к нему, погладила по бедру.

– Думала, ты скажешь, что искал работу.

– Так сегодня же чертова суббота, – буркнул он.

– Но ты сам так сказал.

– Я забыл, какой сегодня день, когда говорил.

– Я слышала, “Ю Эс Стил” в следующем месяце проводят квалификационные тесты. Ты мог бы туда позвонить.

– Да охренеть – полтора часа дороги в один конец.

От него несло спиртным.

– Мы могли бы переехать поближе, в город, жили бы в нормальном доме.

– Нам надо забраться еще дальше в глушь. Жили бы настоящей деревенской жизнью и не прикидывались, что метим в приличное общество. – Он покосился на нее: – Чего смеешься?

Она потрянула головой и помрачнела. Они молча смотрели друг на друга, и что-то в его лице ей не понравилось. А, вот оно что.

– Чего? – смутился он.

– Верджил.

– Ну?

– По закладной платить на этой неделе, а кроме того, уже апрель, а мы налоги задолжали за два года, я на учете в налоговой.

– Дэнни Хоббс должен мне три сотни баксов. Мы всегда можем у него разжиться.

Она продолжала нежно поглаживать его по бедру.

– Напомни-ка мне, зачем ты вернулся.

– Ты же знаешь, у меня есть бабки.

– А что мы получили от тебя в этом месяце?

– Ну, я как раз одолжил Дэнни.

– Может, получить денег от правительства?

– Мы не будем собирать справки о доходах ради пособия. Да еще навяжут тебе какую-нибудь отстойную работенку, и у тебя, блядь, даже не будет времени поискать чего-нибудь стоящее. Да на хера затевать эту хренотень, все равно ничего толкового не выгорит.

– И все же хорошо бы встать на очередь, – заметила она. – Твой сын ведь тоже не работает.

– Я уже прикидывал, – проворчал он. – У нас есть жилье и мой фургон, мы даже близко не неимущие.

– Твоему фургону шесть лет, а я получаю девять пятьдесят в час.

– Это слишком много. И ты по-прежнему тратишь время на этот дурацкий Кризисный центр?

Она молча смотрела на него.

– Может, для разнообразия занялась бы чем-то, за что платят? Ну если уж тебя так беспокоит эта проблема.

Она закрыла глаза, глубоко вдохнула.

– Да я просто думаю вслух, – поспешил объяснить он. – Не бесись так, чего ты.

– Ладно, проехали, – произнесла она, не раскрывая глаз.

Он наклонился и поцеловал ее.

– Надо выпить, чтобы выкинуть эту муть из головы, – ухмыльнулся он и вышел к своему фургону.

Дай ему время, уговаривала она себя. Будь снисходительной.

Он вернулся, размахивая полупустой бутылкой “Кентукки делюкс”, и, отыскав стаканы, налил себе и ей. Она хотела было рассказать, что Билли вчера вернулся порезанный, но что-то ее удержало. Молча выпила виски, он тоже махнул стаканчик и полез к ней с поцелуями.

Потом расстегнул ей джинсы, стянул их.

– Может, лучше в постели? – предложила она.

Он помотал головой. И вошел в нее, она обхватила его ногами и тут же

забыла, где она и кто, изо всех сил притянула его к себе, и еще, и еще, как будто они недостаточно близко друг к другу. Он двигался все быстрее, и она мечтала, чтоб это не заканчивалось. Она ощущала, какой он твердый, очень твердый, и все его тело словно окаменело, и он опять начал увеличиваться внутри нее, но потом остановился. Она погладила его по спине, но он не видел ее, и вообще ничего, просто застыл, и все. Она пристроила ноги поудобнее, и они долго лежали так. Грейс даже задремала, и странные грезы окутали ее – вот если бы Верджил мог заработать немного денег, она вернулась бы в колледж, после чего подумала, что, наверное, скоро пора сажать помидоры, рассада на подоконнике уже готова к пересадке в огород, да и перец тоже. В этом году она решила потратить несколько долларов и посадить побольше зелени.

Верджил вновь задвигался внутри нее.

– Пойдем в постель, – сказала она. – Не хочу, чтобы Билли застал нас здесь.

Она встала и направилась в спальню; Верджил с бутылкой виски поплелся следом. О завтрашних проблемах подумаешь завтра, напомнила она себе. Они устроились на кровати, Верджил надолго присосался к бутылке, потом приложился еще разок, после чего протянул бутылку ей.

– Ты так хлещешь виски, будто украл его.

Он пробормотал в ответ нечто невнятное – определенно что-то произошло. На Грейс он старался не смотреть. Она потянулась опять погладить его между ног, но он явно утратил интерес к процессу, да и ей, кажется, уже не хотелось.

– Да что такое с тобой?

– Просто задумался.

– Это я вижу.

– Может, мы слишком торопимся, – сказал он.

Она думала об этом. В прежние времена не решилась бы произнести вслух, но сейчас спокойно проговорила:

– Иными словами, ты хочешь просто трахаться, и все.

– Не надо так говорить.

– Ага, но остальным ты именно так и объясняешь, верно? Например, Питу, с которым сегодня рыбачил.

– Ты ничуть не изменилась, а?

Она вытерла у себя между ног простыней и отшвырнула ее, живот свело, но потом она ничего больше не чувствовала, просто смотрела в окно. День почти закончился. Она могла бы лежать в постели с кем угодно. И все-таки пора пересадить помидоры в грунт. К горлу подкатил комок.

– Ты уходишь?

– Вообще-то не планировал.

– Лучше, наверное, уйти.

– Это мой дом.

– С тех пор как ты свалил, я платила за него в одиночку, по паре сотен долларов, и это еще не предел.

– Да брось. – Он перекатился поближе, и матрас просел под его весом. Они так и не смогли купить нормальную кровать. А все этот дурацкий трейлер с его идиотской пластиковой “под дерево” облицовкой. Она никогда не хотела тут жить – позволила себя уговорить.

– Я разговаривала с юристами из Кризисного центра.

Он недоуменно усмехнулся.

– Они сказали, что юридически дом мой, раз ты не платишь свою долю.

– Хрень какая-то, – фыркнул он.

И был прав – ни с какими юристами она не разговаривала. Но удивительно, как разозлилась от своего собственного вранья. По ее мнению, именно так и должно быть, даже если это и неправда.

– Потолкуй с кем-нибудь, – предложила она. – Сам убедишься.

– Ты просто жуткий кошмар моей жизни, Грейс.

– Проваливай. Бад Харрис говорил, это преступление, настоящее, ты задолжал кучу алиментов.

– Наш сын уже не ребенок.

– Это ничего не меняет. В суде будешь оправдываться.

– Собираешься впутать копов в семейные дела?

– Да. Непременно.

– Так, все понятно.

Она молчала.

– Жена Пита говорит, этот твой коп-дружок принимает столько таблеток, что быка завалить можно, – ксанакс, золофт, вот это все. Самые длинные рецепты в округе Фейетт.

– Пожалуй, руководству аптеки следует знать, что их персонал трезвонит направо и налево о проблемах клиентов.

– Да все и так в курсе, что Барни Файф голубой.

Ага, а член у него побольше твоего будет, подумала она, но предпочла держать язык за зубами. Впрочем, с трудом сдержав смешок.

– Проваливай и забирай свое барахло.

Она смотрела, как он одевается, выходит, недовольно мотая головой. Услышав звук мотора отъезжающего фургона, чуть не расплакалась, но нет. Заставила себя выбраться из постели, иначе так и валялась бы сутки.

Кому бы позвонить, чтоб выяснить про Верджила наверняка, впрочем, она ведь и так знает, почему он вернулся, – попросту кончились деньги или очередная девка дала отставку, вот и вспомнил о ней. Девчонки на работе ей вечно твердят: мол, он все такой же козел, да она отказывалась верить. И вот тут-то она и разревелась. Не сильно, нет. Потянулась было к бутылке виски, забытой им, но вдруг так стало противно, что он облизывал горлышко. В помойку.

Солнце садилось. Она надеялась, что Билли скоро вернется, но вдруг нет? Надо бы завести собаку. Да и в Кризисный центр поехать еще не поздно, там лишние руки никогда не помешают. Или позвонить Харрису.

Она вдруг очень остро и ясно осознала, насколько мелок и жесток Верджил; пустая оболочка от человека, всю жизнь выезжал только за счет смазливой внешности, но рано или поздно это закончится, как уже закончилось для нее, иллюзии рассеялись, и что останется? – только мерзкая натура. Те черты характера, что тревожили ее в Билли, неукротимая вспыльчивость, например, это он точно унаследовал от Верджила. Странно, что она не замечала этого раньше, впрочем, замечала, конечно, но предпочитала не обращать внимания. А сейчас вот передумала, словно раньше это была и не она вовсе, сейчас вообще казалось диким, что когда-то она могла любить этого типа. У тебя, наверное, просто шок, решила она, но нет, просто как будто что-то выключилось внутри, и все.

Грейс вынесла на улицу помидорную рассаду, разыскала в сарае лопату, заваленную незавершенными проектами Билли – запчасти для автомобиля, которые он купил, чтобы ремонтировать свою колымагу, старые газонокосилки, квадроцикл. Опять забеспокоилась – является по ночам, грязный, на шее порезы. Всякое случалось и прежде, не так ужасно, но разное бывало, сын просто магнит для неприятностей. Давно надо было его отсюда увезти.

Энергично втыкая лопату в землю, она посадила все шесть помидорных кустов, заодно и перец, поставила шпалеры, притоптала покрепче. Приятно было стоять под легким ветерком на свежем воздухе, руки в земле, смотреть на молодые растения, свежевскопанную землю, а потом на холмы вдалеке – красиво. Сорок один – не так уж много. Для президента так вообще рановато. Надо позвонить Харрису. Он хороший человек, она всегда это знала.

Нет, можно, конечно, и дальше жить одной, но смысла никакого. Ну продержишься неделю, гордо вскинув голову, а потом опять пустота. А Бад Харрис, он славный парень, мрачноватый, спору нет, но те, с кем весело и можно поболтать, так же запросто и весело трахаются напропалую со всем,

что шевелится. Жаль, поздно это до тебя дошло. Хотя почему поздно. Харрис – уважаемый человек, авторитетный, именно поэтому она едва не ушла к нему, дважды всерьез собиралась, а Верджил – Верджила никто не уважает, и тоже не без причин. Решено, сегодня пересплю с Бадди, проведу сеанс очищения, даже голова закружилась. Верджил полный козел, приперся к ней, еще воняя другой бабой. Не заразил бы чем, мерзавец. Она регулярно сдавала анализы, но все равно заставляла его надевать презерватив, единственная разумная вещь, которую она в жизни сделала.

Грейс бродила по комнаткам трейлера. Когда они покупали его, Верджил божился, что это временно, что скоро обзаведутся нормальным домом. И почему она слушала эту хрень. Трейлер старый, но хотя бы спаренный – просторный, зато весь в щелях, отовсюду сквозит, пластиковая облицовка еще семидесятых годов; она разорилась на новые ковры, но парень бесконечно скакал в грязной обуви туда-сюда, и ковры быстро пришли в негодность. Верджил хотел закрыть диван пластиковым чехлом, но она не позволила. Грейс сидела на диване и грезилась, но никакого проку в мечтах не было, надо разобраться с собственной жизнью, а не предаваться пустым фантазиям. Хоть с огородом управилась, уже хорошо. Достижение, можно оправдываться им до конца года.

Она уже начала набирать номер Харриса, но вдруг подумала, что ведь только-только спровадила Верджила. Нечестно по отношению к нему. Не говоря о том, что у Харриса и подружка может иметься. И вообще он с ней уже дважды обжегся. Надо бы мягко намекнуть. Позволить ему сохранить достоинство, чтобы он как бы сам принял решение. Чтобы не выглядело так, будто он выполняет ее капризы. В конце концов, надо и самой иметь достоинство, потерпеть немножко, подождать. Грейс подошла к зеркалу, затянула волосы в тугий хвост. Вот такую прическу и надо носить – волосы собраны, лицо открыто. Или вообще постричься, никто больше не валандается с длинными волосами. Скулы у нее высокие, красиво очерченные. Причина как минимум наполовину в том, что ты не следишь за собой, да, разумеется, депрессия, это многое извиняет. Ладно, будем продвигаться маленькими шажками. Немножко туши на ресницы – уже неплохо, столько месяцев вообще без макияжа, завтра чуть больше. Она приготовила себе поесть, полюбовалась закатом, новолуние и звезды такие яркие. Вернулась в дом, позанималась йогой под старую кассету, которую ей подарила директор Кризисного центра, ей нравились все эти растяжки, плавные движения, как будто медленно выдавливаешь отраву изнутри. А после быстро уснула.

5. Харрис

Харрис и Стив Хо торчали в черно-белом “форде” уже три часа. Это была идея Харриса – точнее, предчувствие. Полиция штата, окружной коронер, эксперт, окружной прокурор и все прочие давно уехали. С вершины холма просматривались просторный луг, развалины главного здания фабрики “Стандард Стил”, поросшие диким виноградом, маленькая мастерская, где нашли тело. По полю там и сям разбросаны старые вагонетки, и атмосфера вокруг такая мирная, благодатная. Природа поглощает следы деятельности человека. Молодым он видел во Вьетнаме похожие места, заброшенные храмы в джунглях.

Харрис покосился на Стива Хо. Парень не на дежурстве, ему не платят за то, что он торчит тут, что, впрочем, дело обычное. Приятный малый, молодой и обаятельный, коренастый, густые черные волосы, руки сложил на выпирающем брюшке. На коленях карабин М4 – Хо, как многие молодые, питал слабость к подобным штукам, бронежилет и все такое. Три года как из академии, но Харрис доволен, что они служат вместе. Со Стивом легко работать, и он не выключает рацию, даже когда дежурство заканчивается.

А вот Харрис чувствует себя совсем стариком, лысым стариком. Да нет же, утешил он себя, не такой уж старый. Всего-то пятьдесят четыре. Ладно уж, гадкое чувство не имеет отношения к возрасту, просто день выдался гнусный. Хотел посидеть дома у камина, чтобы рядом пес, а в руке стаканчик скотча, может, посмотреть с террасы на закат. Он жил один, в маленьком коттедже, *поместье*, как он его называл, на холме над двумя долинами. Каждый мальчишка мечтает жить в таком месте, но потом случаются жена, дети, и конец мечте. Именно так Харрис себя и уговаривал, покупая этот дом несколько лет назад. Прочный коттедж стоял вдали от коммуникаций, теплом его обеспечивали две дровяные печи, еще наличествовали радио и телевизионная антенна, добраться сюда можно было только на полноприводном внедорожнике. Ни одна женщина не пожелает жить в такой дыре. Еще одна причина. Отличный способ сохранять равновесие духа, трусливо прикидываясь независимым. Зато Фур, его маламут, обожает это место.

Он первым прибыл на место преступления – анонимный звонок – и вздохнул с облегчением, увидев тело. Бродяга. Никаких душераздирающих бесед по телефону, кошмарных встреч с родными и близкими. С годами такие разговоры все тяжелее даются, вовсе не наоборот.

Он стоял рядом с трупом, прикидывая, что делать, когда заметил

знакомую куртку. Потом услышал, как еще одна машина – полиция штата – ползет по старой просеке вниз. Харрис подхватил куртку и сунул ее подальше за верстак. Едва выпрямился, как появился молодой полицейский, Харрис попытался припомнить его имя. Клэнси. Дилэнси. От волнения мысли путались, но он точно знает этого парня. Дилэнси не заметил манипуляций Харриса. Кивнул в ответ на приветствие, перевел взгляд на тело. *Здоровый какой, а?*

Народ толпился вокруг весь день, люди приходили и уходили, но куртку никто не заметил, она так и лежала там, куда ее спрятал Харрис. Сейчас, сидя рядом со Стивом Хо, он страшно нервничал, и вовсе не из-за того, что скрыл улику, а из-за того, что куртка принадлежала Билли Поу. Харрис потерял виски. Золофт он перестал принимать несколько недель назад, хотя сейчас все равно не помогло бы. Попытался привести в порядок мысли. Спрятанная куртка не должна бы его беспокоить. Не станешь же сажать под арест каждого мальчишку, разбившего окно. Или каждого мужика, севшего за руль после пары лишних “будвайзеров”. Хороший человек имеет право на одну поблажку. А мальчишка – на две, хотя вторая могла бы означать поездку в наручниках в полицейском фургоне. Каждый играет свою роль, существуют неписанные правила. Обычно это работает. Нужно поступать правильно. Иногда это означает оштрафовать нарушителя за грязный номерной знак, а иногда – отпустить на все четыре стороны обвиняемого в тяжком преступлении. Ведь именно преступление совершает каждый, кто, выжав три пинты пива, вставляет ключ в замок зажигания. Может, вы и не согласны, но это правда – важен не столько закон, сколько правильный поступок. Проблема лишь в том, чтобы верно оценить, где тут что.

Ты только послушай себя. Все пытаешься уйти от ответа. А вопрос-то простой – должен ли ты защищать Билли Поу. Вылезай из машины, спускайся и вытаскивай чертову куртку. Давно уже надо было его арестовать. По крайней мере за то, что посягает на святое – на Душевный Покой. Это Душевный Покой вынудил его купить лачугу в горах, куда не согласится переехать ни одна женщина в здравом уме. Душевный Покой – трус. И Харрис не вылез из машины. Посмотрим, что будет дальше. Узнаем, какая часть его души оказалась права.

* * *

В сумерках они засекли какое-то движение в дальнем конце луга рядом с вагонетками.

– Двое, не хотят, чтобы их заметили, – сказал Хо.

На душе у Харриса стало совсем погано. Он поднес к глазам бинокль. Лиц не разглядеть, но по фигуре и характерной прыгающей походке сразу узнал парня. Вернулся за курткой. В груди сжалось. Двое подошли ближе, теперь было видно, что это Билли Поу и один из его приятелей, коротышка, сестрица которого получила все возможные стипендии. Харрис вспомнил о Грейс. В животе заныло.

– Вы в порядке? – спросил Хо.

Харрис кивнул.

Хо рассматривал парней в свой модный бинокль, дорогая цейсовская модель.

– Это тот, о ком я думаю?

– Полагаю, да.

– Хотите, чтоб я спустился к ним?

– Сиди спокойно.

Поколебавшись пару секунд, Хо все же решился:

– Смотрите не спалитесь, шеф. Весь город знает, что вы в прошлый раз замолвили за него словечко. Вы сами говорили.

– Сделай одолжение.

– Вы понимаете, что я хочу сказать, шеф. Времена изменились.

Харрис включил мигалку, давая понять тем двоим на лугу, чтоб поднимались к машине. Мальчишки замерли.

– Намылились сбежать.

– У этого пацана сестра в Гарварде. Никуда он не убежит.

Так и вышло, оба медленно и уныло побрели вверх по склону.

– Вы бы взглянули в мой бинокль, шеф. Я вижу каждый прыщ на их рожах.

– Позже.

Но и так картина ясная. Билли Поу с друзьями приперлись сюда выпить, может, и наркотой побаловаться, а потом что-то не сложилось. То есть Билли Поу зашиб одного из них до смерти, потом запаниковал и смылся, а теперь вернулся подчистить следы. Самое плохое, что он втянул в это дело другого парня. Надо прикинуть, можно ли будет его отмазать. У таких, как этот задрот, всегда есть шанс.

Но на самом деле он переживал вовсе не за Билли Поу. Чем кончит этот парень, Харрис знал давным-давно. Он из кожи вон лез, все поставил на карту, понимая, к чему идет дело. Люди рано выбирают собственную жизненную траекторию. Единственное, чем можно помочь, – подтолкнуть на другой путь, но обычно это все равно что пытаться подхватить на лету человека, падающего с небоскреба. Траектория Билли Поу обрисовалась

очень рано, и не за Билли Поу он тревожился. Грейс, что будет с ней.

– Знаете, я всегда терпеть не мог этого хрена Сесила Смолла, но с новым окружным прокурором каши не сварить. Сесил Смолл, глядишь, и согласился бы спустить дело на тормозах.

– Я никогда ничего подобного не говорил.

– Понимаю, вы волнуетесь за своего племянника.

– Он мне не племянник.

Хо пожал плечами.

Они смотрели, как мальчишки поднимаются по склону. *Молодые люди*, поправил себя Харрис. Билли Поу уже двадцать один. Невероятно. Когда они с Грейс познакомились, ее сыну было пять лет.

– Ну вот и они, – довольно проговорил Хо. – Чур, я буду злым полицейским.

6. Айзек

Глянув вверх с того места, где они с Поу выбрались из кустов, он сразу заметил машину Харриса. Но ровно в тот момент, когда прикидывал, как бы половчее скрыться в зарослях, на крыше полицейского автомобиля включилась мигалка. Поу побрел через высокую траву в сторону Харриса и мастерской. Айзек машинально последовал за ним.

Они уже добрались до изрытой колесами площадки около мастерской, когда Поу притормозил, дожидаясь его.

– Все нормально, – тихо проговорил он. – Он знает, где я живу, и если бы нашел куртку, то не торчал бы здесь.

– Думаешь, он решит, что мы оказались тут по чистой случайности?

Поу кивнул.

Айзек хотел бы обсудить это подробнее, но почему-то побоялся, что Харрис каким-то чудом сможет их услышать. Проходя мимо здания, где лежит Швед, Поу ускорил шаг. Лежал. Шведа наверняка уже убрали. И следователь здесь побывал, и окружной прокурор, и эксперт, все. Полгорода, судя по отпечаткам шин. Как-там-ее, дочка коронера, Дон Водзински. Унаследует, наверное, семейный бизнес. Папаша ее и окружной коронер, и заодно хозяин погребальной конторы. Нет, знакомство с девчонкой тут не поможет. Окружной прокурор – новый человек. Как-там-его.

Как, однако, торопится Поу. Рад, что не придется смотреть на труп. Человек умер из-за него, но о таких деталях он скоро забудет. Будет помнить только, что сам он невиновен. Что это был твой выбор – сделать то, что ты сделал. А ведь драки хотел Поу, и неважно, какой ценой, потому что платить по счетам – твой удел и Шведа, а Поу вашей ноши не облегчит. Ты достаточно хорошо его знаешь.

Они все тащились вверх по просеке, взбирались на вершину холма под темно-серым небом. Штаны намокли, нацепляли репейника и всяких мелких колючек, Поу шагал широко, уставившись в землю перед собой. Айзеку приходилось поспевать за ним едва не вприпрыжку, это было унижительно, и за это он тоже злился на Поу. В легкий аромат влажной земли врвался резкий запах сумаха и раздавленных семян. Они обогнули выбоину, где буксовала какая-то машина, деревья вокруг забрызганы жидкой грязью. Айзек чувствовал, как горит лицо, попытался успокоиться. Жертва принесена на алтарь во имя ближнего, встречайте – Айзек Инглиш.

Сам виноват. Ты не Шведа обменял на Поу – самого себя. Не поедешь ты ни в какую Калифорнию. И вообще никуда.

Они уже наверху, Харрис молодцевато выпрыгнул из кабины к ним навстречу. Выглядел совсем нестрашно – лет пятидесяти, ноги тощие, почти лысый, короткий ежик волос по бокам головы и на затылке. Следом из машины вылез коп помоложе, азиат с бочкообразной грудью, всего на пять-шесть лет старше Айзека. Несмотря на сгущающуюся темноту, он был в солнцезащитных очках, а в руках винтовка наизготовку. Незнакомый какой-то, не из тех копов, что всем тут известны.

– Так, всем сохранять спокойствие, – скомандовал второй офицер.

Харрис невольно улыбнулся. Он махнул рукой, и полицейский опустил винтовку.

– Ты ведь Билли Поу? – спросил Харрис.

– Так точно, сэр.

– Частенько сюда заглядываешь, а?

– Нет, сэр. Первый раз.

Харрис надолго задержал взгляд на Поу, потом посмотрел на Айзека.

– Ладно, – пробормотал он. – Первый так первый.

Второй коп ухмыльнулся и покачал головой. Кроме десантной винтовки с таким коротким стволом, что, скорее, это был пистолет-пулемет, у него имелся разгрузочный жилет с дополнительными магазинами для винтовки, дубинка и еще какие-то штуковины, назначения которых Айзек не знал. Наверное, бывший контрактник, прямо из Ирака. А у Харриса, наоборот, только пистолет, наручники на поясе и маленький полицейский фонарик.

– Любопытное вы местечко выбрали скоротать вечерок, – сказал молодой коп.

– Точно, – поддержал Харрис. – Итак, Билли, у тебя ведь нет особых причин являться сюда на ночь глядя в компании еще одного молодого человека, а?

– Нет, сэр. Никаких, сэр.

– Ну, в таком случае я, пожалуй, не стану тебя задерживать.

Мальчишки изумленно уставились на него.

– Шутка.

– Хотите, я их обыщу? – предложил напарник.

– Да, в общем, с ними и так все понятно, – сказал Харрис. – Думаю, не обязательно сажать их под арест. Возможно, если они пообещают не связываться в неприятности, мы даже подбросим их домой.

– Мы и сами дойдем, – поспешно вставил Айзек. – Придется все-таки

подъехать.

– А вы вообще что здесь делаете? – спросил Поу. – Пойдем, – подтолкнул его Айзек.

– Вы хорошие ребята, – продолжил Харрис. – Офицер Хо, почему бы вам не прихватить ваши прекрасные инфракрасные очки и не устроиться в засаде в тех кустах? Посмотреть, кто еще явится на подконтрольную территорию.

– Да там внизу настоящее болото, я вымокну, босс. – Очень жаль, – чуть тверже проговорил Харрис. – Иди и жди, сколько понадобится.

Хо выругался, собрал свои манатки и поплелся вниз по просеке, держа винтовку наперевес. Все трое наблюдали, как он медленно спускается к лугу и реке. Издалека холмы казались почти черными, но кое-где еще оставались проплешины ярко-зеленого в последних проблесках дневного света. Они стояли, наблюдая за игрой цвета, пока окончательно не стемнело.

– Прямо реклама церкви, да? Так и задумаешься, отчего люди не замечают, как прекрасно это место.

– Просто люди – кучка придурочных нытиков, – заявил Поу.

Потому что ни у кого из них нет нормальной работы, мысленно ответил Айзек. Харрис со странной задумчивостью смотрел на него. Словно был согласен с его мнением.

В следующий миг он уже повелительно кивнул в сторону заднего сиденья “эксплорера”, завел двигатель, толкнул переключатель передач, и автомобиль с ревом развернулся на 180 градусов. Да, на склоне буксовала точно не эта машина, подумал Айзек. Но здесь их побывала тьма. На выезде с технической дороги Харрис вышел открыть ворота, а потом они свернули на юг по шоссе.

– Вы оба держитесь подальше от этих мест, – сказал он. – Не желаю больше с вами здесь встречаться.

Заднее сиденье было отгорожено плексигласовой стенкой, и голос полицейского доносился до них приглушенно. Он отодвинул маленькое окошко:

– Вы меня слышали?

– Да, сэр, – сказал Айзек.

Сзади темно, ему виден только затылок Харриса и светящийся экран навигатора между передними сиденьями. Они неслись слишком быстро по извилистой дороге. А деньги и тетради по-прежнему там внизу. Если кто-то их уже не нашел. Маловероятно. Вокруг все завалено мусором, а то, что им было нужно, у всех на виду на полу мастерской.

– Сынок, не помню твоего имени, но я знаю твоего отца. Он работал в Индиане, когда на заводе “Стилкор” случился пожар.

– Айзек Инглиш. Моего отца зовут Генри.

Харрис кивнул.

– Я расстроился, когда случилась эта история. А твоя сестра – это та девушка, что уехала в Гарвард, да?

– Именно она.

– Только она в Йель уехала, – поправил Поу. – Не в Гарвард.

Харрис смиренно поднял ладонь:

– Ну извини.

– Все нормально, – отозвался Айзек.

– Вы все еще живете в том огромном кирпичном доме?

– В том, что от него осталось.

После этих слов наступила тишина. Впереди, там, где река делала изгиб, Айзек видел разбросанные по склонам холма огоньки – Бьюэлл. Он закрыл глаза, слушал шорох шин во тьме и думал, что никогда не знаешь, о чем именно думаешь. Каким безупречным оказалось его решение. Ты не осознаешь своих мыслей, тебе доступны лишь поверхностные слои сознания, адвокаты ведь только об этом и твердят. Я просто засыпаю, подумал он. Но не засну. А здоровяк Отто меж тем спит вечным сном. Что заставило тебя бросить тот проклятый шар? Он не помнил. Не помнил, о чем думал и думал ли вообще. Преступление первой степени – ты намеренно подобрал тяжелую железяку и сунул в карман. Преднамеренно. Смертельная инъекция. Говорят, не больно, но что-то не верится. Ты же отдаешь себе отчет в том, что означает этот укол, так что больно, конечно.

Он прижал пальцы к вискам. Так, сосредоточься. Необходимо убедить себя, что ты этого не делал. Безнадежно. Я не из таких.

Поу пихнул его в бок, и Айзек открыл глаза. Они проехали мимо нового полицейского участка и направились дальше к центру города. Айзек чуть вытянул шею, провожая взглядом здание, растворившееся в темноте. Миновали “Автоматин Фрэнк”, новый Центр реабилитации для спинальных больных, Центр диализа, Центр лечения боли и диагностики, “Медицинское оборудование Ротко”. Барбершоп сдается в аренду, солярий с грязноватой витриной, здесь раньше продавали игрушечные паровозики. Магазин Блэка “Все для пейнтбола”, избирательный участок Монтгомери, закрытый, закрытая аптека, закрытый ночной клуб, закрытый “Макдоналдс”, “Словацкий Дом”, “Масонский дворец”.

И вновь закрытые магазинчики, заколоченные витрины, он с трудом припоминал, что здесь было когда-то. Каменные здания с резными

карнизами; роскошно декорированные окна закрыты листами фанеры, стены облеплены рекламными плакатами лотереи. На улице непривычно много народу – субботний вечер.

– Вот бы те, кто назначает пособия, поглядели, куда идут их деньги, – проворчал Харрис. Он остановил “эксплорер” перед баром; люди тут же начали расходиться. – У вас два варианта: либо я развезу вас по домам, либо позвоните отсюда, чтобы вас забрали.

Айзек заколебался, но Поу торопливо выкрикнул:

– Мы позвоним.

– Дело ваше, – пожал Харрис плечами. – Тогда проваливайте. И скажите в баре, что я велел разрешить вам позвонить.

– Да мы отсюда и пешком дойдем, – сказал Поу.

– Нет, – отрезал Харрис. – Звоните давайте. И не попадайтесь мне на глаза.

Они дружно кивнули.

– Кстати, – сказал вдруг Харрис, – откуда у тебя рана на шее?

– Какая?

– Не играй со мной, Билли.

– Бритвой порезался, сэр.

– Билли, – печально покачал головой Харрис. – Ох, Билли. – И всем корпусом развернулся на сиденье: – Будешь продолжать – плохо кончишь. Ты меня понял?

– Да, сэр.

Харрис повернулся к Айзеку:

– Ты тоже. Вы оба, не выходите из дома пару дней. И чтоб я в любой момент мог вас отыскать.

Они вошли в бар. Слишком просторное помещение, единственный свет – от неоновой рекламы пива у стойки; деревянные стенные панели сплошь изрезаны похабными надписями и инициалами. На двух телеэкранах – розыгрыш лотереи, на третьем – повтор автомобильных гонок.

– Тут одно старичье, – шепнул Айзек.

– Хочешь, чтоб мы завалились в “Хоуи” и все нас там засекли?

– Нам вообще не надо было выходить из машины.

– Ага, и как объяснить моей матери, почему Харрис подбросил меня до дома?

– Это последнее, что меня, черт возьми, беспокоит, – ответил Айзек.

Барменша, с сигаретой в зубах, медленно двинулась в их сторону. Молодая симпатичная девчонка, Айзек узнал ее, в школе училась на

несколько классов старше.

– Просто чтоб вы зря не тратили время, – начала она. – Я видела, как вас только что высадили из полицейского фургона.

– Эмили Симмонс, – улыбнулся Поу. – Я тебя помню.

– А я тебя нет.

Вот это вряд ли, подумал Айзек, но вслух говорить не стал.

– Харрис сказал, что мы можем воспользоваться вашим телефоном, – вместо этого произнес он.

– Все что угодно для мистера Харриса. – Она выставила телефон на стойку и смотрела, как Айзек набирает номер сестры.

– Дай-ка мне бутылочку “Айрон Сити”, пока мы тут машину дожидаемся.

– А удостоверение личности ты дома забыл, да?

– Мне уже есть двадцать один.

– Ты, похоже, наше заведение с чем-то спутал.

– Слушай, ну я же тебя помню, ты играла на бильярде у Дейва Уотсона. Я Билли Поу. На два класса младше тебя.

– Я же сказала, я тебя не помню.

Она налила обоим содовой. Поу вытащил вишенку из своего стакана, бросил на пол. Посетители радовались неожиданному развлечению. Взрослые мужики в атласных клубных куртках или в камуфляже, лица багровые – то ли от работы рядом с раскаленными поверхностями, то ли от работы на улице, то ли вообще от отсутствия работы. Некоторые отвернулись, возвращаясь к прерванным разговорам, но несколько человек продолжали пялиться на Поу и Айзека.

Айзек заметил сидящего в одиночестве отцовского приятеля с завода. Д. П. Уайтхаус по понедельникам смотрел футбол, иногда приглашал отца на охоту, уже после того как тот вернулся из Индианы, после аварии. Но это было давным-давно, Д. П. уже много лет у них не появлялся. Сейчас он то ли не узнал Айзека, то ли не захотел узнавать.

– Может, подождем снаружи, – предложил Айзек.

– Да к дьяволу. Пойдем туда, где нам хоть пива нальют. – Поу бросил злобный взгляд в сторону барменши, но она никак не отреагировала.

На улице собралась такая толпа, словно весь город разом решил поглазеть, как подъедет Ли. Приглядевшись, они различили двух парней в темном пикапе, явно кого-то поджидавших. Двинулись было в сторону от бара, и пикап тут же тронулся с места. Поу и Айзек озадаченно вернулись ко входу в бар.

– Думаешь, это копы?

– Да хрен ли. Не сходи с ума.

– Харрису все известно. Впрочем, это же не твои проблемы.

– Ладно тебе, – буркнул Поу.

– Ты прав, фигня.

– Если б он знал что-нибудь, мы с тобой уже были бы в синяках от полицейских дубинок. Он думает, что мы просто парочка сопливых недоумков, да к тому же на прошлой неделе нашли ту тетку в мусорном баке – ему есть чем заняться.

Они смотрели, как загадочный пикап медленно проехал по улице, а через минуту – в другую сторону.

– Он нашел твою куртку, – сказал Айзек. – А уж если проводили хоть какую-то экспертизу, там полно наших отпечатков, и следы от ботинок, и твоя кровь там повсюду.

– Ты слишком много смотришь телевизор, – вздохнул Поу.

– Уж не знаю, заметил ли ты, в каком виде земля около мастерской, там явно не только фургон Харриса побывал.

– Агент Макгайвер.

– Слушай, что с тобой такое?

– Харрис, может, и сам отхреначил пару-тройку ханыг, всем известно, он этим даже гордится. И вообще мою куртку запросто мог прихватить кто-нибудь из тех уродов, они паршиво одеты были.

– Они свидетели, ты сам говорил.

– Они бродяги.

– Старик живет в этих краях, он тебя узнал.

– Ну валяй, думай дальше, надумай себе смертный приговор, Айзек.

Через несколько минут подрулил “мерседес” Ли. Они наблюдали, как ловко она припарковалась, вписавшись в узенькое пространство.

– Ее счастье, если никто не запрет, – заметил Айзек.

– Все будет в порядке.

Они подошли поближе, Ли выбралась из машины.

– Долго ты ехала, – недовольно проговорил Айзек.

– Прости, – сестра виновато улыбнулась, – долго собиралась.

Она приделась – длинная узкая юбка и белая блузка, открывающая шею, а когда обняла Айзека, он почувствовал аромат духов. Она совсем не похожа на девушку из Долины. Накрасилась – надо же, совсем не в ее стиле. А потом увидел, как она обнимает Поу, как нежно кладет руки ему на талию. Он смутился и не знал, как быть дальше.

– Ну, какие у нас планы?

– Думаю, глоток пива нас не убьет, – заявил Поу. Он стоял широко

расправив плечи, самоуверенно улыбаясь, и не отводил от Ли сияющих глаз. Ничего хорошего из этого не выйдет, понял Айзек. Жаль, что он не упробил Харриса развезти их по домам.

– Нам надо убираться отсюда, – тихо возразил он.

– Ну по стаканчику, – настаивал Поу. – Заскочим куда-нибудь на минутку.

– Что случилось? – спросила Ли.

– Просто твой брат устал.

Поу кивнул Ли и направился вперед, остановился закурить, пока Айзек и Ли разговаривали.

– Итак. – начала она.

– Все в порядке. – Он старался не смотреть ей в лицо.

– Не хочешь поговорить?

Он молчал.

– Малыш.

– С каких это пор я для тебя “малыш”?

Поколебавшись секунду, Ли, кажется, приняла решение. Развернувшись, поспешила за Поу. Айзек поплелся следом.

7. Поу

Ли шла впереди, но он догнал и держался рядом, и ему пофиг, идет Айзек за ними или нет, он слегка коснулся ее, случайно, и она не против, а Айзек, он всегда такой, вечно чего-то боится. Как его вообще в школе терпели, Ральф Нейдер Младший^[9], зануда, блин. Харрис мог бы засадить их в каталажку, но не стал, он правильный мужик, старина Харрис, наверняка все уладил уже. Все знают, Харрис в сторону мертвого бродяги даже плевать не станет, это ведь он пожег брошенные дома, целый квартал лачуг, где селились всякие голодранцы, “сербский город” это называлось, и Харрис спалил там все к чертовой матери, всю ночь горело. И на дохлого попрошайку в разрушенной мастерской ему насрать. Любой скажет, ага.

А Ли принарядилась к встрече с ним. Восемь месяцев даже не звонила, для нее это всегда было вроде как игрой, а сейчас она и вообще замужем. Это он от Айзека узнал, ему-то она не озаботилась сообщить. Да только вот она, здесь, в милом прикиде и покрашенная, а она ведь никогда особо не красилась, но вот расстаралась ради него. На Ли оглядываются, но сразу же секут – она из другой лиги. Поу вдруг захотелось схватить ее в охапку и стиснуть изо всех сил, затолкать в рот хоть кусочек. Да просто быть рядом, вот как сейчас, если бы можно было так всегда, ему и этого хватит.

В “Хоуи” они заходить не стали, неизвестно, что отмочат его кореша при виде Ли. Решили завернуть в “Таверну Фрэнка”. Там народ постарше собирается, но не совсем уж старичье. Внутри было темно, душно, люди танцевали. Везде пустые стаканы. Айзек, мрачно насупившись, шел за ними. Валяй, подбодрил себя Поу. Ли взъерошила ему волосы, и это уж точно не случайно, он взял ее за руку, сжал, в толпе никто не заметит, она покраснелась, улыбалась странно кривой улыбкой, как всегда, когда не могла совладать с собой. Нафиг Айзека, решил он, на весь вечер. На всю жизнь. В баре догуливали свадьбу, молодая парочка, он узнал кучу народу, в другом конце зала заметил Джеймса Бирна и поскорей отвернулся. Джимми Бирн приводил свою подружку на игры, а потом она стала появляться и одна, подбрасывала Поу до дома, они ставили машину в кустах. Джимми знал, интересно? Да вряд ли. Джимми из тех типов, что сразу получают лицензию на ношение оружия, как только исполнится двадцать один; он пустил свою лицензию по рукам как-то на вечеринке, чтобы все полюбовались.

Публика нарядная, девушки в праздничных платьях, парни в новых

рубашках. Обжимаются и тащатся. Чей-то ребенок в сторонке сидит в коляске и внимательно рассматривает зал.

– Как в прежние времена, – сказала Ли, но Поу не понял, хорошо это или плохо.

Они решили, что у Ли больше шансов получить выпивку, и он следил, как она пробирается к бару, ее толкали со всех сторон, с прижатыми к груди руками она совсем крошечная, волосы темные, она похожа, ну как сказать, будто откуда-то из Испании, что ли, – во, похожа на девушку в баре где-нибудь в Испании, девушку с картинки. Он ринулся было за ней, но сдержался. Привалился к стене, сунул руки в карманы, вытащил, скрестил на груди, в конце концов заложил руки за спину. Она поправила темную прядь, обернулась, улыбнулась ему. Он улыбнулся в ответ, а потом они долго смотрели друг на друга, издалека. Поу будто старался вдохнуть полной грудью, еще и еще, но почему-то никак воздуха не хватало. Шея горела, в ушах звенело, и совсем не хотелось, чтобы это чувство прошло, а потом толпа в зале зашевелилась, откуда-то из потайной комнаты спустились по лестнице жених и невеста, платье невесты слегка помято, раздались одобрителльные крики, аплодисменты, все оживилось, невеста погрузилась, а жених победно вскинул руку, как генерал какой, большое дело, подумал Поу, и так всем понятно, что ты ее трахнул. Но посмотрел на Ли, и вдруг стало тошно – она ведь сама не так давно была невестой. Его замутило, реально мутило, прямо подступило к горлу, пришлось глотнуть пива из чьего-то стакана, хорошо, под рукой оказался. Ну посмотри на себя, думал он, у тебя и мысли-то козлиные, ты не имеешь никакого права быть с ней. Толпа танцующих увлекла ее в сторону, она поймала его взгляд, призывно махнула рукой, мол, давай потанцуем, но он не понимал, как себя вести, и просто остался на месте. Она ведь не всерьез, просто из вежливости.

Айзек торчал в углу, все так же скрестив руки. Поу подошел, хлопнул приятеля по плечу. “Расслабься”, – сказал Поу, но сам услышал, что голос звучит неестественно напряженно, Айзек даже не глянул на него. “Пива хочешь?” Айзек отвернулся. А Ли танцевала. С жирным стариком в мешковатом костюме, рожа у него вся потная, папаша Фрэнки Нортон, того Фрэнки, что до сих пор торчит в Лихае^[10]. Потом она танцевала с конопатым пацаном, лет пятнадцати на вид, потом с парнем в форме морского пехотинца, который как-то несерьезно к ней отнесся. Ли с морпехом танцевали долго, он медленно кружил ее по залу. Поу ненавидел эту песню, ненавидел Фэйт Хилл^[11], вообще ненавидел это новое кантри.

Морпех напялил на Ли свою белую фуражку, типа в шутку. Папаша Фрэнки Нортон притащил ей пару пива, и Ли наконец перестала танцевать и направилась в сторону Поу. Он видел, как морпех издали сморщил его взглядом и отвернулся, Поу разглядел шрам у парня на голове сзади, там волосы не росли, хирургический шрам. Что-то чинили у него в башке. После выпуска многие записались в армию, трое из Долины погибли только за прошлый месяц. Среди них девчонка, с которой он путался одно время, чокнутая немножко, все думали, она лесбиянка. Он с ней перепихнулся несколько раз, но не вступался за нее никогда. Она водила грузовик и нарвалась на мину, все они там погибают одинаково. А она вообще была в резерве. Поу надеялся, что арабы, которые это сотворили, отправились на тот свет, надеялся, что их прикончил выстрелом в брюхо снайпер, который родился с охотничьим ружьем в руках, эти арабы наверняка думали, что им все сойдет с рук, а тут снайпер поправил прицел, и бум – и вот они пытаются удержать руками вываливающиеся кишки. Господи, что же случилось, ведь еще секунду назад ты был счастлив.

Ли протянула ему пиво:

– Они не позволили мне заплатить.

– Ты пропиваешь чью-то пенсию, – встрял Айзек. – Или пособие.

Ли изменилась в лице. Поу готов был вышвырнуть Айзека в окно. Она открыла рот что-то сказать, но тут рядом возник морпех. Лет двадцать, может, двадцать один, русые волосы на вид мягкие, как у ребенка, на шее и на висках прыщи.

– Вам не следует так долго сидеть на месте.

– Я больше не танцую, – строго ответила Ли.

– Да бросьте.

– Я пришла сюда отдохнуть с друзьями.

Парнишка окинул взглядом Поу. Потом деликатно взял ее за руку.

– Нет, благодарю.

Поу выступил вперед, скалой нависнув над морпехом.

– Муж спешит на помощь?

– Вот именно.

– Но ты-то не муж.

– Он мой муж, – сказала Ли.

– Дерьмо он собачье.

– Ступай к своим друзьям, – спокойно предложил Поу.

– Мы уходим, – скомандовала Ли.

Морячок сунулся было к Поу, но тот попятился. Задира рванулся за ним, но споткнулся и грянулся на пол. Пьян в хлам. Он что-то орал с пола,

прямо лежа орал. Поу пятился к выходу, Ли и Айзек уже ждали у дверей.

Поу продолжал отступать, не отводя глаз от морпеха, люди уже обращали на них внимание, медали вояки бестолково шлепали по синему кителю. Поу стало неловко за парня, *вставай*, мысленно приказал он, просто вставай. А потом заметил нечто странное – одна нога у морпеха вывернулась и была заметно длиннее другой, а из-под штанины что-то поблескивало, и весь пыл из Поу разом вышел, он только смотрел на ногу не отрываясь, туда, где не прикрывал носок, на светло-коричневый пластик и металлические шарниры вместо сустава, и никак не мог отвести взгляд. Голова закружилась, *ты же мог врезать этому парню*, вдруг дошло до него, *в прежние времена ты бы ему непременно врезал*, и на секунду он едва не потерял сознание, а потом увидел просвет в толпе, растолкал людей и бросился к выходу.

У дверей бара стояла полицейская машина, Поу замер, прижавшись к стене, но потом разглядел, что на заднем сиденье уже торчит кто-то в наручниках, а коп что-то пишет в блокноте. Боже, жизнь покатила под откос, думал он, все твои грехи навалились разом. Странно, что он раньше не обращал внимания. А теперь эта история с бродягами. Надо убираться отсюда, бежать из города. Думал, обойдется, но нет, люди же предупреждали, да он не слушал. Поу никак не мог вспомнить, где припарковалась Ли, голова кружилась, в руках это дурацкое пиво. Дальше по улице машина “скорой помощи”, задние двери раскрыты, внутри свет, кого-то укладывают. А, вон Ли с Айзеком. Когда Поу добрался до машины, двигатель уже работал, но, перед тем как сесть, Поу оглянулся, с полдюжину парней, вывалившихся из бара, разыскивали его.

– Прекрасно провел время, – фыркнул Айзек.

– У этого парня был протез.

– Но ты же не ударил его? – спросила Ли.

– Не ударил, – ответил Поу. – Слава богу.

– Хорошо, что у нас в руках было пиво, – заметил Айзек.

– Прости, – смущенно сказала Ли. – Мне не следовало болтать с ним так долго.

– Ты тут ни при чем.

– Конечно, нет, черт побери! – взорвался Айзек.

Всю дорогу до дома он молчал. Когда Ли припарковала машину, он выбрался наружу и вошел в дом, не обернувшись и не попрощавшись. Ли и Поу глядели ему вслед, а потом посмотрели друг на друга, и он уже собирался с духом пожелать ей доброй ночи. Домой он и пешком дойдет. Надо проветриться, привести голову в порядок.

– Не хочешь зайти, выпить чего-нибудь?

Он размышлял довольно долго:

– Ладно.

– Но остаться на ночь не получится.

– Я и не собирался.

Они сидели на кушетке на задней террасе, укрывшись одеялом; лицу холодно, но вообще тепло, слышно, как в лощине журчит ручей, сливаясь с другим, а потом они вместе впадают в реку. А река впадает в Огайо, а Огайо – в Миссисипи, а потом в Мексиканский залив и Атлантический океан, все связано. Все связано со всем. Все имеет значение. Глотнул еще вина. Перебрал, наверное. Он просто пьян.

Под одеялом тепло, они держатся за руки, и он закрыл глаза и растворился в ощущениях. Темное пятно там, где граница соседского сада, нынче там чащоба, пустой дом весь зарос кустарником.

– Когда я уезжала, там еще жили, – сказала Ли. – Паппи Кросс.

Поу допил вино, вытряхнув последние капли из горлышка прямо в рот. Новолуние, ночь темная, и все как будто нормально, будто и не было этих лет, все как раньше, и кого, интересно, он обманывает.

– Мы могли бы поговорить хотя бы.

– Прости, что не сказала тебе.

– Проехали.

Она положила голову ему на плечо.

– Это один из бывших, да?

– Саймон.

– Тот, что крутил со всеми девками?

– Прости. Готова повторить это столько раз, сколько потребуется.

– Он, конечно, изменился, теперь все по-другому. Обычная история.

Он не понимал, зачем говорит это, им же так хорошо сейчас, и вообще, похоже, есть шанс переспать с ней, если притвориться, что все как раньше, что он простил ее.

Ли вся сжалась, помолчала, но потом проговорила:

– Вообще-то у меня были причины остаться с ним, он не так уж плох. В любом случае, сейчас мы женаты и меньше проблем с уходом за отцом. Всем нам теперь полегче.

– Надеюсь, это внесено в твой контракт.

– Поу, – печально покачала она головой, – Поу, ты не представляешь... легко тебе говорить.

– Я защищал тебя перед твоим братом, но теперь думаю, что напрасно.

И чего он завелся, непонятно, но она будто была к этому готова, будто

того и ждала от него, она всегда здорово разбиралась во всяких чувствах и прочих тонкостях.

– Надеюсь, ты не рассказал ему о нас, – сказала она.

– Нет, но уверен, он сам догадался. После сегодняшнего.

Она вновь качнула головой. Не обрадовалась.

– Он сам виноват.

Ли высвободила руку.

– Я все узнал от твоего брата. Ты могла бы просто позвонить, сообщить, и все было бы о'кей. Ты могла бы рассказать сама, но я узнал от него, и, думаю, ты и сейчас просто навестила бы своих и даже не позвонила мне, если б сегодня не пришлось нас забирать.

– Потому что я замужем.

– Рад, что ты счастлива.

– Если тебе станет легче, мы с ним иногда не разговариваем по целым дням. Не помню, когда мы в последний раз занимались сексом.

Даже если она соврала, наплевать. Ему нужно было это услышать. Разумеется, ему стало легче, и ей, кажется, тоже, и через минуту они опять обнимались. Она сглотнула, он слышал, как бьется ее сердце, и подумал, что можно двигаться дальше. Она позволила себя поцеловать. Не противилась, когда он притянул ее ближе, и они сидели, голова к голове, и он ощущал ее аромат, некоторые девчонки пахнут душистым мылом или духами, но ее запах он узнал бы среди всех прочих. По утрам он просто наслаждался бы ее запахом, нюхал грудь, то местечко на шее, где начинаются волосы. Они долго сидели так, вдыхая ароматы друг друга, а потом он начал поглаживать ее спину и ноги.

– Это нечестно, – пробормотала она.

– Я люблю тебя.

Она вздохнула и зарылась в него.

– Ты не должна отвечать. Это ничего не меняет.

– Я тоже люблю тебя.

И вот она уже кладет ладонь на его голый живот. Его рука скользит под юбку, и Ли торопит его, он расстегивает и снимает джинсы, тянется к ней. Она хочет. Она сверху, он отодвигает ее трусики, и вот уже внутри, очень быстро. Она чуть приподнимается, не хочет спешить. Оба замирают. Она вцепилась в его рубашку, потом стремительно перекатилась на бок и освободилась от белья.

Они начали вновь, а уже через пару минут он увидел, как взгляд ее застыл, и прижал ее губы к своей шее, чтобы подавить крик. Постепенно напряжение спало, и они продолжали, уже медленнее.

– Хочешь сверху, – прошептала она.

– Кажется, я все.

– Я тоже.

Они немножко полежали не шевелясь, а потом разделлись окончательно, просто чтобы касаться друг друга, она легла спиной к нему, он обнял ее. У нее на спине была родинка, на лопатке, он наклонился и поцеловал. Тот, другой, так не делал, точно. Она не значила для него так много, ни для кого на свете она так много не значила. Но это неважно. И все не так, как раньше, но и это не имеет значения, он запишет это, новый жизненный урок. Да угомонись уже, мать твою, разозлился он.

Потом он подумал, что она делает это из жалости. Только в память о прошлом, но на самом деле она для тебя потеряна навсегда. Поу похолодел. Он мучительно анализировал случившееся, но потом решил, что все же нет, не из жалости, совсем по-другому, и успокоился. Но надо уходить, через какой-нибудь час он начнет злиться или тревожиться, не надо, чтоб она видела его таким. Он выскользнул из-под одеяла, принялся собирать свою одежду.

Она озябла и открыла глаза:

– Ты куда?

– Не знаю. Домой, наверное.

– Я тебя отвезу. – Она встала, голая. Такая маленькая. – Господи, как я надралась, – хихикнула она. – Неудивительно, что начала к тебе приставать.

Умозаключение это его несколько задело, но он все равно улыбнулся в ответ, голова встала на место, все как надо, двое старых друзей, приятная случайность, еще немного – и она возьмет его под покровительство, а потом бросит. Поу был рад, что это случилось, прекрасное напоминание о том, как все могло быть. Должно же оно что-то означать, это же больше, чем просто тело. Жизнь долгая, у него еще будут всякие чувства, только не с ней. Поу не понимал, почему так спокоен и уверен, и надеялся, что эта уверенность сохранится надолго, знал, что так и надо завершить историю с Ли. Закончилась одна из книг его жизни. Неохота про это думать.

– Я рад, что повидался с тобой еще раз, – сказал он. Откашлялся, заставил себя наклониться и нежно поцеловать ее в лоб. Она потянула его обратно на диван:

– Не останешься? Можно до самого утра.

– Мне надо домой.

– Я серьезно.

– Я знаю.

Уходя, он обернулся махнуть на прощанье и заметил какое-то движение в окне комнаты Айзека. И пошел дальше, вскоре скрывшись во тьме среди деревьев.

8. Ли

Она лежала на диване, разглядывая дом, в котором выросла, но последние пять лет старалась вычеркнуть из памяти; потолок в пятнах, клочки обоев поверх растрескавшейся штукатурки, и повсюду разбросаны книги Айзека. С тех пор как она уехала, книги заполнили дом. Старые учебники, которые он находил на барахолках, на полках стопки “Нэшнл Джиографик”, “Нэйчер”, “Попьюлар Сайенс”, журналы и книги на крышке мамино пианино, да вообще по всей гостиной – хаотической массой. Комната просторная, но инвалидное кресло отца проезжает с трудом. Генри явно решил не мешать сыну. А может, ему просто все равно. Человек, случайно заглянувший в окно, определенно подумал бы, что в доме живет сумасшедшая старуха с парой десятков котов.

С одной стороны, за это она и любила своего брата, за его любопытство, за стремление постоянно учиться, но это же и тревожило ее больше всего. Он становился все более замкнутым и эксцентричным. Верно, но он застрял здесь из-за тебя. Не то чтобы у нее был выбор. Она всегда думала, что вовремя сбежала, сбежала от чувства, преследовавшего ее все детство, – ощущения, что у нее никого нет на свете, за исключением такого же странного младшего брата. Не самые приятные мысли. Когда она попала в Йель, все изменилось, не сразу, но довольно быстро, чувство одиночества, которое сейчас она называла экзистенциальной изоляцией, куда-то пропало. Детство в Долине было далеким прошлым, будто частью чужой жизни. Она нашла свое место. Казалось абсолютно невероятным, что она покинет его и вернется сюда.

Наверху скрипнула половица: брат проснулся. Ли чувствовала себя виноватой. Я пытаюсь исправить ситуацию, напомнила она себе. Семья Саймона согласилась оплачивать сиделку, она уже позвонила нескольким кандидатам, завтра начнет с ними знакомиться. Быстрее было невозможно. Как учат спасателей – сначала нужно обеспечить собственную безопасность, а потом вытаскивать других. Этим она и занималась. Прочно встала на ноги и вот теперь вернулась помочь семье. Да, ты не слишком торопилась, но и это не совсем правда, она чересчур строга к себе. И спасатель из нее никудышный, чего уж – не очень крепкая, телом мелковата, да и техника оставляет желать лучшего. Любой крупный и тяжелый человек утащит ее за собой на дно.

Ли встала и направилась в кухню, огибая по пути лестницу. Из каморки

за кухней, превращенной в спальню, доносился отцовский храп, с длинными паузами, как будто дыхание останавливалось. Все дело в нем. Проблема – это он. Уши и шея горели, пришлось ополоснуть лицо прямо над раковиной; знакомое ощущение – будто происходит нечто жуткое, а ты понимаешь это слишком поздно – неизменно ассоциируется с этим домом, со всем этим городом. Переживаешь его всякий раз, возвращаясь домой. Скоро все они отсюда уедут. Она годами готовилась к разговору, к тому, как скажет отцу, что пришло время обоим детям покинуть родительский дом. Что ему придется остаться здесь одному с сиделкой или переехать в пансион, но Айзеку пора двигаться дальше.

Ли его любимица. К Айзеку отец всегда относился, как к приемному ребенку, потому что он, Генри Инглиш, был здоровяком из рода здоровяков, потому что Айзек любознателен, а Генри Инглиш – нисколько. А когда промахи, слабости и милые странности, простительные жене и дочери, проявлялись в его сыне, ему казалось, будто вся его мужская природа, вложенная в сына, все качества, что он так ценил в самом себе, растворились в чертах его жены. Включая и мексиканскую смуглость, унаследованную обоими детьми. Кожа была не темной, конечно, просто казалась загорелой, Айзек мог легко сойти за жителя гор. А Ли просто выглядела немножко иностранкой. Да брови еще совсем черные. Меж тем Генри Инглиш – бледный и рыжий. Был рыжим, по крайней мере.

Их мать приехала в Штаты учиться в Карнеги-Меллон и, насколько известно Ли, никогда не возвращалась на родину. К моменту рождения детей у нее не осталось ни малейшего акцента, и ни Ли, ни Айзек ни разу не слышали, чтобы она говорила по-испански. Ну да. Можно подумать, Генри позволил бы. Он не слишком обрадовался бы, узнай, что, заполняя бланк заявления в колледже и на юридическом факультете, в анкете ты отметила себя “латиноамериканка”. Ли много думала об этом, но, когда пришло время, поставила нужную галочку без колебаний. Это была правда и неправда. Она запросто могла бы выглядеть соответственно, если бы хотела, но языка не знала, даже детских стишков, – она была дочерью сталелитейщика, из правильной американской семьи. В Йеле выучила французский. После колледжа Ли блестяще сдала SAT^[12] и почти блестяще LSAT^[13], могла поступать куда угодно, но тогда ей хотелось определенности. Рассылать заявления, предвкушая будущее, было искренним наслаждением.

Многовато алкоголя, пожалуй. В качестве компенсации Ли проглотила пригоршню витаминов, запив целым стаканом воды, вернулась в гостиную.

К этому дому невозможно привыкнуть – он круче, чем у любого университетского профессора. Построен в 1901-м, дата выложена кирпичами над входом. Несколько пафосный, но тогда так строили. Отец любил дом, хотя никогда не признавался в этом. Они купили его в 1980-м, когда все постепенно начинало сворачиваться, когда люди в Долине уже не слишком были уверены в собственном будущем и не расположены покупать большие дома. Позже отцу именно поэтому пришлось согласиться на работу в Индиане, когда завод закрыли. Жил там в какой-то лачуге, а все деньги посылал семье. Теперь кажется глупостью. Но вообще именно так выглядит Американская Мечта. Вы же не предполагаете, что можно потерять работу, будучи прекрасным специалистом.

Ли была не готова подняться наверх и оказаться лицом к лицу с братом, поэтому решила переночевать на диване. В ее представлении изменять могли только мужчины. Интересно, почему все же она переспала с Поу? Может потому, что задолжала ему, пообещала – бывают такие обещания, которые дают не словами, а телом, – и не выполнила? Не столько тем, что вышла замуж, а тем, что ничего не сказала ему. А может, она хотела, чтобы этот брак кончился как можно скорее, и просто поторопила события. Нет, все же не хотела, но все равно выйти замуж в двадцать три – немножко смешно. Она согласилась, чтобы продемонстрировать Саймону, что простила его, причина не хуже прочих. Бывают дни, когда он не встает с кровати и едва замечает ее присутствие. У него сейчас трудный период, но, возможно, он всегда был таким. Период нелегкий, но Саймон вырос в Дарьене^[14], штат Коннектикут. И был несколько избалован.

И она по-прежнему любила Поу, безнадежно, и никого никогда не сможет так полюбить, потому что знала – из этого ничего не выйдет: Поу – парень из Долины, Поу любит Долину, Поу не прочел ни одной книжки после окончания школы.

Она не сожалела ни о чем, но, наверное, все дело в эндорфинах, еще не выветрившихся. А может, и нет. Саймон изменял ей множество раз, про трех девиц она знала точно, а про скольких еще нет? Интересно, закон о сроках давности распространяется на подобные случаи? Что же делать с Саймоном? Уже бесится наверняка, пусть она отсутствует всего пару дней, но он не привык справляться с делами самостоятельно, сбежал, скорее всего, к родителям в Дарьен. От Дарьена всего час поездом до Нью-Йорка, у него в том городе не меньше полусотни друзей, но он не любит уезжать из дому. Депрессия, да, но и привычка тоже. Привычка быть беспомощным. Несколько избалован – это грандиозное преуменьшение. Если бы у него вдруг закончились деньги... он ничего не добился бы. Ее

университетские приятели справились бы. Большинство из них честно и много работают, но ни один и понятия не имеет, что значит – хотеть того, чего не можешь получить. Ну если только трагическая любовная история, и все. Ты защищаешься, подумала она. Все оказалось лучше, чем ты представляла. Ты счастливее всех своих знакомых.

Но все же у нее были принципы. Вот ей совсем необязательно учиться на юридическом, но она учится. Саймон пытался отговорить, он хотел путешествовать – у его семьи есть дом в Провансе, почти всегда пустующий. Нет уж, чересчур банально – девочка с рабочей окраины выходит замуж за отпрыска богатого семейства, выгодная сделка. От одной мысли тошно. Не нужны ей их деньги. Но они искренне рады, что у них есть ты, самый благоразумный человек в семье, – жутковатая мысль. У них, безусловно, больше денег, чем она сможет заработать за всю жизнь, даже если получит место в Большой Фирме, но на это не стоит рассчитывать, будет работать в каком-нибудь Департаменте юстиции, за высокие идеи, бороться за гражданские права. Ага, все именно так себе и говорят: я поступаю в Гарвард, чтобы стать общественным защитником. Почему Гарвард? Ее приняли в Стэнфорд и Колумбию, она могла выбирать. Но что тут выбирать – разумеется, Гарвард. Ли не смогла сдержать улыбки. Ах ты чванливая стерва. Ну да, так и есть. Главное, чтобы никто не узнал. Просто сообщаем, что учишься в Бостоне, а потом, если просят подробностей... но никакой дополнительной информации, если не спрашивают. Даже звучало заносчиво и самоуверенно – Гарвард. Так же, как Йель, только хуже. А как же брат? Куда деваться твоему брату?

Они с Поу не слишком шумели? А если Айзек еще девственник и слышал, как они занимаются любовью с Поу? Ужасно. Она ведь ничего о нем не знает. Что там у них случилось? Вдруг что-то серьезное?

Ли не спалось. Она открыла глаза, села. Провела мысленную инвентаризацию дома: крыша, штукатурка, покраска изнутри, оконные рамы перекошились, кирпичную кладку кое-где надо поправить – и это только то, о чем говорил отец. Дом роскошный, но он будет стоить гораздо дороже, если подремонтировать, прежде чем продавать.

Потому что продавать придется. Айзек здесь не останется, а она не вернется, и Генри придется смириться с таким положением дел. Он-то готов принести Айзека в жертву, но вот она – нет. Впрочем, именно так ты и поступила. По твоей воле этот кошмар затянулся.

Сколько можно выручить за дом? В Бостоне или Гринвиче продали бы за два миллиона, но в Долине он уйдет тысяч за сорок. Соседний дом пустует двенадцать лет, даже табличка “Продается” стерлась и заржавела.

Штат построил новое шоссе на север к Питтсбургу, но по нему так и не проехала ни одна машина; в любом другом месте такое невозможно вообразить – гигантский хайвэй, никому не нужный, пересохшая главная артерия. Вы ни за что не поверите, что всего в нескольких часах езды от Нью-Йорка и Филадельфии, неподалеку от 95-го шоссе, существует такая дыра.

Ли решила почитать у огня, успокоиться. Отодвинула заслонку, уложила несколько поленьев на решетку, сунула под них старую газету, подожгла, но бумага быстро сгорела, а поленья только тлели – ни тепла, ни пламени. В доме завоняло дымом, и она распахнула окно, чтоб не сработали пожарные датчики. Вот ведь идиотка, выросла в глуши и умудрилась остаться бестолковой девчонкой. Не умеет ни костер разжечь, ни оленя пристрелить, ничего такого, и главное – никогда этим не интересовалась, хотя жила в Пенсильтуки, черт побери, какая досада. Может, прежде чем сбегать отсюда, следовало попросить отца обучить ее всем этим фокусам – стрелять по консервным банкам хотя бы, пистолеты у него есть. И отцу было бы приятно.

Просмотрела стопку книг, выбрала “Улисса”, но не смогла вспомнить, где остановилась. Неужели и впрямь такое великое произведение, если не помнишь, про что читал совсем недавно. Блум ей нравился, но Стивен Дедал навевал уныние. И Молли, она даже пролистала дальше, чтобы прочитать ту главу. Пикантно, однако, страницы и страницы мастурбации. Хотя бы сегодня не придется этим заниматься. Уже легче. А ведь стало привычным делом. Вот такой она была, юной горячей штучкой, и никто не нужен, удовольствие – дело собственной руки. Не стоило держать Саймона в строгости, право. Она лишь беспокоилась о нем. Он сбил девушку, даже машина была не его, это была машина Джона Болтона, и за рулем должен был сидеть Джон Болтон. Джон Болтон был почти трезв, но он любил подзуживать Саймона, провоцировать в нем дурное. Лучше бы у Саймона не было такого друга, как Джон Болтон. Хотя и другие не лучше. Все равно на шоссе был гололед. Установлено следствием. И думать не о чем. Она простила его. Так бывает – сначала не можешь простить, но со временем мнение меняется. Саймон сам себя не простил, и это достаточное наказание. Ли хотела, чтобы их жизнь наладилась, чтоб не было сумасшедших бегающих глаз, чтобы все просто стало как раньше. Вот только Поу такой теплый, что в него хочется завернуться, смотреть на него, бесконечно касаться его. Ты не будешь счастлива с Поу, не забывай. С Поу, который ввязывается в каждую драку. Поу никогда не уедет из Долины, ни за что. Кровь хлынула вниз все набухло и такое

чувствительное и хочется прижаться от одной мысли ноги сводит Поу Поу Поу ноги сами сжимаются какой у него плоский живот и крепкие мышцы на груди отец спит она сунула руку под юбку, нет, сегодня не надо. И убрала руку.

Вернулась к “Улиссу”. И так, руки для перелистывания страниц. Леопольд Блум ел свой ланч. А Ли хотела уснуть побыстрее. Может, найдется Генри Джеймс? На журнальном столике валялся старый томик “Бытие и ничто”. Сартр – тоже хороший вариант, прямо не хуже амбиена^[15]. Что же выбрать? Трудное решение, из таких и состоит ее жизнь. Пожалуй, все же Джойс, будет читать, сколько сможет. И через несколько страниц Ли счастливо задремала.

9. Айзек

Он проснулся от странного шума; надеялся, что наступило утро, но нет, глубокая ночь, звезды сияют. Телевизор? Нет, телевизор выключен. Шум с террасы. Поу болтает с Ли. Все понятно. Чуть позже он услышал, как Поу говорит, что любит ее, и она ему то же самое, а потом затихли, он чувствовал, как в ушах зазвенело, кожу на затылке покалывало, словно он пьян. Все они такие. Лгут тебе прямо в глаза.

Они на террасе, отец вывешивал там свою робу, чтобы не нести пыль в дом. Он помнил, как цеплялся за отцовские ноги, но отец, в длинных грязных шароварах, отпихивал его, пока не переоденется. Любопытно, это настоящее воспоминание или ты просто думаешь, что такое могло быть?

Он прислушался, сестра внезапно застонала. Все они одинаковы, такова человеческая природа. Даже твоя собственная мать ушла на дно. С полными карманами камней. И вся жизнь промелькнула перед глазами в один миг. Лучше ей от этого стало или хуже, интересно.

Надо бы промочить горло. Продолжай в том же духе. Продолжай – и в два счета окажешься в той же реке. Он поднялся, постоял у раскрытого окна на прохладном сквозняке, голова кружилась, комната казалась ненормально большой, стены убежали в черную бесконечность, точно в кошмарном сне, он вспомнил, как мама прикладывала холодные компрессы к его шее. Преподавала в четвертых и пятых классах, потому что со старшими не справлялась. Старик всем рассказывает, что ее столкнули в воду. Попытка замять дело, говорит, нераскрытое убийство. Самоубийце на небеса не попасть.

Даже она жила только для себя. Устала и сбежала. Легко быть

великодушным, когда от тебя ничего не требуется, но когда нужно принять трудное решение, гляди, что все они выбирают. Отчего ж не поступать правильно, когда легко. Она, Поу, Ли, старик. Все они – будто единственные живые существа на земле. А ты вечно ждешь чего-то иного. Ну сам и виноват, нечего ждать.

Это ты позволил ей уйти – видел, как она удаляется по дорожке, последний раз видел ее. Может, ты вообще последний, кто ее видел. А может, она кого-нибудь встретила по пути. Хорошо бы так, или лучше не надо. Какое счастье, что ты видел ее. Поднялся к себе и заметил ее в окошко. Что-то в этом было неправильное, но он не понял что. Чудесный денек, она пошла прогуляться. Вернулся к чтению. Журнал “Тайм”. Я читал “Тайм”, когда моя мать умерла. Если бы я бросился следом за ней. Но с чего бы – никаких причин не было. Прекрасный день для прогулки. Никто не подозревал. Нечто, чего никто о тебе не знал. Я не знал, думал он. Ладно ладно ладно. Выбрось из головы.

Он стоял в темноте, прислушиваясь. Вновь голоса, хихикают, потом дверь открылась и закрылась. Он смотрел, как они идут по дорожке, взявшись за руки, как целуются на прощанье. Может, ты просто завидуешь их счастью. Но нет, вовсе нет. Поу зашагал один через темный луг вниз по склону к дороге, Айзек смотрел, как забавно он подпрыгивает при ходьбе. Поу обернулся и помахал Ли. Вот и все, до тебя, сопляк, им дела нет. Злишься, потому что они счастливы. Да нет же, это совсем другое. Это из-за того, что у них внутри. Каким-то образом ты обнажил в них худшее, что есть.

Потянулся включить свет, но уже поздно, в груди какой-то странный трепет, сердце забило быстрее, ноги ослабели, и он сел. Теплая волна, как будто обмочился. Короткое замыкание. Попытался вдохнуть глубже, но сердце колотилось слишком быстро, трепетало и не могло качать кровь. Как тот парнишка, что умер на футбольном матче. Без покаяния. Господи, прошу, подумал он. Привалился к стене и наконец-то смог толком вдохнуть и краем сознания отметил, что вокруг опять стало холодно и сыро. Хотел позвать сестру и не смог, а потом все вроде прошло. И стало неловко.

Надо убираться отсюда, скорее почувствовал, чем подумал он. Поднялся на трясущихся ногах, включил свет, осмотрел себя, костлявое обнаженное тело, почти никакой плоти. Он все еще дрожал, хотелось сесть отдохнуть, но заставил себя стоять, пока ноги вновь не обретут крепость. Он был весь липкий от пота, но снова в форме. Вставай и пошевеливайся. Убирайся. Отсюда. Прочь. Обтерся рубашкой и поморщился. Посмотри на

себя: как дошло до дела – сразу Господи всемогущий, приди и спаси меня. Покаяние дарует прощение. О боже. Ему было неловко, хотя, конечно, никто не стыдится собственного страха перед лицом неотвратимого. Сходи-ка еще в церковь Сент-Джеймс. Старый добрый отец Антоний, поборник нравственности и любитель мальчиков из церковного хора. Десять раз “Аве Мария” и минет. Джерри как-там-его, одноклассник Ли, раскололся. Тем не менее полгорода продолжает ходить в церковь – проще поверить, что малыш Джерри соврал. Трахай наших сыновей, но нашу веру тебе не поколебать.

Айзек понимал, что несправедлив к сестре. Она неплохой человек. Это все мамина смерть, она изгнала Ли отсюда, сестра уехала в колледж сразу после несчастья. Он не думал, что она выбрала другую жизнь, но ей был предложен иной путь, и Ли согласилась. Как можно ее за это осуждать? Ты всего однажды побывал в Нью-Хейвене и понял, что ей нужно именно это. Может, и тебе тоже, но теперь уже слишком поздно. Нет, это просто твоя чертова гордость.

Почти все, что ему нужно, осталось в рюкзаке, спрятанном около старой мастерской. Это первый пункт на повестке дня. Место преступления, но что с того. Как он мог быть сегодня таким болваном, взять и попереться напрямик через поле. Надо было разведать окрестности, убедиться, что никто не следит. Задним умом крепок. Правила изменились. Больше никаких дурацких ошибок. Он отыскал запасную пару термобелья, начал одеваться, так, сверху штаны карго, теплую фланелевую рубаху, шерстяной свитер. Не забудь нож, может пригодиться.

Ножны он передвинул назад, чтобы не мешали, но оставались на ремне. Оглядел себя в зеркале, с ножом на поясе, смешно. Спускайся и поговори с сестрой. Нет, поздно. Глупо, но иного пути нет. Умирают в одиночку, думал он. Время детских забав закончилось.

Ты не собирался уходить вот так. Но теперь вынужден. Однажды взял машину, доехал до Чарлроя, потом добрался до 70-го шоссе и все ехал и ехал, просто чтобы почувствовать, каково это, пока бензин почти не кончился, вернулся домой уже в темноте, а он ждал тебя. Сидел на террасе, просто сидел и ждал. А тебе вообще-то уже двадцать лет.

Я пропустил встречу с Терри Хартом.

Почему ты не попросил его забрать тебя?

Ты же знаешь, я этого не люблю.

Ладно, сказал ты тогда. Прости.

Это моя машина, сказал он. Ты можешь ее брать, только если

сообщаешь мне, куда собрался и когда вернешься.

Он сознательно давил на тебя – машина была твоей единственной свободой. Но это в его духе. Мог бы одолжить тебе денег на покупку машины, но нет же. Когда ты нашел работу в Библиотеке Карнеги – два часа на автобусе каждый день, – он внезапно заболел. Четыре вызова врача за неделю. Хотел, чтобы ты сидел дома, но напрямую не сказал. Предпочел собственный способ. И ты сдался. Часть тебя даже радовалась. Та же самая часть, что удерживает сейчас на месте вот уже битых два часа.

Воздух в комнате внезапно сгустился, он ощутил безудержную потребность выскочить наружу как можно быстрее, но напоследок все же огляделся и заставил себя мыслить здраво. Глиняная копилка в форме школьного домика, которую подарила мама, прежде он не хотел разбивать ее, но сейчас стукнул об угол комода, собрал доллары и четвертаки, пересчитал, тридцать два пятьдесят, мелочь оставил на кровати. Обшарил ящики стола в поисках того, что нужно прихватить, карточка социального страхования, что-нибудь еще, но в прошлый раз он собрался так тщательно, что ничего стоящего здесь не осталось. Все – деньги, записи, вообще все – покоилось в походном рюкзаке под грудой металлолома. Если никто его не нашел. Маловероятно. У них не было причин обыскивать окрестности, все, что им нужно, лежало на виду. Бросил короткий взгляд на фотографию матери над столом, но в душе ничего не отозвалось. Это из-за ее ухода ты потерял Ли, а теперь и Поу. А может, это произошло давным-давно. Неважно. Все равно хорошо, что теперь ты все знаешь.

В школьный рюкзачок он затолкал плед и запасные носки, просто на всякий случай. На случай ничего. Надо будет раздобыть другой рюкзак. Напоследок проверив все еще раз, он тихо спустился по лестнице, сестра спала на диване, ноги укутаны старым рваным пледом. Он не отводил от нее глаз, зашнуровывая ботинки. Изменила мужу и спокойно уснула. На редкость высоконравственно. Совесть удалена при рождении. То же самое можешь сказать и себе, кстати.

Она приоткрыла глаза, сонно приподнялась. Он прошел мимо нее к двери.

– Айзек? Ты куда?

– Никуда.

– погоди секунду.

– Я слышал вас с Поу.

Она, похоже, смутилась и сразу проснулась, заметила его рюкзак, куртку и туристские ботинки. Стремительно сбросила плед, вскочила.

– погоди, – заговорила она. – Это совсем не то. Это вообще ничего не значит. Просто старые связи, но теперь все кончено.

– Ты сказала ему, что любишь, Ли.

– Айзек.

– Я верю тебе. Я знаю, что ты говоришь то, что думаешь.

– Просто выслушай меня.

Сестра шагнула к нему, задела стопку книг, которые с грохотом свалились на пол, она испуганно вздрогнула. На миг почудилось, что он понял ее – волосы всклокочены, под глазами круги, старая гостиная завалена хламом, при матери такого никогда не бывало. Дом, словно державшийся на ней, теперь рассыпался, в буквальном смысле. И Ли не знала, как с этим справиться. Единственный способ, ей доступный, – бегство.

– Скоро мы оба отсюда уедем, – сказала Ли. – Очень скоро.

– Это уже не имеет значения.

Она смутилась, но тут старик что-то закричал из своей комнаты.

– Пойдем посмотрим?

– Это он во сне, каждую ночь так.

Она кивнула. Ну да, потому что от нее ничего не требуется, подумал он. И снова разозлился.

– Клянусь, все вот-вот наладится.

– Ты опоздала на один день.

И, не дожидаясь ответа, вышел и направился напрямиком к дороге.

Книга два

1. Поу

Домой он шел, навскидку, с полчаса. Пару миль, плюс-минус. Через весь город, по главной улице, где было даже темнее, чем обычно, нигде ни огонька, разве только в “Таверне Фрэнка”. Они заглядывали сюда всего несколько часов назад, а казалось – вечность прошла. Давно закрыто, но свет горит. И всем понятно почему. Поу старался не заглядывать в окно и побыстрее пройти мимо, никогда не знаешь, кто там сидит. Из-за неуплаты налогов бар собирались прикрыть, но Фрэнк Мельтцер каким-то чудом раздобыл деньги, сказал, тетушка оставила наследство, но люди поговаривали, что он смотался во Флориду и вернулся оттуда с полной машиной наркоты. Наварил десять тысяч баксов. Если судимостей нет, биография чистая, можно позвонить нужным людям, и дело в шляпе, но только если досье чистое. Наркокурьер, так это называется. Но тут как в кино: раз вляпался – больше тебя не выпустят. Может, Фрэнк Мельтцер уже и жалеет, что связался с этим делом. Есть еще одно местечко, за городом, “Маленькая Польша”, какие-то русские бандиты его купили, но кормят там вкусно, люди готовы даже ездить туда, чтоб попробовать “pierogi” и “kolbasa”.

Поу шел довольно быстро. Ноги-то длинные, сам здоровый. И все думал-думал. Мечтал – поедет к ней. Поедешь к ней в Коннектикут. Там полно колледжей, получишь стипендию. Да господи, кому он врет. Она-то смылась туда со своим дружкой, который теперь ей муж. Ой, эти его дурацкие переживания, ерунда это все, сплошные фантазии, не последний раз они переспали, такое у него чувство, не то чтоб совсем трагедия, рыдать и выть на луну. Но близко к тому. Они еще окажутся в постели, и это будет безумный секс, пять-шесть часов, с криками и рычанием, со стонами и нежными объятиями и полной и абсолютной пустотой после. И больше он ее никогда не увидит. Она никогда не вернется в Долину, в этом он уверен. Четыре года, четыре года спущены в унитаз. Но, дьявол, какие четыре года, не было никаких четырех лет, просто забава длиной в четыре года, это не то же самое, что быть вместе. Они никогда по-настоящему и не были вместе, кроме тех рождественских каникул три года назад, когда она приехала на целую неделю. Целую неделю они гуляли, держась за руки и все такое, целовались, ну как положено нормальной парочке. А в остальное время был только секс. Сначала вроде клево – симпатичная девчонка, которой нужен только секс и ничего больше. Сразу и не верится, что такие

девчонки вправду существуют. Но сейчас почему-то совсем не кажется клевым. Она всегда возвращается в ту, другую свою жизнь, потому как в этом все дело, у нее две жизни, и эта, в родном городе, – это жизнь, от которой она никак не может избавиться. Там у нее другой мир, он никогда не видел, но по ее рассказам представляет: богатые особняки, культурные образованные приятели, дворецкий. Не просто там врачи или юристы какие, а вообще другой уровень. Высшее общество, где полагается иметь дворецкого. Хотя, может, это только в кино. Может, дворецкие уже не в моде. Наверное, сейчас все автоматизировано, роботы там всякие.

И гляньте на него, бредет пешком по грунтовке, по настоящей грунтовой дороге. Поу представил ее мужа, за рулем BMW, или что там у него, “ой, только посмотри, дорогой, мы едем по настоящей грунтовой дороге”. Как оригинально. Угу. Видел он эту рожу как-то на фотке, когда тот был еще просто одним из дружков Ли. На гомика похож. Типичный гомосексуал. В розовой рубашонке. Может, у них в Коннектикуте это ничего особенного не означает, но здесь такое носят только пидоры, и у Поу на душе здорово полегчало тогда. Но он все равно тащится домой по пыльной дороге, и доехать ему не на чем, и вместо особняка у него трейлер, вон впереди уже маячит. Свет на крыльце горит. Почти пять утра. Прежде чем войти в дом, он нырнул на секунду в кусты, чтоб не будить мать звуками из ванной. Он старался не шуметь: мать, она вообще плохо спит, и если уж кому нужно поспать года три без перерывов, так это ей, точно.

Поу крадучись проскользнул в дом и сразу в постель. Засыпая, напомнил себе, что вообще-то у него серьезные проблемы, но как-то неудобительно получилось. Все устаканится, решил он.

Проснулся Поу поздно, с ясной головой, давно уже не чувствовал себя так хорошо, глянул на часы – мать уже ушла на работу. Лежа в постели, в ярком солнечном свете, опять думал о Ли. Окно, выходящее на юг, всегда бесило, как солнце встает – не уснуть. Надо починить жалюзи, пару месяцев как сломаны. И постеры на стене отклеились, *Kiss*, и чего он в них нашел, еще и *Rage Against The Machine*, а эти, говорят, коммунисты. Зато без штор в окно отличный вид, далеко, до самой реки, и на солнце комната прогревается быстро. Хорошо, хоть и не выспишься толком. Зато тепло.

Надо бы пойти в библиотеку, заполнить заявление в колледж, сегодня 10 апреля, начинается новый день, и так до самого последнего в жизни. Но и тогда все будет так же – день, когда он помрет, начнется так же, как и любой другой. Впрочем, он надеялся, наступит этот день еще не скоро. Поу встал, вышел на улицу прямо в трусах, еще один прекрасный день, в

который вспоминаешь, как здорово просто быть, просто дышать, и плевать, если все остальное хуже некуда. Ты дышишь, думал он, а это уже немало, не все могут этим похвастать. Посмотрел на свою машину, “камаро” 1973 года, последняя модель с нормальным бампером, пока идиотские федеральные “требования по сопротивлению удару” не уничтожили всю линейку. Он бы ни за что не согласился на модель моложе 73-го. Это надо совсем дебилом быть. “Камаро” так и стоял там, где его выгрузил эвакуатор месяц назад. Грязь и опавшие листья залепили кузов, а он ведь немало отвалил за покраску. Коробку он угробил, когда гонялся с Дастином Макгриви и его WRX Subaru, Дастин жал на газ со всей дури, чуть клапаны не сорвал, и в первый раз Поу его сделал, а во второй полетела коробка передач, родная “турбо-матик”, разлетелась на кусочки, и пришлось оставить “камаро” в кювете, а Дастин подбросил его до дома. Для американской стали это перебор, сказал Дастин. А Поу ответил, хорошо, мол, это не машина матери, забирая с собой ароматизатор с Иисусом.

Это тебе урок, решил он, японская машина Макгриви победила только потому, что не развалилась сама по себе. Они знают дело, эти японцы, – до сих пор не жалеют стали. Специальные присадки. Хочется верить в величие Америки, но кто-нибудь обязательно напомнит, что немцы и япошки производят ровно столько же металла, что и Штаты, а обе страны размером с Пенсильванию. Не то чтобы он знал наверняка, но похоже на правду. Пенсильвания – большой штат. Но все дорогие машины выпускали там, за океаном, – “лексус”, “мерседес”, все остальные. Это со всей страной так, думал он, славные деньки миновали.

Ладно, он всяко вложил в “камаро” почти восемь штук, литые диски 350 “Велд”, покраска – в основном, правда, по кредитке, давно исчерпанной. Можно выручить за него четыре тысячи максимум. Или три с половиной. Откровенно говоря. Сплошная ржавчина. Не лучшее вложение. Да уж, не предприятие Чарлза Шваба^[16]. Купил бы что подешевле, приемистое и скоростное. “Тойоту” какую-нибудь. Он прикинул выгоды, но нет, эта тачка, старый “камаро”, ни разу не помогла ему подцепить юбку, которую он и так запросто не подцепил бы. *Магнит для щелок* – так называли его тачку парни из магазина винтажных автомобилей, да хренотень это все. Не верьте тем, кто несет такую чушь. Машина – дрянь, с какой стороны ни посмотри. Мать была права.

Надо будет продать ее через интернет, вывесить объявление, когда пойдет в библиотеку заполнять анкету в колледж. Найдется какой-нибудь болван вроде него и купит. А он взамен возьмет старый “сивик” или

“терсел”. Нет, только послушай себя. Собираешься купить нормальную маленькую машину. Да еще месяц назад такое и привидеться не могло. Ты меняешься прямо на глазах.

Поу взял ведро, шланг, смыл грязь и листья, притащил из дома специальный автошампунь, умыл “камаро” как следует, чтобы тот не слишком напугал потенциального покупателя. Он так и возился в одних трусах. Приятно на солнышке почти нагишом, тепло.

Со стороны дороги донесся звук мотора. “Плимут” матери. Он не ждал ее так рано, но бывает: руки у нее с каждым днем все хуже. И это он тоже не брал в голову, хотя совсем скоро мать не сможет работать – по крайней мере, столько. Зимы ее просто убивают. “Плимут” подрулил к трейлеру, и вот она, его мать, в воскресном наряде, и он рядом – в трусах во дворе, в середине дня. Она покачала головой, но совсем не радостно. Не понравилось ей такое зрелище.

– Продаю. – Надо же объяснить, почему его застали в таком виде.

Мать молча смотрела на него.

– Тачку продаю. Куплю что-нибудь на ходу. В колледж собираюсь. В сентябре, если получится.

Она все так же молчала.

– Позвоню тренеру из Колгейт-колледжа. Он сказал, чтоб обращался к нему когда угодно. Да и других мест полно. В любом случае в сентябре пойду учиться. Хотя бы в наш университет в Калифорнии или еще куда.

– Угу, – буркнула она и прошла мимо. Не поверила.

– Я серьезно, – крикнул он вслед.

Мать вошла в дом.

Он заторопился следом, натянул штаны, как будто в них выглядел серьезнее.

– Правда собираешься или просто так языком болтаешь, чтобы я не начала брать с тебя плату за проживание?

– Правда. Сейчас пойду в библиотеку запрошу анкету. Пускай пришлют почтой поскорее.

– А рекомендации от учителей и табели с оценками?

– Точно. И это тоже сделаю. – Про эти детали он и позабыл.

– Билли?

– Чего?

– Ты хороший мальчик. – Она нежно обняла его, но он все равно чувствовал – не верит. И кто бы обижался?

Поу проголодался, но в холодильнике не нашлось ничего подходящего. Морозилка тоже практически пуста. Немножко оленины никогда не

повредит, надо бы сходить поохотиться, браконьерство – это у них семейное. Оленей развелось пропасть, сезон продлили, но все равно сократить численность не удастся, так что немножко браконьерства только на пользу. Пятьдесят фунтов свежего мяса, дармового. Мать, правда, к нему не прикоснется.

Он оделся, достал свой 30-30, настоящий винчестер 94, когда “Винчестер” еще не начал выпускать нынешнее говно, этому ружью полсотни лет. Стреляные гильзы выбрасывает вверх, как положено, и никакой оптики – оптика для тех, кто стрелять не умеет. Настоящий лаймановский прицел. Можно было подумать, что ружье досталось ему от отца или деда, но им бы ни за что не оценить такую игрушку. Он сам накопил денег и купил, наплевав на новые модели, пусть пластиковое барахло и вдвое дешевле.

Сунул в карман несколько патронов, три – в самый раз, и вышел в поле. Весна наступила, аромат свежей зелени повсюду. Поу забрался в маленькую охотничью засидку, которую сам соорудил неподалеку от дома, потянул носом воздух, даже сырая земля в укрытии пахла вкусно, это запах проклюнувшихся молодых растений. Запах самой жизни, ага. Затолкал в магазин пару тупоносых патронов. Жизнь идет по кругу. Будет продолжаться и после меня. Как славно начинался день. И он его практически проспал, ни в какую библиотеку уже не успеет. Хотя сегодня воскресенье. Она, поди, и так закрыта. Тогда вечером он все подготовит, а завтра отправит письма в колледж. Но денек-то и вправду чудесный, и нечего просиживать такие дни по библиотекам.

Поле не обрабатывали давным-давно, все заросло высокой травой и золотарником. Скоро надо косить. Вот завтра и займется, а то некошеное поле долго полем не останется. И вообще хорош уже быть бакланом, который все откладывает на завтра. Пришла пора взрослеть. По сути, он до сих пор маменькин сынок. Приходится признать. В чем-то он хорош, да, но далеко не во всем. Поу окинул взглядом пространство, расстилавшееся во все стороны насколько хватало глаз, цепи холмов и низин, глубокие морщины земли, будто Творец собрал ее в горсть и сжал. Так забавляешься с кожей на собачьей морде, сгребая в складки. А он ведь так и не собрался завести другую собаку. Все еще тосковал по Медведю. Но Медведь умер два года назад. Тоскуешь или просто лень возиться? Поу вернулся к созерцанию окрестностей. Бог тут, конечно, ни при чем. Айзек наверняка знает, почему наша округа так устроена. Какие-нибудь подземные плиты, все такое.

Поле постепенно понижалось к реке, а потом опять поднималось вверх,

сотня оттенков зеленого, нежнейшая молодая травка, молодые почки на дубах, темные тени сосновых иголок, ели. Весна – блин, даже животные любят весну. Вот называешь это все зеленым, но это ведь неправильно, должны быть разные слова, сотни разных слов, чтобы описать такую красоту. Когда-нибудь он обязательно придумает нужные, свои собственные. Воздух прохладный, а небо ослепительно голубое. Чертовски славный день. Должно быть, давным-давно, когда здесь жили индейцы, было так же прекрасно и зелено. Он не понимал, почему люди хотят уехать отсюда. Восхитительное место, без преувеличений. Все из-за работы. Но ситуация меняется. Долина возрождается. Хотя никогда не станет прежней, и в этом проблема, конечно. Людям трудно привыкнуть – прежде богатый край, ну пускай не богатый, но вполне успешный, сталелитейщики зарабатывали тридцать долларов в час, это были огромные деньги. Никогда уже не будет по-старому. Пошло прахом давным-давно. Никто сейчас не станет упираться за гроши. Он был еще маленьким, не понимал, что мир рушится. Видел только хорошее. Мне повезло, решил он, замечать только светлые стороны. Мы первое поколение, которое выросло в новой реальности. Да, именно так, новое поколение. Но в некотором смысле жизнь берет свое. Отсюда, прямо с того места, где он сидит, видны поросшие лесом участки, которые в его детстве были возделанными полями. Дуб, вишня, береза – земля возвращается в свое естественное состояние.

Поу рассматривал свои охотничьи угодья: полоска леса по краю их участка, почти аллея, вдоль поля вниз к ручью. Здесь вообще повсюду ручьи, такая земля. Она полна жизни, эта земля, но люди проходят мимо, не замечая, как и он раньше не замечал. Олени должны появиться вон там, в просвете деревьев у ручья. Он выберет самого маленького. Поу расслабился, в голове стало пусто.

Время шло, а он просто смотрел, как в трансе, тело оцепенело, он его почти не чувствовал, не шевельнулся и не вздрогнул ни разу, только глаза двигались. Это особое умение – разделить тело и сознание. Очень естественно, как часть природы, учил его отец, наблюдай за животными, долго ведь не просидишь неподвижно, а и не надо, надо просто слиться с окружающим, раствориться в нем. Пускай все естество твое уснет, кроме глаз. Но люди утратили это умение. Им больше не нужно становиться частью мира. Они проносятся сквозь него. Что-то в этом неправильно, думал Поу. Вот сам он ни за что не станет жрать гамбургеры из “Макдоналдса”, ему в них чудится химический привкус, и желудок у него слабый. Зато запросто может умять шмат оленины, или целого кролика,

или куропатку, или еще кого-то, живущего в лесу, главное знать, откуда взялась твоя еда. Любое дикое мясо, короче, идет тебе на пользу. Но, блядь, “Макдоналдс”. Вообще не о чем говорить. Не самая жуткая дрянь, кстати. “Бургер Кинг”, “Венди” – такое же дерьмо. У него от их жратвы сразу понос. Вернее всего, от химии. Он бросил взгляд на часы, только минута прошла. Вот она, награда за мысли. Время останавливается, когда начинаешь думать. Он опять сосредоточился. Представил оленя. Дремлющего в безопасности под деревьями, где слышен любой шорох. Но скоро проголодаешься или захочется глотнуть воды из прохладного ручейка и придется пересечь крошечный открытый участок. Поу потянул носом, осторожно повернул голову и вновь принялся. Ветер не изменился, по-прежнему дует в его направлении, от деревьев. Олени его не почуют.

Подождем, пока они пойдут на водопой, к свежему холодному источнику. А с Ли все будет хорошо. Пускай она замужем, но все равно любит меня. Сегодня вечером увидимся, интересно? Их разрыв не должен быть такой уж трагедией. Они любили друг друга, но звезды этому не благоприятствовали, скажем так. Она поступила правильно. Потом подумал об Айзеке и о мертвце на старом заводе. Поу вздрогнул, плохая мысль, он ее отбросил. Харрис все уладит. Да, он облажался по-крупному, но Харрис разрулит.

Он услышал, как к дому подъехала еще одна машина. Кто-нибудь из материных ухажеров. Может, пойти проверить? И напрасно потерять два часа сидения в засаде и единения с лесом. Белки и птицы снуют по веткам, будто тебя и вовсе на свете нет. Маленькая Миссис Белохвостая олениха уступит первой. А он сидит тут, как старый индеец, ждет. Олени залегли, поди, ярдах в ста отсюда.

Минут через двадцать вверху на поле что-то зашевелилось. Поу медленно повернулся в ту сторону, но ружья не поднял. Потом увидел, что это не олень. Человек – Харрис – возник на верхушке холма рядом с трейлером. Поу видел, как солнечный зайчик блеснул на его лысине. Харрис внимательно осматривал поле. Черт, он заметет меня за браконьерство. Вчера зацапал, и вот опять сегодня. Подмышки внезапно взмокли, он видел, как Харрис сканирует пространство, и почти слышал, как работают его мозги. Харрис увидел цепочку деревьев, густые заросли, кучу хвороста, откуда отлично просматривается местность. Лучшее место для засады, и Харрис двинулся вниз, прямо к нему. Поу знал, что в кустах его не заметить, да и солнце светит в лицо Харрису, но тем не менее он решительно шел прямо к Поу. Нет, дело не в браконьерстве. Он бы не

поперся в такую даль за простым браконьером. И вообще не мог про это знать. Айзек был прав: Харрис ждал благоприятного момента, а он-то, идиот, спокойно завалился спать, ничего толком не придумал. Харрис все понял, ему лапши на уши не навешаешь. Ли ни за что не станет с ним даже разговаривать, он ведь втравил ее брата в такое дерьмо, вот уж кому не нужны проблемы, так это Айзеку Инглишу, он, бедолага, пытался с собой покончить, как его мать. Поу чувствовал тяжесть ружья. До Харриса двести ярдов, может, сто восемьдесят, он больше ни о чем думать не мог, поправка шесть дюймов. Другого шанса не будет. Ты или кто-то другой. Харрис, он же просто чертова машина, всем известно. Он все смотрел и смотрел на Харриса и все время только об этом и думал. Странное ощущение в животе, страх, скоро пройдет. Когда он наконец прицелился, Харрис был уже шагах в семидесяти. Боже. Черт, ты чертов лунатик, полный придурочный псих, который собирается застрелить полицейского, который знает тебя с самого детства. Как будто это решит твои проблемы.

Поу сунул ружье под кучу хвороста и чуть отполз, чтобы, когда Харрис застучает его, он был подальше от оружия.

Харрис ждал, пока Поу поднимется.

– Билли, – позвал Харрис.

– Здрасьте, шериф Харрис.

– Пошли, и ружье заberi, чтоб не заржавело здесь.

Поу беспомощно смотрел на офицера.

– Пойдем. У нас есть дела поважнее.

2. Айзек

Он выбрал тропинку вдоль ручья, новолуние, подумал, ночь совсем темная. Вскоре ложбина плавно превратилась в плоское русло, и он оказался на территории сталелитейного завода к югу от города. Айзек взял севернее, мимо пустых цехов, каждый длиной в четверть мили и высотой в двадцать этажей. Миновал четыре оставшиеся доменные печи с генераторами при них, насквозь проржавевшие конструкции печей по-прежнему вздымались над прочими постройками, каждую оплетала паутина из сотен гигантских труб. И десятки вагонеток для вывоза шлака. Айзек прошел под стрелой крана, потом потянулись штабеля стальных балок разной формы, еще какие-то детали. Все деньги ушли на демонтаж. Никто не захотел купить старый завод. Слишком много долгов и обязательств.

Вокруг темно, Айзек чувствовал себя спокойно.

Он направился вдоль железнодорожных путей, ведущих от завода, прочь от города и старой школы, прочь от дома Поу. Прошлое быстро скрылось из виду. Насыпь узкая, извилистая, вырезанная в склоне холма, густой лес подступает с обеих сторон, звук шагов разносится далеко-далеко. Малыш по-настоящему отправился в путь. Одиноким сейчас, как и тогда, когда пришел в этот мир. Самое глухое время – дневные существа еще спят, а ночные уже угомонились. А Малыш все идет. В Калифорнию. В тепло своей собственной пустыни.

В лесу кое-где бродяги устроили временные пристанища, Айзек держался настороже, бдительно высматривая среди деревьев свет костра. С Малышом все будет хорошо. Змеиный король и принц бродяг. В небе над головой стремительно проплыла яркая звездочка. Спутник. Верный товарищ арабских купцов и астронавтов. И всех странников.

Небо постепенно окрашивалось бледно-серым, и за несколько минут до настоящего рассвета он подумал: *вот сейчас*, и почти сразу первый щебет, а следом еще один, а спустя несколько секунд в кустарнике и лесу зашуршало, захрустело, пение птиц, хлопанье крыльев, танагры, дубоносы, иволги. Все одновременно. Живут по неизменным правилам, век от века. Не то что Малыш. У него свое собственное солнце и собственный восход. Он вообще предпочитает ночь.

Солнце ярко высветило противоположный берег реки, а на этом тени стали еще темнее. Впереди он разглядел высокую трубу и

полуразрушенную водонапорную башню вагоноремонтной мастерской. Айзек занервничал. Нет, Малыш преодолет любые искушения. Его острый разум против каждого, кто посмеет сказать *не убий*. Он заберет свой рюкзак и все свое добро именно ради своих прав. Но на этот раз подойдет к мастерской с тыла.

Айзек свернул от железки вверх по склону к маленькому ручью, скрывавшемуся под естественным навесом из ольхи, светлая кора пятном на фоне окружающей зелени, языки мха, свисающие в прозрачную воду. Цветущие растения. Белые – лапчатка, лиловые – не знаю, что такое. Сонтрава – исчезающий вид – слишком привлекательная, на свою беду. Ручей пробивался из впадины на вершине холма, и Айзек лег на влажный мох и плескал ладонью холодную воду прямо в рот, пока желудок не заполнился. А потом медленно крался через лес, скользя от ствола к стволу, пока не добрался до места, откуда видна была просека, где накануне стояла машина Харриса. Пусто. Но и дальше он все равно двигался, скрываясь за деревьями, вдоль просеки, пока не оказался рядом с лугом и мастерской. Солнце поднялось уже довольно высоко. Он заглянул в черный провал двери. Чувство вины и еще что-то. Место торжества и победы. Не должен бы гордиться, но поди ж ты. Чувство вины еще острее, и он пошел искать рюкзак.

Потребуется более глубокая рефлексия, решил он. Сколько ты знаешь людей, которые ни разу в жизни никого не стукнули в гнев? Только ты один такой. Считаю случившееся тем вечером.

Меж тем вот он, твой рюкзак, там, где ты его оставил... деньги и бумаги на месте. Просто чуть влажные. Батончик с изюмом и арахисом. Отличный завтрак. Малыш вдруг понял, что не ел двое суток. Ерунда – еду можно найти повсюду. Упаковав вещи в большой армейский рюкзак, школьный он зашвырнул подальше в траву и двинулся обратно к железной дороге, дожевывая на ходу батончик.

* * *

Два часа спустя короткий состав прогрохотал по рельсам, а он лишь беспомощно провожал взглядом несущиеся мимо вагоны – слишком быстро, не запрыгнуть. Вдобавок он очень устал и проголодался. Можно запросто угодить под колеса. И какая разница? Всего лишь чуть ускорить естественный процесс. Бренные существа, мы все равно движемся к своему финалу. Это малодушие, подумал он. Вот в чем разница. Ты существуешь, из мириадом бессмысленно сгинувших яйцеклеток и спермиев сумел уцелеть ты – тот, что действует по собственной воле. Невероятная

случайность – один шанс на десять триллионов, нет, даже меньше. Один к числу Авогадро: 6,022, помноженные на 10 в 23 степени. Но люди все так же растрачивают попусту свой уникальный шанс.

Айзек решил не думать об этом – слишком печально, особенно в его случае. Он прикинул, где находится, и среднюю скорость своего движения. По ровной поверхности примерно 3,5 мили в час. По этому гравию чуть медленнее. Голеностопы устают. Плюс железная дорога повторяет каждый изгиб реки – по шоссе короче. Зато здесь ровно, без подъемов и спусков, и река точно приведет туда, куда ему нужно. Малыш знает, шоссе собьет его с истинного пути. Он настроен на ритмы вселенной. Медленно, равномерно и неуклонно.

Следующий большой город вниз по реке – Бель-Вернон. Там недавно много всего понастроили – торговый центр, громадный магазин *Lowes*, “Старбакс”. Уверенно шагая на своих двоих, Малыш забрался уже далеко от мест, где можно встретить знакомых. Все материальное слетело, как шелуха, отныне нигде он не чужой. Весь мир – его дом. Он постигает это знание и направляет его в эфир, другим, дабы они впитывали через поры кожи. Ребенок, произносящий первое слово, мать, зачинающая дочь во чреве своем. Старик в далекой Индии с его реализацией на смертном одре – все это Малыш.

За очередным крутым поворотом он вышел к реке, каменная стенка подпирала обрыв, чтобы оползнем не накрыло железнодорожные пути. Он удивился, заметив пару молодых людей, стоявших перед стеной. Место здесь пустынное, парни сняли рубашки, а в руках у них баллончики с краской. Один – бритоголовый, с вытатуированным во всю грудь орлом. Айзек замешкался – то ли повернуть обратно, то ли продолжать идти вперед. А потом узнал второго – Дэрил Фостер. На год младше Айзека, но бросил школу. Работает в “Доллар Стор” в Чарлрое. Айзек чуть успокоился.

– Айзек Инглиш?

– Рад встрече, Дэрил.

– Ага, – улыбнулся Дэрил. – Давненько не видались, ну? – Он, похоже, искренне рад был видеть Айзека.

– Как делишки? – поздоровался бритоголовый дружок Дэрила.

– Нормально.

– Это Ницше. – Дэрил махнул рукой, показывая, чем они тут занимаются.

Айзек уважительно кивнул. Громадными аккуратными белыми буквами написано: ИЗ ВОЕННОЙ ШКОЛЫ ЖИЗНИ – ЧТО НЕ УБИВАЕТ, а дальше он им помешал.

– Ну ладно, братан, – кивнул приятель Дэрила.

– Все нормально. – Айзек понял намек и развернулся, чтобы идти дальше.

– Эй, – окликнул Дэрил, – а ты все еще присматриваешь за отцом? Черт, я думал, ты уже давно где-то там, проводишь всякие научные эксперименты и все такое.

– Вот как раз за этим и сматываюсь, – отозвался Айзек. – Если кто обо мне спросит...

– Могила, брат.

Айзек махнул рукой и пошел прочь. Вот это в Долине хорошо. Здесь все свободолобивы. Стукач – хуже убийцы. Даже эти двое на стороне Малыша. Он не делает различий между героями и убийцами. Между богатыми и беспомощными.

Айзек все шагал и шагал. Дэрил, значит, ошивается в компании белых расистов, что ж, обычное нынче дело. “Грозовой Фронт”, так они себя называют. Явились, когда заводы встали, и теперь Пенсильвания наводнена ими. Их тут больше, чем в других штатах, он читал. Здесь же холмы, пустынно – могут устраивать свои сборища. Но все равно их никто всерьез не принимает. И не слышно, чтоб они приставали к кому-то. Впрочем, легко рассуждать, когда ты белый.

Вскоре на другом берегу показался Алленпорт, здесь по-прежнему функционировал завод “Вилинг-Питтсбург”, хотя все понимали, что дни его сочтены – они перешли на работу в одну смену, всего сто человек персонала. Из ворот заводского двора выполз длинный поезд, груженный рулонами листовой стали.

Потом еще несколько миль леса, а потом он увидел причал с баржами напротив Фейетт-Сити, пристань и огромные белые резервуары; несколько барж на приколе – трубы, рулевые рубки, квадратные обрубленные носы, пустые баржи пришвартованы вдоль противоположного берега. Деревья, кусты, повсюду зелень – вздымается в небеса, зелень над головой, и под ногами, и даже над водой, единственный оголенный клочок пространства – гравийная насыпь железной дороги. Белое пятно в кустарнике. Пенопласт? Кость, берцовая. Отрезанная, выветренная до белизны, животное или жертва неудачного прыжка с поезда. Источник фосфора. Старые кости – удобрение для новых цветов. Регенерация. Возрождение. Малыш уже жил прежде. Малыш сидел на носу ладьи викингов, охотился на белых медведей. Спасал своих товарищей в кровавой каше Омаха-Бич. Сбитый с ног, он поднимается вновь. Живет с честью – один из немногих. Людям неловко смотреть, они смущенно отворачиваются от него, и Малыш

остаётся один. Принимает общество лучших и худших. Принимает себя самого.

Малышу надо бы передохнуть минутку, подумал он. Не спал уже семьдесят два часа. Он отыскал укромное местечко в зарослях на берегу, улегся поверх спального мешка и мгновенно уснул. Проснулся, когда почти стемнело, и тут же вновь пустился в путь. Передохнул восемь часов, и хватит. Перезагрузился. В Фейетт-Сити он пришел в темноте – маленькие квадратные домишки, пустые магазины, железная дорога вдоль самой кромки воды, женское платье валяется на насыпи. Рельсы бегут мимо крошечных белых коттеджей с ухоженными газонами. Он опять проголодался, прикинул, что прошел около десяти миль, свернул с путей в сторону главной улицы в поисках еды. Пусто. Все лавки переместились в торговые центры за городом. Ну и отлично. Попробуем прожить тридцать дней без еды. Прямо сегодня и начнем. Он вернулся к железной дороге.

В черной речной воде отражались звезды. И кажется, что давным-давно ты разговаривал с живым человеком. Не обращай внимания на бурчание в животе. Острая боль, потом тупая, вот опять скрутило. Подумай о чем-нибудь еще. До ближайшей звезды двадцать пять триллионов миль. Проксима что-то там. Зажглась еще до появления динозавров. И будет светить, когда на Земле не останется ни одного живого существа. Далекие галактики, триллионы звезд. Сколь бы ничтожным ты себя ни воображал, все равно не представить – атом, пылинка.

Неубедительно. Разумеется, это правда. Все равно что страдать по поводу собственной смерти. Твой единственный долг – смириться с неизбежным и прожить на всю катушку. Единственный настоящий грех – не ценить жизнь. А тем временем показался Чарлрой, идешь в хорошем темпе. Вон те краны, должно быть, Четвертый Шлюз. Взбодрись. Он похлопал себя по щекам. Нормально. Огни Чарлроя на другом берегу рассыпаны по склону холма. Он уже у шлюзов – здесь ее и нашли. Заметили в створе шлюза – на фоне светлых цементных стен она казалась темным пятном. Ли рассказала. А она откуда узнала? Никому неизвестно, где она погрузилась в воду, только место, где показалась на поверхности. Где ее вытащили. Спустя две недели. Старик уверен, что ее убили, какие-нибудь скинхеды, но вскрытие обнаружило – легкие заполнены водой. Пить хочется. Нашли утопленника, иными словами – ненасильственная смерть, да чудо, что ее вообще заметили. В карманах пальто речная галька, одиннадцать фунтов. Это ты прикинул приблизительно. Набил карманы камнями и взвесил. Одиннадцать фунтов кого хочешь утянут на дно, даже Поу. Старик застал тебя за тем, как ты взвешиваешься. И воображаешь, как

мать идет по берегу, собирает камешки, напевает вполголоса. У нее была своя боль. Страшная, глубоко внутри. Извечная. Отпусти ее.

Айзек ускорил шаг, глядя прямо вперед, надо идти всю ночь, пускай многие мили пролягут между нами. Спать можно днем. Он проходил мимо каких-то развалин, по виду бывших складов, когда на узкую дорогу вдоль путей свернула машина. Айзек шагнул в кусты зачем-то, потом увидел свет прожектора – копы. Присел на корточки, пока патруль проезжал мимо, луч проплыл над головой. Наверное, вызвали местные. Пугаются одного твоего вида. Потом подумал, что мог бы попросить у полицейского глоток воды, но продолжал прятаться, пока машина не скрылась.

Начал продираться через кусты к заброшенному складу. Во рту совсем пересохло – не закливайся. Это все игры разума, поверишь – и проиграл. Найдешь какой-нибудь ручей. Но ручьев-то больше не будет – это промышленный район. Спустя несколько минут он уже спускался по насыпи к пакгаузам; у разваливающейся стены навеки застыл автопогрузчик. Сквозь заросли горца пробрался к ржавой бочке, заполненной дождевой водой, раздвинул листья, плавающие на поверхности, зачерпнул ладонью, терпкая, с металлическим привкусом, но он все равно проглотил, чтобы смочить горло, зачерпнул еще. Наверное, чуть позже пожалеет об этом.

Уже на пороге здания внезапно скрутило живот, еле успел присесть в канаве. Подтереться нечем. Прощай, Мистер Чистюля. С водой что-то не так? Да нет, слишком быстро, просто пустой желудок среагировал на раздражитель. И не припомнить, когда в последний раз так обгадился.

Айзек обошел склад вокруг, подергал все двери, одна оказалась открыта. Посветил фонариком – замызганный пол, кучи каких-то железяк, медную проволоку и трубы уже наверняка растащили. Сразу у входа еще одна дверь в маленькую комнату, офис наверное, здесь почище и не так пыльно. Столы и старые шкафы. Вот тут и останусь, решил он. Пахнет застарелой мочой. Вытащил спальник, расстелил его на столе – верстак бывший, что ли, не разберешь.

С трудом, но начал согреваться, а потом устроился удобно и согрелся окончательно, но все равно не мог уснуть. Мысли все крутятся в голове, ну что ж, попробуй старый прием. Он сунул руку в штаны, потискал немного – никакого эффекта. Слишком устал. Вспомнил Поу и сестрицу, как она вскрикнула, сдавленный стон, и уже через минуту таких размышлений у него отлично встал, отвратительные мысли – о собственной сестре, ну и ладно, за последние два года это больше всего похоже на настоящий секс, с тех пор как они с Оутум Додсон занимались

этим после ее выпускного, он до сих пор не понимал, почему она пошла с ним, а потом уехала в Пенн Стейт^[17]. Да потому что у тебя одного на всю школу были мозги. Но это не единственная причина – Малыш и в тот раз все держал под контролем. Малыш все устроил, это он запросто предложил вслух то, на что никогда не отважился бы старина Айзек Инглиш. И ты уже на диване в ее камере, она приподнимает свою маленькую аккуратную задницу, чтоб тебе легче было стянуть с нее белье. И вот, гляди-ка, голая девчонка лежит перед тобой, раздвинув ноги. Он долго водил пальцем туда-сюда, внутрь-наружу, удивительно, как легко там скользит. Грезил, лежа в темноте, а рука по-прежнему в штанах, старая фантазия, но неплохая, и он кончил и сразу же уснул.

Приснилось, как подъехала машина, зазвучали чьи-то голоса, Айзек не мог припомнить, задвинул ли засов на двери, голоса стали громче, и тут он понял, что это не сон. На складе какие-то люди с фонарями.

– Дверь взломана. Такого раньше не было.

– Да брось, Хикс.

– Сам глянь. Тебе оттуда не видно.

Громкий голос:

– Эй, если вы там, вонючие говнюки, лучше выходите сами, сэкономите наше время и силы.

Хохот.

– Ну ты и долбоеб, Хикс.

Айзек начал потихоньку выбираться из спального мешка. Комната, где он ночевал, маленькая, выход только один; он вылез наполовину, когда дверь распахнулась, по стенам метнулся свет фонаря. Айзек нащупал нож, но тут разглядел их, совсем мальчишки, еще школьники. И выпустил нож.

– Погодите, – начал он, но не успел слезть со своего верстака, как один из парней подскочил к нему, оглянулся на спутников, словно желая убедиться, что они все видят, и резко ударил Айзека по лицу. – Я шел в Бьюэлл, – начал он, но тут остальные навалились сверху, сбросили его на пол.

Он пытался прикрыть голову, но кто-то все же попал в челюсть, а потом в живот, по ребрам и по спине, и он хотел прикрыть тело и опять получил удар по лицу. Айзек защищал голову руками, а подростки продолжали молотить его. Дыхание перехватило, он захлебывался кашлем. А потом ему посветили фонарем в лицо, и побои внезапно прекратились.

– Черт, Хикс, это же просто пацан какой-то.

Айзек лежал на полу, закрываясь от нападавших.

– Заткнитесь, вашу мать, – рявкнул Хикс. – Все заткнитесь.

– Сам заткнись, Хикс, – отозвался кто-то. – Мы сваливаем, можешь возвращаться пешком, если хочешь.

Парень, которого называли Хиксом, присел на корточки рядом с Айзеком:

– Все нормально, кореш, без обид. Мы спутали тебя кое с кем. Может, хочешь пивка или еще чего?

– Отвали, – простонал Айзек.

Хикс еще пару секунд посидел рядом в нерешительности, потом Айзек услышал, как он встал и торопливо вышел. Хлопнула дверца машины, взревел двигатель, уехали. Он боялся ощупать себя, боялся обнаружить что-нибудь страшное. Кое-как поднялся на ноги, доковылял до выхода. Снаружи пусто. Вся история продолжалась не дольше минуты. Лица он почти не чувствовал, вернулся в комнату, собрал свои вещи, только сейчас перестало тошнить. Айзек отыскал придверный резиновый коврик, вытащил его наружу, решил спать на воздухе. Мальчишкам было лет по шестнадцать-семнадцать, может и меньше. “Боже”, – громко произнес он вслух. Зато теперь есть опыт. Сквозь густой кустарник он пробрался к реке, где его никто не сможет заметить. Выбрал укромное безветренное место и устроился поудобнее. Сердце все еще бешено колотилось, во рту вкус крови. Ты ведь запросто мог прекратить все это, подумал он. Подрезал бы одного, а остальные сами разбежались. Да, это было бы правильно. Ну дурак. Вытащил нож, положил в изголовье. Прошло много времени, прежде чем сердце успокоилось и он смог уснуть.

3. Поу

Поу сидел на заднем сиденье фургона Харриса, и они ехали в полицейский участок. Что ж, не впервой, и вообще это даже не настоящий участок, официально называется муниципалитет Бьюэлла, поэтому тут располагаются всякие разные учреждения, мэрия и городской совет. Если верить местной газете, мэр теперь ночует в своем кабинете, потому что жена выставила его из дому. Мелкий скандал, мэр живет в офисе, ничего особенного. Здание муниципалитета из светлых шлакоблоков, три этажа, плоская крыша, похоже на большую ремонтную мастерскую, а вовсе не центр управления городом. Внутри покрашено в желтое. Здание недавнее, но выглядит старым. Настоящую мэрию закрыли несколько лет назад. Поу пару раз пробирался туда, бродил по залам; здоровенная постройка из красного кирпича, прямо настоящий замок, металлические решетки, внутри деревянные панели, лепнина – дом аристократа, в таком месте сам себя уважаешь. Но у города не хватает денег, чтобы содержать такую роскошь.

В новом помещении Поу первым делом наткнулся на коротышку китайца, полицейского, который смотрел “Фокс-ньюз” и, кажется, разговаривал с телевизором. Харрис повел Поу вниз, в камеры предварительного заключения. Поу уже бывал тут прежде – длинный коридор, через каждые десять футов здоровенные железные двери, похожие на печные заслонки. В камере деревянный топчан без матраса, лампочка, включающаяся снаружи, мигает как припадочная, того и гляди у него самого припадок случится. Окошко выходит на парковку, но пластик матовый и мутный.

– Сейчас вернусь за тобой, – буркнул Харрис. Когда шериф не хватал хулиганов, у него было открытое приветливое лицо, а в глазах прощение и понимание, будто он и не коп вовсе, а, к примеру, школьный учитель. Наверное потому он и прищучил столько наркоманов, чтобы как-то компенсировать свой миролюбивый вид.

– А сколько. – начал было Поу, но Харрис уже закрывал камеру.

– Устраивайся поудобнее, – услышал он из-за дверей, и замок щелкнул.

Куртки у Поу не было, а тут, кажется, работала вентиляция, откуда-то сильно дуло, вдобавок лужа от текущего унитаза; весь пол залит водой. Вот так вот, ты думал, ничего страшного – они не решатся засадить тебя за решетку, а вот как повернулось. Выхода нет. Конец всему. Примерно так

он рассуждал в самый первый раз, когда его закрыли: выхода нет и все пропало, но опыт показал, что фигня это. И сейчас тоже все фигня. Это его собственный выбор. Когда вляпаешься в дерьмо, не думаешь, что сделал выбор, но на самом деле так оно и есть. Приятно думать, что ты ни при чем, но истина выглядит иначе.

В прошлый раз его арестовали из-за парня из Доноры. Здоровый бугай, хотя и не такой здоровый, как сам Поу, и если не считать прыщей по всей роже и шее, то ничего особенного в нем не было. Среднячок, как говорится. Но когда Поу с ним разобрался, все изменилось. Он помнит, как прижимал парня к полу, оба измазаны кровью, девчонки смотрят. Дело было на парковке, вечером, и вдруг стало очень тихо, все замолкли, глядя на них, никто даже не подзуживал, вообще ничего, только их собственное шумное пыхтение и злобные хрипы. Поу уделал этого бугая, уложил на лопатки и понимал, что нельзя дать ему подняться. “Лежи тихо”, – шепнул он, но знал, что тот не слушает, парень не желал сдаваться, в его тупой башке не укладывалось, что может проиграть. Им обоим конец. “Угомонись”, – тихо бормотал он в самое ухо этому придурку, но все равно вынужден был его выпустить, не могли же они валяться на земле всю ночь. Надо было совсем вырубить его, для его же пользы, но тогда вмешались бы остальные. Все равно победа не засчитана, и пришлось позволить парню подняться, хотя он и знал, что будет дальше. Разумеется, не *знал наверняка*, просто понимал, что ничего хорошего не выйдет.

Парень побрел к своей машине, а потом вернулся, и все шарахнулись назад. В руках у него был нож, армейский штык, такой можно купить в оружейном магазине, и толпа расступилась, давая Поу путь к бегству, но Поу не двинулся с места. Смыться можно было легко; парень ополоумел, проиграв в драке; он не станет пускать штык в ход, он из тихих умников, кто учится в колледже, он просто завелся, в толк не возьмет, как быть, вот и все.

Но Поу не отступил. Потому как его-то пыл не угас. Потому что он победил и не собирался сдаваться. И вот он стоял там, и никто не знал, что делать, ни он, ни донорский бугай, а потом Винсент Льюис сунул Поу битую, детскую, легкую и короткую, отличное оружие. Картинка из гладиаторских боев: короткий меч против дубины. Ни тот ни другой не хотели драки, все вышло из-за зрителей. Чем старше становишься, тем серьезнее неприятности. Границы, мать твою, раздвигаются. Сначала парнишка из Доноры, теперь вот Швед. Дела все хуже. Что-то дальше будет. И ведь оба раза ясно было, к чему идет, но он, идиот, не притормозил. А дальше что, кто-то из близких, мать или Ли, вообще

немыслимо.

Про того, из Доноры, Поу потом расспрашивал, но, говорят, он так и не пришел в норму. Не мог даже кассиром работать, цифры не запоминал, считать разучился, после того как Поу врезал ему битой по башке. Поу ударил, и малый рухнул на землю, а потом, что на него нашло, он еще раз врезал донорцу прямо по голове. Потому что тот так и не выпустил из рук свой штык. Вот за это Поу потом и шили “умышленное нанесение тяжких телесных” – за второй удар, они хотели преподать ему урок. Да бесполезно, так до него и не дошло. Урок не впрок.

Вечно он норовил проверить, а что еще сойдет с рук, – и поэтому человек погиб. Как будто игра такая – посмотреть, как далеко можешь зайти. Это у него в крови, но почему он, блядь, даже не пытался что-то изменить? Хирам Поу, его дед, самый знаменитый браконьер в Долине, застрелился, и никто не знает почему, потому что он был сумасшедший старый козел, как сказал папаша. Не переживай, ты не в него пошел, вот как папаша сказал, но Поу и не переживал. Ему и в голову не приходило, что он в чем-то похож на трехнута Дедулю. А вот теперь задумался. Когда жизнь покатила под откос.

У папаши был талант пускать дела на самотек, он работал на буксире, а потом его выперли, потому что как-то раз он плохо закрепил швартовы, а поднялась волна, и чертову баржу, здоровенную, груженную углем, сорвало и понесло вниз по течению, едва беды не случилось. Но этот старый ловкий ублюдок, ловкач Верджил, умудрился и тут выкрутиться, спину ему там зажало или еще чего, но он сумел выхлопотать себе какую-то инвалидность и заявил, что у него по жизни проблемы со спиной, хотя на деле здоров как бык. Работу он все равно потерял, но зато получает теперь пенсию. Вечно крутится неподалеку, заявляется в город, чтоб подцепить очередную юбку, все больше девок помоложе находит, но иногда заглядывает перепихнуться и с матерью. Поу совсем не нравится про это думать, представлять собственную мать в такой роли, но что поделаешь, когда живешь в трейлере, трудно прикидываться, что ничего не слышишь и не понимаешь. Верджил время от времени подрабатывал по мелочи, но все больше сидел по кабакам с книжкой в руках, так что юные соплюшки думали, будто он великий философ, бунтовщик, а по правде-то он просто ленивый ублюдок, которому на всех насрать. Он и книжку-то, поди, вверх ногами держит. Против таких, как Ли или Айзек, он полный болван, пустое место.

Поу огляделся – на улице уже стемнело. Для тюремной камеры его конура довольно просторна, футов десять на двадцать примерно, но только

пол мокрый. И теперь, когда снаружи тьма, внутри стало еще мрачнее, лампочки из коридора явно не хватает – не почитать, глаза поломаешь. И все равно читать нечего. Он пытался занять чем-нибудь мозги, чтоб не помереть со скуки, но мысли крутились по кругу. Так, поди, и рехнулся старый Хирам – думать особо не о чем, мозги застывают, слышишь только свое дыхание, понимаешь, что все это временно, все проходит, и чего тогда тянуть.

Хирам получил чего хотел, и Поу не огорчен, что дед Хирам помер. Когда Поу было семь лет, они как-то с отцом и старым Хирамом сидели в засаде на оленя, и Поу задремал, а когда проснулся, увидел оленя прямо перед носом и громко сказал *глядите, олени*, и спугнул, конечно, всех, даже громадного самца с ветвистыми рогами, и Хирам промазал. Потом он слышал, как отец уговаривал *не сходи с ума, ты чего? Он же еще ребенок*. Но Хирам все равно бесился – злился на маленького пацана, который в первый раз в жизни попал на охоту. Верджил здорово поколачивал Поу, но однажды, когда отца рядом не было, Хирам тоже ему надавал. Ну тут уж не вина Хирама или Верджила, это в крови, виной всему какой-то их далекий предок. А может, сам Господь.

Поу поднялся, подошел к двери и принялся молотить в нее, пока кулаки не заболели, прекрасно понимая, что никто не придет. Потом ему надоело и он уставился в окно, там двигались какие-то тени, но не разберешь – то ли птица, то ли машина, а может, и человек прошел. А сам он никуда не собирается и вообще нигде не был. Про колледж – это так, шутка, если что у него в жизни не задалось, никогда не получалось толком, так это книжки читать. Руки-то у него на месте: жиклер поменять, оленя освежевать – это запросто, но вот запрети его в комнате, где только столы-стулья да книжки, – и все, ему конец. Никак не может взять в толк, что главное, а что не очень, что надо выучить, а на что и внимания обращать не стоит. И вечно у него так, лезет в башку всякая чушь, запоминается чего не надо.

Вот разве когда он играл и побеждал, буквально прыгал выше головы, тогда что-то происходило внутри, будто информация какая сама просачивалась в мозг, он словно парил над всеми и знал в тот миг о людях больше, чем они сами о себе, он точно знал, в какое место на поле опустятся их ноги, чувствовал, когда и где появится просвет в толпе игроков, куда и как полетит мяч. Будто видел будущее. Ну как описать такое? Представьте фильм, где ты двигаешься нормально, а все остальные – в замедленной съемке, иначе не скажешь. Таким он себе нравился – когда он, по сути, не был собой. Когда им управляла та часть сознания, которую он не понимал.

Да, он в полной заднице, факт. Как доходило до дела, до серьезных вещей, когда надо было принимать важное решение, – он или с катушек съезжал, или тупо застывал. Или взбеленится, или замрет как покойник, ему, понимаешь, надо все обдумать, медленно, со всех сторон рассмотреть. Так и получилось с колледжем, с Колгейтом, ему чуть-чуть времени дали на размышления, а потом со всех сторон начали наседавать – давай, мол, давай, жми вперед, парень. И он протупил – два года прошло, а он все прикидывает. А свалил бы отсюда сразу, и ничего бы этого не случилось – и пацан из Доноры мозги бы сохранил, и Швед остался жив. Просто физически ничего бы такого не могло случиться, если б он тогда просто взял и свалил в Колгейт. Ошибку он совершил, ага. Вот только от судьбы не уйдешь. Есть люди, которые погибают, как герои, да только он не из таких. И всегда это знал.

4. Харрис

Для Билли Поу он выбрал самую стремную камеру и решил оставить там парня до утра, чтобы дошло, какое будущее его ожидает. Пускай повалается на нарах и подумает. В офисе окружного прокурора большой шорох, непонятно, что именно происходит, но Харрис подозревал, что Билли Поу это грозит серьезными неприятностями. Он запер дверь кабинета и пошел попрощаться с дежурным. Сегодня дежурил Стив Хо.

– Опять ты?

– Миллер вызвал.

Харрис напомнил себе при случае проверить, сколько раз Рон Миллер просил подежурить вместо себя.

– У вас такой вид, босс, будто вас самого надо бы подменить.

– Просто устал.

Хо кивнул, и Харрис вышел на улицу, к своему старому “сильверадо”. Отличный вечер, и когда он доберется до дома, то еще не окончательно стемнеет. Есть за что благодарить судьбу. Хоть какая-то радость от должности шефа полиции – можно всегда работать в дневную смену.

Он ехал на юго-запад; асфальтовая дорога постепенно превратилась в разбитую асфальтовую дорогу, потом в гравийную, а потом вообще стала грунтовой. Хижина Харриса пристроилась на вершине горы, на тридцатиакровом участке, окруженном лесом.

Выпрыгнув из кабины, он удовлетворенно оглядел свое жилище – и, как всегда, порадовался. Приземистая деревянная хижина, каменные трубы, и вид от порога – миль на сорок. С террасы можно разглядеть три штата. И за все четыре года, что он тут живет, никто, даже случайно, не появился на дороге.

Фур, огромный маламут, поджидал в доме. Харрис чуть отступил, пропуская пса, но тот не спешил выскочить на волю, ждал нежностей. Спина у пса чуть провисла, он неуклюже вилял задом, бесстыже вымогая внимание хозяина. *На воле, в лесу*, добродушно пробурчал Харрис, трепля шею Фура, *ты живо пойдешь на корм медведям*. Фур был тяжеловат даже для своей породы, и частенько вечерами, сидя перед телевизором, Харрис массировал псу лапы, потягивая виски. И вот наконец финальное дружеское похлопывание, пес радостно спрыгнул прямо с террасы, с добрых пяти футов, и на полной скорости припустил в лес. Может, он и не так уж стар. Может, просто раскусил тебя и теперь использует в свое

удовольствие.

Харрис налил себе содовой, вышел на террасу и, опершись на перила, просто стоял и смотрел. Горы, лес и больше ничего – Маунт-Дэвис, горы Пакхорс, Виндинг-Ридж. Прямо от дома начинался крутой спуск до самого дна долины, почти на полторы тысячи футов. Отличное место. Его личный Уолдорский пруд. Персональная Точка Равновесия. Уолденский^[18], поправил он себя. Не Уолдорский. И усмехнулся. Он мог бы осесть где угодно, на свете полно приятных мест. Как его брат, программист из Флориды, четверо детей и дом в двух шагах от Дисней Уолда точно с картинки. Для Харриса все это называлось одним словом: ад. Брат влез в компьютерный бизнес давным-давно, когда появились первые ЭВМ, старые “Униваки”, зарабатывает в шесть раз больше Харриса. И все равно недоволен собой – может, это семейное. Досадует, что он не Билл Гейтс. Его собственные слова: *Бад, мы с Гейтсом одного возраста*. Да у тебя все отлично, убеждал его Харрис. Они оба не кончали колледжей, но братец каждые два года покупает новый “мерседес”. У меня все нормально, сказал брат, но хорошо бы отдавать себе отчет в том, что ты ровесник Билла Гейтса. Харрис в этом не уверен. Можно выдумать что угодно, чтобы оправдать собственный выбор, доказательства легко найдутся. Взять, к примеру, этот дом. Гарантирует душевный покой и одиночество до конца дней. Что не одно и то же.

Харрис разжег гриль и достал из холодильника стейк, хотя понимал, что сначала надо бы заняться другим. На автоответчике два сообщения, оба от нее. Не самый приятный разговор. Что ж, вздохнул он, это твой выбор.

Грейс ответила после первого гудка.

– Это я, – сказал Харрис.

– Я очень волнуюсь, – сказала она. – Давай без формальностей, как дела?

– Ну давай. Включил сериал, буду смотреть то же, что и ты.

Пауза.

– Шутка, – смутился он.

– Что с моим сыном, Бад?

Он не знал, как ответить. Помедлив, сказал:

– Билли болтался там, где ему лучше было бы не появляться.

Он чуть не добавил *как обычно*, но сдержался. Прислушался к дыханию в трубке – и готов был побиться об заклад, хотя и не представлял почему, но чувствовал – она точно знает, что натворил ее сын. Возможно, знает даже лучше, чем сам Харрис. Это раздражало.

– Пока его не обвинили официально, – продолжил он. – Но к тому все

идет.

– А твой дружок Патаки?

– Грейс.

– Прости. – Она действительно не хотела задеть его. – Он мой сын.

Раздражение сменилось гневом, но затем Душевный Покой взял свое, и ему стало просто скучно. Каждый раз одно и то же, вечно она просит за парня.

– Похоже, Билли как-то связан с тем трупом, что нашли на старой фабрике, – сообщил он. – Каким образом связан, не знаю, потому что он молчит.

– Нам нужно искать адвоката?

– Да. Насколько я знаю Билли, адвокат вам понадобится.

– Бадди.

– Я пытаюсь помочь. Сделаю все, что смогу.

И поскорее повесил трубку. Почему он помогает ей? Харрис не знал ответа на этот вопрос. Борясь с искушением налить стакан крепкого, он выглянул на террасу. Цвет неба изменился, будет красивый закат. Так, картошку в микроволновку. Мясо на гриль. Салат. Укладывая стейк на решетку, Харрис уже успокоился. Фур завершил поиски приключений и возник рядом в самый нужный момент, как всегда.

– Не для тебя, – улыбнулся он псу. Чуть прикрыл гриль и занялся салатом.

Ему есть о чем тревожиться и помимо Билли Поу. Прокурор штата затеял расследование дела Дона Канко из городского совета, доброго приятеля Харриса; скоро выяснится, что лаунж-зона с баром, оборудованная в полуподвале дома у Дона, оплачена “Стилвилл Экскавейшн”, то есть теми же ребятами, которые выиграли контракт на замену канализационной системы Бьюэлла. Канко – славный малый. Друзей только не тех выбирает. Впрочем, нет, конечно, Канко перешел черту, сначала взяв деньги, потом – устраивая вечеринки в своем домашнем клубе. Ладно, чего лицемерить, у них есть много чего на Дона. Денег тот не брал, но широко пользовался разными привилегиями, особенно когда советовал кое-кому из местных поискать местечко поспокойнее. Потому в Бьюэлле уровень преступности едва не вдвое ниже, чем в Монессене и Браунвилле. Люди многое могли бы порассказать. Не все из них заслуживают доверия, но тем не менее. В ходе следствия по делу Канко подробности и всплывут.

Есть и еще неотложные вопросы. Городской совет обнародовал новый бюджет, инфраструктура рушится, Агентство по охране окружающей

среды требует срочно отремонтировать городскую канализацию, а то после каждого сильного дождя в реку потоком льется дерьмо. Доля расходов на полицию в бюджете Бьюэлла урезана с 785 000 долларов до 541 000 – самое крупное сокращение в истории участка. То есть помимо отсутствия денег на обучение персонала и поддержание в порядке раздолбанных служебных машин появляется дополнительная головная боль – отправить в неоплачиваемый отпуск трех сотрудников. Другими словами, практически всех.

Харрис смотрел на свой шестиколесный пикап и прикидывал, когда же сможет съездить в Вайоминг. Как выйдет на пенсию, не раньше. Уже через месяц вся полиция Бьюэлла будет выглядеть так: он, Стив Хо, Дик Нэнс и двенадцать парней, работающих неполный день. Берта Хаггертона надо будет вообще уволить. Никто по нему не заплачет. Но ведь придется сократить и Рона Миллера, а у него дети в колледже. Миллера, которого он двадцать лет знает. Но Миллер лентяй, лишний раз задницу не поднимет, если вдруг во время обеда поступит срочный вызов, обязательно дождетса десерта. Ежи Борковски, с которым тоже придется проститься, ничуть не лучше. Они типичные копы из маленького городка, годятся для тихой службы в деревне, но времена изменились, теперь нужен другой подход, время Мэйберри^[19] закончилось. Как же здорово, что у него есть Стив Хо, – начальство будет требовать, чтоб он оставил Миллера, у того звание выше. Можно было бы соврать Борковски и Миллеру – сказать, что это в мэрии решают, кого увольнять, но в городишке такого размера правды не утаишь. И парни перестанут с ним разговаривать. Что ж, придется стерпеть. Хаггертон тоже обидится, но на Хаггертона плевать.

Стейк, вспомнил он. Поспешно выскочил на террасу, перевернул мясо. Не все потеряно.

– Отвали, – прикрикнул на Фура, который уж слишком близко подобрался к грилю.

Все понимали, что бюджет будут урезать и дальше, а со временем полиция Бьюэлла прекратит существование – их объединят с Юго-Западным региональным отделом из Бель-Вернона. Три года назад они уже пережили бюджетный кризис: деньги у города кончились в конце ноября, и следующие четыре недели все служащие наведывались в банк в Питтсбурге, получая кредитные расписки вместо зарплаты. Первого января люди принесли квитанции в городскую кассу и город все оплатил. Харрис был убежден, что в других местах ничего подобного не происходило.

Население Долины постепенно росло, но доходы все так же снижались, бюджеты сокращали, в развитие инфраструктуры ничего не вкладывалось

десятилетиями. В итоге они имеют бюджет маленького городка и проблемы мегаполиса. Как говорит Хо, подошли к переломному моменту. Почти все города в Долине, кроме, может, Чарлроя и Мон-Сити, уже миновали роковую черту и никогда не смогут возродиться. В Монессене на прошлой неделе застрелили человека прямо на улице среди бела дня. И так повсюду вверх и вниз по реке, молодежь с ума сходит, будущего нет, и вот таков их ответ; как будто искры гаснут во тьме. Чтобы получить работу в офисе, самую мелкую должность, надо закончить колледж, да и той работы в округе не найти – никому здесь не нужно столько программистов и менеджеров. Разумеется, специалистов теперь выгоднее нанимать в других странах, там, куда уже переместилось сталелитейное производство, а вместе с ним и рабочие места.

Он не представлял, как сумеет выжить его страна. Стабильному обществу нужны стабильные рабочие места, нет ничего важнее. Полиция не в состоянии решить социальные проблемы. Граждане, имеющие медицинскую страховку и получающие нормальную пенсию, крайне редко грабят своих соседей, колотят жен или варят амфетамин на заднем дворе. Но все равно люди клянут копов – как будто полиция может спасти общество от краха. Полиция должна действовать решительнее, говорят они, но как только ты хватаешь сопляка, угнавшего машину, и чуть сильнее заламываешь ему руку – все, ты агрессивное чудовище. Нарушаешь гражданские права. Люди хотят простых ответов, но это невозможно. Воспитывайте детей, заставляйте их учиться. Может, тогда знаменитые биомедицинские компании перенесут свои штаб-квартиры в Долину. А пока довольствуйтесь тем, что есть.

Харрис выложил ужин на тарелку, насыпал Фуру его две плоски корма. Пес тоскливым взглядом наблюдал, как Харрис удобно устроился с тарелкой на коленях. Харрис равнодушно пожал плечами и занялся своим стейком с печеной картошкой.

А потом он разожжет камин и, может, даже дочитает книгу. Джеймса Паттерсона^[20]. И забудет наконец о Билли Поу.

– Ладно, хорошо страдать, балбес.

Фур, виляя хвостом, пристроился у ног Харриса, прекрасно понимая, что вот-вот и ему перепадет кусочек.

* * *

Наутро в офисе уже ждали новости. На автоответчике несколько сообщений. Самое важное – от окружного прокурора, они нашли свидетеля, который якобы присутствовал при убийстве. Свидетель указал

на футболиста, имени которого он не помнит, но уверен, что легко опознает его. Не догадываешься, о ком речь?

Харрис перезвонил, но прокурора не оказалось на месте. Он сидел за столом и нервно потирал виски. Уловка с курткой не сработала. Она все еще там, но это уже неважно. Мюррей Кларк – свидетель, Харрис пробил его по полицейским сводкам. Управление автомобилем в нетрезвом виде в 1981-м, еще раз – в 1983-м, в 1987-м арест за нарушение общественного порядка. С тех пор чисто. Он провел рукой по закаменевшей шее. Мужик, похоже, сам пришел в полицию. Этих арестов недостаточно, чтобы дискредитировать его как свидетеля. Харрис выключил монитор. Все, нет сил больше об этом думать – он с ума сойдет.

Жара какая. Он распахнул все окна и рухнул обратно в свое кресло, глядя на реку и нервно покачивая ногой. Сигару нужно. Это прочистит мозги. Вон и коробка с сигарами под рукой. Вентиляция отлично работает – дым никому не мешает. Харрис достал сигару, раскурил и устроился в кресле поглубже, смакуя. Еще бы стаканчик виски. Тебя чуть заносит, оборвал он себя.

Хороший у него кабинет. Напоминает комнату в клубе, правда. Новое помещение все терпеть не могут, и он их не винит, бетон и лампы дневного света, но здесь у себя ты исправил, что сумел. Содержание старого здания обходилось в сотню штук в год. Но оно-то настоящее произведение искусства – башни, фронтоны, внутри деревянные панели, высокие потолки, громадные залы. Работая в таком месте, ощущаешь себя значительной фигурой. А нынешний офис, люди правильно говорят, вылитый гараж.

Он подержал во рту ароматный дым. Подумал о Грейс, посмотрел на свои тощие ноги в потертых ковбойских сапогах, вольготно лежащие на столе, еще раз окинул взглядом кабинет. Ему удалось спасти кое-что из старой мэрии – вот этот дубовый стол, настольные лампы, кожаную мебель, несколько живописных работ импрессионистов с видами Долины в прежние времена: гребцы с шестами ведут плоскодонки вверх по течению Мон, ночное небо сияет оранжевыми всполохами над сталелитейными заводами. По стенам Харрис развесил головы оленей, даже лося, которого он подстрелил в Мэне. У одного из оленей рога были совсем мелкие, таксидермист с трудом их закрепил. Но этого самца Харрис притащил из самой чащи леса, в последний день охотничьего сезона, и пробирался туда четыре мили, и добыл, и потом волок на себе обратно, все четыре мили; и у каждого из зверей на стене есть своя история, это не просто трофеи, это напоминания о тех временах, которые, оказывается, были гораздо лучше,

чем он представлял себе.

Что до Билли Поу, он миллион раз с таким сталкивался – оборотная сторона работы в маленьком городке: ты лично знаком с теми, кого должен арестовать, знаешь их родителей. В данном конкретном случае ты спишь с его матерью, хотя, конечно, здесь все сложнее. На столе гора бумаг, как обычно, но Харрис позволил себе еще немного полюбоваться пейзажем за окном, добрых двадцать минут сидел и разглядывал, как меняется небо, как течет река; и так было задолго до того, как человек впервые обратил взор на эти просторы, и будет так даже после того, как исчезнет последний из людей. Отличный способ прочистить мозги. Нет, человечество ни на что не способно, даже самые гнусные из людей, их существование настолько кратко, что не в состоянии повлиять ни на что, любая река или гора подтвердит – вы можете загадить воду, вырубить леса, но природа все равно возрождается и исцеляет себя сама, деревья переживут нас, камни останутся до конца времен. Порой забываешь об этом – начинаешь принимать человеческую мерзость слишком близко к сердцу. Но и это пройдет, как все прочее.

Гляди-ка, всего несколько минут, как он раскурил сигару, а список неотложных дел уже сократился, и тот, что в блокноте, и тот, что в голове. Билли Поу он вычеркнул окончательно – парень вляпался всерьез, но и у него почти кончилось терпение. Грейс жалко, да, но и только.

О черт, ну почему опять эта головная боль? Через восемнадцать месяцев в отставку, и Харрис всегда предвкушал этот момент, но чем ближе, тем менее он был уверен в своих чувствах. Ему нравится приходить на службу каждый день, он любит свою работу. Лишняя пара выходных в неделю – было бы классно, но семь дней безделья его угробят, невозможно же постоянно охотиться. Внезапно он понял, какую чудовищную ошибку совершил, переселившись в горную хижину, – на пенсии он останется в абсолютном одиночестве. Стив Хо и Дик Нэнс, Долли Вагнер и Сью Пирсон из секретариата городского совета, Дон Канко, даже Миллер и Борковски – это ведь и есть его семья, самые близкие люди. Черт, все неправильно. И он сам во всем виноват.

Харрис стремительно поднялся, бросился к своему портфелю за ксанаксом, вытряхнул одну пилюлю в ладонь, но не стал глотать. Сунул таблетку обратно в блистер, сделал по три подхода отжиманий и упражнений на пресс. Если тело в порядке, сознание подстроится. Ну, так говорят. С деньгами у него вроде нормально. По-честному, отложено достаточно, ему не придется на старости лет идти охранником в школу, как Джо Льюису, шерифу Монессена. И наконец, как он постоянно себе

напоминал, он отлично работал, может гордиться сделанным. Бьюэлл, хоть из беднейших городишек Долины, все же один из самых комфортных для жизни и безопасных, подростки не беспредельничают с граффити, дурью в открытую на улицах не торгуют. Но это все до поры до времени. Несколько недель назад нашли тело молодой женщины, из округа Грин, под завязку напичкана амфетаминами, никто не знает, что она делала в Бьюэлле. Всего в округе Фейетт за этот год обнаружено шесть трупов, и с половиной из них – никаких зацепок. Газетчики наседают, новый окружной прокурор держит оборону. Но последние два точно в твоей юрисдикции, подумал Харрис. Здесь-то он своего не упустит.

В дверь постучали. Хо, важно несущий свой круглый живот впереди себя, а ручки и ножки непропорционально маленькие. Родители его родом из Гонконга, у них “Китайская закусочная” в северной части Бель-Вернона. Хо протиснулся в кабинет, слегка отодвинув Харриса, потянул носом воздух и, обнаружив в пепельнице сигару, тут же схватил ее и выбросил в открытое окно.

Харрис поморщился. Все-таки семь долларов за штуку.

– Уже десять утра, черт возьми, – буркнул Хо.

– Я взрослый человек.

– Нам грозят жалобы, – пожал плечами Хо. – Вчера ночью был шум в Спарроус-Пойнт. Пришлось применить оружие. Двенадцать выстрелов.

Харрис растерянно моргнул, но потом подумал – нет, если бы что-то серьезное, он бы уже об этом знал. А так – ну и хорошо, что не в курсе. У них полно проблем из-за Спарроус-Пойнт, квартала дешевых государственных домов на окраине города.

– Да не, это был всего лишь питбуль, – продолжал Хо. – Знаете того лысого коротышку с татуировками на лице? Он спустил на меня собаку, как будто я могу запрыгнуть на крышу машины или выкинуть еще какой трюк в этом духе, типа лихой китайский супермен.

– Кто-нибудь пострадал, кроме собаки?

– Нет. Но видели бы вы рожи этих ублюдков, как они прятались за своими тачками, усираясь от страха. Жаль, видео не снимал.

– А с чего ты поперся с карабином на обычный скандал?

– Их было человек семь-восемь. И что я, блин, должен был делать?

– Тебе известно, сколько стоит наша страховка, – напомнил он Хо.

– Да в жопу страховку. Шок и трепет^[21], и все дела.

Эти козлы варят кетамин по подворотням – это же нанесение вреда окружающей среде, а?

– Они же не тревожат граждан. А кому надо, те и так найдут дурь.

- Ох уж эти либеральные отговорки, – фыркнул Хо. – Либертарианские.
- Да какая разница.
- Ты бы лучше попридержал язык, если хочешь сохранить свое оружие.
- Есть, сэр.
- Отчет написал?
- Хотел сначала вам доложить.

Харрис опять потер виски. В конечном счете лучше бы, чтоб не осталось никаких записей, что Хо пристрелил собаку из автоматического оружия. Но если поступят жалобы...

– Ладно, я подумаю. Так, уже почти одиннадцать, давай-ка отнеси чего-нибудь пожрать Билли Поу.

– Парень в полной заднице, да? Я слышал, Карзано нашел свидетеля.

– Посмотрим.

– Простите, шеф. Но я и раньше говорил, лучше б окружным прокурором оставался старый хрен Сесил Смолл.

– Ладно, все. Мне надо работать. – Харрис раздраженно махнул Хо, и тот вышел из кабинета.

Хо прав. Сесил Смолл, который был окружным прокурором округа Фейетт дольше, чем Харрис служил в полиции, просил у него поддержки на выборах в прошлом году. Но Харрис колебался, и Сесил Смолл проиграл, всего на четырнадцать голосов. Сесил Смолл спустил бы это дело на тормозах – он ведь уже фактически оправдал Билли Поу в прошлый раз, когда речь шла о предумышленном насилии. Но Харрис никогда не любил Сесила Смолла – тот чересчур часто воображал себя Господом Богом. Просто недостойно, когда семидесятилетний мужчина ловит кайф от возможности засадить человека за решетку. И всякий раз, как выигрывает дело, надо выставлять ему выпивку. Будто он ключевой игрок в битве добра и зла. Тридцать лет Смолл был императором округа Фейетт, но в итоге пришлось расплатиться по полной – избирателям это обрыдло. Новому прокурору всего двадцать восемь, Харрис за него проголосовал и фактически усадил на это место, не сделав пары нужных звонков, о которых просил Сесил Смолл, и вот теперь наступает на грабли, им же самим положенные. Закономерные последствия голосования по совести.

Интересно, что Хо думает насчет того, что Харрис защищает сына Грейс. Вероятнее всего, принимает как должное. Хо реалист и не стремится изменить мир. Человек нового поколения, ходит повсюду со своим карабином, одевается, как будто живет в зоне боевых действий, сам же Харрис редко даже про бронежилет вспоминает, а “форменная обувь” у

него вот эти ковбойские сапоги, которые он купил в Вайоминге, – не лучший выбор, если приходится бежать за кем-то. Но вообще-то прав Хо. Случись что серьезное, помощь в виде полиции штата явится не раньше чем через полчаса, все изменилось, подростки теперь все под кайфом, сами готовят эту дрянь, и никогда не знаешь, что они могут выкинуть в очередной момент. Стоп, даже думать так неправильно. Еще ничего не случилось, а ты уже ставишь себя и их по разные стороны. Харрис с досадой качнул головой. Наверное, нет на свете старика, который не считал бы всех молодых дегенератами. Это закон природы, конфликт поколений. Горько видеть, как мир меняется, но уже без тебя.

Впрочем, он все равно не мог осуждать Хо, который в подобных ситуациях не желал обходиться только штатным пистолетом. И вообще Хо продолжает работать именно потому, что Харрис не занудствует, выдает ему карт-бланш. Федералы уже избавились от старых М16, передали их в полицейские участки, Харрис получил десяток, совершенно бесплатно, только за доставку заплатил. Заодно им достались бинокли, приборы ночного видения, полицейские щиты, старые бронежилеты – и все даром. Снаряжения и оружия у них теперь больше, чем личного состава, а такого количества всяких примочек Харрис не видел даже во Вьетнаме, когда служил в морской пехоте. И все благодаря Хо, который потратил недели своего личного времени на заполнение бесчисленных формуляров и прочую бумажную волокиту, а потом еще тысячи долларов собственных денег на изготовление винтовки по индивидуальному заказу, ствол 10 дюймов, голографический прицел. Сейчас Хо беспечно живет в родительском доме, попутно развлекаясь в оружейной мастерской, но настанет день, когда он решит переехать. Рано или поздно это все равно произойдет, если ему станет скучно служить под началом Харриса. Да, Хо будет не хватать. Что ж такое, опять он забегает вперед. Китаец пока на месте, никуда не делся.

Харрис попытался сосредоточиться, сообразить, чем же собирался заняться, но в голову все время лез Билли Поу, и еще – что будет с Грейс. Он смутно припоминал того типа, владельца убитой собаки, про которого рассказывал Хо, – недавно переехал сюда из Западной Вирджинии, типичный беззубый наркоман, какие-то родственники у него тут. Заглянуть, что ли, к нему. Впрочем, довольно будет и пса, пристреленного из автоматического оружия, пускай любит.

Спустя час переключивания бумаг с места на место он не выдержал. Пошел вызволять Билли Поу из камеры. Парень выглядел подавленным. Хороший знак.

– Пошли поговорим в кабинете.

Билли Поу покорно последовал за Харрисом и вежливо ждал, пока ему не предложили сесть. Харрис вдруг сообразил, что малый уже множество раз проходил через это – его вызывали в участок, читали нотации. В этом самом кабинете. Что же он такое говорил в прошлый раз, а? Хорошо, если не повторял одно и то же, эти стервецы все запоминают.

– Я видел, как ты играл, – начал он.

Билли Поу молчал, уставившись в пол.

– Надо было тебе поступать в колледж.

– Задолбала меня школа.

– Не слишком умно с твоей стороны. Знаю, тебе это уже говорили, но я все же скажу. Это было самым тупым решением в твоей жизни.

– То есть ты всю жизнь живешь в одном месте, а потом, когда исполняется восемнадцать, должен убраться оттуда к чертовой матери, так, что ли? – вскинул голову Поу.

Харрис слегка оторопел.

– Я мог бы согласиться с тобой или нет, – проговорил он. – Но это, черт побери, ничего не изменит.

– Я собираюсь позвонить тренеру в Колгейт.

Постучался и вошел Хо. Принес коробку из “Дэйри Квин”. Харрис поставил перед Поу поднос с гамбургером, картошкой и молочным коктейлем. Пар поднимался над едой.

– Ванильный, нормально?

– Я не буду, спасибо.

– Ешь давай.

– Не могу, – признался Поу. – У меня от этой жратвы с животом проблемы.

Харрис и Поу переглянулись, затем недоуменно уставились на Билли Поу.

– Он и вчера не ел то, что я ему принес, – сообщил Хо.

– Это все химия, – сказал Поу. – Это не еда.

– А как ты думаешь, чем тебя в тюрьме будут кормить? – возмутился Хо. – Органическими фермерскими деликатесами?

Харрис усмехнулся и жестом отослал Хо, они с Билли вновь остались один на один. Он решил слегка встряхнуть парня.

– Работы нет, – рассудительно начал он. – Уметь ты ничего толком не умеешь, машины нет, в смысле, такой, которая хотя бы ездит. В самом скором времени ты наверняка испортишь жизнь какой-нибудь девчонке, если уже не. А сейчас ты на волосок от приговора за убийство, и я именно

это имею в виду – на волосок. – Харрис наставительно поднял палец. – Так что вспомнит тебя тренер из какого-то там колледжа или нет – самая мелкая из твоих нынешних проблем.

Поу молчал. И начал перебирать картошку в пакетике.

– Расскажи мне об этом парне, – предложил Харрис.

– Я ничего не знаю.

– Я видел тебя там, Уильям. Ты вернулся на место преступления за... – Он чуть не сказал “за курткой”, но вовремя умолк. – Я не арестовал тебя прямо на месте только из-за матери. Многие ребята твоего возраста уехали, но те, что остались, я вижу, во что они превратились.

– Но вы-то тут с чего бы, раз надо валить отсюда.

– Я пожилой человек. У меня есть катер, элинг и дом на вершине горы.

– Да уж.

Харрис порылся в бумагах на столе, отыскал папку, из которой выудил несколько фотографий. Протянул Поу. По тому, как парень отбросил фото в сторону, стало ясно – узнал.

– Его звали Отто Карсон, если тебе вдруг интересно. Окружной прокурор из Юнионтауна здесь человек новый, как тебе известно, или вдруг не известно. У него уже есть одна головная боль – мертвая женщина в мусорном баке, без единой улики, а тут ты ему подкидываешь еще и вот это. Они хотят, чтобы я конфисковал твою чертову обувь.

Поу покосился на свои кроссовки.

– Понимаешь, Билли, ныне покойный мистер Карсон был, конечно, полным дерьмом. Его брали за всевозможные мелкие правонарушения, несколько раз попадал в психушку, на него выписано два ордера на арест по обвинению в вооруженном нападении, один в Балтиморе и еще один в Филадельфии. Рано или поздно он обязательно убил бы кого-нибудь. А скорее всего, уже убил.

– Вы к чему ведете?

– Да если бы я мог к чему-то вести... Вот если бы ты сразу пришел ко мне, запросто можно было представить все дело как самозащиту. Или вообще спустили бы на тормозах, и оно заглохло само по себе. Но ты так не поступил. Ты сбежал. А теперь мы имеем свидетеля, который видел тебя в той проклятой мастерской, и он утверждает, что ты убил его приятеля.

Харрис откинулся в кресле, подставляя лицо солнечным лучам. Обычно ему нравилось наблюдать за людьми в подобных ситуациях, изучать каждое нервное подергивание на виноватых лицах. Но на Билли Поу смотреть не хотелось.

– Кофе хочешь?

Билли мотнул головой.

Он ждал реакции Поу, слова или жеста, но тот все молчал. Харрис поднялся, подошел к окну.

– Думаю, в той мастерской вас было пятеро. Ты, с тобой еще кто-то, вернее всего, Айзек Инглиш, мистер Карсон и двое его дружков.

– Тогда почему вы не взяли Айзека?

– Айзек Инглиш не подозреваемый, потому что окружному прокурору неизвестно, кто он такой, а чем больше знает окружной прокурор, тем хуже твои дела.

– Я уже сказал, – упрямо повторил Поу. – Я ничего об этом не знаю.

Харрис кивнул. Ладно, поиграем в доброго полицейского.

– Хорошо, ты прав, Билли. Теперь ты должен рассказать мне, что там произошло, кто еще был там с тобой, чтобы мы могли представить это дело как самозащиту. Потому что если присяжные узнают, что ты убил человека и сбежал, даже кучка добрых стариканов проголосует за то, чтоб тебя повесили.

– Его дружок приставил мне нож к горлу, а тот, который покойник, пошел ко мне, чтобы прикончить, – выдавил Поу.

– Так, хорошо.

Поу удивленно посмотрел на него.

– Продолжай, не останавливайся.

– Было темно. Остальных я не разглядел.

– Так.

– Я его не убивал.

– Билли, я, черт возьми, застал тебя вернувшимся на место преступления. – И опять он не стал упоминать о куртке. – Везде твои следы. “Адидасы” четырнадцатого размера – и многие такие носят? – Он заглянул под стол, на ноги Поу. – Синего цвета?

Поу пожал плечами.

– Если повезет, просидишь за решеткой лет до пятидесяти. Ну а не повезет, отправят тебя в камеру смертников.

– Пофиг.

– Билли, и ты, и я знаем правду, этот человек был убит, потому что сам выбрал такую жизнь. И твоя роль настолько незначительна, что и говорить не о чем. Но сейчас ты должен мне помочь.

– Я правда не видел их лиц.

Харрис жестом предложил Поу встать.

– Меня посадят прямо сейчас?

– Ради твоей матери сегодня я отпущу тебя, переночуешь дома, приведешь себя в порядок. Завтра я приеду за тобой официально, пока не явилась полиция штата. Избавься от этих кроссовок, чтоб их вообще не было, и если коробка осталась или чеки – все сожги. И не делай глупостей. Если вздумаешь бежать, тогда точно заработаешь срок.

– Ладно, – выдохнул Поу. – Я буду дома.

– Этот свидетель, – продолжал Харрис, – утверждает, что все видел своими глазами. Расскажи мне о нем.

– Мне надо домой. Дайте денек подумать.

– Собираешься смыться, если отпущу?

– Никуда я не сбегу.

Как будто это имеет значение, подумал Харрис. Потом решил: не дури. У них нет ничего конкретного против Билли Поу. По крайней мере, ничего, о чем знал бы окружной прокурор.

– Думаю, у тебя есть день, может два, пока на тебя выпишут ордер, поэтому я приеду к твоей матери завтра утром. Постарайся быть на месте.

Билли Поу кивнул.

Ну вот, размышлял Харрис, провожая Билли Поу к выходу, кажется, старина, ты сумел сделать свою жизнь гораздо более увлекательной.

5. Ли

Айзек где-то пропадал уже второй день, и все это время она названивала Поу, но в ответ слышала лишь, что номер не обслуживается. Опять он забыл оплатить счет. С Поу всегда так – не платит вовремя по счетам, ездит на старой развалюхе, которая вечно ломается, – и ей прежде виделось в этом нечто мятежное, бунтарское и одновременно восхитительное, но теперь казалось просто инфантильным и раздражало. Срочно нужно найти брата. Ну что за человеком надо быть, чтобы не платить за собственный телефон? И тут же подумала: человеком, который не может себе этого позволить. На него она уже и так злилась. Сейчас разозлилась на себя. Устало опустила голову на стол, медленно сосчитала до десяти. Потом решительно поднялась: у отца прием в больнице в Чарлрое, им пора выходить.

Из Бьюэлла они двинулись на север вдоль реки; отец сам вел “форд темпо” с ручным управлением, слишком быстро на такой узкой дороге. Но вскоре она отвлеклась от тревожных мыслей, очарованная красотой Долины: противоположный берег реки, круто поднимавшийся прямо из воды, густо зарос деревьями и диким виноградом, кое-где на поверхность выходили красно-коричневые пласты породы, буйные зеленые заросли каскадами ниспадали к самой кромке воды, а ветви шатром склонялись над рекой, и под этим природным навесом скрывалась маленькая белая лодка.

Дальше взгляд невольно цеплялся за старый угольный желоб, тянувшийся по всему склону холма, над дорогой он держался на стальных опорах, и сквозь проржавевшее дырявое днище видно было небо. Железный подвесной мост пересекал реку, с обеих сторон он наглухо закрыт для прохода, и все металлические конструкции тоже проедены ржавчиной до дыр. Потом целая россыпь заброшенных строений; громадное здание фабрики, выкрашенное в бледно-голубой; трубы все в тех же неизменных красно-коричневых прожилках ржавчины; ворота заперты и замотаны цепями столько лет, что, кажется, она ни разу в жизни не видела их открытыми. В итоге останется одна ржавчина. Вот главная характеристика этих мест. Блестящее наблюдение. Поздравляем, вы десятиллионный человек, констатировавший очевидное.

Между тем отец, сидевший рядом, был на редкость доволен и спокоен, давно она его таким не помнит. Он счастлив, что дочь вышла замуж, это утешает, и, значит, она не так похожа на мать, которая решила на брак,

когда ей было уже за тридцать, а до того была помолвлена с другим человеком, еще до встречи с Генри. Отец никогда не подружится с Саймоном, это Ли понимала. Он не в состоянии даже понять людей типа Саймона. Муж с ее отцом ни разу не встречались, Ли всегда придумывала благопристойные объяснения, даже поженились в мэрии, с бухты-баряхты, никого не предупреждая. Интересно, догадался ли Саймон почему. Впрочем, он не жаловался. И все же Генри, понимая, что Ли вынуждена выдумывать оправдания и тому есть особые причины, примирился с реальностью и лишь повторяет время от времени: *надеюсь, когда-нибудь мы познакомимся*. К ней он всегда относился с некоторым благоговением, как и к матери. Это чувство было необходимо ему, чтобы уравновесить презрение к Айзеку. Такие люди, как Генри, не умеют отступать по всем фронтам.

О деньгах, которые взял Айзек, даже не заговаривали, а по поводу его повторного исчезновения отец сказал лишь *он скоро вернется*. И почему-то в тот момент ей стало абсолютно ясно, что Айзек не вернется – ни сейчас, ни когда-либо.

* * *

Она ждала на солнышке, около чалройской больницы; отсюда, с вершины холма, открывался вид на город и огромное кладбище за рекой, простиравшееся далеко по склону куда хватало глаз. Кажется, кладбище было больше самого города. Ее внезапно захлестнуло чувство вины.

Но Айзек остался здесь по собственной воле, иного объяснения Ли не находила. Он ведь приезжал к ней в Нью-Хейвен, все было замечательно, он даже обрел там своеобразного покровителя, ее бывший парень, Годд Хьюз, предложил помочь Айзеку с оформлением документов и потом раз десять еще интересовался, как у него дела. Но Айзек отклонял все последующие приглашения, и в конце концов она перестала его звать. Возможно, она чересчур давила на брата и ему казалось, что эти визиты налагают на него некие обязательства. Она-то сама не ездила по разным колледжам: в то время не доверяла собственным суждениям, полагая их чересчур провинциальными. Так оно и было на самом деле, понимала она сейчас. И действительно, правильнее было не перебирать варианты. Ведь в семнадцать лет вы выбираете колледж, потому что очарованы архитектурой здания, или потому что тамошний профессор вам улыбнулся, или потому что туда поступил лучший друг, – вы выбираете, ориентируясь на чувства, которые, особенно в этом возрасте, капризны и непостоянны и порождены в значительной мере неуверенностью и уязвимостью.

И все равно она не видела смысла в решении Айзека остаться в Бьюэлле. Он не уважал отца; его презрение к Генри было точным отражением отношения Генри к нему. Но между ними словно существовал договор, которого она не понимала и который Айзек, очевидно, не желал нарушать. Генри постепенно слабел, да, но он вполне справлялся с поездками в магазин, сам водил машину, самостоятельно готовил, мылся, полностью обслуживал себя. Разумеется, жить одному небезопасно – случись пожар или иная чрезвычайная ситуация. Но стариков в Долине становится все больше, и найти недорогую сиделку – не проблема. Вероятно, если бы Айзек поступил в хороший колледж, Генри вынужден был отпустить его, хотя бы из гордости. Но Айзек отверг такой вариант. Может, хотел, чтобы его отпустили добровольно, не желал вынуждать отца. Или стремился все же заслужить уважение Генри и думал, что годами заботы сумеет достичь цели. Неужели не понимал, что с большей вероятностью добьется противоположного, – мужчине, особенно такому, как Генри Инглиш, трудно уважать человека, подчеркивающего его беспомощность. И когда до Айзека это наконец дошло, он впал в такое отчаяние, что украл деньги у Генри, *заначку на черный день*, как говорил сам Генри, наличные, что он прятал, потому что вечно тревожился, что банк лопнет или страна обанкротится. И вот теперь.

Ли уселась на бордюр, разгладила юбку и вновь залюбовалась Долиной. Вот ведь – асфальтированная парковка, а все равно вокруг деревья в весенней листве, зелено, и открывается прекрасный вид. Вообще-то в Долине почти отовсюду открывается прекрасный вид, и так было всегда, даже когда работали все заводы. Ландшафт небанальный, масса зелени, по склонам холмов рассеяны маленькие уютные дома, заводы и фабрики расположены по берегам реки, прямо картинка из учебника по средневековой истории – *вот место, где люди живут, а вот здесь они работают*. Вся жизнь как на ладони.

Ли встала. Все-таки у нее исключительные способности к самообману. Решение Айзека остаться здесь вовсе не требовало долгого глубокого анализа, просто он гораздо острее, чем она, ощущает разницу между правильным и неправильным. Да и вообще чем кто-либо. Он никуда не уехал, потому что считал: неправильно оставлять отца в одиночестве. Потребовалось целых пять лет, чтобы убедиться в обратном. Пять лет – если не задумываться, не так уж много. Но годы состоят из дней, а дни из часов, а порой даже несколько минут рядом с Генри могут быть дьявольски мучительны. По крайней мере, для Айзека. Ли не особенно терзалась угрызениями совести, когда уезжала, – прежде чем спасти мир, надо

спасти себя. Да и Айзеку тогда было всего пятнадцать. А жить своей жизнью и означает, в некотором роде, не хоронить себя под чувством вины. Прекрати, оборвала она себя. Всему есть мера.

Надо позвонить Саймону. Ну естественно, здесь нет сети. Придется позвонить вечером из дома и попросить Саймона перезвонить, чтобы отец не жаловался на дороговизну междугородных разговоров. Ли стало скучно. Порывшись в машине, она не нашла ничего почитать, наверное, так и должно быть, но у нее под сиденьями обязательно валяется несколько журналов и книжек, есть свои прелести в беспорядке в салоне. Поскольку и речи быть не могло, чтобы вернуться в больничный холл и читать там “Наш еженедельник”, она включила радио – “Питтсбург – национальное общественное радио”, а потом вдруг решила пошалить и поменяла все настройки, у отца радио вечно транслировало тупые беседы. Почему-то испытала при этом искреннее удовлетворение.

Отец вернулся от врача, и они поехали обратно на юг. В Бьюэлле, припарковав машину, отправились по делам. И консультант в банке, и кассирша в супермаркете узнали Ли, а кассирша даже вспомнила, что Ли выступала с речью на выпускном и в средней школе, и в старшей, и что Ли уехала учиться в Йель и закончила его, и еще она помнила, что Ли получила Национальную стипендию за заслуги. Ли смутилась – она вообще не знала эту даму, хотя мило улыбалась и делала вид, что рада встрече. На кассе она автоматическим движением протянула карточку, но Генри сконфузился, заволновался, потянулся со своего кресла и отобрал карточку Ли у кассирши:

– Я сам.

Ли не знала, извиняться или не стоит. И только выходя из супермаркета, вдруг осознала, что в Нью-Хейвене едва ли наберется и полдесятка людей, знающих о ней столько же, сколько местная кассирша.

На парковке люди подходили к Генри перекинуться парой слов, но, скорее, просто хотели поздороваться с Ли. Как все же много здесь стариков. Население Долины состоит из очень старых и очень молодых, на улице теперь встретишь либо пенсионера, либо пятнадцатилетних девчонок с детскими колясками. Когда она укладывала кресло в багажник, раздался оглушительный свисток и по железнодорожным путям, проложенным позади супермаркета, медленно прогрохотал поезд, груженный углем. Дальше рельсы вели к полуразрушенному сталелитейному заводу, все еще высившемуся над городом, там отец проработал двадцать с чем-то лет. Она вспомнила, как ходила с мамой встречать его после смены, как звучал гудок, улицы заполняли толпы

мужчин в чистых комбинезонах и толстых шерстяных рубахах, с коробками для ланча в руках, а другие мужчины, в грязной одежде и с закопченными лицами, выходили им навстречу, и их коробки для еды были пусты. Ли помнила, с какой решимостью мать пробиралась сквозь плотную толпу, хотя была маленькой хрупкой тихоней, и как сама она гордилась, что похожа на маму; у нее не было периода подростковой стеснительности и неловкости, ей всегда нравилось быть похожей на маму. Отец никогда не обнимался с мамой на людях. Другие мужчины норовили покрепче облапить своих жен, а он лишь деликатно целовал ее и нежно брал за руку; отец был высоким, светлокожим, с крупным носом и густыми бровями, не красавец, но представительный и притягивавший взгляды, над толпой мужчин он возвышался, как корпуса сталелитейного завода над домами их городка.

Они вернулись домой, Ли помогла отцу выбраться из машины, но, перебираясь с водительского сиденья в свое кресло, он упал, а она не сумела подхватить его: даже постаревший и высохший, он все еще был слишком тяжелый. Упал не сильно, но все равно, толкая кресло по пандусу к дому, она проклинала себя за легкомыслие, за глупости с Поу. Это нечестно по отношению ко всем.

* * *

Вечером снаружи донесся странный звук, а потом еще раз, и еще, и она с трудом сообразила, что стучат в парадную дверь. Генри смотрел телевизор у себя в комнате. На миг она подумала, что это Айзек, но, бросившись к двери, сообразила, что Айзек не стал бы стучать. Ли взгляделась в темноту. На крыльце стоял Поу.

Он улыбался, но ее ответная улыбка была сдержанной, и он догадался, что с ней случилась какая-то перемена.

Ли открыла дверь, и Поу сразу же выпалил:

– Мне надо поговорить с твоим братом.

– Подожди, я оденусь.

И больше не было произнесено ни слова, пока они не отошли достаточно далеко от дома, чтобы отец даже случайно не смог их расслышать.

– Айзек ушел вчера утром, – сказала Ли. – Вскоре после тебя. С рюкзаком.

Она наблюдала, как выражение его лица менялось – удивление, потом страх. А потом – она никогда прежде такого не видела – пустота, лицо не выражало вообще ничего.

– Поу?

– Нам надо поговорить, – тихо произнес он. – Но лучше не здесь.

Ли вернулась в дом, заглянула к отцу. Телевизор орал почти на полную громкость.

– “Пайретс” против “Падрес”^[22], – сообщил отец. – Если тебе вдруг интересно.

– Мы с Поу поедem покататься, – сказала она.

Он удивленно посмотрел на нее, но кивнул.

Они остановились на парковке у реки, на окраине города. В темноте все здесь казалось огромным, а вот эти пятна жидкой грязи, кажется, когда-то были травой, но, впрочем, Ли не слишком доверяла собственной памяти. Она начала забывать эти места, забывать подробности здешней жизни уже в тот самый момент, как уехала в колледж. Они нашли скамейку, в буграх и застывших потеках после многократных покрасок, уселись.

– Он слышал нас тогда, ночью, – сказала Ли.

– Что он слышал?

– Все.

Поу молчал, и она тоже молча смотрела на темную воду. Ли много раз бывала здесь. Когда-то тут было мило, обычное место свиданий. Они с первым парнем, Бобби Оутсом, приходили сюда купаться нагишом. Однажды она лежала на спине, глядя в небо, а потом оглянулась – а его нет; она нервно озиралась, но Бобби исчез. Все знали, что в реке водовороты, и она нырнула, разыскивая его, но бесполезно – было слишком темно, и она громко закричала, нимало не тревожась, что могут услышать, и разревелась, и поплыла к берегу за помощью. Как вдруг он вынырнул прямо перед ней. Оказывается, просто надолго задержал дыхание. Позже в ту же ночь она переспала с ним, ему было восемнадцать, ей шестнадцать, это был ее первый раз. Да, думала Ли, а потом я его бросила. Хотя бы на это гордости хватило.

– Эй, ты здесь? – окликнул Поу.

– Прости.

– У нас с ним проблемы. Меня сегодня допрашивали, а завтра приедут забирать.

Она уставилась на него – бред какой-то.

– У нас проблемы, – настойчиво повторил он. – У меня и у Айзека.

– Что случилось? – пролепетала она, собственный голос доносился откуда-то издалека.

– Парень, которого нашли около старой вагонной фабрики. В газетах писали, нашли мертвого бродягу.

Живот свело, она прикрыла глаза и оцепенела.

– Это не я.

– Где мой брат? – выдавила она.

– Не знаю. Знаю только, что его не подозревают. – Но он замешан.

– Да. – Поу помедлил. – Можно и так сказать. Она боялась услышать подробности. Потом вспомнила про телефоны сразу четырех патронажных служб, указанные в справочнике Бьюэлла, можно позвонить в одну из них и завтра к обеду быть в Дарьене; хотелось отгородиться стеной от всего этого, от Поу, отца, она представляла, как сидит во дворе своего дома, смотрит на светлячков над бассейном, а где-то неподалеку родители Саймона развлекают гостей. Место, где никто ее ничем не грузит.

– Думаю, мне следует отвезти тебя домой, – сказала она.

– Я не делал этого.

– Не желаю ничего знать.

– Ли, клянусь, я пальцем не тронул того парня.

– Поехали. Прости.

– Это Айзек.

Долгая пауза.

– Это Айзек, – повторил он.

– Ты лжешь, – выговорила она, хотя уже знала правду. Было что-то в лице Поу, что она сразу поверила ему. Кожу на голове покалывало, стало очень холодно почему-то, Ли дрожала, может, у нее температура, непонятно, словно вся кровь вылилась из тела.

Поу сидел, опершись на локти, и не смотрел на нее; он заговорил будто сам с собой или с рекой, не упуская ни одной, даже мелкой детали; и вот она уже прижалась к нему, отчасти потому что замерзла, отчасти в поисках утешения. Наверное, надо было поплакать, но не получалось – и первое потрясение уже миновало.

Он рассказывал, как едва не замерз до смерти, сидя во дворе, потому что не решался встретиться с матерью после того, что случилось. Ли слушала, но внутри ее разума уже словно распахнулись двери, мозг стремительно работал. Так, обоим потребуется адвокат, но они больше не союзники. Все просто – ты должна выбрать сторону. Айзек против Поу, Айзек и отец против Поу. “Дилемма узника”, университетский бюллетень, выпуск 102. Если все сотрудничают, держат рты на замке, все закончится хорошо, – равновесие Нэша. Или равновесие Нэша – это когда обе стороны отказываются от сотрудничества? Вот здесь-то и корень проблемы – люди редко соглашаются сотрудничать. Поу продолжал говорить, но она уже не слушала. Чековая книжка в сумочке, на ней имена Саймона и ее, она

захватила книжку с собой, потому что знала, что придется оплатить услуги сиделки, ремонт дома, она запросто могла бы выписать чек и нанять Поу хорошего адвоката, дать ему шанс выпутаться.

Вот только хороший адвокат для Поу ничем не поможет Айзеку. Скорее, наоборот. А Поу все рассказывал о своих беседах с шефом полиции, но это уже не имело значения; все, что считал важным Поу, больше не важно. Он не может позволить себе нормального адвоката, он живет в трейлере. Если она наймет ему защитника, а Саймон случайно увидит квитанции, что маловероятно, но все же, если Саймон или его отец обнаружат, что она выписала чек для адвоката своего бывшего друга, любовника, которого обвиняют в убийстве, все будет кончено. Просто как дважды два. Поу умолк. Он пребывал в своем мире, задумчиво глядя на реку. Надо же, какая темнота.

– Я его не сдам. – Он неправильно истолковал ее молчание. – Надеюсь, ты понимаешь. Я бы никогда так не поступил ни с ним, ни с тобой.

– Не переживай за меня. – Она погладила его по плечу.

– Думаю, он отправился в Беркли, он вечно об этом твердил.

– В Беркли, в Калифорнию?

– Ага. В колледж.

Ли растерянно покачала головой – бред какой-то. А что, если Поу просто врет? Она так не думала, но сейчас все настолько изменилось, что, может, не стоит верить и половине из того, что он рассказал.

– Кто-нибудь еще в курсе?

– Был один старикан в библиотеке, с которым они частенько трепались, но и все.

– Выходит, той ночью он узнал, что единственный человек, которому он доверял, трахает его сестру и врет ему.

– Ли.

– А я-то, дура, не сообразила, почему мы пошли тусить сразу после того, как вас едва не упекли за решетку. Если ты хотел позвонить мне, мог бы просто позвонить.

– Как, интересно, я мог позвонить? Я даже не знал, что ты в городе!

– Мы не должны были этого делать, – сказала она с горечью. – Глупость какая, поверить не могу. Мы же должны были защитить его, поддержать.

Поу скептически покосился на нее:

– Ты ничего о нем не знаешь.

– Он мой брат.

– Ты очень давно уехала, Ли.

– Да, но сейчас я вернулась. – Она встала. – Я отвезу тебя домой.

Поу не двинулся с места.

– Два месяца назад он пытался утопиться в реке. Ты, наверное, не в курсе, он ни за что не рассказал бы тебе, а когда я звонил тебе, пытался поговорить, ты так и не перезвонила. Но вообще-то я прыгнул в воду за ним и вытащил. Градусов шесть мороза было, и я вообще не понимаю, как мы оба выжили.

Она потрясенно молчала. Смутно припоминала, что получила сообщение от Поу и, разумеется, не перезвонила, но она же понятия не имела, в чем там дело.

– Тут нет никакой тайны, Ли. Ты просто прикидываешься, что все рассосется само собой, пока не приходится отвечать всерьез.

– Замолчи, пожалуйста.

– В том, что случилось с тем мужиком, моя вина, – продолжал он. – Это правда. Но не только моя. Меня посадят вместо твоего брата, я готов.

– Думаю, ты не все понимаешь.

– Отлично я тебя понимаю. Ты такая же, как все.

Она затихла. И мозг внезапно отключился.

– Твой брат был прав. Насчет тебя. Не понимаю, с чего я думал иначе.

И он пошел к дороге. Она смотрела вслед, а потом бросилась за ним.

– У тебя уже есть адвокат? – запыхавшись, спросила она.

– Харрис сказал, у него есть хороший общественный защитник.

– Подожди. Постой минутку. Пожалуйста.

Он остановился.

– Давай вернемся в машину.

Она взяла его за руку, он печально смотрел на нее, но не сопротивлялся. Они сели в машину, она включила двигатель и отопление. Потянулась поцеловать его, и сначала он отодвинулся, ему явно было горько, но потом все же поцеловал. Сознание словно работало на десяти разных уровнях, в среднем: дано – три человека, первый вариант – спасти одного, второй вариант – спасти двоих, а еще ладонь Поу легла между ног, и она очевидно сделает именно этот выбор. Ли прижалась к нему еще крепче и почувствовала, как теряет сознание, потом что-то еще произошло, и она выплыла на поверхность и вновь смогла думать. Поу понадобится адвокат, она словно воздвигала конструкцию из потока слов, зачем-то нужно было удержать их, в таких делах общественный защитник не годится, у тебя будет Джонни Кохран. Общественный защитник уснет прямо в ходе заседания, общественный защитник нужен только для того, чтобы государство могло заявить, что у всех равные шансы, а потом посадить

тебя пожизненно.

- Что-то не так?
- Все хорошо.
- Хочешь, просто полежим?
- Нет. – И она потянула его руку обратно.

* * *

А потом ее голова лежала у него на коленях, и она вдыхала запах, его или свой, и чуть поджала ноги. Он провел рукой по ее бедру, вверх и вниз. Горячий воздух из печки обдувал лицо. На миг стало легко, невесомо, так бывает, когда прыгаешь с трамплина в воду, тот момент, когда сила притяжения еще не поймала тебя. Она подумала: я сделаю все что угодно, лишь бы сохранить это чувство.

Поу спал, теплый воздух согревал их, мягко светилась приборная панель, рука скользнула по его ногам, пальцы погладили волосы на лобке, потом она коснулась прохладного оконного стекла, на улице холодно. Она уже знала, что будет делать. Это вовсе не история Ромео и Джульетты. Ощущение парения в облаках улетучилось, осталось только чувство падения, она села, прижалась лбом к стеклу, в голову не приходило ни одной внятной мысли. Нужно позвонить Саймону. Саймон был ее якорем. Поу заворочался, она автоматическим движением погладила его по руке, опять замутило, надо бы на воздух, она торопливо оделась, шиворот-навыворот, подхватила сумочку и выбралась из машины, тихонько прикрыв за собой дверь.

Так, связь есть. Ли оглянулась на машину, на спящего внутри Поу, потом перевела взгляд на телефон и набрала номер Саймона. Как там, в знаменитой книге: “Не скрою, я пациент специального лечебного учреждения”^[23]. Гудки, потом Саймон ответил. Она отошла подальше от машины, к деревьям, где слышен был шум реки.

- Любимая, – обрадовался он. – Ты уже едешь домой?
- Пока нет.
- Твой брат нашелся?
- Вроде того. Но потом опять потерялся.
- Что ж, надеюсь, вскоре найдется. Мне тоскливо без тебя.
- Мне придется задержаться. Завтра буду беседовать с сиделками.
- Хорошо, хорошо. Знаешь, я должен был поехать с тобой. Прости, что повел себя как ребенок. Я должен быть там рядом с тобой.

Ли онемела, она слышала в трубке голоса, шум на заднем плане, черт, она едва не рассказала ему обо всем.

– Слушай, – продолжал он, – тут приехали ребята из города, могу я перезвонить тебе попозже или завтра?

– Ок.

– Все передают тебе привет. Эй, скажите “привет”.

В трубке раздалась приветственные возгласы, голоса друзей, далекие и пустые.

– Наш приятель мистер Болтон привез ящик “Клико”.

– Саймон, послушай минутку. Мне могут понадобится деньги. Брату может потребоваться адвокат.

– Это серьезно?

– Не знаю. – Она колебалась. – Пока непонятно.

– Ли, – сочувственно проговорил он, – прости меня. Правда, прости, я очень виноват. Мне следовало поехать с тобой.

– Все в порядке, хорошо, что мы можем поговорить. Я тут немножко схожу с ума.

– Завтра я прилечу.

– Нет, – судорожно сглотнула она, – думаю, все будет хорошо. Просто я немного нервничаю.

– Я приеду завтра. Черт, да я попрошу Болтона отвезти меня прямо сейчас, часам к трем ночи мы будем на месте.

– Нет-нет, что ты. Мне просто нужно было услышать твой голос. Мне уже гораздо лучше.

– Позвони мне попозже. Или завтра утром. Звони, когда захочешь, в любое время. Чековая книжка у тебя с собой?

– Да.

– Пользуйся ею. Если окажется, что дело серьезное, я попрошу отца подыскать кого-нибудь.

– Не надо впутывать отца.

– Не волнуйся, он нормальный человек.

– Я знаю. Просто не хочу, чтобы ты к нему обращался.

– Ладно, – согласился он. – Я люблю тебя.

– Я тоже тебя люблю.

Выключив телефон, она стояла в темноте, и небо было чистым, а над головой сияли холодные искорки света. Ли поплелась обратно к машине. Придется навеки похоронить это внутри себя, никому на свете она не сможет рассказать. Что ж, вздохнула она, по крайней мере, теперь ты знаешь, что можешь спокойно нанять адвоката.

6. Айзек

Когда он проснулся, уже наступило утро, он лежал в высокой траве за пакгаузом. Слышался шум катеров с реки. Почему глаз не открывается? Осторожно потрогал. Грязь и засохшая кровь. Останусь здесь, пока не подживет, подумал он. Пушу корни и впаду в спячку. И выползу, когда погода наладится. И местные пойдут. Он огляделся. Ладно, уже лучше. Вставай.

Теплый ветреный день, небо ясное, ярко-голубое, и облака плывут на юг, а гусиный клин летит в противоположном направлении. Изначальные странники. А Малыш, он спокоен. Вспомни, как бывало в прошлых жизнях, во Вьетнаме к примеру, в спецподразделении, а здесь-то суцкая ерунда. Восстал из мертвых, как Спаситель. И пускай саднит еще след от копья и ноют сломанные ребра, но впереди много километров прекрасного дня.

С полминуты Айзек вставал, преодолевая боль в боку и ногах. Земля сырая, спальный мешок в грязи, одежда замызганная. Он двинулся обратно, высокая трава колыхалась на ветру, стелилась ковром и вновь вздымалась, а пакгауз оказался вовсе не так далеко, как почудилось в темноте, – ярдов двести от дороги. Земля вокруг усеяна мусором: пустые пивные жестянки, картонки, а вот и использованный презерватив. Знак людского единения. Почти причастие. Малыш, возжелавший искупить свой смертный грех перед шведом Отто, является в тайное убежище местных бандитов и предлагает свой священный сосуд во искупление. Млеко его человеческой благодати объединяет их, подобно крови, освящает, и вот она, новая церковь. Айзек рассматривал старый кирпичный пакгауз, облупившийся фасад, высокие арочные окна. Но взгляни – руки еще измазаны, он все еще грешен.

На грязной парковке у пакгауза он наткнулся на кучку своего собственного дерьма, с прошлой ночи, задержался присыпать немножко землей, м-да, пожалуй, Малышу не следует сравнивать себя с Иисусом. И подумал: самая мелкая из моих проблем. Если ад существует, там такая толпа народу, что я просто взберусь кому-нибудь на плечи, а внизу останутся лицемеры, по большей части образцовые прихожане. И специальное отделение для епископов.

Он ковылял через поле к шоссе 906. Движение здесь оживленное, и прогулка предстоит не из приятных: дорога узкая, едва хватает места для

машин. Передвигался медленно. Наверняка ребро сломано – больно вдыхать. Руки, ноги, спина, все в синяках и ноет. Ощупал лицо – покрыто коркой из запекшейся крови и грязи, губы, и скулы, и глаза распухли. Чудо, что ни одного зуба не выбито. Ты не создан для этого, подумал он. Но тут же перед глазами всплыла картинка, как Швед стоит в полумраке, вглядываясь во что-то, мешковатая армейская куртка, коричневые штаны карго, почти черные от сажи. Можешь думать что хочешь, но факты свидетельствуют об обратном. Экспериментальные данные подтверждают иную гипотезу. Малыш вполне функционален – совершает ошибки, но быстро обучается. Неплохой объем у жесткого диска, как показывает опыт. Ржавого только, и все.

Шоссе 906, проложенное в пойме реки, ведет в Монессен. Склон долины сразу за дорогой порос лесом, но по берегам реки еще сохранились развалины старых фабрик, складов, заводских зданий. Поток плотный, сплошь американские малолитражки и старенькие пикапы. Места на обочине маловато – регулярно толкает воздушной волной даже от небольших машин. В том же направлении, что и он, пешком идет еще с полдюжины человек – в Монессен, который был когда-то одним из преуспевающих городов Долины, а теперь стал одним из беднейших. Последние коксовые цеха “Ю Эс Стил” дышали на ладан, но пока обеспечивали работой несколько сотен. Все равно большинство из них клиенты Восьмой программы^[24].

Через полчаса он вошел в Монессен. Почти точная копия Бьюэлла: речная долина, перетекающая в крутые склоны холмов, жилые кварталы, расположенные террасами, каменные церкви, деревянные церкви, три православные церкви с золотыми куполами. Много деревьев. Издалека выглядит мило. Вблизи видно, что город заброшен: здания обветшали, повсюду следы вандализма и запустения. В центре города припарковано несколько автомобилей, но дома по большей части пусты, на старых витринах старые вывески, выцветшие объявления “сдается” почти на всех окнах. Единственные признаки жизни сохранились в районе коксовой фабрики у реки, длинные ряды зданий, крытые гофрированным железом, высокая труба с полыхающим факелом отработанного газа, клубы пара, время от времени вырывающиеся при тушении кокса. Огромный экскаватор, в ковше которого запросто мог поместиться полуприцеп, черпал уголь с баржи и отправлял его на конвейер, ползущий к главному цеху. По рельсам сновали вагонетки, груженные коксом, но в поле зрения ни одной живой души.

Он все-таки нашел в этом городе работающий ресторан. Официантка

сидела в одиночестве за столиком у окна, смотрела вдаль и улыбалась, пока не заметила входящего посетителя. Светило солнце, ей было спокойно и совсем не хотелось вставать. На вид лет пятьдесят, крашенная блондинка.

– О нет, – недовольно сказала она. – В таком виде не пущу.

– Я помоюсь, – заверил Айзек. – Я просто упал.

Он огляделся – закусочная или ресторан; в общем, чем бы оно ни было, в зале сидел только один клиент.

Женщина отрицательно помотала головой:

– За мостом в сторону Чарлроя есть больница, вот туда и иди.

– Я могу заплатить. – Он раскрыл бумажник, демонстрируя деньги. Пахло едой, жареной картошкой и мясом, он никуда отсюда не уйдет. Удивительно, что продолжает упрашивать, – в былые времена сразу развернулся бы и пошел искать другое заведение. – Поставьте себя на мое место, – умоляюще произнес Айзек.

Он уже думал, не перестарался ли, как тетка вздохнула и махнула рукой куда-то в сторону подсобки, где находился туалет. Второй клиент, чернокожий средних лет, глянул на Айзека поверх своей газеты и поспешно опустил голову. Хлебнул кофе и больше в его сторону не смотрел.

По узкому коридору, мимо коробок с туалетной бумагой и растительным маслом он прошел в мужской туалет, запер за собой дверь и встал перед зеркалом. Жмурик, выловленный из реки. Или из братской могилы. Штаны и куртка измазаны жидкой грязью, рожа покрыта слоем сажи и пыли. Он сам себя не пустил бы в эту забегаловку, да и вообще никуда. Один глаз полностью заплыл, губа разбита; трудно сказать, где заканчивается засохшая кровь и начинается грязь. Справив нужду, он разделся и опять встал перед раковиной и зеркалом. Эта чумазая загорелая физиономия не имела отношения к бледному телу с розовыми ссадинами вдоль ребер, с расплывающимися светло-лиловыми синяками. Айзек вымыл в раковине голову и лицо, забрызгав грязью все вокруг и попутно размышляя, какое все же хрупкое создание человек. Так, теперь смочить холодной водой бумажное полотенце, надо обмыть тело, покойника обмывают. Последнее омовение. Тщательно каждую складку. Может, сейчас пользуются шлангом для этого дела, специальной тканью, и вообще процесс автоматизирован. Как знать, кто будет касаться тебя после смерти? Взял еще несколько полотенец, намочил, продолжил мыться. Он замерз и дрожал, вода быстро охлаждает. Тепло материнской утробы мы принимаем как должное – такова природа ее. Мать сама себя омыла. Интересно, обмывали ее тело после? Например, ирландская деревенщина отлично

сохраняется в торфе. А вот со Шведом иначе – никаких помывок за счет налогоплательщиков. Могилы для голодранцев слишком дороги. Крематорий – его финальное тепло. Так, выбрось из головы, приказал он себе. Все в прошлом.

Закончив с мытьем, Айзек достал нож, тщательно вымыл с мылом лезвие, сполоснул, насухо вытер, потом вытерся сам, используя последние полотенца, он извел два полных рулона. Тут было очень чисто до его появления, и теперь Айзек тщательно протер пол и отмыл раковину, прежде чем возвращаться в обеденный зал. Внимательно оглядел себя в зеркале. Выше пояса нормально. В основном грязь досталась куртке, рубаша и свитер в порядке. В другой раз не появляйся в общественных местах в верхней одежде. Первым делом снимай куртку.

Официантка окинула его оценивающим взглядом, медленно подняла свое большое тело, с трудом разгибая колени, принесла меню и чашку кофе. Устроившись в самом темном уголке, он блаженствовал – чистый, сухой и в тепле. Добавил в кофе сливок, много сахара, отхлебнул и почувствовал, как голова проясняется. Он никуда не будет спешить. Получит удовольствие. Айзек заказал стейк по-деревенски, хашбрауны, перевернутую глазунью из трех яиц, кусок персикового пирога. Официантка приняла заказ и подлила еще кофе, который он приправил по своему вкусу, послаще и пожирнее, почти как десерт. Оглядел забегаловку – милое место, все же ресторан, пожалуй; дюжина столиков, накрытых клетчатыми скатертями; здесь, наверное, теперь почти не бывает посетителей, но все равно чисто; приятный приглушенный свет, обшитые сосновыми панелями стены, высокий потолок, украшенный жестяной чеканкой. По стенам фотографии футбольной команды “Монессен Грейхаунд”, портреты Дэна Марино и Джои Монтана, звезд НФЛ родом из Долины, несколько постеров с боем быков в Испании – наверное, кто-то привез сувениры из отпуска лет двадцать назад. Официантка вернулась с заказом.

– Сдачи-то хоть дал? – кивнула она, глядя на его лицо.

– Не очень.

– Что, так туго пришлось?

– Их много было.

– Валил бы ты домой, – вздохнула она. – Дальше только хуже будет.

– Вы всегда так приветливы с посетителями?

Женщина улыбнулась, а он вдруг осознал, что улыбается в ответ. У нее на зубах были брекеты.

– Ладно, наворачивай. Не бери в голову, несу тут чушь всякую. – Она

поковыляла к своему месту, бросив напоследок: – Пирог будет готов через минуту.

Он разрезал стейк на кусочки, снаружи хрустящая корочка, внутри сочная мякоть, ничего вкуснее в жизни не ел. Разломал вилкой хашбраун, зажаренный с луком, смешал с яйцом, хотел посмаковать, растянуть наслаждение, но, не в силах сдержаться, жадно черпал вилкой, как лопатой. Официантка принесла пирог, добавила кофе в его кружку, и крепкий кофе был отличным контрастом с сытной едой. Опустошив тарелку, он принялся за пирог.

Потом откинулся на спинку дивана, закрыл глаза. Вот это жизнь, подумал он. Идти куда-то, к дальней цели, а по пути есть вкусную еду. Но засыпать здесь нельзя. Официантка появилась еще раз, с вазочкой мороженого.

– От заведения, – ухмыльнулась она. – Ты там очень хорошо прибрал за собой.

Через некоторое время Айзек почувствовал, что отключается в этом тепле, и решил не искушать судьбу. Покосился на счет. Она посчитала только яичницу и кофе, два доллара восемь центов. Хотел было поблагодарить, вскинул голову, но официантка уже дремала за своим столиком.

Деньги надо растянуть подольше, но он все же оставил десятку. От нищего нищим. Все равно же он рассчитывал потратить эти деньги.

На улице он чуть взбодрился, лицо уже не так саднило, и вообще он давно не чувствовал себя так хорошо, хотелось прилечь на солнышке, вздремнуть. За городом сошел с обочины, двинулся через поле опять к железной дороге, а потом нашел укромную лужайку на берегу. Солнце светило вовсю, он стянул рубаху, ботинки, остался в одних брюках. Надо идти. Да ладно. Может, меня пристукнут уже сегодня ночью. Наслаждайся моментом.

Он валялся на солнышке и размышлял. Простые радости, для которых мы созданы. Миллионы лет эволюции – и мы научились ценить солнечный день.

Тебя испытывают. А как быть со Шведом? Нет, сейчас я не могу об этом думать, решил он. Доберусь до Беркли, а там посмотрим. Если даже что-то случится, я, по крайней мере, это сделаю. В конце концов выяснится, что виноват во всем я. Поу расскажет. Он такой, какой есть. Против природы не попрешь. Даже если и так. Он все равно лучший из всех.

Айзек зажмурился. Интересно, сестрица еще в Бьюэлле? А что, если

она как раз сейчас проезжает мимо? Я бы поехал с ней. Все, что мне нужно, со мной. Он попытался внушить сестре на расстоянии: садись в машину, Ли, и вперед, жду тебя на обочине шоссе 906. Смешно, конечно. Она не услышит.

Вспомнил, как сидел рядом с ней на ее выпускном. Директор толкал речь минут десять, Национальная стипендия за заслуги, высший балл за тест, принята в Йель, Стэнфорд, Корнелл и Дьюк. Вы все четверо там присутствовали. В такие моменты кажется, что жизнь имеет смысл. Ты представлял, как наступит время, когда и сам вознесешься ввысь, видел будущее. Очень ясная картинка – глядя на сестру, воображал выпускником себя. Очень хорошо помню. А потом умерла мама и Ли уехала, ты надеялся, что она останется, но как же. Кто бы остался? В ожидании новой жизни еще важнее было поскорее убраться прочь. Не могу ее винить.

Над головой парил большой ястреб, нет, это орел, они возвращаются в Долину. Все меняется. Порой к лучшему, порой наоборот. Твоей единственной работой было пробуждаться к жизни, пока тебя не остановили. Он справится. Сестра относилась ко всему проще, но теперь ему безразлично. Он выберет собственный путь. Будет жить в горах, в Северной Калифорнии, в настоящих горах, зеленых и высоких, не то что здешние холмы. Рядом с обсерваторией. Обсерватория прямо в доме, чтобы в любой момент смотреть на звезды, а терраса нависает над обрывом, и ты будто паришь в пространстве. Но он, как и Ли, не останется в одиночестве. Вспомни Нью-Хейвен – там все были такие, как ты или Ли. Невероятно, но сестра сумела вырваться, хотя гораздо хуже представляла, чего именно хочет. А он ведь всегда точно знал, чем хочет заниматься. Да, результаты тестов у нее лучше. На сорок баллов. В пределах статистической погрешности. Именно так она сказала, когда он сообщил ей свои результаты, – *ну, это допустимая погрешность*. Все-таки она добрый и славный человек. Если бы не история с Поу. Которая все портит. В самом факте ничего особенного, он знал и других парней из Долины, с которыми она спала, двое их было, и ему, в общем, наплевать, ну или почти наплевать, неважно. Но с Поу – совсем другое дело, это нечто гораздо более значительное. Он не мог объяснить, что именно, но точно знал.

Хватит уже об этом. Грейся на солнце спокойно. В Калифорнии вот так будет большую часть года. Получай дозу ультрафиолета. Лечит ушибы и убивает бактерии. “Ультра” означает невидимый, недоступный зрению. Нет, это означает *очень*. Чертов debil. Он сел и огляделся. Вокруг трава и деревья, прямо перед глазами река. Южнее расположен большой транспортный терминал, груды угля и кокса и прочих сыпучих грузов, еще

дальше к югу три длинных моста в Чарлрое, а за мостами можно разглядеть подъемные краны над шлюзами. Вереница барж ждет своей очереди, чтобы пройти через створ.

Я пришел оттуда, подумал он, к северу только леса. Солнце согревает кожу, легкие мурашки, будто по телу пробегают крошечные пальцы, так приятно, совсем не хочется засыпать. На другом берегу четверо мужчин ловили рыбу, и что-то такое умиротворяющее было в этом занятии, ощущавшееся даже на расстоянии, что он забылся и задремал. Ловцы человеков. Очнулся, когда солнце уже опускалось за холмы на западе, рыбаки давно ушли. Вот и второй день ты проспал. Мог бы просто взять билет на автобус, спал бы и в то же время ехал. Ага, и оставить след, указывающий, куда ты направился. Но и на сортировочной станции все равно придется кого-то расспрашивать, выяснять, какие поезда идут на юг или на запад. Все равно это лучше, чем покупать билет. Он проверил бумажник, осталось еще двадцать два доллара плюс те четыре тысячи, что лежат в конверте в заднем кармане штанов.

Ноги затекли, пока спал, и сначала он ковылял еле-еле. Под мостом, ведущим в Мон-Сити, Айзек брел уже в полной темноте. Поезда проносились через протяженную промышленную зону, вдоль ярко освещенных складов и депо, а он шел лесополосой, мимо десятков пустых контейнеров, домика, наполовину сползшего в воду, обшарпанных тягачей, осевших на спущенных шинах. За рекой сияли огнями Мон-Сити и Нью-Игл, и он радовался, что не оказался на том берегу. Впереди длинная просека через лес, рельсы тускло поблескивали в лунном свете. В темноте Айзек вновь почувствовал себя в безопасности. Тишина, только уханье сов, звук его собственных шагов да урчанье буксира на реке. Должен бы испытывать жажду, но нет, пить не хочется. Надо будет обзавестись фляжкой.

На другом берегу над электростанцией Вест-Пенн высоко в небо поднялся громадный султан пара, яркий на фоне ночного неба. Рядом темные горы угля, подобные небольшим пирамидам, десятки барж, снующих по реке рядом с заводом. Через несколько миль, опять на другом берегу, электростанция Эрламы, она еще больше, ярко светят желтым натриевые лампы, главная труба добрых пятьсот футов в высоту, клубы пара, белые и чистые на вид, застилают небо. Да, но это сгоревший уголь. Так что едва ли чистые. Вскоре пришлось пересечь территорию заброшенной шахты, с обширной площадкой для разгрузки угля, земля черная, угольная крошка хрустит под ногами. Бесконечная вереница груженых вагонеток застыла на рельсах, пустые баржи пришвартованы к

причалам. Дальше, в ярко освещенной промзоне, свернул в сторону, чтобы не заметили, подальше от реки, пока не добрался до темной дороги, идущей параллельно реке.

Дорога привела в какую-то деревушку с пожарной станцией, пустой и закрытой на ночь. Несколько домов с каркасными бассейнами во дворе, фонари над крыльцом там и сям, но все равно тьма кромешная. Дорога пустая, он мог спокойно любоваться звездным небом. В одном из дворов горел костер, он проходил мимо и видел, как человек двадцать, наверное полгорода, собрались вокруг огня, выпивали и веселились. Кто-то, кажется, готовился прыгнуть в бассейн – силуэт совсем белый, человек явно без одежды, хотя похолодало. Айзек ускорил шаг, опустив голову, но его все равно заметили.

– Эй, – окликнул кто-то, – заходи, хлебни пивка.

Он не реагировал, позвали еще раз. Он махнул рукой, не поднимая головы, рассчитывая, что вот-вот скроется из виду.

– Ты кто, черт побери? – расслышал Айзек. – Эй, это Брайан Фут, что ли?

Айзек еще раз махнул, не останавливаясь.

Через пару кварталов, уже на окраине, он услышал, как звякнуло стекло, обернулся – темные фигуры двигаются следом за ним. Четверо. Решив не выяснять, что случилось, он рванул с места, крепко вцепившись в ляжки рюкзака, не обращая внимания на судороги в лодыжках и бедрах, на острую боль в ребрах; слышал, как они что-то орут вслед, ноги огнем горели при каждом шаге, рюкзак колотил по спине, но Айзек не снижал скорости.

За поворотом дороги метнулся в лес, затаился в темноте проверить, не преследуют ли. Тишина. Чего им надо было? Да чего угодно – обиделись, что ты забил на их вечеринку, или хотели напомнить уроки прошлой ночи. Неважно. Он успокоился. Малыш сумел уйти от бандитов – на этот раз без увечий. Впрочем, учитывая, что он, вероятно, самое волнующее развлечение их унылого вечера, они запросто могут погнаться за ним на машине. К реке вела дренажная канава, и он спустился в нее, с трудом отыскивая сухие островки вдоль бурного потока. Русло петляло, Айзек быстро утратил чувство направления, запаниковал было, но потом расслабился. Утром разберемся. Увидим, где встает солнце. Довольно скоро он оказался на просторной поляне, где совсем недавно скосили траву. Ни одного огонька в округе.

Он улегся на опушке под свисавшими ветвями, чтобы уберечься от росы. Залез в спальный мешок, закрыл глаза и грезил. Странные образы,

неизвестные. Люди идут. Дорога, по которой он брел утром, и люди на ней. Открыл глаза. Лицу прохладно, но сам он в тепле. Холодная ясная ночь. Он опять видел Шведа, стоящего у печи, лицо наполовину в тени. Все в порядке, успокаивал он себя. Выпростал руку из спальника, потрогал мягкую траву – влажная, прохладная. Айзек смотрел на звезды и пытался забыть о Шведе.

Ты понимал, что нельзя задерживаться здесь надолго. Знал, что добром это не кончится. Убеждал себя, мол, жду удобного случая, но правду-то не утаишь. Мне просто некуда было идти. Как и Ли. Но она сама создала место, куда можно уехать. Мистер Пейнтер предлагал познакомить тебя со своим отцом, профессором Корнелла. Это отличная возможность, говорил он.

Я тогда не готов был уехать. Ли другая – людям ее типа такие решения даются легче. Ее мать умерла, и она запросто покидает родные места, шрамы разглаживаются. Она даже тебе рассказывала, что думает о родительском доме исключительно в категории “*было когда-то*”. Ей и в голову не приходило, что тебе недоступна такая роскошь. В свой предпоследний школьный год ты остался в пустом особняке наедине со стариком. А у Ли была целая счастливая семья. Наш Цветочек Маргаритка. Ли занимается – полная тишина в доме, по поводу ее табелей успеваемости – бурная радость. Показываешь свои – ни слова доброго в ответ. Твои успехи интересовали только тебя.

Будь он на твоём месте, сдал бы тебя в дом престарелых. Однажды спросил его – а если бы я тоже покалечился, как ты? Ответа не дождался. Но ты все равно остался. Потому что я вот такой, даже с ним. Нет, это не единственная причина. Ты ждал его одобрения. Хотел, чтобы он признал, что нуждается в тебе. Нет же, я остался, потому что неправильно бросать старика одного. И все же ты ушел. Да, но спустя пять лет. Это не было разумным решением. Это вообще не решение, в нем нет никакого смысла.

Он плотно сжал веки. Я делаю то, что хорошо для меня, и точка. Сегодня лучше, чем вчера. А завтра будет лучше, чем сегодня. Потом смотрел на звезды, отыскивая знакомые, и вскоре провалился в беспокойный сон.

7. Грейс

Четырежды она звонила Харрису из мастерской Штайнера и всякий раз нарывалась на автоответчик. Сегодня трудилась проворнее обычного,

заставляя себя сосредоточиться; нельзя позволить мыслям отвлекаться. В какой-то момент Штайнер подошел к ней, полюбовался результатами, одобрительно улыбнулся. Она уныло кивнула и опустила голову. Билли кого-то убил. Это очевидно – судя по тому, в каком виде он явился в пятницу, а теперь Харрис засадил его в кутузку и допрашивал, продержал всю ночь. Она глаз не сомкнула. Харрис, видимо, решил не отвечать на ее звонки. Можно попробовать достать его по здешнему телефону, этот номер он не знает, но кто-нибудь обязательно услышит разговор. Придется подождать до дома.

Почувствовала, как кто-то касается ее плеча, – опять Штайнер.

– Рабочий день окончен, – улыбнулся он. – У тебя такой вид, будто ты не здесь.

Несмотря на сочувствие в голосе, Грейс не решилась взглянуть ему в глаза. Это же Штайнер. Никогда не угадаешь. Он спал с Барб и Линдси Вернер, она точно знала. Но если Штайнер одолжит ей денег на адвоката, поможет спасти Билли, то она пойдет на что угодно. Когда выбор между сыном и честью, выбора-то никакого и нет. Редкая удача, что она не оказывалась в подобной ситуации.

– Я в порядке, – улыбнулась она в ответ. – Стараюсь, чтобы мы не выбивались из графика.

Он ласково похлопал Грейс по плечу, а ей стало неловко, сама себе противна.

– Ну, тогда до завтра.

Ее мутило, пока она собирала вещи, спускалась на лифте, шла к парковке. Нет, невозможно, Билли не мог этого сделать. А если да – что ж, придется сгрести себя в кучку, собраться, гордо вскинуть подбородок. Потеряешь достоинство – все, конец. Достоинство – это жизнь.

Она спешила домой, когда зазвонил мобильный. Харрис.

– Я только что отпустил его.

– Это ведь не из-за того случая, в прошлом году?

– Брось, Грейс.

– Ты приедешь?

– Не думаю, что это хорошая идея.

– Никого не будет.

– Грейс, – вздохнул он. – Грейс Грейс Грейс.

– Я не это имела в виду.

– О'кей.

Она прибавила газу, чтобы успеть принять душ до его прихода. Может, она именно это имела в виду. Вот только сейчас нельзя – сейчас это было

мерзко. Она почувствовала, как на глаза навернулись слезы, и моргнула несколько раз. Брось, жизнь вообще несправедлива. Не устраивай драмы. Думай о главном.

* * *

Через двадцать минут она была дома, а Билли все нет. Она разделась, долго пыталась убедить кран в душе занять положение, при котором ее не обдавало бы ни кипятком, ни потоком ледяной воды. За два года работы в техническом магазине Билли так и не научился – или не захотел учиться – чинить смесители. Не надо сейчас на него злиться, напомнила она себе. Но все равно злилась. Не справлялась с собой. Истинный сын своего отца. Ведь знала же, что этим кончится.

Грейс торопливо вымылась. Она дорожит жизнью, ценит каждое мгновение ее. Из кожи вон лезет, чтобы помочь другим. Ведь именно этого ждет от нас Господь – заботься о ближнем, а об остальном позаботится Он сам. И казалось, сработает; Билли уже готов был уехать, он ведь почти поступил в колледж, новая жизнь, ее же так запросто не спустишь в унитаз, но он решил остаться. А может, куда и не собирался вовсе. Этого она никак не могла взять в толк: он же любил футбол и получил шанс продолжать играть. Возможно, потому что он никогда не стал бы звездой, предполагала Грейс. Думал, что не выбьется в большие шишки. Нет, все сложнее. Футбол задавал ему направление, цель – то, чего она никогда не наблюдала в сыне, он вынужден был ставить себе задачи и заставлять себя, но, как только школа закончилась, Билли удовлетворенно вернулся в привычное детское состояние. Доволен собой, доволен жизнью, счастлив, что о нем заботятся. Что в двадцать лет, что в тринадцать – все едино. Наверное, она всегда это понимала.

Еще карапузом он был чересчур отчаянный, так она это называла, сравнивая его с другими детьми; он отличался от них, да, к его двенадцати годам она уже была уверена. Однажды завернула за угол дома как раз вовремя, чтобы увидеть, как он на полной скорости несется на велосипеде с пригорка напрямик к уступу над ручьем. Сначала подумала, что у него отказали тормоза, но тут же выяснилось, что он делает это специально, – на бешеной скорости он взмыл высоко в воздух над уступом, невозможно высоко, и вдруг выпустил велик из рук, и она зажмурилась. А когда решилась открыть глаза, Билли стоял на другом берегу ручья, разглядывал порванную футболку, а потом поднял велосипед и принялся старательно выпрямлять руль. Обратно он перешел ручей, неся велик на плече, страшно довольный собой. “Господи, молю тебя, – вспомнила она, что подумала

тогда, – прошу тебя, Господи, присмотри за моим сыном”. А Верджил, между прочим, даже не отобрал у Билли велосипед в наказание. Хотел, чтобы сын его любил.

Она успела надеть юбку, причесаться и даже подкраситься. Вздохнула и, придирчиво оглядев свое отражение в зеркале, решила, что в полумраке она гораздо больше похожа на себя. Неужели она могла хоть на миг подумать о Джордже Штайнере? Так, не время сдаваться. Ни за что. Это ее сын.

* * *

Грейс смотрела, как подъехал Харрис, как он выпрыгнул из пикапа, с виду совсем молодой парень, а ему ведь за пятьдесят.

Она вышла на террасу:

– Привет.

Грейс надеялась, что он подойдет, поцелует, но Харрис остановился на нижней ступеньке. И казалось, всерьез чем-то озабочен.

– Я надеялся хоть немного избавить тебя от неприятностей, – начал он. – Забрав Билли раньше, чем до него доберется окружной прокурор.

– Но.

– Плохие новости, Грейс, хотя что-то подсказывает мне, что ты уже в курсе.

– Он вернулся домой ночью, сильно избитый.

– Другому парню досталось сильнее.

– Тот бездомный. – Она понимала, что это не имеет значения, бездомный человек или нет, но почему-то казалось, что могло бы сыграть роль.

Он кивнул, глядя в сторону.

– Я всегда старался прикрыть его. Ты же знаешь.

– Ну скажи им, что это я. Пускай забирают меня.

– Грейс. Бедняжка Грейс. – Он было сделал шаг к ней, но так и остался на месте.

Скрестив руки на груди, она чувствовала, как застывает в оцепенении.

– Я серьезно, – выдавила она.

Он все же решился подняться на крыльцо. Не зная, как утешить, в нерешительности топтался рядом, наконец попытался обнять, но она оттолкнула его, внезапно разозлившись, не понимала почему, но буквально пришла в ярость.

– Я всегда делал, что мог, – повторил он.

– А что Айзек Инглиш? Он ведь был там вместе с Билли.

– Его не подозревают, и сейчас лучше, чтобы прокурор вообще о нем не знал. Завтра я поговорю с Билли об этом.

– Билли предъявили обвинение?

– Им пока неизвестно его имя, но скоро они узнают.

Лицо Харриса отодвигалось все дальше и дальше, Грейс словно проваливалась вглубь себя, и оттуда, изнутри, совсем другой человек смотрел на мир.

– Я же сказал.

– Речь не о тебе.

– Ладно, Грейс.

Гнев поднимался стеной, она понимала, что надо промолчать, но должна была произнести это вслух:

– Переговорить, словечко замолвить перед судьей, твоим приятелем, с которым рыбачишь вместе, это не костыми лечь.

Он внезапно тоже расвирепел:

– Да я не просто чертово словечко замолвил. За то, что он сотворил с тем парнем, он должен был получить лет шесть-восемь.

– У того парня был штык, твою мать, Бадди. Штык от М16.

– Он упал на колени, Грейс.

Грейс злобно уставилась на Харриса. То ли она и вправду была в ярости, то ли просто хотела такой казаться, но ему хватило. Он протиснулся мимо нее, слетел по ступеням и поспешил к пикапу.

– Постой! – крикнула она. – Прости.

Он лишь покачал головой и забрался в кабину.

Она побежала следом, но он уже хлопнул дверью.

– Прости, Бад. Я весь день об этом думаю, чуть с ума не сошла.

Он, казалось, не слышит. Но после паузы сказал:

– Иногда я удивляюсь, почему я делаю все это ради тебя.

– Прости.

– Ты правда не понимаешь.

– Прости. Я вовсе не собиралась кочевряжиться и хамить.

– Знаешь, лет шесть-семь назад, сразу после того как вы с Верджилом разбежались в очередной надцатый раз, я остановил его за проезд на красный, а Билли сидел на пассажирском сиденье, и в кузове у них валялись два здоровенных мотка медной проволоки, которые они только что сперли на стройке. Ни брезентом не накрыли, ничего, так в открытую везли две катушки по четыре сотни фунтов. Они тогда ошивались в промзоне в Монессене. – Он покачал головой: – Нет, даже не заморочились хоть бросить сверху чертов брезент. Ну, можешь представить, в какое

положение это меня ставило.

– Бад, – тихо проговорила она.

– Держу пари, Верджил никогда тебе об этом не рассказывал, да? Сейчас, задним числом, думаю: может, для Билли было бы лучше, если бы я надел на его папашу наручники еще тогда, прямо у него на глазах.

– Понимаю, я совершила ошибку.

– Вот тогда я и начал обзванивать всех, искать тебе место, где угодно, подальше отсюда. – Он повернулся к Грейс: – Та работа в Филадельфии. Из кожи вон вылез, дал шанс вам с Билли, а ты швырнула мне его в лицо.

– Неправда.

Он хотел сказать что-то еще. Она стояла у пикапа, обхватив себя за плечи. И Харрис просто завел двигатель.

– Ладно, – буркнул он, – пожалуй, хватит на сегодня.

Грейс вскочила на подножку, потянулась в открытое окно и взяла его за руку:

– Я не хотела, чтобы так все обернулось. И звала тебя не для этого.

– Я знаю, что Верджил вернулся. – Он застыл на сиденье, глядя прямо перед собой.

– И ушел. Не продержался и дня. Все к лучшему.

Харрис молчал.

– Я хочу, чтобы у нас все было, как раньше.

– Это невозможно.

– Мы могли бы стать друзьями.

– Грейс.

– Я понимаю, как это выглядит. Мне все равно.

– Ты абсолютно права насчет того, как это выглядит.

– Я позвоню.

Он покачал головой, аккуратно убрал ее руку, и она спустилась с подножки. Пикап резко развернулся, вырулил на дорогу, и Грейс смотрела, как он постепенно скрывается с глаз.

8. Поу

Когда Ли высадила Поу около его трейлера, совсем рассвело, они попрощались, но уже несколько отчужденно. Он поспешил к себе в комнату, переобулся, потом, держа в руках кроссовки, которые были на нем в ту ночь, когда умер Швед, коробку из-под них и банку с бензином, вышел в поле за домом. Смочил кроссовки в горючем, поджег. Может, где и остался чек, но вряд ли, он такие штуки не хранит. Хотя это все теперь неважно, раз у них есть свидетель. Хесус, наверное, или другой. Ладно, чего без толку голову ломать, скоро и так узнает.

Он стоял по пояс в зарослях золотарника, озирая окрестности. Полуразвалившийся серый сарай на дальнем холме, несколько раз он видел там какого-то старика, однажды даже разглядывал его в бинокль, но так и не выяснил, кто это такой. К тому времени как Поу выпустят из тюрьмы, старик, поди, помрет, и он никогда его больше не увидит. Надо же, он ведь ничего про этого деда не знает, а такое чувство, будто что-то потерял в жизни. И сарая этого не увидит, и убегающих вдаль холмов тоже, потому что мать продаст трейлер и уедет отсюда, если его долго не будет. Мир и так уже изменяется, прямо на глазах, все, что знакомо и близко, оно все просто исчезнет. Раньше он об этом не задумывался. Если дадут полный срок, то, когда выйдет на свободу, будет старше, чем мать сейчас, за двадцать пять лет что угодно может случиться, даже города на Луне могут построить, лучшая часть его жизни останется позади. Выйдет старым подонком, а надо честно признаться, старых козлов он повидал, дерьмо это все. Никто не хочет и не захочет связываться с мужиком сорока шести лет, который полжизни провел за решеткой. Так и будет доживать один. Не нужный ни себе, ни людям. Это еще не говоря о том, как стремительно все меняется, двадцать пять лет, это ж он выйдет будто из петли времени, как в том кино, где воскресили пещерного человека. Все нынешнее станет полной фигней. Если, конечно, присяжные не проголосуют за смертную казнь. Смертельная инъекция, не знаю. Давай уж начистоту – подписываясь на это дело, беря на себя смерть Шведа, ты отдаешь свою жизнь. Слова как слова, подумал он, не хуже других, но ты не в силах взять в толк, каково это – отдать свою жизнь; должны быть какие-то другие способы объяснить, помимо слов. Специальная машина, которая подключается к мозгу, – и готово, дошло. Нет, это, пожалуй, чересчур. Такого никто не выдержит. Справиться можно, если постепенно,

потихоньку, шаг за шагом, пока не поймешь по-настоящему, что это означает.

“Я отдаю свою жизнь”, – произнес он громко. Но все равно в сознании ничего не произошло, никакого образа, только едва заметный намек, с таким же успехом можно было сказать “Я хочу стакан молока”.

А ведь это даже не он пристукнул Шведа. И Швед не сделал ничего особенного, просто стоял рядом. Если бы Айзек прикончил мексиканца, ну тогда конечно, Поу запросто отмотал бы срок. Но Швед-то, он же просто там стоял, и все. Вот только вранье все это, ага. Он врет самому себе. Врет, чтобы не идти в тюрьму, он же знает, что если бы Айзек не убил Шведа, то другой, Хесус, перерезал бы ему горло. И нечего прикидываться, будто он не помнит, как их зовут. Выбор был между ним и Шведом. Билли Поу или Отто Карсон, который теперь гниющее мертвое тело. Отто Карсон должен был закончиться, чтобы Билли продолжался. Необходимое условие, вспомнил он. То есть Айзек-то ни при чем. Вроде бред, но так оно и есть. Нутром-то он хорошо понимал, вот только объяснить не мог. Слова тут не годятся; даже наоборот, чем больше думаешь об этом, чем больше болтаешь сам с собой, тем больше находишь оправданий, чтобы смыться. Истина, только истина имеет значение, а истина в том, что он, Поу, несет ответственность за убийство Шведа. Есть, конечно, и другие истины, такие же истинные, но почему-то важна только эта.

Хотел посидеть тут немножко, запомнить, как оно выглядит, он ведь так никогда толком и не видел этой красоты, он не то что Айзек, а теперь и времени-то в обрез. Поу вернулся в дом. Постучал в спальню к матери. В комнате пахло виски и сном, она разметалась на кровати, простыни скомканы. Он поправил одеяло, прикрывая ее, сел рядом.

– Иди сюда, – пробормотала мать.

Он улегся рядом, повернулся к матери спиной, и она обняла его сзади.

Ты как маленький ребенок, подумал он. Ну и пусть. А потом он, наверное, уснул, потому что не отреагировал на долгий навязчивый стук, пока дверь спальни не распахнулась. Поу приоткрыл глаза – Бад Харрис. Наклонившись над кроватью, он взял Билли за плечо, Поу нервно отодвинулся.

– Давай, парень, – сказал Харрис. – Пора.

Заметив, что Харрис смотрит на мать, Поу тут же вскочил и встал, закрывая мать от взгляда Харриса.

– Я минут пять колотил в дверь, – проворчал Харрис.

– Ладно. Сейчас иду.

Харрис вышел, было слышно, как хлопнула дверь. Поу сел на кровати,

надел ботинки. Собирать нечего – все равно все, что он возьмет с собой, отберут. Надо бы, наверное, принять душ, может, в последний раз без свидетелей, но на теле еще сохранился запах Ли. Он слышал рассказы о мужиках в тюрьме, жены, когда к ним на свидание приходят, они суют пальцы туда, а потом дают своим мужьям понюхать, это как бы вместо секса у них. Поу всегда считал эти истории выдумками, но сейчас запросто мог себе представить такую картинку.

– Тебе нужно подготовиться, – сказала мать. Она уже сидела на кровати в мешковатой, не по размеру, футболке. – Ты должен ему помочь.

– Знаю.

Харрис ждал его около “эксплорера”.

– Я готов. – Но они не могли уехать, пока мать не выйдет попрощаться, а ему хотелось, чтобы его уже усадили в фургон и увезли отсюда как можно скорее, не мог больше смотреть на дом, так только хуже, он готов разреветься в любой момент, и не надо Харрису видеть его в таком состоянии. Он полез было в фургон, но Харрис удержал:

– погоди, пока мать выйдет, проститесь по-человечески.

И Поу остался, попробовал закрыть глаза, но лучше не стало. Наконец появилась мать в пальто поверх пижамы, обняла крепко, и он опять закрыл глаза, чтобы не расплакаться.

– Слушай его, – велела мать. – Делай, что он говорит.

Поу кивнул, сглотнул комок в горле. Харрис искал что-то за сиденьем пикапа, будто бы ничего не замечая.

– Позаботься о нем, – попросила мать Харриса.

– Позвони мне вечером, Грейс.

Мать странно смотрела на Харриса, что-то между ними происходило.

Потом Харрис кивнул на переднее сиденье. Перед выездом на главную дорогу он притормозил:

– Тебе придется перебраться назад. Я не хотел, чтобы она видела тебя таким, но в участке нас, наверное, уже ждут федералы, так что мне вдобавок придется надеть на тебя наручники.

Поу послушно подставил руки, пересел в заднюю часть пикапа, за перегородку. Ему почему-то стало спокойнее.

– Теперь понял, что дело серьезное?

– Ага.

– Этот парнишка Инглиш как-то связан с тем, что произошло? Я заезжал к нему сегодня утром, и его отец сказал, что он исчез два дня назад и с тех пор они его не видели.

– Не-а, – ответил Поу.

Харрис с досадой покачал головой:

– Окружной прокурор сожрет тебя с потрохами. Ты рот открыть не успеешь, а он уже знает, что ты скажешь.

– Я не debil.

– Вообще-то ты debil, абсолютный. И помни об этом, чтобы дело не стало хуже, если это вообще возможно.

– Да ладно вам.

– Ты должен был сразу прийти ко мне. И тогда ничего этого не случилось бы.

Харрис определенно разозлился. И тогда он тоже разозлился на Харриса.

– Понимаю, ты рассчитываешь на меня, – сказал Харрис. – Но если свидетель тебя опознает, а он, судя по всему, опознает, ты по уши в дерьме. Если повезет, отделаешься двадцатью пятью годами, но я же сказал, новому прокурору для повышения по службе нужен смертный приговор, и он уверен, что ты – его счастливый билет. Не буду утверждать, что он уже вытянул его, все-таки присяжным нелегко принимать такие решения, но он будет их всячески к этому подталкивать. Просто чтобы ты знал, он очень умный человек и очень хитрый, он будет задницу рвать, лишь бы засадить тебя в камеру смертников. – Харрис помолчал. – Тебя засадить. Не кого-то вообще, а именно тебя. Билли Поу.

– А что говорит свидетель?

– Что щуплый парнишка, думаю, Айзек Инглиш, понял, что назревает драка, и дал деру. А ты остался и начал махать кулаками. И врезал свидетелю по башке, а когда он очнулся, ты уже раскрыл голову его дружку Отто Карсону. Тому самому дружку, который теперь покойник.

– А что насчет третьего, который приставил мне нож к горлу?

– О ноже речи не было. И даже если был третий, сейчас он где-нибудь в Канзасе, мало на свете идиотов, чтобы связываться с таким делом.

– Его звали Хесус. Я же сказал, он угрожал мне ножом.

– Ну, свидетель ничего такого не видел.

– Слушайте, свидетель говорит, чего не было, но все должно выясниться.

– Ради своей матери ты должен все мне рассказать, это единственный шанс.

Поу притих. Он думал, что если расскажет Харрису, как все было, это будет правдой, но потом напомнил себе, что все-таки это неправда.

Они ехали вдоль реки, солнечные блики от воды слепили глаза, все вокруг буйно зеленело, на реке кто-то вытягивал сети, лодочка маленькая,

пенсионер, балдеет на покое.

Харрис продолжал:

– Знаешь, я ведь нашел ей работу в Филадельфии. Помощник топ-менеджера в офисе прокурора штата. В этом есть некоторая ирония, в свете твоего положения, но она получала бы тридцать четыре тысячи в год, потом пенсию, я уже договорился насчет этого места, но ты был так увлечен футболом, и вообще она не готова разлучать тебя с отцом. Я пытался использовать логику, убеждал, что в футбол можно играть где угодно, а папаша твой всего пару раз за всю жизнь платил алименты. Это было шесть лет назад, когда ты перешел в старшую школу. Она сказала, что уедет, когда ты поступишь в колледж, но потом ты остался дома, сел ей на шею, не смог удержаться даже рабочим на складе.

– Хозяин всех уволил, – буркнул Поу. До этого момента он никак не реагировал на слова Харриса. Они уже въезжали в город. Не нужны ему сейчас поучения, пускай лучше Харрис скажет, как отвечать в полиции штата.

– Твоя мать – очень хорошая женщина, – сказал Харрис. – Ты даже не представляешь, сколько она для тебя сделала.

– Моя мать замужем.

– Брось, твой папаша перетрахал половину баб в городе. Удивительно, что за тобой не бегают два десятка братиков и сестричек.

– Слушай, ты. ты настоящий говнюк, понял?

Они подрулили к участку, но Харрис не спешил выходить.

– Билли, – сказал он, – помнишь, сколько раз тебя с друзьями задерживали за распитие спиртного?

– Ха, я ни разу не спалился, – фыркнул Поу.

– Это еще вопрос. А как насчет того раза, когда мои парни остановили тебя за превышение скорости, ты гнал семьдесят там, где разрешено тридцать, и был настолько пьян, что выбрасывал пустые бутылки в окно? Или вот, верно ли я помню? – ты ударил парня по голове бейсбольной битой, когда тот уже упал на землю и не представлял угрозы ни тебе, ни другим, но тебя все равно освободили на поруки?

Поу молчал.

– Думаешь, ты просто такой счастливчик?

– К чему сейчас эти разговоры?

– Ты не счастливчик. Ты испорченный, избалованный, тупой и ленивый, и последние лет семь-восемь я из кожи вон лезу, чтобы прикрыть твою задницу.

– Вас просто совесть мучает.

– Ты чертовски похож на своего отца. К стыду и горю всех нас, особенно твоей матери.

– Повезло тебе, что я тут сзади! – взорвался Поу. – Радуйся, что между нами эта долбаная перегородка.

– Прибереги свои высеры для тюряги! – рявкнул Харрис. – Обещаю, пригодится.

Харрис вышел из машины, открыл дверцу, провел Поу в здание. Жирный коп, Хо, сидел за тем же столом, словно не двинулся с места за последние двадцать четыре часа.

– Федералы здесь?

– Нет. Звонил их шеф-долбоеб, они хотят, чтобы мы сами отвезли парня в Юнионтаун.

– Сфотографируй и возьми отпечатки, – распорядился Харрис, кивнув в сторону Поу.

Харрис ушел, а второй коп повел Поу в маленькую белую комнату с невысокими шкафчиками. Поу думал, что коротышка китаец будет хамить, но тот держался вежливо.

– Расслабь руку и давай я откатаю твои пальцы. Если размажешь, придется повторить.

– Да не размажу.

В дверную щель просунулась голова Харриса:

– Прежде чем фотографировать этого засранца, отправь его в душ, пускай помоеся и побреется. А то другие засранцы наверняка захотят пропечатать эту рожу во всех газетах. – перевел взгляд на Поу: – С этого момента, кто бы ни задавал тебе вопросы о чем угодно, ты отвечаешь одно: *К адвокату*. Если тебя спросят, синее ли небо, ты говоришь: *К адвокату*. Спрашивают, кто у нас президент, что ты должен отвечать?

– К адвокату.

Коп стоял снаружи, пока Поу мылся и брился, а потом они сделали целых четыре снимка, пока Харриса не удовлетворил результат. Вот так вроде похож на школьника, сказал он. А потом они опять уселись в пикап Харриса и поехали в Юнионтаун, окружной центр. На этот раз Харрис хотя бы не стал надевать на него наручники. Оба молчали; Поу решил, что Харрис хочет порадовать его напоследок, провезти длинной дорогой, потому как он не увидит больше никогда этих мест. К югу от Браунсвилла долина стала более плоской, а у парома во Фредериктауне вода совсем чистая, даже странно видеть Мон не привычно коричневой. Обычно на пароме ждут, когда загрузится полностью, шесть транспортных средств, но Харриса перевезли сразу, с ними вместе была еще одна машина, и

паромщик пялился на Поу, тупой деревенщина таращился в упор, на вид лет семнадцать или около того. Поу хотел выйти и дать ему в морду, но заметил, что люди из соседней машины тоже его разглядывают, отец и маленький пацан; папаша, поди, сейчас выговаривает мальцу, мол, вот что случается, когда не слушаешься взрослых. А Поу – наглядное пособие. И тогда он просто уставился в пол, выстеленный резиновыми ковриками. Глухой стук, когда паром причалил к берегу, и вот они уже опять едут по шоссе.

– Чего это мы здесь поехали, – проворчал Поу. – Юнионтаун на той стороне. – Мелькнула вдруг надежда, что Харрис, может, собирается помочь ему сбежать, выпустит где-нибудь на границе с Западной Вирджинией.

– Да я решил, что здесь, по красивой дороге, у нас больше времени потолковать, – сказал Харрис. – Не говоря о том, что в следующий раз ты, может, полюбишься этими краями лет в пятьдесят. Или вообще больше никогда.

В животе все оборвалось.

– Я вам уже все сказал, – проговорил Поу.

Харрис пожал плечами.

Чем дальше к западу от Мон, тем более пологими становились холмы, полно старых сараев, амбаров и силосных башен, сельские районы, не промышленные. Они двигались к Юнионтауну уж очень длинной дорогой – придется еще раз пересекать реку. Как только удаляешься от реки, пейзаж меняется, всюду старые фермерские дома, сразу понятно, что стоят тут лет двести-триста, такие они старинные. Отец рассказывал, что люди примерно тогда и обосновались в Долине, триста лет назад, первые поселенцы, хотя, скорее, первые ханурики. Под мышкой у истории всегда прячутся конокрады. Типа семейки Поу. Лучше бы они поехали короткой дорогой. Но потом до него все-таки дошло: это последний шанс. Дело и впрямь серьезное.

Может, бродяга – наверное, Мюррей, тот, который признал его как футболиста, – может, он его и не опознает среди других, но боже мой, почти невероятно, он же узнал его при случайной встрече, а теперь-то ему известно, что Поу убил его друга, уж точно опознает, как пить дать. А Поу еще и врезал ему как следует – так что ответка вчистую.

Мюррей собрался поквитаться с ним, точняк, и как только Поу добрался до этого места в своих размышлениях, то сразу перестал спешить и порадовался, что Харрис выбрал правильный маршрут. Старался рассмотреть как следует каждое дерево, запомнить. Интересно, выпустят

ли его под залог, да вряд ли, запросят бешеные бабки, уверен, они постараются, чтобы невозможно было заплатить. Проехали мимо двора, где хозяин собрал целую коллекцию тракторов, штук сорок или пятьдесят, прямо на газоне перед домом, уж такую картинку он точно запомнит, а потом въехали в город. Как пересекли реку обратно, Поу и не заметил. Сколько он вообще сидит здесь, в пикапе? Уже Юнионтаун, и оно вот-вот кончится, его последнее путешествие.

Прохожие пялились на него, пока не замечали, что он злобно таращится в ответ. Был там мужичок, псих какой-то, брел по улице, громко болтая сам с собой. Вот с ним бы я махнулся местами, а чего – теплый ночлег и кормежка трижды в день, чуваку понравится. А я бы уж как-нибудь сам перебил, прокормил бы себя, одевался бы в звериные шкуры. Интересно, где сейчас Айзек. Где-то на пути куда-нибудь. Вообще Айзеку надо бы тоже посидеть здесь, не весь срок, но хоть несколько минут. А может, они в расчете. Он спас Айзека, а потом Айзек спас его. В расчете они или как?

Харрис открыл бардачок и протянул наручники.

– Застегни нормально, чтобы выглядело, будто я их надел, – попросил он.

Через несколько минут они остановились позади большого кирпичного здания, похожего на старый полицейский участок в Бьюэлле. Харрис завел его внутрь.

Коп за высокой стойкой, еще несколько околачиваются рядом, беседуя с мужиком в костюме, – смазливый коротышка с копной светлых волос, и держится как политик. Он внимательно рассматривал Поу, будто тот был автомобилем, который он собирается купить. Поу кивнул, но мужик никак не отреагировал, если и заметил.

Поу посадили в камеру с двумя койками; на одной уже валялся какой-то дед – на голове колтун, штаны хаки и майка поло. Воняло от него так, словно он бухал целую вечность, под глазами мешки, и, судя по запаху, не так давно он облевал себя. Дед коротко глянул на Поу и, видимо, решил, что тот не представляет угрозы, потому что опять успокоенно закрыл глаза. Поу почувствовал себя слегка уязвленным.

Через некоторое время Поу повели в другую комнату, где поставили у стены в ряд еще с пятерыми мужчинами примерно его возраста и роста. Одним из них оказался коп, которого Поу видел в коридоре, только теперь он был в гражданской одежде. Постояли так перед зеркальным окном, и Поу отвели обратно в камеру. Потом вернулся Харрис, постучал по прутьям решетки. Поу вскинул голову:

– Ну?

Харрис лишь покачал головой:

– Он недолго раздумывал.

– Тогда, выходит, все, – пожал плечами Поу.

– Тут есть хороший общественный защитник. Постараюсь, чтобы она занялась твоим делом.

– Спасибо.

– Увидимся.

– Погодите, – окликнул Поу. – А куда меня отправят?

– В Фейетт.

– А под залог?

– Освобождение под залог – это чересчур для обычного заключенного.

По крайней мере, так говорит наш приятель окружной прокурор.

– Охренеть.

– Я буду держать в курсе твою мать.

Поу опять пожал плечами.

– Не лезь в бутылку, если сможешь, – посоветовал Харрис. – А если не сможешь, сделай так, чтобы другому парню досталось крепче, чем тебе.

Первые дни всегда самые трудные.

Когда Харрис ушел, мужик в рубашке поло уселся на койке и с любопытством уставился на Поу:

– У кого ж ты отсосал, что заслужил такое обхождение? Со мной ни один из этих козлов ни словечком не перекинулся.

– Не думаю, что тебе захочется такого обхождения.

– Меня второй раз задержали за “вождение в нетрезвом состоянии”, – гордо сообщил мужик.

– Да ладно, наверняка опять отпустят.

– Ну не знаю. Я тут глупостей всяких наделал.

– У них сейчас есть проблемы посерьезней, чем ты.

Сосед откинулся на спинку койки.

– Боже правый, – вздохнул он. – А у меня на следующей неделе заседание комиссии по получению теньюра^[25].

– Это чего такое?

– Я профессор, – пояснил мужик. – Вообще-то поэт.

– Не в Колгейте, не?

Мужик отрицательно качнул головой.

– Мне вообще-то насрать. Я туда, по всему видать, не попаду.

– А как ты вообще здесь оказался?

– Не забивай себе голову.

– Да ладно, парень. Мне ж до лампочки.

– Говорят, я убил кое-кого. Только я этого не делал.

– Точно?

– Точно.

– Господи, – выдохнул мужик. Но настроение у него явно улучшилось. Он подошел к раковине, ополоснул лицо, потом улегся обратно на койку и прикрыл глаза.

Поу даже слегка разозлился. Врезать бы этому хмырю, хоть какое-то утешение. Вот только он завязал с этим делом. Не, не так. Там, куда он направляется, завязать с драками совсем не выйдет. Он смотрел на профессора – воняет, как лужа блевотины, но безмятежно валяется на койке.

Наконец явился какой-то коп, Поу отвели в гараж, где затолкали в фургон с клеткой сзади. Он долго торчал там, дожидаясь неизвестно чего, клетка и клетка, как для крупного зверя, для большой охотничьей собаки, на медведя ходить. Наверное, сейчас часа два дня, но кажется, что уехал из дома давным-давно. Поу не знал, сколько он так просидел, закрыв глаза, но вот хлопнула дверь водителя, потом гараж открыли, и они выехали на свет белый. Водитель молчал, но Поу все равно не хотелось просыпаться, он грезил о Ли, как оно было прошлой ночью, трудно ее понять все-таки. Они поехали в мотель, занимались любовью до утра, но что-то в ней пропало. А чего ты ожидал, все-таки замужня женщина. Он очень ясно представлял ее всю, как выглядит ее лицо в темноте, будто на фото смотрел, вот так и запоминаешь, думая о чем-то снова и снова, только иногда оказывается, что помнишь совсем иначе. Укачало, дорога узкая, все время петляет, то вверх, то вниз; фургон очень старый. Поу понятия не имел, где они находятся, леса и поля, поля и леса, одно за другим без конца, проселочные дороги, сплошные ухабы и повороты, сейчас стошнит. Остановились они на вершине холма, рядом с комплексом построек – по виду таун-хаусы, новенькие, смахивает немного на кампус, если бы не сорокафутовый двойной сетчатый забор с колючей проволокой поверху. Отсюда отличный вид на реку. Четыре приземистые сторожевые вышки, а в промежутке между заборами медленно патрулирует белый пикап. За внутренней оградой – видимо, тюремный двор, никакой травки, голая земля – толпятся заключенные в синих футболках и бурых штанах, еще пара каких-то загончиков, вроде даже качалка.

Все свежеевыкрашенное, без единого пятнышка, стальная проволока ярко блестит на солнце, большие окна в караульных вышках сияют чистотой. Открылись ворота. Поу смотрел, как они все удаляются и удаляются за его спиной. Внутри одного из зданий его бумажник и часы

положили в большой коричневый конверт, еще раз у него на глазах пересчитали деньги и заставили раздеться. Он стоял голый, лицом к стене. Два охранника, оба с дубинками наизготовку. Вот оно, подумал Поу.

– Открой рот и подними язык. Взъерошь волосы как следует. Повернись и потяни уши вперед.

Поу покорно подчинился.

– Наклонись поглубже и разведи ягодицы.

Мужики стояли на безопасном расстоянии. Поу сделал, что велели.

– В прохорях есть что-нибудь?

– В чем?

– В обуви, парень. Есть что в ботинках?

– Нет.

– Разрезать посмотреть?

– Пожалуйста, не надо резать мои туфли.

Поу обернулся. Один из охранников ощупывал его ботинки внутри рукой, затянутой в синюю латексную перчатку. Оба охранника в серых форменных рубашках и черных брюках; материал дешевый, форма совсем застиранная.

– Отвернись, мать твою, – рявкнул тот, что ниже ростом. – Повторять не буду.

Поу подчинился.

– Вот так-то. А теперь наклонись три раза, в темпе. И чтоб достал до носочков, живо.

Поу сделал.

Второй постукивал дубинкой по стене.

– Еще быстрее, – приказал он. – Марш-марш!

Поу и это сделал.

– В отличной форме пацан, – заметил один из копов.

– Зачем это?

– На тот случай, если ты заныкал у себя в жопе колюще-режущее. Если наклоняться быстро, эта штука поднимется повыше и вспорот тебе кишки изнутри.

– Нет у меня там ничего.

– Ну тогда запомни на будущее. Это часть регулярного шмона.

Ему вернули обувь, вручили оранжевую робу, вонявшую потом.

– У меня нет белья и носков, – сказал Поу. Никакой реакции.

Его отвели в другую комнату, где поставили перед высокой стойкой, за которой сидела толстая негритянка. Он вежливо поздоровался, она не ответила. Проверила имя.

– Думаешь о самоубийстве? – деловито спросила она.

– Нет.

– Гомосексуалист?

– Нет.

– Есть аллергия или другие медицинские проблемы?

– Нет.

– Никогда не собирался нанести себе увечье?

– Я же вам только что сказал.

Раздраженный взгляд.

– Ладно, проехали, – сказал он. – А где мой адвокат?

Она будто не слышала. Он стоял и смотрел, как она пишет что-то, и чувствовал, как внутри нарастает злость, но держал себя в руках, ни разу не поможет, если дать волю гневу.

Тетка отложила его дело и принялась просматривать другие бумаги, вероятно не имевшие к нему отношения, потом черкнула что-то в ежедневнике. А он все стоял навтыяжку, сложив руки за спиной. Долго стоял. Переминался с ноги на ногу; нога затекла. Наконец она махнула охраннику и Поу повели дальше. В следующей комнате заключенный, видать из старших, седой мужик лет за шестьдесят, вручил ему стопку простыней, полотенце и подушку, спросил, какой размер он носит.

Когда охранник вышел в соседнюю комнату, мужик спросил:

– Сколько хочешь за свои башмаки, приятель? “Тимберленд”?

– “Ред Вингс”.

– Ну и что ты за них хочешь?

– Они не продаются.

– Не испытывай мое ебаное терпение, кореш.

Поу промолчал. Мужик ушел куда-то, вернулся, сунул Поу полиэстеровые штаны, две пары носков и белья и синюю джинсовую рубаху.

– Это все не по размеру, – возмутился Поу.

– А ты тупорылый ебанный лох, и что?

Он мог бы запросто поднять этого мужичонку и раскроить ему череп, но почему-то тот нисколько не боялся грозного Поу. Он стянул оранжевую робу, влез в новую одежду, тут вернулся охранник; Поу, подхватив барахло, двинулся следом за ним по длинному узкому коридору. Миновали караульный пост, отгороженный оргстеклом толщиной в дюйм, потом за отъехавшей с жужжанием стальной дверью открылось помещение размером с футбольное поле. Коридор пуст, только пара охранников на посту да какой-то заключенный возит шваброй по полу. Пол и без того

блестит, жутко воняет средством для мытья и мастикой. Слева и справа проходы в тюремные блоки, Поу видел людей, сидящих за столами, слышал, как где-то бормочет музыка. Он думал, коп объяснит, куда они идут, но тот молчал.

Перед следующей стальной дверью охранник остановился, замок щелкнул, и они оказались в тюремном блоке. Два ряда камер с каждой стороны и пустое пространство по центру. Несколько телевизоров работают на полную громкость, “Шоу Джерри Спрингера” и какой-то рэп. За столами играют во что-то, в шашки или даже шахматы, некоторые в таких же штанах цвета хаки и синих рубашках, как Поу, но большинство в приличных футболках, фуфайках и брюках, явно не казенных. Внезапно шум в комнате стих, все внимательно смотрели на Поу.

– Мне нравятся его башмаки, – громко объявил один.

– Вы только взгляните на этого охуенного красавчика-лоха.

– У нас тут недотрога Бритни Спирс в башмачках. Возьму-ка я эту задницу и... – Краем глаза Поу видел, как один из заключенных изображает характерное движение.

– Вонючий ниггер, – отозвался другой. И крикнул Поу: – Я позабочусь о тебе, детка. Эти козлы не посмеют тебя пугать. Ты слишком хорош для них.

Мужики заржали и радостно загомонили, сообщая, что они намерены сделать с Поу.

Поу испуганно обернулся к охраннику, ожидая, что тот одернет уголовников, но охранник не вмешивался.

– Не ссы, лошара, – услышал Поу. – Этот грязножопый тюремщик не посмеет вякнуть. Точняк. Потому как тогда он следующий в очереди за тобой.

Надзиратель смотрел прямо перед собой. Махнул рукой группе заключенных, перегородивших путь к лестнице, но они посторонились лишь в самый последний момент. Надзиратель, немногим старше Поу, старался не встречаться ни с кем взглядом.

Все двери камер были открыты, но они подошли к той, что заперта. Охранник нашел нужный ключ на своей связке, вставил в замок, повернул. Поу не сразу догадался, что он должен сам отворить дверь.

Камера оказалась шести футов в ширину и десять в длину. Две стальные койки, привинченные к стене, занимали половину пространства, напротив двери – железный унитаз без стульчака, раковина. Стоять здесь мог только один.

– Вы сюда всех новеньких суετε?

– А ты чего ожидал?

– Чуть побольше места для двух коек.

– Думаешь, это плохо? Обычно-то новеньких отправляют в карцер на пару недель для обработки. Ты, по крайней мере, оказался сразу с народом. Да еще твой сосед сейчас в карцере, так что несколько дней камера в твоём распоряжении.

– Какая койка? – спросил Поу.

– Та, на которой ничего не лежит, урод.

Поу забросил свои вещи на верхнюю.

– Через пять минут запирают, – сказал охранник. – Никуда, твою мать, не вылезай.

– А что с ужином?

– Ты опоздал. – Охранник пожал плечами и ушел.

Поу застелил койку, поискал, чем бы заняться. Нечем. Попил воды из-под крана. Лег. Голову сжимало, как будто мотор внутри крутился чересчур быстро, болты и гайки, скреплявшие его, Поу, воедино, в любой момент могло сорвать с резьбы, и он сам разлетелся бы на части, он повесится, его ничто не удержит. Это ошибка, вот что это такое. Да. Это ошибка. Он не должен быть здесь. Невозможно, он никак не мог здесь оказаться.

9. Айзек

Слабый рассветный свет разбудил его, Айзек распахнул глаза. Подумал было, что лежит в своей кровати. Нет. В спальном мешке на краю поляны. Повернул голову. Поле для гольфа. Мягкая постель. Чтоб новых синяков не появилось. Вдохнул поглубже, выдохнул, понаблюдал, как пар вырывается изо рта. Холодно, мертвая тишина вокруг, на всей земле в живых остался он один. Раньше любил просыпаться в такую рань. Попробуем еще вздремнуть.

Он опять закрыл глаза, дожидаясь, пока небо посветлеет настолько, чтобы разбудить птиц, сначала одинокий свист, чириканье, а потом постепенно крепнущий хор, щебет и трели, воркованье поп-поп-поп пиит пиит чирил чирил чирил. Что-то порхнуло прямо перед лицом, серо-белая вспышка. Королевский тиранн. Пчелоед. Заложив руки за голову, он лежал так еще минут десять, прислушиваясь к птичьему гомону и наблюдая, как небо меняет цвет, пока встает солнце.

Айзек стремительно сел и тут же дернулся от резкой боли – ребра. Я что, вчера опять неудачно прыгнул? Нет. Воскресные остатки. Болит внутри, отдает в живот. Уж лучше руку сломать. Как сказать. Хороший перелом ребра лучше, чем плохой перелом руки. Хуже всего перелом ноги – невозможно двигаться – конец. И потерять вдобавок кварту крови, если сломано бедро. Поэтому они перебивают тебе ноги на кресте – акт милосердия.

Он очень долго возился с рюкзаком, каждое движение вызывало боль. Хуже, чем вчера. Второй день после побоев хуже, чем первый. Тело не дает знать о повреждениях, пока опасность не минует, – дожидается, пока ты будешь в состоянии переварить дурные новости. Сохраняет мироощущение. Бережет твой мозг.

Айзек стоял, подставив голову солнцу, словно пропуская свет прямо к мозгу, бодрящий и живительный, пряником к эпифизу. Солнечный свет и вместе с ним – ощущение опасности: *тебя могут увидеть*. Увидеть, насколько ты уязвим. Спать днем, двигаться по ночам. Верные старые ништяки – поэтому животные хорошо видят в темноте. Ночное зрение не только отражает свет, но и поглощает. Элементарно, Ватсон.

Забросив рюкзак за плечи, он поплелся в лес, вниз по холму вдоль дренажной канавы, ноги ныли еще сильнее, чем вчера. Айзек брел сгорбившись, еле перебирал ногами, словно тащил непосильный груз.

Невыносимо хотелось выбросить из рюкзака лишнее, но ничего лишнего там не было. Вдоль ручья росли незнакомые яркие цветы, но даже медленное движение отнимало все силы – он проходил мимо, не разглядывая их. Что у нас сегодня на повестке дня? Возможно, сломанная спина. Придется драться со стариком за его кресло. Ха, он победит – у него есть особая тактика. Война инвалидов колясок. Что бы старик сказал, увидев тебя сейчас? Неблагодарное дерьмо, выживает сильнейший, пошлите мне всяких несчастных, отверженных, бездомных и голодных, ага, вроде того. Я в мясорубку их засуну живо, пушу их на сосиски королю. Обед из дряни^[26]. Как же далеко до города.

Он добрался до гребня, взглянул вниз на реку, петляющую по зеленой долине, скрывающуюся под сенью деревьев. Электростанция Элрама высилась над горизонтом на другом берегу, ярко-оранжевая труба, футов пятьдесят в диаметре, пятьсот в высоту. Шлейф дыма длиной в милю. До Элизабет всего три-четыре мили. *Всего*, уныло подумал он. Таким темпом – целый день.

Айзек медленно двинулся вниз. Видел дорогу, с которой ушел накануне ночью, а прямо за ней рельсы и дальше река. Каждый шаг отзывался болью в ногах. Но Малыш спокоен. Он знает, что путешествие на двух здоровых конечностях не требует усилий, и предпочитает ковылять, преодолевая трудности, мазохист. Пустой желудок проясняет голову. А наскучит идти, он отрастит жабры, поплывет вверх по реке, выйдет на берег в центре города. Толпа в обмороке. Русалки благоговейно перед победителем Шведов.

* * *

Через каждые несколько сотен шагов приходилось останавливаться и отдыхать. Он опять проголодался. Позади остались какие-то мелкие поселки, потом что-то вроде грузовой станции. Там на территории стоял автомат с напитками, он с трудом перевалился через забор, нашел в кошельке доллар и получил свой “Доктор Пеппер”. Выпил залпом, не отходя от автомата, и сразу почувствовал себя лучше. Второй доллар потратил еще на одну банку, на будущее.

Краем глаза он заметил, что какой-то человек в форме направляется к нему с другого конца парковки, и поспешил обратно к лесу. Вот так, правильно, продолжать движение. Отлично – никто не идет следом. Вскоре он почувствовал себя в достаточной безопасности, чтобы передохнуть немного у ручейка, текущего к реке. Вокруг никого. Айзек привалился спиной к рюкзаку, вздремнул немного и пошел дальше к железной дороге.

Наконец показался мост через Мон, и Айзек понял, что добрался до Элизабет. Малыш упорный. Его преследуют люди и звери, а он опасается не достичь просветления по завершении пути. Жалуется, что ноги просто в синяках, а не перебиты. Атлант своей страны, новый Поль Баньян^[27]. Добродетельный император – его народ отверг папских священников и президентов. А он пяти футов пяти дюймов ростом и еще растет. И будет идти, пока ноги есть.

Местность вокруг Элизабет холмистая и лесистая, хотя это все та же речная долина с еще одной электростанцией, высокой бело-оранжевой трубой; и горы угля неподалеку, сами не меньше сотни футов в высоту, и баржи, с которых выгружали все тот же уголь, еще и еще. Ниже по реке нефтеперерабатывающий завод, потом очередной шлюз. По склонам холмов множество домов. У моста в Элизабет небольшой пирс, и там сидела парочка, примерно его возраста.

– Сигаретка есть? – окликнул парень.

Айзек покачал головой и медленно пошел дальше.

– Точно? – переспросила девчонка.

– Я не курю, – отозвался Айзек чуть громче, чем рассчитывал.

– Так я тебе и поверил, – ухмыльнулся парень.

Рядом с мостом пристроилась бензоколонка с магазинчиком. Малыш нашел золотую жилу, подумал он. И отлично справляется в одиночку.

Дядька за стойкой в упор уставился на него. Чувствует свое превосходство. Индиец или пакистанец – они захапали все отели и бензоколонки. Интересно почему. Не обращая внимания на взгляды продавца, Айзек бросал в корзинку злаковые батончики, несколько банок консервированных сосисок, пакет молока, полдюжины шоколадок, две большие бутылки воды. От одного ощущения тяжести корзинки в руках рот наполнился слюной, он еле сдерживался, чтобы не начать разрывать упаковки прямо на месте. Выложил свое добро на прилавок, заметил на стойке с картами дорожный атлас и добавил его к покупкам.

– Что там дальше по дороге? – поинтересовался Айзек.

Продавец недоуменно взглянул на него.

– Какой город? Клэртон?

– Клэртон за рекой. По этому берегу следующий город Гласспорт. Восемнадцать семьдесят.

Расплачиваясь, Айзек заметил, что в бумажнике остался всего один доллар. Хотя в кармане штанов еще куча денег. Он уложил еду в рюкзак, затолкал туда же атлас, потом подумал немного, пошел к прилавку с хот-догами и прихватил там толстую стопку салфеток. Продавец явно

мысленно прикинул количество, но промолчал.

Он потратил чуть больше тридцати долларов, а прошел миль двадцать. Надо было сесть на поезд. Молоко он выпил сразу, всю кварту, восполняя дефицит витаминов, тут же полегчало. Вполне мог бы жить на одном молоке, кстати. Единственная жидкость, которая утоляет голод. Где он это прочел? Привет из детства.

Элизабет такой же захудалый и обшарпанный городишко, как и все прочие в Долине, – склоны холма, утыканные некрашеными домиками, стальной мост над рекой, единственный на десять миль. А севернее – Гласспорт, один из самых богатых городов. Там бродяга будет бросаться в глаза, и там есть полиция. Айзек повернул обратно к мосту. Движение плотное – он все ближе к Питтсбургу. Ниже по реке виднелись длинные склады Клэртонской коксовой фабрики, вереница зданий насколько хватает глаз, дюжины труб. Сама фабрика тянулась на несколько миль – больше, чем сам город. Вот и первая парковка, новые автомобили, среди которых мелькают люди в темно-синих рабочих куртках. Неплохая тут работа – семнадцать в час для начала. Вдоль берега с полсотни барж на разной стадии разгрузки, громадный грузовой двор. Но город все равно в запустении, на центральном бульваре много брошенных домов. И даже крупнейшая в стране коксовая фабрика не могла спасти Клэртон от обращения в прах. Старик называет его теперь не иначе как Ниггертаун. Не смей повторять, одернул он себя, даже мысленно. Не уподобляйся.

Присев отдохнуть на травянистом пригорке, Айзек любовался рекой и заводами. Долина здесь узкая, по обоим берегам крутые склоны холмов. Смотри не влипни, не нарывайся, – большая часть героина поступает именно из Клэртона. Детский стишок^[28]. Айзек наблюдал, как разгружают баржи. Из тьмы мы извлекаем свет – из черной нефти и черного угля. Все дело в углероде – потому сжигайте своих предков.

Незаметно он задремал и очнулся уже глубокой ночью, очень замерз, спал в расстегнутой куртке. Кругом темнота. Единственный свет – со стороны фабрики, тусклые лампочки аварийного освещения вдоль всех труб и по контурам зданий. В темноте все это выглядело единой конструкцией длиной в несколько миль. Сколько футов труб – да миллионы, запросто. Коксовые печи, краны, конвейеры, кто знает, что происходит в недрах всех этих строений, пар поднимается над каждым цехом, валит из каждой трубы. Жар и пар и чернота угля. Преисподняя.

На одной из темных улиц, у забора, мимо которого проходил Айзек, сидел человек, замотанный в одеяло. Он взглянул на Айзека и отвернулся. Айзек прошел было дальше, но вдруг остановился, потянулся к заднему

карману штанов, попытался нашарить купюру внутри конверта. Нелегко оказалось вытащить только одну. Ну а что, отдай ему всю пачку. Отдашь – и можешь спокойно возвращаться домой. Постоял, размышляя. Нет. Надо идти.

Он вернулся к бродяге, протянул двадцатку; тот колебался мгновение, но все же взял. Молодой парень, заметил Айзек, лицо грязное. Наверное, наркоман.

– Премного благодарен, – сказал он.

– Нет проблем, – ответил Айзек.

Пора садиться в поезд, большой побег. Взяв себя в руки, он двинулся в сторону фабрики, ветер изменился, и запах стал интенсивнее. Город молитвы, как было написано на плакате в том фильме^[29], здесь больше красивых исторических построек, но тоже заколочены, темные улицы, осколки прошлого. Как там в дурацкой шутке? *Парень с девчонкой сосутся в машине; наконец девчонка не может больше терпеть. Поцелуй меня, шепчет она. Поцелуй там, где воняет. И он привозит ее в Клэртон.*

Впереди слышался какой-то шум, словно гомонила большая толпа людей, свет позади массивного старинного здания, школы наверное. Жилых домов вокруг не видно. Не местные, вероятно. Может, кто-нибудь подскажет расписание поездов.

Два здоровенных костра в мусорных баках во дворе за школой, пара дюжин людей сидят или стоят вдоль стен, вокруг других костерков, поменьше; несколько импровизированных хижин из фанеры и листов жести. У одной из стен подросток с дредами стучит по двум пластиковым ведрам, в руках настоящие барабанные палочки, синкопированный ритм, не простой любитель, выгнали из школьного оркестра. Тамбурмажор ассимилировался среди туземцев.

Айзек постоял за кустами, присматриваясь. Пестрое сборище, половина – местные алкаши, другая половина – молодежь и подростки. На улице холодно, но грудастая деваха, сбросив блузку, отплясывает по центру двора в одном лифчике под редкие одобрительные выкрики и гиканье. Но вот угомонилась наконец, села. Несколько человек возятся в углу над пламенем свечи, он не сразу сообразил, что ширяются.

Давай, вперед, подбадривал он себя. Ты ничем от них не отличаешься. Но никак не мог решиться. Внезапно вспыхнула драка, яростно сцепились здоровяк и коротышка, поначалу никто не обратил внимания, лишь некоторое время спустя несколько человек поднялись и разняли дерущихся. Тот, что покрепче, бритоголовый, был моложе, он поднялся и отошел к своим приятелям. Мужик постарше остался в одиночестве. Из-за

другого угла здания появились еще люди, парень с девушкой, которых Айзек видел раньше у моста. Парень тащил по упаковке пива в каждой руке, девчонка – корзинку с едой.

Айзек уже собрался с духом, чтобы выйти на свет, как бритоголовый и “старикан” сцепились вновь, но на этот раз лысый допустил ошибку и противник врезал ему палкой по голове, лысый упал и получил еще несколько ударов, катаясь по земле. Коротышка, одержав победу, подхватил свой рюкзак и поспешил прочь, а все остальные молча проводили его взглядами. Убегая, он едва не налетел на Айзека.

– Я тебя не вижу, – проговорил мужик, продираясь сквозь кусты, – но я не тот, кого тебе следует бояться. – Ростом он был примерно с Айзека, и Айзек слегка расслабился. – Так себе местечко тут, – продолжал он. – Есть парочка говнюков, наркоманы, и когда они глазели, как я молотил того лысого ублюдка, то явно намылились на что посерьезнее.

За спиной у мужика болтался рюкзак с притороченным снизу спальным мешком, и он резво перебирал ногами по направлению к железной дороге. Айзек подумал и поспешил следом.

Через сотню ярдов мужик снизил темп, чтобы Айзек смог догнать его.

– Хочешь – можем почесать кулаки.

– Я не дерусь, – возразил Айзек.

– Ну тогда ладно, тогда иди уже рядом и перестань мотать мне нервы.

Айзек с трудом поспевал за ним.

– Есть там несколько дебоширов, – продолжал рассказывать мужик. –

Иногда бывают проблемы.

Щека у него был измазана кровью. Заметив взгляд Айзека, он вздохнул:

– О черт, крепко врезал мне, да?

– Похоже на то.

– Заживет, как всегда. Ты этих мест вообще не знаешь?

– Я местный.

– Сматываешься?

– Куда-нибудь на юг.

– Че-то шиворот-навыворот у тебя. Летом надо тут гудеть, если не в курсе, сейчас самое время – на севера податься.

– Все нормально.

– Бунтовщик, что ль, а?

Айзек лишь пожал плечами:

– Ну, мне оно тоже по душе.

Они шли по направлению к коксовой фабрике. Когда мужик остановился отлить, прямо на путях, Айзек незаметно поправил нож в

ножнах. Ты превращаешься в параноика, подумал он.

– А куда на самом деле путь держишь?

– В Калифорнию.

– И как намерен добираться?

– Понятия не имею, – признался Айзек и тут же пожалел, что ответил, сообразив, почему его спрашивают.

– Черт, я покажу тебе способ. Самому надо в ту сторону.

Айзек молчал.

– Тебе повезло. Всегда полезно иметь наставника. Я не прочь быть твоим учителем.

– Да я вообще-то и сам неплохо справляюсь.

– Лады, только скажи – и я сразу отвалю. Если ты из тех одиночек, что вечно становятся занозой в заднице.

Айзек невольно усмехнулся:

– Да нет, никаких проблем.

Они уже добрались до северной оконечности фабрики. Айзек по-прежнему не мог трезво оценить ее размеры, очевидно больше даже завода в Бьюэлле, но его спутника, похоже, это нисколько не волновало. Они остановились в зарослях кустарника на берегу, разглядывая грузовой двор станции: не меньше дюжины путей в разных направлениях. Несколько длинных товарных поездов, груженных коксом.

– Давай-ка сгоняй разузнай, который тут куда идет.

– И что я там скажу?

– Да что обычно.

Айзек опять недоуменно пожал плечами.

– Ты что, не знаешь, как спросить, что ли?

Этот парень псих, точно.

– Ладно, возьму это дело на себя. Сиди тихо. – Мужик уже начал спускаться вниз к станции, но остановился: – Меня зовут Винстон, кстати. Но вообще люди зовут меня Барон.

Айзек назвал, а потом подумал, что надо бы пользоваться вымышленным именем. Нет, неправильно, ты же именно этого хотел. Ускользнешь от него, если надо будет. Но сейчас тебе нужна его помощь.

Вскоре Барон вернулся:

– Вон тот, из четырех секций. Тот, в конце, идет вверх по реке, недалеко, а большой – куда-то к Детройту. Столько всякой хрени отсюда увозят и привозят сюда – запросто найдешь, чего тебе надо.

– Когда он отходит?

– Сказали, что в любой момент. Обычно означает, что еще пару часов

проваландаются.

Ровно в этот миг над кабиной машиниста вспыхнул прожектор, взревел дизель, разогреваясь, и вот он уже работает на полную мощность, пока вхолостую.

Барон весело ухмыльнулся:

– Вот черт, да ты приносишь мне удачу. Я три дня мечтал накостылять тому придурку. А теперь нам и такси подали. Просто повторяй за мной.

– Я умею запрыгивать в поезд, – сказал Айзек.

– Ну делай как знаешь, крепкий орешек. Я занимаюсь этим уже тридцать семь лет, но, уверен, тебе нечему у меня поучиться.

– Обязательно посмотрю, как надо.

– Хороший мальчик.

Поезд медленно пополз вперед, его яркие прожектора слепили глаза; они бежали сначала через свободные пути, а потом вдоль идущего поезда, ноги Айзека тонули в гравии, Барон обогнал его, зашвырнул свой рюкзак на платформу, ухватился за металлическую лесенку и скрылся между вагонами. Айзек успел сунуть свой рюкзак на край другой платформы, подтянулся по лесенке. Уселся на крошечной металлической площадке, лицом к следующему вагону.

Темно, но, судя по ладоням, здесь очень грязно. Ну и пускай – зато ты едешь и не надо перебирать ногами. Просто чудо после всей этой бесконечной ходьбы. Поглядим, почему люди выбирают такую жизнь.

Он вытянул ноги, а поезд постепенно набирал скорость, шум становился все сильнее и сильнее.

Айзек смотрел, как мелькают огни на той стороне реки. Все быстрее и быстрее, он даже озяб на ветру. А когда мы выберемся из Долины, рельсы перестанут петлять вдоль берега, станет еще холоднее. Принялся было вытаскивать спальный мешок, но передумал – еще унесет ветром. Только отморозишь вконец задницу. Нет уж, полезай в нору. Он ощупал металлические стенки, нашарил высокую прорезь, что-то вроде бойницы в стенке вагона, правда, непонятно, достаточно ли места внутри. Но там, по крайней мере, безопаснее. Он решил подождать немного.

Через несколько минут показался Питтсбург: небоскребы, электростанция на острове; поезд замедлил ход, повернул влево, на запад, Айзек одной рукой ухватился за поручень, другой придержал рюкзак, чтобы тот не соскользнул под колеса. А потом и город остался позади, скрылись из виду высотные здания, мосты и река.

Книга три

1. Грейс

Харрис арестовал Билли еще утром. Когда Грейс вернулась с работы, окна трейлера были темны и все в доме осталось на своих местах, как прежде. Только Билли нет, и он не придет. Возможно, никогда. Надо бы разжечь камин – на случай, если ночью похолодает, но она никак не могла собраться с духом. Не могла заставить себя подняться со стула. Сначала была уверена, что с ним не случится ничего дурного, – слепая материнская надежда в чистом виде. Неспособность взглянуть правде в лицо. Придется привыкать к новым ощущениям. Думала, ты идешь на большие уступки, но это ничто в сравнении с тем, что еще предстоит.

Она всегда считала – непонятно с чего, – но всю жизнь была уверена, что рано или поздно обязательно появится кто-то, кто позаботится о ней, как она сама заботилась о других – о матери, Верджиле, о Билли. Однако по сей день что-то никто не объявился. И непохоже, что объявится в скором времени. Видимо, она сама приняла то единственное неправильное решение, не пожелав бросить Верджила, уехать отсюда и от него туда, где ее сын, возможно, вырос бы совсем другим человеком, и в результате теперь она потеряла Билли.

Все ради Верджила. В том, что Билли кончил именно так, сплошь ее вина, ее неправильный выбор. Твои три семестра в колледже – давно ты перестала напоминать об этом всем и каждому? И колледж ты тоже бросила из-за него – Верджила, потому что муж не мог в одиночку оплачивать семейные счета. И все обижался и ворчал, когда, мол, это баловство окупится. Но ты не расслышала самый первый звонок. Мне было двадцать два. Маленький ребенок на руках, в Долине депрессия. Чудо, что вообще удалось проучиться хоть сколько-нибудь. Сейчас, оглядываясь назад, она подумала, что в прошлом была куда храбрее и самостоятельнее. И это тоже отрезано и выброшено. Научиться чему-то в жизни можно только на своей шкуре – ты так ничего и не поймешь, пока не начнешь сам принимать решения. К добру или не к добру, но тебя, такого как есть, формируют люди вокруг. Верджил подточил ее, как река подтачивает берега, эдакая постепенная эрозия. Убедил бросить учебу, уговорил устроиться на работу, которую она ненавидела, он быстро разобрался, что женой легко можно манипулировать, можно вынудить ее содержать никчемного мужа. Маленькое чудо, в их-то кругу, но он как-то справился – за счет жены, а теперь вот и сына. Всего-то и надо было, что врать каждый день, будто бы ищет работу, а в те редкие моменты, когда и

впрямь работал, тратить заработанное на себя, вместо того чтоб приносить получку домой. Она вспомнила, как обалдела, увидев в налоговых документах, сколько на самом деле получал Верджил, – до семьи доходили крохи.

Сейчас про это совсем тошно думать. Целиком и полностью ее ошибка, на Верджила не свалить. Она должна была раскусить его давным-давно. Ей просто не приходило в голову, что человек может настолько бесстыже манипулировать близкими.

А ведь есть еще и Харрис. Он тысячи раз предлагал себя, а ей надоело, а теперь, когда надоело ему, ей вдруг отчаянно захотелось Харриса. Грейс не любила признавать такие вещи, но ведь это правда, человек действительно так устроен – больше всего хочется именно того, что недоступно. Верджил вечно вынуждал ее сомневаться в его чувствах, заставлял ревновать, и в итоге она за ним бегала и добивалась его. А Харрис всегда был абсолютно откровенен.

Опять затошнило, от одних только мыслей. Она сама спустила в унитаз собственную судьбу и заодно судьбу Билли. Глубокий вдох. Конечно, это несправедливо. Труд всей твоей жизни, твое дитя. Но она не так уж стара. Вполне протянет еще лет тридцать-тридцать пять. Неплохая перспектива. Нужно обрести новые цели. Прекратить жить для других. С тех пор как Билли решил застрять в Бьюэлле, большую часть времени она только и делала, что тревожилась о нем, а за собой совсем перестала следить. Опустилась совершенно. У других женщин тоже есть сыновья, но они как-то справляются. Билли загнал ее на эти американские горки. Вверх и вниз и опять вверх. А сейчас вот вниз. Но он не нарочно. Просто так уж он устроен.

Надо взять себя в руки. Нечего жить для других. О господи, подумала она, я не должна сейчас думать о таких глупостях. Но не могла ничего поделать, тем не менее. Билли сделал то, что сделал, и тут уж ничего не изменить. Она должна жить дальше.

В холодильнике нашлись апельсиновый сок и бутылка водки, и она сделала себе большой стакан “отвертки”. Адвокат ей не по карману, во всяком случае хороший. Если прекратить платить за дом, может, и удастся накопить, но все равно потребуется несколько месяцев. К тому времени будет поздно. Надо было довериться Харрису. Общественный защитник, а что. Грейс покачала головой. Нет, она немедленно прекращает тратить деньги. Начинает копить. Пускай она потеряет дом, но не оставит сына в руках общественного защитника. С таким же успехом можно просто отказаться от суда.

Так, не беги впереди паровоза.

Она вышла на заднюю террасу, прихватив с собой бутылку и сок, прихлебывая коктейль, смотрела, как постепенно темнеет небо. Когда же это было? Три года назад, а будто вчера, она советовалась с Харриет, директором Кризисного центра, насчет того, что надо сделать, чтобы получить должность консультанта. Или социального работника, неважно. Они тогда сели рядышком и подробно все записали. Учеба, колледж, вот к чему свелась основная задача. Это основной барьер, и ты должна его взять. *Это так просто*, уверяла Харриет, *потом просто добавляешь к имени пару букв, ВА, МА^[30]*, *да неважно. Но без этого так и будешь копать в дерьме. Лучшие, конечно, магистр.* Заметив, должно быть, выражение лица Грейс, она улыбнулась и весело пожала плечами. *Послушай, мы же все равно стареем, независимо от того, на что решаемся. Стареем-то мы в любом случае.*

Так, надо добавить. Небо окончательно потемнело, одна за другой зажглись звезды. Она вспомнила, как Верджил выдал ей как-то, это был выпускной год Билли, они смотрели футбольный матч, Билли только что выиграл очко для “Иглз”. *А классного парня мы вырастили, да?* Так прямо и заявил. В тот момент, пожалуй, ее глаза начали открываться – какие могли быть *мы* в том, что касалось воспитания Билли? Она одна тянула эту лямку с первого дня вплоть до того самого момента на стадионе и предполагала, что Верджил понимает: погонять мячик с пацаном часок раз в неделю не означает воспитывать ребенка. Так или иначе, именно тогда на трибунах ее влюбленность в Верджила начала потихоньку растворяться, хотя до окончательного финала прошло еще три года. Нынешняя неприязнь Билли к отцу ей даже отчасти доставляет удовольствие. Какой же ты бываешь мелочной, однако.

А кем бы ты сейчас была, прими тогда предложение Бада Харриса? Уже отработала бы шесть лет на государственной службе, гарантированная пенсия, медицинская страховка. Билли вырос бы в большом городе, далеко от здешнего болота. Нет, подумала она, ты не могла. Ерунда это все, не могла ты тогда принять такой подарок.

У тебя были собственные надежды, грандиозные. Не на себя, нет, на Билли. Думала, он особенный, мечтала, что сын вырастет тем, кем на самом деле не был и не мог стать. Вечно с тобой одна и та же история. Любовь застилает тебе глаза, мешает видеть правду. И теперь.

Ладно, будь что будет. А ты должна сделать все, что сможешь, и точка. Грейс посидела еще немножко, поплакала. И довольно, скомандовала она себе. Вставай. Хватит пить. Решительно швырнула бутылку через перила

террасы в палисадник, прямо на грядки.

А потом к дому подъехал пикап, сначала она увидела свет фар, а следом и сама машина остановилась во дворе. Торопясь выяснить, кто же это, Грейс даже запнулась на пороге. Перед входной дверью стоял Харрис, в форме.

Он сразу заметил, что она плакала, обнял, и она тесно прильнула к нему.

– Зайдешь в дом?

– Давай сначала расскажу тебе кое-что.

Грейс поняла, что сейчас услышит страшное.

– В таких серьезных случаях это стандартная процедура, его увезли в Фейетт. Я заставил его помыться и побриться, перед тем как фотографировать, потому что, скорее всего, уже завтра утром его фото появится в газетах.

– А как вообще?

– Не в нашу пользу. По крайней мере, пока он не начнет говорить, не расскажет, что именно произошло.

– Фейетт – это новая тюрьма, – пробормотала она. И заставила себя уточнить: – Та самая, где все охранники обколотые.

– Билли сумеет за себя постоять. Он здоровый парень, и с ним не захотят связываться лишней раз, даже в таком месте.

– Его не выпустят под залог?

– Решающее слово за окружным прокурором.

– Сейчас я жалею, что не голосовала за Сесила Смолла.

– Я тоже, – вздохнул Харрис.

– Для них это ведь просто большая игра, да? Они и понятия не имеют, что творят с судьбами людей.

– Да. Думаю, им это не приходит в голову.

Грейс рассеянно поставила стакан на перила террасы, потом опять взяла и прикончила одним глотком. – Ты ни в чем не виновата. Ты сделала больше, чем любая другая мать.

– Всего один неверный шаг, но я совершала его каждый день.

– Некоторые люди всю жизнь так и живут.

– Ну да.

– Что ты пьешь?

– “Отвертку”.

Короткая пауза.

– Хочешь?

– А для взрослых что-нибудь есть?

– Поищем.

– Ну тогда пропущу стаканчик.

– Мне надо отыскать бутылку, серьезно. Только что зашвырнула ее в огород.

– Я достану, – расхохотался он.

Они вошли в дом, Харрис с фонариком в руках выскочил на минутку на задний двор и вернулся с бутылкой. Потом он стоял, глядя в окно, а может, на их отражения в оконном стекле, пока она готовила выпивку.

– Ты помидоры уже посадила?

Грейс кивнула.

– Я свои тоже скоро высажу. Надеюсь.

Она опять кивнула и протянула ему стакан. Харрис сделал глоток, улыбнулся. Среднего роста, среднего веса, да вообще весь средний, а здесь, в ее кухне, он казался даже маленьким в своей полицейской форме. Но на людей он производил совсем иное впечатление, даже в битком набитой комнате вокруг него образовывалось почтительное пустое пространство, он умел так себя поставить. Но сейчас, даже с оружием на поясе, это был просто Бад Харрис. В этом весь Харрис – терпеть не может строить из себя кого-то. И этим он отличается от Верджила, который рассуждает о чем угодно, выпендривается, вечно все и всех оценивает, даже если при этом мило улыбается. И это тоже никогда прежде не приходило ей в голову.

– Чувствую себя полной идиоткой из-за того, что наговорила тебе вчера, – сказала она. – Я была не в себе, но понимаю, это не оправдание.

– Я себя чувствую так каждое утро, – усмехнулся он. – Давай присядем.

Они устроились на диване в гостиной, она с краю, а он примерно посередине.

– Можешь подсесть поближе, если хочешь.

Он так и сделал, и они тихо посидели, держась за руки. Он поправил кобуру, чтобы не впивалась ей в бок, прикрыл глаза и положил голову ей на плечо. Тело его расслабилось и обмякло, как будто они только что занимались любовью. В комнате темно, но они не зажигали свет. Грейс разглядывала Харриса как в первый раз. По-своему симпатичный, вытянутое лицо, подвижная мимика. Из него получился бы отличный клоун, он запросто мог соорудить любую рожицу, забавный парень. Она ласково провела ладонью по его макушке, короткий ежик волос по бокам и сзади. Большинство мужчин его возраста предпочитают отрастить волосы подлиннее и зачесывать как-нибудь похитрее, скрывая намечающуюся лысину. А он каждую неделю стрижет себя машинкой. Как будто ему нечего скрывать. Однажды Грейс предложила ему брить голову, как коп в

сериале, но он отказался, сказал, дескать, это пижонство.

Наверное, это зов тела, собственное тело подталкивает тебя, понимая, что тебе нужен кто-то, кто позаботится о тебе. Тело очень прагматично. Но не сердце. Нет, это что-то другое. Когда его дыхание касалось ее шеи, по телу пробежали мурашки. Она опустила ладонь на его ремень, но Харрис осторожно убрал руку.

– Потому что ты на дежурстве?

– Я все жду, что мне объяснят, почему это должно получиться сейчас, если не получилось раньше.

– Но ты же пришел.

– Подумал, что должен.

– Мы можем попробовать еще раз.

Она вновь положила руку ему на бедро.

– Иногда я думаю, понимаешь ли ты, что это нечестно.

– Я не специально.

– Знаю. Но от этого не легче.

Он чуть отодвинулся, потом встал, выпрямившись во весь рост в маленьком трейлере. Она вдруг сообразила, что пялится прямо в его ширинку, и он это заметил.

– О господи, Грейс. – И рассмеялся.

– Меня так просто не остановить.

– Возможно. – Он отвел взгляд, откашлялся. – Давай подождем пару дней. Тебе нужно чуть успокоиться.

– Ладно.

– Ну пока. – Он наклонился, нежно поцеловал ее в лоб и вышел.

Она слышала, как он легко сбежал по ступенькам крыльца, потом удаляющийся шум мотора. Понимала, что надо встать, включить свет, но не хотелось, ей спокойно было просто лежать в темноте; в гостиной еще пахло его лосьоном после бритья, она еще помнила его прикосновения. Похоже, впервые за много недель – нет, месяцев – у нее появилась надежда.

2. Поу

Камера очень тесная, узкий вытянутый прямоугольник, одной стены нет, вместо нее железные прутья. Как собачья клетка. Горизонтальная прорезь окна, крошечное, не пролезть. Поу попытался прикинуть, куда оно выходит и вообще в какой стороне река, их трейлер, кровать Ли и диван на ее террасе. Нет, не понять. И лучше не знать, от такого знания только хуже – потому как для него прочего мира больше не существует. Интересно, Ли придет на суд, хотя вряд ли, конечно, и, черт побери, он ни за что не заснет на таком тонком матрасе, и журнальчика никакого с собой нет, он тут свихнется в итоге. Мозги будут сами себя переваривать. Как приливы и отливы. Сознание закуклится. Комната, обитая мягким, и он, тихо гадающий под себя.

Надо сделать какой-нибудь ремешок для штанов. Он сосредоточился и уже через минуту оторвал длинную полоску ткани от своей простыни, продел в брючные петли, вполне сгодится, чем не пояс, прямо как у пирата. Но на этом дела и закончились, и опять заняться нечем.

В блоке шумно, телевизор выключили, но отовсюду грохочет музыка, видать, у всех есть радио, парни перекрикиваются через коридор, колотят по металлическим прутьям; Поу прислушался, но все разговоры сводились к бессмысленным воплям *Слышь, братан, как жизнь?* с неизменным ответом *зашибись* или *нормалек*. Не о чем говорить. Треп ради самого трепа. Он всю жизнь бесился от такого, молчание, оно золото. А точно бесился? Не уверен. Но сейчас-то точно бесился, у него даже под кожей чесалось, физически, от этого идиотского шума. Хотя оно и неплохо, можно на этом сосредоточиться, на шуме, жутко бесит, но оно и хорошо, он зарылся лицом в подушку, чтобы хоть немного приглушить звук. Надо подумать о своих делах. Так он, пожалуй, задохнется. Поу отбросил подушку. Надо установить правило – заниматься своими делами, пускай там хоть убивают, но он должен думать о себе. Он взрослый человек, и его оставят в покое.

Шум начал стихать лишь ближе к полуночи, хотя, может, было всего десять вечера или три часа ночи, фиг поймешь. Часы-то отобрали. Но наконец в щель окошка просочился дневной свет, Поу услышал шаги, звяканье ключей, дверь камеры, щелкнув, открылась. Новый охранник, молодое лицо с жиденькими усиками, смотрит в упор.

– Завтрак в течение часа, – сообщил надзиратель. – Если хочешь жрать, шевели копытами.

А он и позабыл, что всю ночь маялся от голода, но понял, что не представляет, куда надо идти, чтоб позавтракать. Ладно, чем спрашивать, лучше сам поищет. Поу подскочил, торопливо оделся. Хорошо, что он вчера смастерил себе ремешок, молодец; из соседней камеры донесся звук громко опорожняемого кишечника, не слишком приятный. Гадят здесь практически у всех на виду, есть какая-то шторка, но чисто символическая.

Вали уже на завтрак, скомандовал он себе.

Камера располагалась на втором этаже, выходила в бетонный проход вдоль всего яруса. В конце ступеньки. Довольно высоко, футов пятнадцать-двадцать, падать не хочется. Почему бы не сделать перила повыше. Но может, они таким образом избавляются от лишних заключенных, места же не хватает, вон пришлось даже открыть старую тюрьму около Питтсбурга, которую раньше законсервировали, когда построили эту. А потом решили, что надо упечь побольше народу за решетку, и пустили в ход старую тюрьму, и теперь их у нас целых две.

Внизу, на первом этаже тюремного блока, он оказался в толпе других заключенных, медленно ползущей в одном направлении. На него поглядывали, но не заговаривали, может, еще слишком рано для разговоров. В главном коридоре в поток вливались все новые люди из других блоков, образовался даже затор, пробка из человеческих фигур. Поу смотрел прямо перед собой, потом на флуоресцентные лампы на потолке, на сверкающий линолеум, куда угодно, лишь бы не встретиться глазами с другими. Пахло едой, и пахло неаппетитно, вроде школьной столовки, только хуже.

В столовой шум стоял такой, как будто здесь разгорался бунт заключенных, бедлам, вот как это называется; те, кто не орал, гомонили во весь голос, сотни умалишенных, может и тысячи, и ни одного надзирателя. И никакой не бунт, обычная, видать, обстановка. Здесь любую пакость можно повернуть. Он бы искал другое место для завтрака, вот только тут вам не тюремный ресторан, где можно заказать стейк и сидеть себе в уголке за отдельным столиком.

Длинные столы с приваренными лавками, наверное, чтобы не дрались ими в случае чего. Вообще в столовой расовое расслоение, черные в одном конце, латиносы в другом, белые в явном меньшинстве, они потише и в целом постарше.

В белой зоне трое мужчин сидели особняком в конце длинного стола, они тут определенно всем заправляют, все трое здоровые и в татуировках. Один с бритой башкой, но вид почему-то вполне дружелюбный, у второго черная вязаная шапка натянута по самые глаза, а у третьего, блондина, на

голове такая хитроумная конструкция, что ему, должно быть, рано приходится вставать, чтоб соорудить эдакое. Оглядевшись, Поу заметил, что примерно половина собравшихся выглядят необычно накачанными; прочие либо совсем доходяги, либо толстые и дряблые, с жирными волосами, вообще вид у них нездоровый, торчки, типичные отбросы, голодранцы. И стариков много, обычных таких стариков; на самом деле, конечно, разного возраста мужики. Формально он и сам голодранец, нищета, но на деле-то нет. И вообще он больше похож на парней из лучшей части здешнего общества, одна проблема – у него только одна татушка, футбольная, на груди, над сердцем, и еще одна, с его игровым номером, на лодыжке, даже любопытно, что о нем подумают, он же не собирался в тюрьму, когда набивал их себе. Нож или там дымящийся пистолет смотрелся бы лучше. Судя по татуировкам местных авторитетов, здесь популярны символы могущества белой расы, орел или нацистский значок СС, вон есть даже портрет Адольфа Гитлера, но узнать его можно разве только по усикам, а так вообще это может быть кто угодно, одна из самых идиотских татух, что он видел, а парню с ней жить до последних дней.

Поу взял поднос и с некоторым облегчением встал в очередь. На раздаче на его поднос шлепнули два куска белого хлеба, порошковый омлет, сосиску и шмат зеленого желе; он попытался подвинуть поднос чуть в сторонку, но все равно желе ему навалили прямо поверх остальной еды. Чтобы хоть как-то проглотить эту дрянь, он взял чашку апельсинового “кул-эйд”.

Пока нес поднос, Поу опасался подножки, но обошлось, ему удалось отыскать место в белой зоне, в конце стола, рядом никого не было. Тощий патлатый парень радостно осклабился и несколько раз попытался заглянуть ему в глаза, типичный торчок, сидит на амфетамине, половины зубов не хватает. Поу его игнорировал. Еще несколько человек устроились на другом конце стола, он кивнул самому здоровому из них, но тут уж проигнорировали его самого.

Чернокожий парень, по виду ровесник Поу, подсел к нему, короткие дреды, тренировочные штаны, шлепанцы, рваная тишотка – будто только что из спортзала, таких ребят часто встречаешь в качалке. И похоже, все ему по барабану. Спокойно пересек невидимую линию, отделявшую белую зону, а может, тут существуют исключения для некоторых, трое белых паханов заметили его появление, но продолжали свой разговор как ни в чем не бывало.

– Здорово.

– Привет, – ответил Поу.

– Первый день говно, а?

– Нормально.

– Дион. – Парень протянул кулак, и Поу приветственно стукнул, назвав свое имя.

– Твой счет наверняка заморозили, так что сегодня ты в лавку не попадешь, ни тебе дезодоранта, ни шампуня, ни зубной пасты, ничего.

Поу внезапно почувствовал, что его, похоже, пытаются облапошить.

– Мне этого дерьма и даром не надо, – буркнул он.

– Любишь ходить грязным, э?

Поу промолчал.

– Ладно, Грязнуля. Найдешь меня, если что понадобится. – Парень улыбнулся и еще раз дружески протянул кулак, но Поу сообразил, что его только что оскорбили, и занялся своим завтраком.

Белые, сидевшие в отдалении, явно ожидали, что он ответит, да и сам парень, отходя, несколько раз оглянулся, но Поу молчал. Он торопливо бросал еду в рот, нехорошее у него было предчувствие, так что старался есть как можно быстрее. Народ вокруг ухмылялся, и все вернулись к прерванным делам, а Поу понял, что сейчас произошло что-то очень плохое, его будто поместили, уж очень быстро.

Подошел еще один черный, пересекая незримую границу; высокий и очень грузный, шрам через лоб и нос, как жирная розовая гусеница, руки сплошь в наколках, хоть их и не различить на фоне темной кожи.

– Здорово, Грязнуля.

Поу промолчал. В столовой ни одного надзирателя. На них начали обращать внимание.

– Эй, Грязнуля, дай-ка мне сосисочку.

Поу молча отодвинул поднос подальше, чтобы незванный гость не дотянулся.

– Ну спасибо.

Мужик протянул руку, но Поу отодвинул свой завтрак еще дальше. Тогда негр резко наклонился, почти прижавшись рожей к лицу Поу, и громко заржал, забрызгав Поу слюной.

– Че, проблемы, сука? Не желаешь, чтоб ниггер трогал твою жратву?

Он говорил нарочито громко, чтобы его хорошо расслышали в другом конце столовой, шум начал стихать.

– Нет у меня проблем, – пробормотал Поу.

Вокруг определенно стало тише, атмосфера в помещении изменилась, теперь он был в центре внимания. Надо что-то делать. Но он не чувствовал

в себе сил.

– Надеюсь, у тебя тут есть милые дружки, малыш.

Поу уставился в тарелку.

– Ой, мы что, никого тут не знаем? Ни одной долбаной родственной души во всей тюрюге?

Поу понимал, что должен врезаться ему, но тут ведь еще и расовые заморочки, остальные черные тут же бросятся на него, без вопросов. Но выбора-то нет. Драться совсем не хотелось, он физически ощущал, как сильно напуган, ни разу в жизни такого не было, чтоб ему настолько не хотелось драться.

– Не волнуйся, я позабочусь о тебе, – проговорил мужик, ласково погладив Поу по плечу, и другая половина столовой взорвалась хохотом, даже некоторые белые усмехались, черный торжествующе обернулся к товарищам, и тут Поу ухватил его за шею, и оба покатались на пол, черный оказался снизу, голова стукнулась о цемент под весом сразу двух тел.

Противник обмяк на время, вполне достаточное, чтобы Поу успел крепко захватить его одной рукой, а свободной колотил без остановки, бесчисленное число раз, рычаг не слишком велик, не очень удобно, но Поу приноровился, толпа редела, подзуживая, не Поу, но саму драку, он резко дернулся назад, заломив шею сопернику, тот попытался было ударить головой, но поздно, Поу держал крепко. Он, наверное, мог бы запросто сломать шею негру, от того несло потом, лосьоном для волос, и он чувствовал, как силы, а с ними и уверенность возвращаются, негр совсем раскис, может, он уже давно вырубился, и тут кто-то стукнул Поу по ребрам.

Один из белых.

– Вставай давай, – приказал он.

Поу поднялся. Вокруг толпа, черные и белые вперемешку, но черных все же больше. Он решил, что все сейчас бросятся на него, но, похоже, нет.

– Честная схватка, – объявил один из белых авторитетов.

– Да говно это на хуй, – донесся выкрик откуда-то с черной стороны.

Поу почувствовал, как начало подтрясывать. Это просто адреналин, он сунул руки в карманы, чтоб никто не заметил. Потом он топтался на месте, не понимая, что делать дальше. Все белые вскочили на ноги, и наконец один из вожakov принял решение, чуть кивнул в сторону Поу, мол, ступай за мной. Волна облегчения, будто ведро теплой воды опрокинули на голову. С полдюжины белых, по виду дежурные, двинулись к выходу, Поу пристроился за ними. Они прошли по широкому коридору между блоками, в конце повернули, остановились перед металлодетектором и

металлической дверью за ним, парни махнули надзирателю за плексигласовым окошком, двери щелкнули, и внезапно они оказались на улице, точнее, на заднем дворе тюрьмы, под ярким солнцем, и Поу услышал, как двери с лязгом захлопнулись за спиной.

Здесь тепло, небо голубое, аж глаза режет. Под ногами земля. Поу шагал за высоким скинхедом к тренажерам и стопке блинов для штанги. Остальные парни из-за их стола шли следом. Солнце слепило глаза, но он постепенно привык и различал через сетку ограды зеленые просторы Долины и не саму реку, но высокий ее противоположный берег.

На спортплощадке они остановились.

– Мы уж было подумали, что ты готов подставить ему задницу, – начал один, тот, что с бритой головой и открытым добродушным лицом, и подмигнул Поу, единственный дружеский знак за эти дни.

Парень со светлым ирокезом, явно главный, добавил:

– Точняк, ты прям чертову уйму времени раздумывал.

Остальные расхохотались, но Поу все не понимал, как себя вести.

– Все будет пучком, – успокоил блондин. – Ты нормально разобрался. – И улыбнулся. – Я Ларри. Известный как Черный Ларри. Можешь называть меня Черный Ларри или просто Ларри, мне насрать, честно.

Другие двое тоже назвали себя. Дуэйн, бритоголовый добряк, и Кловис, тот, что в шапке, натянутой до самых глаз. Кловис был шире в плечах, чем Поу, и весил не меньше трех сотен фунтов.

Поу оглянулся, есть ли еще кто во дворе. Двери в главное здание все так же закрыты, на улице ни души.

– А что, те парни здесь всем заправляют? – спросил Поу.

– Кловис, – удивился Черный Ларри, – наш юный друг спросил, заправляет ли здесь наш чернокожий братишка?

Кловис неуловимым движением поправил шапку и ответил:

– Похоже на то.

Черный Ларри шумно вздохнул.

– Во-первых, – сказал Кловис, – ты что, видишь здесь этих мелких бакланов или они таки остались за долбаной дверью? Во-вторых, бросай свои тупые подначки.

– Простите, – поспешно поправился Поу. – Я здесь новенький.

– Мы, бля, в курсе, – фыркнул Кловис.

– Мне даже обвинение пока не предъявили.

– Не, вы только послушайте.

– А вот об этом не надо трезвонить на всех углах, – посоветовал Дуэйн. – Никому не надо этого знать, кроме нас.

– Простите, – повторил Поу. Он понимал, что постоянно лажает, но не знал, что надо говорить. Лучше помолчать, наверное.

– Все нормально, – успокоил Черный Ларри. – Ты среди друзей.

– Но тебе надо держать ухо востро, взбодриться и быть покруче, – сказал Кловис. – Каждый будет приматываться к тебе, пока ходишь с такой мрачной готской рожей. Неважно, хорошо ты дерешься или нет, если ты похож на чертова клоуна.

Двое других парней дружно кивнули.

– Ладно, – буркнул Поу. – Слышу.

– Надо же, он нас слышит, – довольно ухмыльнулся Кловис.

– Слышу, – повторил Поу. – Отчетливо.

Он тоже улыбнулся, а следом и все остальные, кроме Кловиса, который мрачно покачал головой.

– Нам с ним надо бы пройтись, – сказал Дуэйн, – чтобы он мог помыть руки как следует. У этого придурка был нож.

– У Малыша? – уточнил Черный Ларри.

– Ну.

– Кто такой Малыш?

– Тот, кому ты врезал. Большой он.

У Поу, наверное, был озадаченный вид.

– СПИД, – объяснил Дуэйн. Он заставил Поу вытянуть руки и, держа их почти нежно, внимательно осмотрел, запястье разрезано, и на нем засохшая кровь, но непонятно чья. – Мыло у тебя есть?

– Нет.

– Я дам тебе, у меня в камере найдется лишнее.

– А потом пускай не высовывается некоторое время, – распорядился Черный Ларри. – Пока мы не разрулим это дело.

Дуэйн кивнул и направился к дверям. Но Поу медлил, ему вовсе не улыбалось возвращаться в камеру в компании здорового татуированного скинхеда. Парни это поняли и заржали.

– Не ссы, – утешил Дуэйн. – Я не буду ничего совать в твою бедную жопу.

* * *

У Дуэйна оказалась отдельная камера, на полу три коврика, а на окне трогательная голубая занавесочка с Девой Марией. Камера располагалась в торце блока, так что сюда попадал свет и из большого окна в коридоре.

– Из хосписа притащили, – кивнул он в сторону занавески.

Поу тщательно вымыл руки, теперь они пахли лавандой. Не тюремное

мыльце, однако. Таким мылом, наверное, Ли пользуется, пахнет похоже, и он вымыл руки еще разок.

– Как, интересно, такая хрень сюда попадает.

– Есть десять миллионов способов. Инспекторы, надзиратели, ходят туда-сюда раз в день уж точно.

У Поу, наверное, был обалдевший вид, потому что Дуэйн продолжил:

– Они получают восемнадцать штук в год. Предлагаешь пару тысяч, чтобы время от времени подогнали кое-чего, мало кто откажется.

– Ага, а если их сцапают на этом деле, то боком выйдет тебе.

– У меня три пожизненных. Что они могут мне сделать?

* * *

Поу вернулся в свою камеру. Ему велели не высовываться, пока парни не придут за ним утром, поэтому Поу лег спать – ногами к решетке и головой к унитазу, чтобы никто не смог подобраться и набросить петлю ему на шею. В камеру проникал тусклый свет, окно сделано из того же дешевого пластика, что и в полицейском участке, желтеет от солнца, строил, поди, все тот же подрядчик, разбогател в три дня. Где-то наверняка существовали тюремные магнаты, как здесь у них когда-то были сталелитейные.

А этажом ниже опять транслировали “Шоу Джерри Спрингера”, тетки, которые трахаются с племянниками, что-то типа того, может и нет, но люди смотрят такую хрень именно из-за грязных историй, он и сам смотрел когда-то, но сейчас это почему-то казалось мерзким. В соседних камерах все так же орут. Но похоже, он перестает замечать постоянный шум. Живот сводит, опять проголодался, даже крохи завтрака, которые ему достались, вызвали бурю в желудке. Хорошо, что он был один, когда брюхо скрутило. Прожевав только первый кусок, он уже знал, что так и будет, что эта жратва пойдет наружу до срока, с одной стороны или с другой. Но выбора-то не было – пришлось жрать что дают. В этом его проблема, он слишком избаловал себя. Всю жизнь ничего не брал в голову, в том-то и беда, у него ведь были возможности, а он всегда выбирал что попроще, а теперь еще и это – разборчивость в еде, даже от этого у него проблемы, а силы-то нужны, так что придется есть. А вскоре понадобится и душ, об этом он и не подумал – как здесь все устроено в душевой. Наверняка местечко не из приятных. Но пока от него еще немножко пахнет Ли, а запах смывается, может, есть способ как-то его сохранить, но нет, конечно, запахи, они приходят и уходят, их не удержишь, это не картинка, которую можно сбересть в памяти и обращаться к ней снова и снова.

Дуэйн сказал, ему принесут какой-нибудь еды из тюремной лавки, но это же денег стоит. Нет, с него ничего не спрашивали, но он же не дурак, такие услуги не бесплатны. Но и тут выбора нет. Ясно же, что он настроил против себя всю тюремную шпану. Дуэйн и Черный Ларри обещали, что уладят дело, надо только, чтобы он пока не вертелся под ногами. Какие-то интриги, тайные договоры, он не в курсе, но придется довериться парням. Он сидел неделю в окружной тюрьме, но там все было по-другому, там народ замели за вождение в пьяном виде, хулиганство, за всякую ерунду, там люди через неделю-другую возвращались в нормальную жизнь, а тут все иначе, тут люди живут, этот мир и есть их нормальная жизнь.

От рассуждений не легче. Задача-то не победить в матче или в драке, тут вообще не про победу речь. Еще одна его проблема – вопрос отношения к жизни вообще. У него все нормально. Просто отлично, можно сказать. И все обязательно разрулится, нет оснований для пессимизма, он ведь тут даже не за дело, он выпутается, это ведь только прокурор на него наезжает, а вообще он тут ненадолго, точно. Он еще будет рассказывать эту историю по барам как забавное приключение. Он совсем не такой, как остальные здесь, все скоро выяснится, и нет причин думать иначе.

3. Айзек

Айзек не представлял, сколько уже трясется в этом поезде; от вида проводов, ритмично поднимающихся и опускающихся по ходу движения, мутило. Несколько раз они останавливались, пропускали другие составы, часами он скучал, ужасно устал, но не было смысла слезать с поезда – он и так потратил несколько дней, чтобы забраться на него.

Потом ехали вдоль автострады, быстро, обгоняя автомобили. Очень много звуков, даже не различить, стук колес и вагонных сцепок, шум ветра, и вдруг заскрежетали тормоза, оглушительно, вагон опасно накренился вперед, грозя раздавить его, остальные вагоны зашатались и резко дернулись назад, и толчком его едва не сбросило с платформы прямо под колеса.

Будь внимательнее. Едва не разобрали на запчасти. Странствие – либо отраднo, либо горестно. Нет, в основном, конечно, скучно. Когда вокруг открытые просторы, холмы видны до горизонта, еще ничего, а порой лишь узкие просветы между деревьями, зеленая стена перед глазами, приступ клаустрофобии. Хуже всего тоннели.

А кстати, Поу, как он там сейчас, чем занят? Вероятно, трахает твою сестру. Или наливается где-нибудь пивом. Но все-таки он бросился в реку

спасать тебя – и этого не отменить. И согласился участвовать в твоей сомнительной шалости. Верно, а потом затеял идиотскую драку. Лучше бы сбежал в одиночку.

Он в очередной раз сменил положение, площадка была все-таки очень маленькой, короткой для его ног, нет, кажется, ни одной части тела, которая не затекла бы и не ныла. Взобравшись по лесенке, Айзек устроился на горе угля, отсюда отличный вид, самая высокая точка поезда, даже видно Барона в семи или восьми вагонах впереди, тоже сидит на куче угля и обзревает окрестности. Приятно. Холодно только. Летом будет полегче. Чуть позже он сполз вниз, свернулся клубочком в закутке, где не слишком дуло. Крошечный треугольник между внутренним углом бункера и внешней обшивкой вагона. Грязно, и в тело постоянно впиваются мелкие камешки, но зато он согрелся. Выглядит сейчас, наверное, как шахтер. Завернись в спальник. Самое безопасное место для сна – никто тебя не достанет в несущемся поезде. Когда ты в последний раз мыл голову? Несколько месяцев назад. Поешь чего-нибудь. Он откупорил банку сосисок и жадно съел их, сплевывая крошки щебня, прилипшие к пальцам. Так и не понял, полегчало или нет, попил воды.

Проснулся поздно. Все болит. Негде вытянуться. Уже темнеет, целый день он проторчал в этом поезде. Понять бы, где они сейчас, только деревья мелькают. Англия, Франция или Германия. Вообрази вместо. Огайо, к примеру. Вот разве что мы сейчас должны приближаться к Мичигану. Нет способа уточнить, пока не доберемся до места, – в любом случае вокруг абсолютно новый мир. Наслаждайся моментом.

Спать или не спать, разницы никакой. Между сном и бодрствованием серая муть. Тусклый синий свет через вагонную щель и вид на состав позади. Шум поезда, вибрация, и ты часть этого организма, тоже дребезжишь и трясешься. Мясо размягчается. И прости нам вялость нашу ежедневную, как-то так. Опять крошечная тьма – очередной туннель. Грохот оглушает – вставь беруши. Молись, чтоб скорее закончилось, – копоть и дым. В длинном туннеле вполне успеешь задохнуться. Туннель покорооче, пожалуйста. Дым все гуще и гуще, все ядовитее, глаза режет. Он высунул голову над платформой – так еще хуже. Потеряешь сознание здесь – и все, больше не очнешься. Самоубийца, надыхавшийся ядовитого газа. Будешь засыпать, держись подальше от колес, отползи внутрь. Внутри безопаснее.

Внезапно вновь свет и тишина. Выбрались, прежде чем. Он свесил голову наружу, к очередной стене зелени, мимо которой мчался поезд, вдохнул свежий воздух, и его вырвало. С чего бы? Сосиски за доллар

пятьдесят. Собачья еда. Ты сознательно это съел.

Неловко извернувшись, Айзек устроился на рюкзаке, но так, чтобы видно было мир снаружи. Сейчас уже гораздо темнее, минут через десять наступит ночь. Такова вся их жизнь. Альтернатива не лучше. Из подобной жизни и явился Швед, и потому они так разозлились, обнаружив нас в заброшенном здании. Мы посягнули на их простые радости.

Давай-давай, буди в себе чувство вины. Лучше бери пример со старика: не признавай, что ты мог быть не прав. Лги самому себе – и обретешь истинное счастье. Ли и Поу не лучше. Для такой зависимости, вообще-то, нужна особая “горячая линия”. Нет, Малыш должен взять на заметку. В этих холмах есть золото. Оригинальная бизнес-модель. Дарование прощения. Лги, жульничай, вори – и Малыш простит тебя. Добро пожаловать в Церковь Малыша. Следуйте инструкциям и обретете вечную жизнь. Шестнадцать девственниц и клавесин. Твои грехи прощены, будь ты мужчина женщина или дитя. Одна лишь вера спасет вас – истинно верующие плодитесь и прелюбодействуйте. Да обретете прощение в рефлексии. Сияние блюда для пожертвований.

Швед из головы не выходит. Мне больше нет до него дела, убеждал он себя. Дай мне воды и света, и я разрушу храм. Иисус Христос? Нет, просто лох. Свет, жизнь и любовь. Старик сказал, ему никогда не нравилось мое имя – звучит уж очень по-еврейски. Мать настояла. Я Истина и Свет. Я истина в ноже. Траектория движения брошенного предмета, перпендикулярно земле: по оси игрек 9,8 метра в секунду в квадрате, по оси икс ноль, начальная скорость двадцать пять метров в секунду, начальный угол пятнадцать градусов. Сопротивлением воздуха пренебречь. Допустим, полет предмета прерван столкновением с человеческой головой.

Ты сходишь с ума. *Молодой человек, вы заткнули Наукой дыру, оставленную Богом.* У матери была обратная проблема: затолкала Бога в дыру, оставленную для... Но тайну она унесла с собой. Предпочла этому миру иной. Небольшой изъян в ее планах – где она в итоге? Только темнота. Если таково небытие.

Он долго сидел так, глядя на проносящиеся мимо деревья, боясь коснуться глаз, чтобы грязь не занести. Давай промой глаза. Снаружи меж тем окончательно стемнело.

4. Харрис

Днем позвонил Глен Патаки. *Бад, это Глен Патаки, давненько не виделись. Почему бы нам не выпить вечерком у меня на яхте?*

Глен на двадцать лет старше Харриса, местный мировой судья, это он в прошлый раз вступился за Билли Поу. Первый человек, с которым Харрис встретился, прибыв в Бьюэлл, – Глен был шефом полиции, когда Харрис служил сержантом. Первый не деловой звонок за восемь или девять месяцев. Едва ли случайно, решил Харрис.

Дорога вела то вверх, то вниз по склонам холмов, среди лесов и полей, внезапно ныряла в овраги, а следом открывались долины, прежде незаметные, вы добирались до высшей точки пути, но по-прежнему не могли охватить взглядом окрестности, земля пряталась в своих собственных складках. И яркая зелень повсюду, низины заболочены.

Хо бросил на стол утреннюю газету с портретом Билли Поу на первой полосе, отличная история, звезда футбола – убийца. Читатели обожают такие истории. К вечеру во всем Бьюэлле, а может, и во всей Долине не найдется человека, который не слышал бы об этом деле.

Спускаясь по длинному склону, он перешел на третью передачу, чтобы тормоза не перегревались. Харрис отлично помнил время, когда до пенсии оставалось десять лет, а сейчас можно начинать обратный отсчет – восемнадцать месяцев. До конца жизни. Он надеялся, что теперь события будут развиваться быстрее. Интересно, это у всех так, в смысле, врачи или адвокаты, они думают так же? Ему сейчас пятьдесят четыре, когда стал шефом, было сорок, самый молодой шеф полиции в истории города, самый молодой во всей Долине, Дон Канко его выдвинул, под мощным давлением таких людей, как тот же Глен Патаки, к примеру. В те времена у него под началом было четырнадцать человек и еще шестеро – резервистов, на неполном дне. Сейчас ровно наоборот.

Харрису было девятнадцать, когда он записался в морскую пехоту, указал полицейскую службу как предпочтительную военную специальность, и сейчас, тридцать пять лет спустя, он удовлетворен решением, принятым в юности, и не стал бы его менять. Мне нравится моя жизнь, вот так. Быть счастливым – это тоже труд. Это она тебя научила. Возможно, сам факт, что ты вынужден прилагать усилия, дабы почувствовать себя счастливым, вызывает сомнения в твоей нормальности. Но других вариантов нет. Если ты ведешь достаточно комфортную жизнь, а жизнь у него именно такова, каждое утро приходится совершать выбор.

Каким сегодня будет день – радостным или печальным? Послушай только, какую хрень несешь. Единственный, кому ты излагаешь свои теории, – это твой пес Фур.

Он запросто представлял, как волочится за Грейс до старости лет, и его это вполне устраивало. Никогда не приближаться настолько, чтобы загореться всерьез или потеряться. Но так, чтобы она всегда была неподалеку, за ближайшим холмом. Вполне достаточно, чтобы не искать никого другого. Сама не подозревая, она была его тихой гаванью.

Она не виновата, что у нее на шее висит такой тип, как Билли Поу; это огромная жертва. Не будь таким сентиментальным. Но что поделать, вот такой он человек. Он и за Фура вечно беспокоился, когда пес задерживался где-то в своих собачьих странствиях.

Заметив указатель на причал, Харрис свернул на дорогу, ведущую вниз, через зеленый туннель, образованный густо растущими деревьями. Сколько он уже живет в этих краях? Двадцать три года. А прежде шесть лет в полиции Филадельфии и четыре года в военной полиции. У него не было четкого плана, завербовался, потому что лучше так, чем быть призванным. Говорили, что говнюки младшие лейтенанты опасаются посылать военных полицейских на самоубийственные задания, к тому же выходишь в отставку, если вдруг захочется на гражданку, с нормальной специальностью, с которой вполне можно устроиться.

На парковке уже стоял черный “линкольн” Глена Патаки, солидная машина, свежееотполированная. Люди делятся на тех, кто полирует свои машины, и тех, кто этого не делает. Следующий уровень – те, кто моет машины, и остальные. Харрис как раз из последних.

Глен ждал на борту яхты, издав далеко махнул Харрису, едва тот показался на берегу. “Карвер” тридцать восемь футов длиной, два мотора 454 “крусейдер”. Яхта, как называли здесь речные суда. У Харриса тоже было собственное место у причала, но его девятнадцатифутовый “валиант” уже три года как вытасен на сушу. Рано или поздно надо будет продавать. Лодка – это как вторая собака, только от нее не дождешься любви и привязанности в ответ на половину жалованья, выложенного на ее содержание.

– Какой денек, а? – Глен повел рукой, будто представляя окрестности. – Всего пара миль от города, а как на другой планете.

Это и вправду другой мир. Вокруг Бьюэлла тоже леса, но здесь, в южной части Долины, никакой промышленности. Только деревья, склоняющие ветви низко над водой, да сама река, мутная и медленная. Тихо, лишь иногда лодка проплывет или баржа на буксире.

Харрис взобрался на яхту. Глен сразу предложил сесть.

– Бад, к дьяволу церемонии, я позвал тебя, потому что тут появился парень из “Вэлли Индепендент”, шныряет повсюду и вынюхивает, допытывается, не было ли у нас каких дополнительных фактов.

– Фактов чего?

– Мол, не забыли ли мы внести в дело ценные доказательства. Короче, он выискивает всякое дерьмо, которое указало бы на Билли Поу как на убийцу.

– Нечего тут искать. Если это единственная причина, по которой ты заставил меня тащиться в такую даль.

– Я скучал по тебе, малыш, – вздохнул Глен. – Ты знаешь, вот подлинная причина.

– Знаю.

– И еще мне недавно пришло в голову, что служба моя заканчивается. Подумал, нам стоит обсудить это.

Харрис угрюмо уставился на собеседника.

– Да все нормально, – продолжил Патаки. – Просто пораскинул мозгами и прикинул, что ты мог бы занять мое место, когда я уйду.

– Никогда об этом не думал.

– Никогда?

– Точно тебе говорю.

– Прекрасно тебя характеризует, Бад. Я могу назвать с десятков человек, которые, предложи я им подобное, тут же начали бы лизать мне задницу.

– Знаешь, я бы для начала выпил.

– Разумеется. Ты знаешь, где тут все.

Порывшись в холодильнике, стоявшем тут же, Харрис выудил пиво “Миллер”.

– С профессиональной точки зрения и имея на тебя некоторые планы хотя бы на пару лет, я полагал бы, что тебе лучше держаться подальше от газетчиков и от Билли Поу, – сказал Патаки. – Включая и его мать.

– Не беспокойся насчет меня, жирный болван.

– Единственное, что дает мне надежду, это тот факт, что, как я слышал, улики против него неопровержимы.

– Я делал это не ради него, а ради его матери. Про него всегда ясно было, что парень пропащий.

– Зря ты не женился, сам себе подгадил, – усмехнулся Патаки. – Люди хотят, чтобы те, кто защищает общество, вели нормальную жизнь. И безгрешную. Вроде меня.

– Я тебя понял. Честно, я ценю, как ты в прошлом году из кожи лез

ради меня. Прости, что это тебе вышло боком.

– Нет, Бад, ты тут ни при чем, просто я старый пьянчуга и сдрейфил, не говоря уж о том, что пил мартини с этим долбоебом Хаком Крамером, и он замотал меня вконец.

Хак Крамер был мэром Бьюэлла, и его, как Дона Канко, сцапали на аферах с городской канализацией.

– Крамеру есть о чем побеспокоиться и кроме тебя.

– Имей в виду, что твоя должность назначаемая, Бад. Рискуешь оказаться на пенсии в округе Дэниэл Бун, и года не пройдет, как сунешь себе ствол в рот. Ты общественное животное, как и все мы.

Харрис равнодушно пожал плечами.

– Я тебе не завидую, – продолжал Патаки. – Слышал про чертов бюджет, теперь, зуб даю, появится больше долбаных совместителей.

– Оно и к лучшему.

– Я не могу даже нанять твоих парней выписывать штрафы, половина из них вкалывает по двадцать четыре часа в сутки, сдают смену в Чарлрое, едут в Бьюэлл, а заканчивают день в Браунсвилле. А живут при этом в округе Грин. Не представляю, насколько уж они в состоянии уследить за порядком.

– Они вообще-то не должны работать больше двенадцати часов подряд.

– Откровенно говоря, мне насрать, чем они заняты, – фыркнул Патаки. – Пока они выдают повестки в суд. Еще десять лет назад я закрывал шесть тысяч дел в год, а сейчас – меньше четырех с половиной. Моему офису выделяют четыреста пятьдесят тысяч против восьмисот прежде. И твой бюджет урезан. Черт, да мы за одни парковки выручали сто штук в год, а теперь девчонка, которая этим занимается, задницу от стула не отрывает.

– Это все звенья одной цепи.

Патаки кивнул, взглянул на часы.

– Мне пора закинуться, – сказал он. – Не возражаешь?

Вытащил из-под скамьи портфель, достал оттуда маленький шприц, задрал рубаху и уколол себя в бледный живот. Чуть смущенно улыбнулся Харрису:

– Доктора уверяют, что выпивка провоцирует диабет, но, знаешь.

– А как тогда жить вообще?

– Вот в точности мои слова. – Он отхлебнул из стакана. – Давай-ка я опишу тебе сценарий, который все крутится у меня в голове. Что, если, пока все эти трущобы не купили и не передали департаменту под Восьмую программу, мы бы просто спалили их к чертовой матери, скажем, году в

1985-м, и каждый пустующий дом в городе был бы разрушен, прежде чем в нем кто-то поселился. К настоящему времени половина города заросла бы лесом, да. Налоговая ставка прежняя, но людей вполтину меньше, и ни одной из нынешних проблем.

– Сотрудничество с жилищным департаментом обеспечило Дэнни Кэрролу его особняки в Колорадо и Майами. Без него. – Харрис вздохнул. – В этом корень твоих проблем.

– Этот факт я, разумеется, предпочитаю не замечать.

– Я ничего такого не хотел сказать.

– Никаких обид. – Патаки примиряюще вскинул руки. – Все знают, что ты хороший человек, Бад. Большинство копов ведут дела, как Джон Диетц, сшибая четвертаки на игровых автоматах. Но ты другой.

– У меня другие слабости.

– Твоя слабость – Грейс Поу. Вот твое уязвимое место.

– Не начинай.

– Ты с ней все еще встречаешься?

Харрис отвернулся. Он вдруг сообразил, что Фейеттская тюрьма, где содержат Билли Поу, находится в Ла Белль, ровно напротив на том берегу. Меньше мили.

– Жаль, тебя не было здесь в семидесятые, Бад. Едва ли не каждые три года департамент покупал новые патрульные машины, с двигателями “корветт”. А потом наступили восьмидесятые, а потом мы не просто потеряли работу, но у людей вообще не осталось в жизни ничего хорошего, негде проявить себя. И надо радоваться, если есть шанс возить шваброй или выносить горшки. Мы откатываемся назад как нация, возможно впервые в истории, и виной тому не подростки с зелеными волосами и железками в носу. Меня лично это не коснулось, но невозможно отрицать тенденции. Настоящая проблема в том, что у среднестатистического гражданина нет работы, в которой он мог бы реализоваться. Потеряешь гражданина – потеряешь страну.

– С тобой что, жена перестала разговаривать или чего?

– Я старый и жирный, – гордо констатировал Патаки. – Мой удел рассуждать и теоретизировать.

– Тебе надо больше пить, – посоветовал Харрис. – Или подыскать стажера.

– Я так и делаю. И да, постараюсь.

Они помолчали. На других лодках тоже сидели люди, любовались берегами и солнцем, садясь в воду, тоже выпивали, как Патаки с Харрисом. Многие из лодок никогда не покидали причала – топливо

чересчур дорого. Люди приезжали на реку посидеть и выпить, а потом возвращались домой, так и не запустив двигатель.

– Кто попадает под топор? – поинтересовался Патаки.

– Хаггертон. И еще Миллер и Борковски.

– А новенький?

– Он делает больше, чем все остальные, вместе взятые.

– Но Миллер и Борковски – лейтенанты.

– Только Миллер. Борковски провалил экзамен. И вообще новый парень выполняет половину его обязанностей сверхурочно.

– У тебя будут проблемы с профсоюзом.

– Разберусь.

– Он китаец?

Харрис кивнул.

– Похоже, он тебе нравится, – заметил Патаки. – Это хорошо.

– Догадываюсь.

– Позволь мне последнее откровение, Бад, сделай одолжение.

– Точно последнее?

– Я хочу тебе рассказать о самой лучшей работе в своей жизни.

– Почему мне кажется, что это судья Восьмого округа?

– Холодно. “Молочная фабрика Силтест”, я делал мороженое. С сорок четвертого по сорок седьмой, пока не пошел в копы. Громадное здание, бывшая мельница или вроде того, ты приходил на смену, переодевался во все свежее, прежде чем прикасаться к чему-либо, шел на облучение синим светом. Стерильная чистота была. Большие ведра с фисташками и фруктами, персики, вишни, все, что можешь вообразить, смешивается в специальных машинах. Ты, поди, никогда не видел не застывшее еще мороженое, но уверяю тебя, нет ничего прекраснее. Это рай, просто находиться там уже как в раю. Вот готова очередная партия, и ты несешь контейнеры в морозилку на хранение, и иногда, из-за влажности, потому что дверь открывают и закрывают, в морозильном отделении идет снег, штабеля мороженого до потолка и снег в середине лета. Ты готовишь мороженое, на тебя падают хлопья снега, а выглядываешь на улицу – и там девяносто градусов^[31] и солнце. Это было как на небесах, правда.

Патаки потянулся к холодильнику, зачерпнул горсть льда, бросил в стакан. Потом плеснул туда еще джина.

– Не видел, куда подевался лайм?

– Никогда бы не подумал, – сказал Харрис, протягивая Патаки четвертинку лайма.

– Я вот о чем, собственно: ты идешь по накатанному пути, а может,

лучше подумать о той работе, к которой ты вроде бы и не стремился никогда? Пока не стало еще хуже, как я слышал.

– Во все не хуже, – буркнул Харрис.

– Разве?

Старик прав. Патаки видел его насквозь. Харрис кивнул, но лишь из вежливости.

– Все всегда становится хуже, старина. А добро не остается безнаказанным.

5. Поу

На третий день, в сопровождении Дуэйна, он вышел во двор, где бродили арестанты – поодиночке, небольшими компаниями, и у каждого на уме что-то свое, все хотят чуть приподняться в этой жизни, а все, что можно получить, нужно отнять у ближнего. Тем не менее черномазые полудурки держались поближе к своим, и Поу был рад, что он тоже не один. Солнце стояло высоко, охранники торчали на своих вышках, в руках у них М16 или другие какие винтовки, не разобрать, нет, все-таки М16, пожелай они только, и тут будет бойня, один щелчок, и все – как два пальца. А за двойным сорокафутовым забором и колючей проволокой по-прежнему расстилается Долина во всей своей зеленой красе, но ему больше нет до этого дела, это теперь чужое для него место.

На спортплощадке существовала своя иерархия, паханы и их прихлебатели приседали со штангой, отжимались на брусьях, околачивались у забора, а несколько дюжин всякой мелкой швали, винтовых и отребья из трущоб, образовали что-то вроде внешнего периметра, вечно на побегушках, а время от времени сбивались в кучки поплотнее, скрывая происходящее от глаз охраны. Поу принадлежал к внутреннему кругу, вместе с Черным Ларри и другими, человек семь-восемь мужиков. Но положение у него шаткое, по факту вроде испытательного срока, потому он не спешил ржать и буйствовать наравне с остальными. По временам кто-нибудь из сторонних, не из ближнего круга, подходил потягать штангу, и один из прихвостней записывал его имя на клочке бумаги.

– Не члены платят десятку в день, – пояснил Кловис, поймав недоуменный взгляд Поу. – Но у них, по крайней мере, есть выбор. Вон те, – и он показал на площадку, где распоряжались чернокожие, – попробуй подойти поближе, и они начинают швыряться гантелями, пару месяцев назад размозжили башку одному лоху, блином тридцатифунтовым

угодили прямо в висок.

– Олимпийская сборная, мать, – буркнул Поу.

– Они все вообще того. – Кловис выразительно постучал себя пальцем по голове.

Тренировались весь день напролет, Поу столько не качался, даже когда вовсю играл в футбол. Все парни из ближнего круга, за исключением Поу, были в татуировках – руки сверху донизу, картинки на груди и на спине, ястребы или орлы или вообще какие-то мифические птицы, Поу не очень разбирался в этом. У Кловиса на одном трицепсе написано “белая” и “власть” на другом. У Дуэйна, как у прочих, орел, раскинувший крылья от лопатки до лопатки. У Черного Ларри на груди пара джокеров, а живот весь исписан какими-то изречениями, но Поу неловко было его пристально рассматривать. Большинство парней в толстых шрамах, на разных местах. Почти все лет на десять-пятнадцать старше его, но он не собирался уточнять, здесь лишние расспросы не одобряют.

Один из шестерок протянул ему самокрутку, он затыкнулся, гадость какая, из бычков, что ли, наковыряли табак. Дуэйн заметил, что он курит эту дрянь, покачал головой и протянул нормальную сигарету, из пачки. Поу вернул самокрутку босюку, который тщательно обтер ее и бережно докурил. Постоянно подходили какие-то люди, выказывая уважение, кучка латиносов, похоже, собиралась наладить контакты с братанами, их главарь и Черный Ларри отошли в сторонку и о чем-то толковали наедине довольно долго. Изредка посетитель ронял что-нибудь украдкой на землю. Потом предмет так же незаметно подбирали.

Поу как раз закончил очередную серию подтягиваний и отдыхал на скамейке, дожевывал батончик и запивал содовой, когда к нему обратился Черный Ларри.

– Тебе надо избавиться от казенных штанов, – сказал Ларри, смерив Поу взглядом. – Кудряшка ты наш. Красавчик, Дэвид Хассельхофф^[32], бля, ну?

Остальные кивнули, хотя молодые парни из приближенных явно соглашались только из уважения к Черному Ларри, а вообще-то они не слишком были рады появлению Поу.

– Они с Дуэйном могли бы потягаться, кто круче как жеребец.

Дуэйн ухмыльнулся.

– Дуэйна застукали с училкой английского, милой приличной девочкой из колледжа. И больше ее сюда не пускают.

– А она до сих пор мне пишет, – сообщил Дуэйн.

– Короче, маленький Поу, тебе многое нужно наверстать. Хотя мы в

тебе уверены.

К полудню у Поу появилась пара новеньких чиновсов, а старые штаны он отдал кому-то из шестерок. Стояла жара, заключенные сидели на скамейках или просто привалившись к стене, потели на солнце и тупо пялились в пространство. И Поу среди них, и все они выглядят как обычные работяги, какие-нибудь строители, отдыхающие в перерыве, или пожарники, просто мужики, никакие не монстры и не супермены, и место тут совершенно обычное, ничем не отличающееся от любого другого за тюремной оградой, вот так и надо думать. Несколько часов спустя они продолжали сидеть все на тех же местах, Поу маялся от жары и обезвоживания, он обгорел, но остальные как будто не замечали неудобств, просто торчали на солнцепеке, и все; ему хотелось пить, но содовая уже не лезла, он и так влил в себя много больше нормы. Поу устал, но изо всех сил держался, чтобы не закрыть глаза, некоторые парни из свиты бродили туда-сюда, но ему такие привилегии не положены, он должен оставаться рядом с Дуэйном и Черным Ларри. Настало время обеда, но все понимали, что вести Поу сейчас в общую столовую – плохая идея. – Чего-нибудь хочешь? – спросил Черный Ларри. – “Скиттлс”, сигареты? Пруно?^[33]

– Я бы съел чего-нибудь нормального, – признался Поу. – Но денег нет.

– В лавке есть копченый лосось. Тебе принесут. И пару пакетиков картошки.

* * *

Дуэйн проводил его обратно в камеру. На койке Поу лежал пакет с разными мелочами из тюремного магазина – дезодорант, “сникерсы”, соленые крекеры и четыре вакуумные упаковки лососины.

– Ну ты как? – дружелюбно спросил Дуэйн. И они стукнулись кулаками.

– Нормально.

– Твой сокамерник вечером вернется. Его закрыли на шесть месяцев, так что ты, парень, не особо-то его прессуй.

– Да без проблем.

– С ним клево будет. Он тебя в хлам заболтает.

* * *

Оставшись в одиночестве, он прикончил две упаковки лосося и крекеры, первая нормальная еда за, черт побери, за несколько дней. Наевшись до сытой дремоты, улегся на койку, все будет нормально, он как-нибудь устроится. Сначала Поу даже заулыбался невольно, но потом

пришли другие мысли. Парни ведь наверняка захотят что-нибудь за свои услуги. Ладно, разберемся. По мере поступления.

Этажом ниже кто-то слушал рэп по телику, по временам оттуда доносились одобрительные возгласы или улюлюканье. Поу, прикрыв глаза, вытянулся на койке, уснуть не получалось, руки саднило, он взглянул на них, вроде поджигает. В его кровь определенно попала кровь того придурка, Малыша. Поу встал, еще раз вымыл руки, он понимал, что лучше не станет, надо было вести себя осторожнее, ну не знаю, мог бы иметь для подстраховки кастет или хотя бы батареек в носок насыпать. Ладно, нашел о чем волноваться. СПИД – последняя из его забот. Гораздо вернее прикончит нож у горла, зазевался с сэндвичем в столовой, чик – и готово. Кловис показал ему девятидюймовую заточку, костедробилку, как он назвал, и если у него такая штука есть, то у другой стороны наверняка тоже. Так что переживать из-за ВИЧ сейчас все равно что бояться, как бы в Землю не врезалась комета. Поу подумал, что этот бой он уже проиграл, вчистую, просто пока почему-то еще держится на ногах. В детстве он видел, как Верджил однажды подстрелил из лука кролика, тот на миг взвился в воздух, а потом вновь принялся жевать траву как ни в чем не бывало. А через несколько секунд завалился на спину, стрела пронзила его насквозь, повредила аорту, он, поди, и сам не понял, как очоурился. А теперь Поу поздравлял себя с тем, что ничего хорошего не случилось, и единственное, в чем он уверен, что дальше будет только хуже, потому что так уж заведено в его жизни.

Он же ни о чем таком не просил. Не предлагал переться в чертову мастерскую под проливным дождем, понятно же, что там пристанище всякого сброда. Это из-за Айзека они оказались там, из-за Айзека торчали в грозу под дырявой крышей в каких-то развалинах, вместо того чтобы спокойно потягивать пиво на террасе у Поу. Он не из тех, кто любит такие приключения, но Айзеку на это плевать, он вообще думает иначе, у него мозги по-другому устроены; вот Поу не может просто встать и уйти, когда вваливаются мокрые вонючие бродяги и начинают его оскорблять, у него есть гордость и человеческое достоинство, это Айзеку можно сказать что угодно, и он просто встанет и уйдет. И вообще Айзек втравил их обоих в эту историю, а потом просто решил смыться. Но Поу не такой. Существует такая вещь, как самоуважение, и у него оно есть, а у Айзека нет.

Он сел. Все по-прежнему, он все в той же камере с мутным окном, через которое ничего не видно, бетон и железные прутья, внизу орет реклама автомобильной страховки, никто и не подумает приглушить звук, хотя никому эта страховка ни за каким чертом больше не нужна. Он

открыл третью упаковку лосося, жирного и соленого, облизал пальцы, пива бы к нему, вообще тут неплохо, в смысле – в камере, безопасно. Но невозможно торчать в камере дни и ночи напролет. Черный, которого он вырубил, – местный туз, заправила. Поу свезло, отделался малой кровью, уложив его в драке. Но это вам не кино, где ты побил самого большого парня и тебя тут же оставили в покое. В жизни такие штуки не работают. Ему обязательно отомстят, и простой дракой не отделаться, месть означает, что ты огребешь сторицей, это он по собственному опыту знает. Надо сделать так, чтобы парню досталось больше и жестче, чем тебе.

Поу заметил вдруг, что дышит с натугой, все тело свело, шея ныла от напряжения. Он попытался расслабиться. Все будет хорошо, утешал он себя. Все как-то разрешится. Ты же ничего такого не сделал, чтобы тебя упекли за решетку. И покойника Отто убил не ты. Ты вообще ни при чем, тебя просто ухватили за яйца и едва не отделили твою башку от туловища. И почему я здесь, за что. Ты здесь, и дальше все будет только хуже, завтра завернешь за угол, и бац – пятеро на одного, тут тебе и конец, а Айзек между тем где-то на воле. Гуляет на свободе.

6. Айзек

Ночью поезд стоял, часами торчал где-то на запасных путях, Айзек сидел снаружи на платформе, взбирался по лесенке и сидел, вытянув ноги, на куче угля, смотрел на звезды. Часа два ночи, кажется. Прихватил бы с собой звездную карту, знал бы точно. Или вставил бы батарейку в часы. Он поерзал ногами, устраиваясь на куче кокса, почувствовал под ладонями холодный металл вагонной стенки. Закрой глаза – и ощутишь вращение Земли. Звезды всегда двигаются. Каждый час небо меняется. Ковш уже начал поворачиваться – скоро весна. Точнее, конечно, Большая Медведица. Но Ковш гораздо понятнее. Полярная звезда, временно путеводная, как все звезды у полюса. А раньше полярной была Тубан, Альфа Дракона. А потом будет Альдерамин. Потом Денеб. Полный звездный каталог Птолемея, 150 год. Называтель звезд – отличная работа. Даже если никто не узнает. Заимствовал у вавилонян, но все тексты утрачены, сгорели в Александрии. Во всем виноват Юлий Цезарь. Утрачено больше знаний, чем ты когда-нибудь сможешь постичь.

Айзек продолжал рассматривать небо. Рак и Лев.

Близнецы, кажется, не видны. Надо было прихватить что-нибудь почитать. Да нет, надо было прихватить батарейки для фонарика. Глупо, что забыл. Он глянул на землю внизу. Велико искушение спрыгнуть вниз, поезд ведь не сорвется с места мгновенно. Нет, пожалуй, – в темноте ты никогда не отыщешь нужный вагон и потеряешь рюкзак. Не говоря уже о том, что не представляешь, где находишься. Через неделю будешь в Беркли и даже не вспомнишь о нынешних приключениях.

Он сполз вниз, обратно в свой закуток, забрался в спальный мешок, высунул наружу голову, чтобы видеть хотя бы клочок звездного неба. И попытался уснуть.

* * *

Шли часы, наступило утро, Айзек старался по мере возможности ехать наверху, на платформе, пока не замерзал. Одежда вся в грязи. Как, вероятно, и лицо.

Они двигались вдоль большой реки, гораздо более широкой, чем Мон, вдалеке виднелся завод, который оказался сталелитейным гигантом, десятки корпусов, пылающие доменные печи, повсюду клубы дыма. Выглядело вполне современно, корпуса новые или отремонтированные. Надпись: “Ю Эс Стил, завод Великих озер”. Мичиган, догадался он. Один

из промышленных объектов, которые еще функционируют. Парковка забита машинами, как когда-то в Бьюэлле, дальше какой-то городишко. Никогда не видел таких плоских пространств.

Тормоза заскрежетали, они вползали в громадное депо, затыкайте уши, пора смываться. Сейчас разгрузят уголь и тебя обнаружат. Собираемся. Он вновь торопливо затолкал вещи в рюкзак и выбрался на платформу, намереваясь прыгнуть еще до полной остановки. Высунул голову наружу, заметил Барона, слезающего на землю через несколько вагонов впереди. Прыгнул вниз и оказался прямо перед Бароном.

Айзек впервые разглядел его при дневном свете. Лицо красное, опухшее, в глубоких морщинах, кожа на вид грубая, нос кривой, а один глаз провис гораздо ниже другого, лицевые кости были сломаны и навеки срослись неправильно. Вся физиономия какая-то скомканная и вдобавок покрыта угольной пылью. Он производил впечатление предмета, чудом уцелевшего при пожаре.

– Черт возьми, – спокойно заметил Барон, разглядывая его. – А у тебя были интересные спутники, а?

Айзек не сразу понял.

– Рожа у тебя вся побитая, вот я о чем. Под каждым глазом по фонарю.

– Их было четверо.

Они двинулись по направлению к городу, торопливо перескакивая через рельсы, чтобы поскорее убраться с пути синего локомотива, пыхтящего в их сторону.

– Держи ухо остро, – наставлял Барон. – Не представляешь, как тихо они могут двигаться, одного моего приятеля как-то разрезало напополам. И помочь никто не успеет.

Они перебрались через пути, потом перелезли через дренажную канаву и теперь стояли на узкой дороге.

– Мы там, куда собирались?

– Ага. Это Эккерс. Здесь разгружают уголь.

– Мне казалось, ты говорил, что мы едем в Детройт.

– Слушай, не цепляйся по мелочам. Детройт в десяти милях отсюда.

За рядом заводских корпусов открылось целое поле, утыканное высокими белыми цистернами, с аккуратно подстриженной травой между ними, а потом начался город. Большой дорожный знак с надписью ЭКОРС. *Эккерс*. Название города. Дома побольше, чем в Бьюэлле, но и тут многие выглядят заброшенно. Все равно прогресс, напомнил он себе. Ты на шестьсот-семьсот миль ближе к Калифорнии. Путь вовсе не будет усеян розами и виноградом.

– Угостишь обедом, если я найду подходящее местечко? – спросил Барон.

Первым делом надо от него избавиться, решил Айзек, но вслух сказал:

– Конечно. Но потом мне надо двигаться дальше на юг.

– Не вопрос. Мы проходили мимо депо. Надо будет только вернуться туда, на основные пути. И там подберешь себе подходящий поезд.

Они шли по городу, здания вокруг стали попримичнее, потом вроде похуже, потом опять получше. Несколько чернокожих в дутых жилетках играли в кости на террасе и проводили взглядами Барона с Айзеком.

– Душ примите, придурки, – бросил один, и остальные захохотали. Айзек приготовился дать деру, но парни уже вернулись к игре.

– Нам, пожалуй, и в самом деле надо найти прачечную, – сказал Барон. – Разобраться с барахлом, почистить перышки. Хотя можно помыться и там, где найдем пожрать.

– Я хочу поскорее сесть в поезд.

– Спешка делу не поможет. Пожрем, помоемся, найдем местечко, где подряхнуть. Ты подустал, это видно, а беготня по путям с тяжелой сонной башкой закончится тем, что тебя переедет поезд. Я такого навидался, уж поверь, эти локомотивы тебя раздавят и не заметят, как ты не замечаешь муравья под подошвой.

Это ты уже говорил, подумал Айзек, но промолчал. Чуть дальше по улице им попалось заведение с жареными цыплятами. Они по очереди помылись в туалете. Первым пошел Барон и торчал там целую вечность, а когда зашел Айзек, внутри воняло дерьмом и раковина была забрызгана грязью. Айзек тоже справил нужду, помылся, лицо и руки, и куртку протер как мог. Выйдя из туалета, он выглядел чуть приличнее, но и только. Одежду придется выбросить.

Барон заказал ведерко курятины с разными гарнирами, и Айзек немедленно пожалел, что они сюда заглянули, счет оказался больше двадцати долларов, он вытащил бумажник, но там нашлась только банкнота в один доллар. Барон глядел на него в упор:

– Так у тебя есть бабки или как?

Люди за прилавком тоже смотрели и ждали. Айзек отвернулся, расстегнул карман с деньгами и попытался достать из конверта одну купюру, но никак не получалось, пришлось чуть вытянуть конверт из кармана. Барон заметил, но тут же отвернулся. Айзек протянул девице за кассой бумажку в пятьдесят баксов, она изучила ее на свет, потом черкнула карандашом, проверяя.

– Рад, что у тебя есть кое-что в запасе, – заметил Барон, забирая еду,

пока Айзек застегивал карман с деньгами. – Сразу видно, что мы рядом с Детройтом, – продолжал он, – здесь любят жареных цыпляток.

Они ели, усевшись на бордюр. Айзек впился зубами в куриную ножку, в тонкую хрустящую корочку, соленая, остренькая, мясной сок капает на асфальт. Он ел очень быстро, хрусткость кожицы и нежность мякоти, набиваешь полный рот, это лучшая еда в жизни, и целое ведерко. Да и вообще все не так уж плохо. И такое ощущение теперь всякий раз, как поешь. Малыш – примитивное животное. “Лучшие в мире Жареные Цыплята”. Малыш согласен с этим утверждением, присуждает наивысший балл. “Дидди Кертин Чикен”. Он запомнит.

Они ели и ели, пока уже не могли впихнуть в себя больше ни кусочка, остатки завернули в салфетки и сунули в свои рюкзаки. Айзек отвалился на спину, разлегся на обочине, глядя по сторонам, и пару минут ничто на свете не могло его потревожить. Закрыв глаза. Впервые за несколько дней он не обращал внимания на боль в плечах и ногах, вечно ноющих от ночевки в скрюченном положении.

– Если будем так валяться, накличем неприятностей на свои задницы, – буркнул Барон. – Надо бы найти мотель, поспать в нормальной постели, постирать шмотки, может, даже киношку посмотреть какую.

– Не-а, – промычал Айзек, не размыкая век. До него дошло: от этого мужика легко избавиться. Когда они в следующий раз окажутся порознь, в туалет пойдут, все такое, он просто смоется, и все. И от этой мысли на душе стало еще теплее.

– Я всю жизнь катаюсь по железке задарма. Надо позволять себе немножко роскоши время от времени. Чтобы не рехнуться. А денег всегда можно срубить.

– Ну тогда можешь заплатить за ночлег, если хочешь.

– Да ладно, как тогда насчет выпить. Раскошелишься?

– Отлично. Дай только передохну минутку.

Айзек заметил, что кассирша из ларька разглядывает их через стекло, тут же поднялся и бодро зашагал дальше. Жилые кварталы, конторы, опять дома, дорога прошла над широким каналом, потом под шоссе, уткнулась в просторный бульвар. Все такое плоское, одинаковое, не разберешь, входишь в город или выходишь. Айзек осознал, что все ждет, когда же закончатся дома и начнется лес, но город, казалось, тянулся в бесконечность. Весь день пасмурно, реки не видно, вокруг одинаковые строения, он совершенно не представлял, в каком направлении они идут, но от завода уже не меньше двух миль, точно. Наверное, если спросить, ему подскажут, где они находятся. На другой стороне улицы они заметили

автоматическую прачечную, на дверях объявление, написанное от руки: У НАС ЕСТЬ ГОРЯЧАЯ ВОДА, но дверь, увы, закрыта.

– Не повезло, – вздохнул Барон. – Зато глянь-ка.

Чуть дальше винный магазин.

– Ты уже большой, можешь купить, – предложил Барон.

– Нет.

– Тогда дай мне десятку, и я позабочусь о нас обоих.

Айзек уже шел дальше по улице, когда Барон нагнал его. С бутылкой виски в руках.

– Не оборачивайся, – прошипел он. – Он пялится на нас.

– Чего?

– Давай давай давай.

Они зашагали быстрее. Отойдя на безопасное расстояние, Барон внимательно рассмотрел свой трофей. – Черт, “Джек Дэниелс”. Вот, сэкономил нам тридцать четыре бакса.

Айзек только кивнул.

– Давай-ка теперь найдем местечко на ночь, – продолжал Барон. – Я вот чего думаю, можно бы дальше двинуться на поезде или чутка только отъехать. Тут-то у нас выбор невелик.

– Я хочу просто вернуться в то депо, куда мы приехали.

– И я еще вот чего думаю, – не унимался Барон. – Будь у меня баксов шестьдесят, а лучше восемьдесят, я бы махнул к своей сестренке в Канаду. У них там больницы бесплатные.

– Двадцать-то у тебя уже есть.

– А я ж заплачу за нашу жрачку, – возразил Барон. – Ну пришлось одалживаться, ага. Никогда не умел копить деньги. А ты молодец, уважаю.

– Да все нормально.

– У меня, если разобраться, мозги-то на миллион, да и у всей родни нашей. У папаши моего был свой бизнес. Только я поглядел, во что он превратился, да и все эти люди, – он обвел рукой вокруг, – они все в западне, их держит все это дерьмо. Это все принадлежит нам ровно так же, как им. Оно все останется, когда их на свете не будет, – и о чем это говорит? Что ты сам строишь себе клетку. Ты ничем не владеешь, нет, мир просто принадлежит тебе, и все.

Айзек кивнул. И они продолжали путь.

* * *

Когда показался очередной маленький канал с парковкой вдоль берега, Айзек сообразил, что поблизости обязательно найдется неплохое место.

Здесь есть деревья и травяной газон. На одной стороне канала очень приличная парковка автотрейлеров и офис, на другой – приятного вида коттеджи с огороженными дворами.

– О, то, что надо, – объявил Барон. – И не потратим ни никеля.

Бредя вдоль берега, они отыскивали подходящие заросли кустарника, пробрались в самую гущу. Айзек слышал, как в сотне ярдов по улице проезжают машины, и это успокаивало. Завтра сядешь в поезд, идущий на юг, проснешься раньше этого козла.

Одно заканчивается, другое начинается. Завтра – на юг. Интересно, а ордер на арест, выписанный в Пенсильвании, распространяется на Мичиган? И вообще, уже выдан этот ордер или нет? Так, лучше об этом не думать.

Они развернули свои спальники на крошечном пятнышке. С парковки трейлеров доносилась музыка, люди смеялись. Айзек смертельно устал, но боялся уснуть.

– Ну, спокойной ночи, – зевнул Барон.

– И тебе.

Он попытался застегнуть спальник, но молнию заело, она все время расходилась, слишком темно, чтобы поправить. Ладно, и так сойдет. Ботинки снимать не буду. Он завернулся в спальник, как в одеяло, устроился так, чтобы нож оказался прямо под рукой, и заснул. Потом сквозь сон вспомнил про ночную росу и переполз поближе к поваленному дереву. Вытащил нож из ножен.

Проснувшись через несколько часов, увидел, что Барон по-прежнему спит в сторонке, но так и не двинулся с места. Надо встать и уходить, прямо сейчас, подумал он, однако слишком устал, пальцем не мог шевельнуть. Позже проснулся еще раз, услышал странный шорох в листве, долго смотрел в темноту и решил, что это какой-то зверь. Барон лежал на том же месте, где прежде.

Он понимал, что должен подняться, но не смог. Казалось, готов уснуть здесь навеки.

7. Ли

Подала отцу обед, ризотто, а на закуску *insalata caprese*. Французский багет купила в “Кистоун Бейкери” в Монессене. Дома у нее редко бывало время, чтобы готовить, да и Саймон предпочитал обедать в ресторане. И очень хорошо. Лишний повод порадоваться возвращению домой. Потом они долго пили кофе; Генри читал газету, а она просто тихо сидела, опустив подбородок на руки, смотрела на просторный пологий газон и кирпичную ограду. Ограда, вдобавок декоративная, немыслимая роскошь по нынешним временам, в орнаментах столько лишнего кирпича, хватит еще на целый дом. Но кирпич крошился и разрушался, как и все вокруг.

Отец пробирался через строки “Пост-Газетт”, солнце шпарило прямо в окно, мысли блуждали, Ли решила отменить собеседования с сиделками, назначенные на сегодня. А может, Поу просто все выдумал, и даже понятно зачем. Как легко было бы в это поверить. Но нет, Поу сказал абсолютную правду. Непонятно почему, но она уверена – Поу не солгал.

На первой полосе “Вэлли Индепендент” – фотография Поу и заголовок “ЗВЕЗДА ФУТБОЛА ОБВИНЯЕТСЯ В УБИЙСТВЕ”. Она спрятала газету, пока отец не увидел. Но толку-то. Вчера вечером приезжал шериф, разыскивал Айзека. Худой, лысеющий, симпатичный мужик, по всему видно, не дурак. Он ей сразу понравился, она хотела бы знать, что он думает об этой истории, но шериф пожелал беседовать только с отцом. Не слишком вежливо, но вот так. Зато она уловила главное: Поу обвиняют в убийстве того человека в мастерской, Айзек же потенциальный свидетель, но, выходит, не подозреваемый.

Отец с утра неважно выглядит. Начал сползать с кресла. И вообще он сильно сдал с тех пор, как она здесь. Это сколько уже? С субботы до сегодняшнего дня, до четверга. Шесть дней. По ощущениям гораздо дольше. Последние два дня отец не бреется, не причесывается, седые волосы в беспорядке, плечи присыпаны перхотью. Вид запойного алкоголика – нос и щеки в багровых точках, – а он и не прикасается к спиртному. Поблекшие глаза слезятся. Его время на исходе.

Они обедали в столовой, среди старой ореховой мебели; антикварная горка и комод, обои вокруг окон в пятнах сырости. Просторная комната с блестящей люстрой под высоким потолком. Ли вдруг подумала, что отец, должно быть, купил этот дом только из-за матери, хотел произвести на нее впечатление. Теперь уже не узнать.

О визите полицейского они не говорили. Было что-то невероятное в

этом их обоюдном стремлении избежать конфликта. Но проблему все равно придется обсудить. Ли встала с намерением помыть посуду.

– Ты все? – спросила у отца.

– Уже пару лет как.

Улыбку она, конечно, выдавила, но не смогла заставить себя рассмеяться. Унесла в кухню тарелки, пустила горячую воду, ждала, пока не повалил пар, натянула резиновые перчатки и занялась посудой. Потом протерла плиту и столы, без всякой необходимости: утром она все уже вымыла. В Нью-Хэйвене у них, разумеется, была посудомоечная машина, а раз в неделю приходила уборщица, Ли пыталась возражать, но Саймон посмотрел на нее как на умалишенную. У нормальных людей есть прислуга.

Захлестнуло чувство одиночества, это место вовсе не ее дом, и вообще нет у нее дома, она стояла, опустив руки под струю горячей воды, а потом подумала: нечего торчать тут и жалеть себя. Ты должна пойти и поговорить с ним.

Но вместо этого поискала, что бы еще помыть. Можно прибраться на террасе, например. Час дня, олень пришел попасть на лужайке среди яблонь. Терраса пыльная и грязная, и вдобавок на кушетке, где они спали с Поу, заметное пятно. Ли подмела. Прекрасный солнечный день, и этот олень, и яблони, и холмы вдалеке, но и все, большего здешние края не могут предложить. Невозможно понять, зачем мама сюда переехала. Невозможно понять, зачем мама вышла замуж за Генри Инглиша.

Сама она, разумеется, тоже порой соглашалась на компромиссы, но это не идет ни в какое сравнение с поступками матери. Ли вышла замуж за богатого, и довольно рано. Такие рассуждения – как удар под дых. Она же не мечтала поступить в юридическую школу, ее склонности, может, лежали в другой плоскости, она бы предпочла художественный колледж или сравнительное литературоведение, но никогда не позволяла себе богемных тусовок, это вообще не обсуждалось, учитывая семейную ситуацию. С равным успехом можно было вступить в Корпус мира и посмотреть, чем дело кончится, отдаться на волю ветра, а не придерживаться строго намеченной траектории. Как Сиддхартха – камень, упавший в воду. Через несколько лет она получит степень в области страхования – и даже если у Саймона дела не заладятся, отец и Айзек не останутся без поддержки. У нее был отличный план и отличный запасной вариант. Не без изъянов, но засыпала она спокойно.

Так что то, как Ли устроила свою жизнь, никак не сравнить с историей ее матери. Та почему-то решила, что Генри Инглиш – лучший вариант.

Какая же ты сука, обозвала она себя, просто сволочь последняя. Но факт остается фактом. Все могло быть гораздо хуже. Тридцать один, не замужем, родственников в Америке нет. В какой-то забегаловке к ней подсел Генри Инглиш, солидный, предсказуемый, честный мужчина. Человек, который гордился ею, который никогда не оставил бы ее, который понимал, что не достоин ее. Потом все в Долине пошло прахом, он потерял работу, мир пошатнулся, а самое главное – двое детей. Пару лет просидел без работы, а потом еще три прожил в Индиане, посылая семье деньги, пока не произошел несчастный случай.

А дальше ты поступила в колледж, и тут все переменялось. Настроение у нее скакало вверх-вниз – все выше вверх и все глубже вниз. Воскресное утро после выпускного, все отправились в церковь, а днем она исчезла. Два месяца спустя ты уехала в Нью-Хэйвен.

Она знала, что еще до отца мать была обручена с другим человеком, студентом музыкального факультета университета, но тот в последнюю минуту расторг помолвку. А задолго до этих событий мать порвала со своей семьей в Мексике, она была из богатых, но слишком горда, чтобы возвращаться ради денег, и к моменту своей смерти не общалась с родственниками уже четверть века. Ли иногда размышляла о мексиканской части своей семьи, но чисто теоретически. Встреча с ними не раскрыла бы никаких тайн, которые ей хотелось знать. Вероятнее всего, просто повергла бы в уныние.

Теперь уже не разберешься. Мать, должно быть, впала в отчаяние, или страдала от одиночества, или казалось, что ее время уходит, если она вышла замуж за Генри Инглиша. Красавица с магистерским дипломом по музыкальной композиции. Но при этом ей тридцать один, живет в чужой стране, никого из родных, некому ее поддержать, и вот он – человек, который всегда будет рядом, у него хорошая работа, и он хочет заботиться о ней. Она понимала, насколько сложнее станет ее положение, если выйдет замуж за богатого. Или, возможно, Мэри Инглиш, урожденная Мария Салинас, придерживалась тех же взглядов, что и приятели-марксисты Ли из Йеля, – солидарность, благородный пролетариат, грядущая революция. И она действительно хотела выйти замуж за работягу – последний вызов собственной семье, окончательный разрыв. В Долине встречались такие персонажи, мистер Пейнтер, учитель истории из Бьюэлла, который написал Ли рекомендательное письмо, он рассказывал, что переехал в Долину, чтобы нести идеи социализма на заводы, десять лет проработал сталеваром, потерял работу и стал учителем. Выпускник Корнелла и сталевар. *Нас было много*, говорил он. *Красные вкалывали рядом со*

старыми добрыми работягами. Но никакой революции не произошло, даже близко ничего подобного, сто пятьдесят тысяч безработных, и все провернули по-тихому. Хотя очевидно, что есть конкретные живые люди, которые ответственны за решение лишить работы всю Долину, у них роскошные шале в Эспене, где они проводят каникулы, они отправляют своих детей учиться в Йель, и по мере того как заводы закрывались один за другим, их портфели с ценными бумагами становились все толще. Но, за исключением нескольких священников, которые, помните, пробрались на какую-то аристократическую церемонию и закидали “вонючими гранатами” богатенького пастора, никто и рта не раскрыл, пальцем не шевельнул в знак протеста. В этом было что-то очень американское – проклинать самого себя за несложившуюся жизнь, отказываться признать, что на твою судьбу влияют социальные силы; национальная черта – глобальные проблемы сводить к ошибкам поведения индивидуума. Отвратительная оборотная сторона Американской Мечты. Французы бы всю страну разнесли вдребезги, но остановили закрытие заводов. Разумеется, не следует произносить такие слова вслух, особенно при отце.

Терраса чисто выметена. Нет повода и дальше откладывать. Ли вернулась в дом через кухню, прошла в столовую, где все еще сидел отец.

– Пап?

– Я здесь. – Он неохотно повернулся к ней. Знал, что будет дальше.

– О чем с тобой говорил шериф?

– О приятеле Айзека, Билли. Его взяли за убийство кого-то там.

Отец вновь занялся газетой, но Ли видела, что ему неловко. Интересно, многое ли ему известно. В комнате как-то вдруг стало теплее.

– Я не думаю, что он это сделал.

– Ну, полагаю, это вполне возможно, но особенно размышлять тут не о чем. В суде разберутся.

– Мне кое-что удалось выяснить, и я абсолютно уверена, что он этого не совершал.

– Может, ты просто относишься к нему необъективно.

Пауза. Ли почувствовала, как покраснела. Отец явно хотел бы прекратить разговор, да и она сама тоже, пожалуй, но все же заставила себя продолжить:

– Он рассказал мне, что того парня убил Айзек.

– Ли, – отец и глазом не моргнул, – в прошлом году Билли Поу едва не прикончил кого-то, колотил парня по голове бейсбольной битой, и его не посадили только по одной-единственной причине, только потому, что Бад Харрис, тот полицейский, что приходил вчера, дружит с матерью Билли. Э-

э, *дружит* в определенном смысле, ну ты понимаешь. А теперь всем им придется разгрести это дерьмо, после того как парень натворил новых дел.

– Все это я знаю, – возразила она. Но на самом деле не знала – она слышала эту историю в ином варианте.

– Да я не наезжаю на тебя, пойми. Бад Харрис думает, что Айзек там был, да, но лучше ему держаться подальше от этого дела. Он считает, что Айзека следует привлекать только в самом крайнем случае, если без него никак, и меня это вполне устраивает.

– Если будет суд, без Айзека не обойдутся, уж поверь.

– Это я понимаю. И всю ночь прикидывал, кого из адвокатов знаю в наших краях.

– То есть тебе безразлично, что Айзек оказался свидетелем такого кошмара?

– Мне очень жаль. Что еще ты хочешь?

– Я не это имела в виду. – Хотя, может, именно это. Она подошла к отцу, тот потянулся к ней, нежно сжал руку. – Я поговорила с Саймоном. Он сказал, мы можем распорядиться его чековой книжкой.

– Справимся своими силами. – Отец еще раз сжал ее руку. – Но это приятно слышать. Достойный поступок.

Ли почти остолбенела от абсурдности происходящего. Оба только что признались, что скрывали друг от друга информацию о том, что шериф считает Айзека свидетелем убийства, что Поу считает Айзека соучастником как минимум, но при этом они продолжают вести себя будто ничего особенного не случилось.

– Что еще мы можем сделать?

– Ну, ты вроде бы уже все устроила, – пожал он плечами. – В любом случае, думаю, лучше не доверять тому, что наплел тебе Билли Поу. – Он на миг оторвался от газеты. – Не говоря уже о том, что ты теперь замужем.

Она почувствовала, как лицо вспыхнуло еще ярче, отвернулась, понимая, что, если раскроет рот, тут же разревется. Генри пошуршал газетой, смущенно откашлялся и сделал вид, будто его что-то заинтересовало в статье.

– Твоя подружка Хиллари Клинтон все выступает с речами.

Ли кивнула. Хорошо, пускай сменит тему. Отвернулась к окну, но тут он опять взял ее за руку:

– Ты хорошая дочь.

– Не уверена.

– Напрасно. Ты хорошая дочь, и я чертовски горжусь тобой.

Она кивнула, кашлянула и улыбнулась ему, а он ласково улыбнулся в

ответ.

– Мне надо бы подышать свежим воздухом.

– Отлично.

На улице она уселась у кирпичной стены, окружавшей луг, или поле, или как оно там называется, дальше ущелье, пустые леса и холмы и высокий горный хребет на горизонте. Старик знал про нее и Поу, что ж, ничего удивительного. И простил ее – а вот это уже невероятно, да. А вдруг мать сумела разглядеть в нем именно такие черты.

Любопытно, что он думает о Саймоне и ее новой жизни и о том, что она ни разу не приезжала домой. Он, оказывается, совсем не такой простак, только прикидывался, потому что так удобно. Он хотел мира с ней любой ценой. Но насчет Поу ошибался. Ли вспомнила про давнюю аварию по вине Саймона и чувство, которое грызло ее тогда, – а что, если бы его не заблокировало в машине? Если бы он мог сбежать, бросить ту девушку на дороге?

И Саймон, и все остальные, такие милые с виду, всегда знают, что сказать, но внутри-то все иначе, они не станут жертвовать собой – они накрепко выучили, что им есть что терять. Так, хватит обвинений, оборвала она себя. Но вот Джон Болтон, которого взяли на Манхэттене с кокаином, – обвинения сняты, – а потом ты узнала, что с Болтоном был еще один человек, но никто не поинтересовался его судьбой. А Поу пойдет в тюрьму за преступление, которого не совершал. Из-за твоего брата.

Где-то сейчас Айзек? В Калифорнии, сказал Поу. Да какая разница. Она могла бы нанять частного сыщика, брат наверняка оставил след, билеты на самолет, на автобус – отец сказал, он забрал четыре тысячи долларов – вполне достаточно, чтоб оплатить поездку, и еще останется куча денег на обустройство, Айзек запросто проживет на макаронах с сыром. Как же вышло, что он впал в такое отчаяние? Как решился на безрассудство? Впрочем, это как раз легко понять. Ты просто предпочитала не задумываться. С самого начала было ясно, что ему нелегко придется в жизни, он не умел ладить с людьми. Не умел вести пустые разговоры, считал, что должен всегда говорить что думает и другие должны поступать так же. Его слова и поступки никогда не имели ничего общего с “что обо мне подумают люди?”. Именно потому она всегда восхищалась им как никем на свете, но и переживала за него.

Наверное, все люди с такими мозгами, как у Айзека, похожи друг на друга. Ли всегда знала, что он мог бы добиться гораздо большего, чем она, – он всерьез интересовался только по-настоящему большими проблемами, гораздо большими, чем его собственная жизнь. Идеи, истины,

причины всего. Словно он сам и его существование были лишь побочным эффектом. Ее друзья в Йеле мгновенно признали в нем своего – именно такой тип личности привычен в академическом мире. Но не здесь.

А теперь он убил человека. Ли стиснула голову ладонями. Она точно знала, что Айзек виновен. Он обязательно вернулся бы в ту чертову мастерскую, чтобы спасти друга, ни секунды не колебался бы. Он меньше всего подходил для подобной роли, но это его не остановило; он сделал то, что должен был, особенно если те парни были гораздо здоровее Поу. Айзек страшно рисковал, он, конечно, боялся, но все равно вернулся. Это правильный поступок, и он его совершил.

А ты? Ли сразу обмякла, опустилась в высокую траву, пускай солнце и ветер, пускай тело ее обратится в прах и канет в землю. Я ведь не должна терзаться чувством вины. Я должна гордиться собой. Сама мысль омерзительна; всегда подозревала, что она иная, собиралась пережить всех. Хотела быть одиночкой, как мать. Мать, которая попыталась переломить себя, и это ее убило. Ли еще раз прикинула вероятность того, что ей не в чем себя упрекнуть. С папой – несчастный случай, мама умерла, а теперь эта идиотская история, никакой логики, осталось одно самое важное доказательство: ты единственная, кто уцелел.

Придется найти его. Нельзя больше ждать. Нанять адвоката, частного сыщика, проблема не решится сама собой.

Она встала, отряхнула траву, еще раз окинула взглядом деревья, поля, овраг, где они с Айзеком играли, лежали на теплых камнях, уставившись в узкую полоску неба над головами. Айзек наблюдал за птицами, он любил птиц, особенно хищных, ему нравилось знать, как они называются, а ей вполне хватало просто наблюдения. Все счастливые воспоминания из детства связаны с Айзеком, остальное время она просто ждала, когда повзрослеет.

Юрист и сыщик. Придется посвятить Саймона в подробности, и его родителей тоже. Тем легче будет представить всем Айзека – 1560 баллов на экзамене, это они поймут. Но к такому способу прибегать не хотелось. Они должны помочь Айзеку просто потому, что он ее брат. Вот и посмотрим, захотят или нет. Ну и отлично, зато все выяснится окончательно. У тебя есть собственные кредитки, с помощью или без таковой ты все равно сумеешь решить проблему. Начнем со звонка Саймону и попросим его подыскать адвоката. Он будет рад, что может принести пользу.

8. Харрис

После работы он прибрался у себя в хижине, наскоро принял душ и позвал пса в дом. Фур медленно и неохотно вернулся под крышу, понимая, чем это грозит, и повалился у ног Харриса. – Прости, дружище. – Харрис ласково потрепал пса. – Дела зовут.

Можно было бы оставить собаку бегать на воле, но койоты в последнее время стали уж очень здоровы, за двадцать лет они выросли едва не вдвое, и много их развелось в округе. Соседи устраивали облавы, винтовка Харриса была на четыреста ярдов, но он никогда не стрелял в койотов. Благородные звери потому что. У них есть характер – заставляют других животных считаться с собой. Пумы, волки, они все такие. Гордых зверей нельзя убивать без самых серьезных причин.

– Такая судьба, дурья ты башка. Сиди дома – или будешь сам себя кормить.

Конечно, он ни за что не допустил бы этого. Скорее, наоборот. Ладно. Он ласково оттащил Фура подальше от входа, погладил на прощанье и запер дверь.

Уже через десять минут Харрис ехал по шоссе в сторону дома Грейс, сам не понимая зачем. Одевшись, он посмотрел на себя в зеркало и подумал: *раздеться в следующий раз ты будешь с ней*, но сейчас уже не был в этом уверен. Забавное совпадение, она позвонила ровно в тот момент, когда ее сына взяли за задницу. Он мотнул головой: хватит. Он многое знал о человеческих слабостях и заранее простил их тем, кого любил. Грейс он простил. Ее сын влипал в истории с тех пор, как подрос. Харрис сделал все, что мог. Он переговорил с Гленом Патаки и Сесилом Смоллом о досудебном соглашении. Уломал Сесила Смолла на максимально мягкое наказание, а потом Билли вышел на свободу и убил человека.

Это просто защитный рефлекс, она надеялась, что он совершит чудо, но слишком поздно, колеса завертелись, и Билли арестовали. Харрис чувствовал, что закипает, едва не ударил по тормозам, уже начал поворачивать руль, ну и хорошенькую жизнь он себе устроил, так старательно развивал самообладание, и вот на тебе. Однако взял себя в руки и заставил спокойно ехать дальше, гнев быстро улетучился. Почти все в жизни вот так, растворяется почти мгновенно. “Что за хрень”, – громко сообщил он рулю. Тоска какая.

Есть еще Верджил, кстати. Гнев накатил вновь, гнев и боль, но ни

намека на угрызения совести, как будто так и надо. Верджил Поу не смог удержаться на работе, гнусный, тупой, прирожденный лжец. Правда, Грейс цепляется за него добрых двадцать лет. Дважды Харрис помогал егерям задерживать папашу Верджила, в их семейке все браконьеры. И еще эта история с ворованной медью. Все всё понимали про Верджила. Все, кроме Грейс. И чьего сына ты покрываешь? Да, подумал он, тут он тебя победил. Вот почему ты не засадил его, а? Один раз ты внес его в компьютер, два действующих ордера на арест, всего-то и надо было – снять трубку телефона. Но не такой человек Бад Харрис.

Вот и город, старый полицейский участок, новый. Он своими глазами наблюдал Закат, закрытие заводов и последовавшее за ним Великое Переселение. Переселение никуда – тысячи людей отправились в Техас, а то и десятки тысяч, в надежде получить место на нефтеразработках, но подходящей работы там было не так уж много. Так что в конечном счете их положение оказалось еще хуже – нищие и безработные, вдобавок рядом ни одной родной души. Остальные просто исчезли. Бесследно. Он видел парней, которые соглашались на четыре пятнадцать в час вместо прежних тридцати, здоровенный сталевар с каменным выражением лица укладывал в пакет его покупки в супермаркете, но не все могли смириться с таким унижением. Он ведь переехал сюда в поисках спокойной жизни, хотел быть копом в маленьком тихом городке, а не колотить дубинкой по головам в Филадельфии, но после краха производства его служба быстро изменилась – вновь настало время дубинок. От природы у него, наверное, не было таких способностей, но он выучился, целую науку разработал, теперь умеет читать по лицам. Не надо было отпускать Верджила, это ошибка. Но он поступил так из гордости.

На этот раз с Грейс все иначе, он не мог сказать почему, но чувствовал, что ее тупой пентюх больше не возникнет на горизонте. Третий лишний отвалил. Ага, третий лишний – это ты. Не поймешь. Есть люди, которым суждено помереть в одиночестве, может, ты как раз из таких. Ты немножко забегаешь вперед, дружок.

Он свернул на грунтовку к трейлеру Грейс. Еще есть время повернуть назад – ночь будет ясной и холодной, у него полная коробка сигар, бутылка отличного скотча, пес будет счастлив, если хозяин вернется. Шезлонги разложены, можно посидеть вечером на свежем воздухе, на Рождество он выпендрился и сменил свой старый спальник на дорожную модель, которую выпускает фирма в Колорадо, всю зиму торчал вечерами на террасе, любовался горами, и пофиг, холодно на улице или нет, даже после снежной бури, на десятки миль вокруг мир застыл, и абсолютная тишина,

только лед потрескивает на морозе, а в спальнике тепло. И такое чувство, будто ты единственный человек на белом свете. В один из таких дней он подумал, что надо бы купить телескоп. Ну может, на следующее Рождество.

Дорога заканчивалась глинистым обрывом над рекой прямо у трейлера Грейс. Она ждала его на крыльце, он вручил бутылку вина, тихонько поцеловал в губы, она подкрасилась, от нее нежно пахло духами.

Проходя за ней следом в дом, он словно смотрел на себя со стороны, откуда-то сверху, будто одна часть его личности вышла из тела, соревнуясь с другой; он решил понаблюдать, которая одержит верх – Душевный Покой или похотливый старый коп. В доме вкусно пахло едой – свежеприготовленная рыба, жареный чеснок, хлеб. Но вместо кулинарных комментариев он произнес:

– Я не знаю ничего нового о Билли.

И зачем сказал? Самосохранение. Душевный Покой.

– Я думала, мы договорились не обсуждать эту тему, – нахмурилась Грейс.

– Знаешь, я уверен, у тебя это из головы не идет.

– Да, но. – Она виновато улыбнулась. – Бокал вина?

Он смотрел, как она двигается, как отрезает ломоть итальянского хлеба, который заботливо подогрела, мажет маслом. Хлеб хрустящий снаружи, внутри мягкий, и Харрис жует его и чувствует, как постепенно успокаивается, и он счастлив. А потом опять включился Душевный Покой:

– Вчера вечером я заглянул к Айзеку Инглишу – на тот случай, если прокурор узнает, что они были вместе с Билли. Но парень уехал.

Грейс недоуменно пожала плечами. Не знала, что сказать на это, и определенно хотела бы прекратить разговор.

– Он ушел утром в воскресенье, и с тех пор родные ничего о нем не слышали.

– Бад, – взмолилась она, – ну пожалуйста.

– Ладно, прости.

– Съешь еще хлеба.

Он взял еще кусок и тут же раскаялся, что затевает эти дурацкие психологические игры, это для тебя игра, а не для нее. Другая часть его тут же подсказала: нет, она тоже играет, просто ты не замечаешь. Харрис уставился на ее задницу, когда Грейс отвернулась за штопором, отличные формы, она чуть прибавила в весе, но прекрасно выглядит, кожа у нее нежная, в милых веснушках, пепельная блондинка, и вообще кажется моложе своих лет.

– Не могу найти чем открыть, – сказала она. – Может, выпьешь бурбон?
Он кивнул, сел за низенький столик, а она плеснула им в стаканы виски. Все, конец. Даже Тихую Гавань можно торпедировать.

– Давай по глоточку, – улыбнулся он.

– Ты что, слабак, Бад Харрис? – И она одним махом прикончила свою порцию.

– Смотри-ка, еще ни в одном глазу, а уже такая бойкая.

– Да, она такая. – Но Грейс уже притихла, печально глядя на пустой стакан, и Харрис понял, что все испортил. Шесть минут. Почти норма.

– Кто он? – спросила она.

– Ты о ком?

– Тот, из-за кого арестовали Билли.

Ей не станет легче, если рассказать. Может, лучше промолчать, узнает позже. Но потом решил: нет, уж лучше сейчас. Поедешь домой, разожжешь камин, свернешься у огня рядом с собакой.

– Да никто в общем-то, безработный автомеханик. То в тюрьме, то на воле. В Браунсвилле зарегистрирован по двум адресам.

Она закрыла лицо ладонями.

– Господи, Бад. Не понимаю почему, но мне это важно знать.

– Прости.

– Я выпью еще, – сказала она. – Наливай, щедрее.

Он молча отодвинул бутылку подальше.

– Они порезали ему горло, Бад. Его пытались убить, он защищался.

– Он молчит, Грейс, в этом вся проблема.

– Это сделал Айзек Инглиш. Только поэтому Билли не скажет ни слова.

– Билли ни разу в жизни не отказался от драки, а в малыше Инглише всего сто десять фунтов. Тот, который погиб, ростом шесть футов восемь дюймов.

– Так все они рассуждают, да?

– Люди встревожены тем, во что превращается город. Они боятся, что у нас будет так же жутко, как в Доноре или Републике... – Он оборвал сам себя. – Пока он не встретился с адвокатом, мы просто гадаем на кофейной гуще. Вот заговорит, тогда и начнем переживать.

Они замолчали. Харрис слышал, как тикает таймер в духовке, не сгорела бы рыба, и будут ли они вообще ужинать или как. Грейс уставилась на пластиковый столик, будто Харриса вовсе здесь не было.

– Нет смысла волноваться, потому что его уже фактически нет. И бесполезно даже переживать, да? Ты это пытаешься мне сказать.

– Нет, – возразил он. – Вовсе нет, я совершенно не об этом.

Она заплакала, и он попробовал обнять ее, но она не реагировала, просто сидела и плакала. Харрис долго смотрел на нее, сидя по другую сторону стола и не зная, куда деть руки, такое чувство, что надвигается нечто, а потом в ушах зазвенело и накатила дурнота. Он понимал, что надо бы встать и выйти на воздух. Вместо этого потянулся к Грейс, взял ее лицо в свои ладони.

– Прости, – прошептала она. – Не могу с собой справиться.

– Ничего, так бывает поначалу.

– Это прикончит меня.

– У тебя нет пока оснований так убиваться, он даже не встретился с адвокатом.

– Пожалуйста, не надо.

– Я не просто пытаюсь тебя обнадежить.

– Для нас уже поздно, это так.

Он поцеловал ее, и она отстранилась на миг:

– Не нужно делать это, только чтобы меня успокоить.

– Я и не собирался.

Она позволила поцеловать себя еще раз.

– Потерпи пару дней. Появится адвокат – и все изменится.

– Хорошо.

Она протянула ему руку, а потом подошла, села к нему на колени, обняла, нежно поцеловала в шею. Он не шелохнулся, просто сидел и наслаждался ощущением. Она целовала его. Он гладил ее по волосам. Чувствовал, как часто бьется ее сердце, или это его сердце, странное покалывающее ощущение, сначала в горле, потом охватило все тело.

– Мне нужно припудрить носик, – шепнула она.

Она ушла в ванную, а он так и не двинулся с места. Она вернулась, опять устроилась у него на коленях, ухватила его за петли на ремне, как детишки хватают отца, прижалась тесно к груди, а он нежно поцеловал ее в макушку, и так они долго сидели, обнявшись. Когда она наконец подняла голову, лицо ее прояснилось.

– Прости, я пообещала себе, что не буду вспоминать об этой истории, пока ты здесь. – Улыбнулась и игриво поерзала. – Черт, веду себя как подросток. Сначала изнываю от желания, потом рыдаю, потом опять пристаю.

– Думаю, сначала ты должна меня как следует покормить. Чтобы я не чувствовал себя распутным бабником. – И добавил: – Шутка.

– Ха-ха.

– Ха.

Он выпрямился, отстегнул кобуру с пистолетом, потом встал и положил оружие на холодильник.

– Зачем ты это принес?

– Ты же знаешь, я живу один.

– Раньше ты оставлял оружие в машине.

– Времена изменились, – пожал он плечами. – А что у нас на ужин?

– Форель.

– Прямо из реки?

– Может, я и живу в трейлере, конечно, но.

– Я не это имел в виду.

– Сядь уже.

– Я займусь вином.

Повозившись с минуту, он вытащил пробку ножом.

Решил заодно открыть и вторую бутылку.

Они поужинали, рыба удалась, нежная, с хрустящей солоноватой кожицей, и еще Грейс сделала к ней сладкий сливочный соус, что-то французское. Он собрал весь соус хлебом и от рыбины оставил только кости. Хотел было съесть и щечки, как учил Хо, но подумал, что это будет чересчур.

– В жизни не ел рыбы вкуснее.

– Интернет, – улыбнулась Грейс. – Дар Господень людям, если честно.

Когда они уже вымакали весь соус и прикончили вторую бутылку вина, она сказала:

– Могу я задать еще один вопрос?

Он кивнул.

– Кто этот общественный защитник, о котором ты толкуешь?

– Она отличный специалист, и думаю, смогу уговорить взяться за это дело именно ее вместо наших записных идиотов. Возможно, в будущем ее ждет неплохая карьера где-нибудь еще, но сейчас она тратит время на исполнение, так сказать, общественного долга. Надеюсь, ее пример пристыдит наших бездельников и они активнее зашевелят своими задницами.

– Женщина, значит.

Харрис кивнул.

– Меня устраивает.

Они вновь умолкли и долго смотрели друг на друга.

– Прости, что опять заговорила про это.

– Ты его мать. И мы можем говорить об этом столько, сколько пожелаешь.

– Откроем третью бутылку?

– Я бы не стал, – засомневался он. Но все же открыл.

* * *

Они сидели на кровати и целовались, ласкали друг друга, и тело казалось ему совсем легким, только между бедер чувствовал тяжесть. И никаких проблем с этим делом. Не то чтобы удивительно. Все же удивительно. Он иногда и с таблетками не был уверен в успехе. Надо будет выкинуть таблетки, подумал он и усмехнулся.

– Тебе хорошо?

Он кивнул.

– Мне тоже.

Она опустила на колени, он гладил ее волосы и думал: гляди-ка, старик, а жизнь не так уж отвратительна. Потом он перекатился и лег на нее сверху, они быстро кончили вместе, все еще помнили ритм и привычки друг друга. Она не молчала – бывает, мысленно издаешь какие-то звуки и мог бы придержать их для себя, но она делилась, давала тебе понять, как хорошо ты ей делаешь.

Час спустя они расслабленно валялись на смятых одеялах, она рассеянно водила пальцами по его спине. Встала налить вина, а потом они сидели рядом, привалившись к изголовью кровати, и он разглядывал себя, похудел, поседел, но мышцы на груди и животе все еще рельефны, несколько лет назад начал было расти пивной живот, но он быстро от него избавился. К чему бы, спросите. А вот теперь понятно к чему.

– У тебя были другие? – спросила она.

– Конечно. – Но на самом деле нет.

* * *

Ночью он проснулся, она смотрела на него. Ласково погладила по голове:

– Ш-ш-ш.

Он распахнул глаза.

– Мне нравится на тебя смотреть.

– Мне тоже нравится на тебя смотреть.

Она стянула одеяло. Красивые плечи, изящные линии ключиц, плавные изгибы и нежность. Она очень красивая женщина, даже дотронуться страшно. Счастье, ощущение полноты, удивительно; кажется, никогда прежде он не переживал ничего похожего. Нет, дело не в этом, просто такое невозможно удержать и сохранить, это можно ощутить лишь на миг.

Он не знал, сколько прошло времени, как долго он смотрел на нее, касался кончиками пальцев. Ее кожа стала теплее на ощупь. Она чуть развела ноги в стороны. Его палец там, и она открывается навстречу и смотрит на него.

– Я думал, сначала должно быть вино.

Она улыбается:

– То есть ты признаешься, что напоил меня специально?

– Отчасти.

– В следующий раз я обойдусь тебе дешевле.

Они легли лицом друг к другу, она обвила его ногой, и они медленно двигались, глядя друг другу в глаза. Это так правильно, что они говорят о сексе, так еще лучше, все гораздо лучше, и так хорошо его стареющему телу. Он почти утратил связь с реальностью. Не осознавал, что лежит на кровати, они могли быть сейчас где угодно, и прежний мир стремительно уносится прочь, тает, да и был ли он? Я чувствую ее, прикасаюсь к ней, а потом мысли превратились во что-то иное и утратили всякий смысл.

9. Айзек

Во сне он сидел с матерью и сестрой на заднем дворе, любовался холмами. Они ждали отца – тот возвращался на Пасху домой из Индианы. Что-то не так было в этом сне. Они с сестрой слишком взрослые, старшеклассники, к тому времени отец уже покалечился. Мать с сестрой сидели на диване-качелях, болтали ногами, смеялись чему-то, а сам Айзек копался в саду. *Айзек, держись подальше от роз*, предупредила мать. Но сестра тут же вступилась за него. Потом они уже в кухне, мать убирает еду в холодильник, потому что отец все еще не вернулся, Айзек проголодался, и вообще все погрузнели, но Ли бодрится. Она подшучивает над его одеждой, игриво вытаскивает рубашку из-под ремня. *Очень смешно*, бурчит он.

Что-то не так. Просыпайся. Где я? На той же лужайке.

Утро. Что это он делает? Барон склонился над ним. И вытаскивает руку из кармана штанов Айзека, очень осторожно вытаскивает, а в руке у него конверт с деньгами Айзека.

Нож у Айзека в руке, он так и спал с ним всю ночь, рука крепче сжала рукоятку, готовясь ударить. *Нет*, остановил он себя, *нельзя*. Отпустил нож и обеими руками схватил Барона за куртку, пытаюсь повалить. Но тот с легкостью вывернулся, и вот уже вскочил и убегает прочь.

Айзек буквально взлетел и помчался вдогонку. Надо же, как

стремительно Барон перебирает ногами, белый конверт трепетал в его руке, Айзек бежал изо всех сил, деревья по сторонам слились в сплошное пятно. Он перебросил нож из левой руки в правую. Ты должен догнать его. Роща кончилась, они бежали по парковке трейлеров, открытое пространство, потом дорога, четыре полосы в обоих направлениях.

Барон свернул на обочину, не снижая скорости, испуганные лица из машин. Примерно через квартал Айзек начал нагонять. Что делать, когда поймаю? *Ударь ножом.* Он сильнее, тебе придется использовать оружие. Я не смогу. Тогда все равно догони его. Он устанет, у тебя будет шанс. До Барона оставалось всего несколько шагов. Кажется, все вокруг смотрят только на них, они пронеслись мимо нескольких десятков машин. В глазах мелькают темные пятна, легкие горят, но это неважно. Он в жизни не бегал с такой скоростью. И мог бы бежать сколько потребуется. Слева высокий проволочный забор, справа дорога. Когда собьешь его с ног, брось нож. Не то сам порежешься. Навстречу проехал белый автомобиль, краем глаза Айзек заметил синий мелькающий фонарь на крыше, автомобиль развернулся, а он уже почти коснулся Барона, но тут взвыла сирена и замелькали огни. Нет, подумал Айзек, он видел, как конверт мелькает вверх-вниз в руке Барона, ты почти догнал, а потом копы ринулись сразу через три полосы и через бордюр футах в тридцати впереди, полицейский выскочил из машины, спрятался за дверцей, Айзек не видел его рук, но знал: тот вытаскивает пистолет.

Стой стой стой услышал он, нож, успел подумать, избавься от ножа, слева забор, и, не успев толком сообразить, он подпрыгнул, зацепился, перекатился грудью на другую сторону ограды, разодрал куртку и приземлился на четвереньки. *Оставаться на месте оставаться на месте* орал коп, нож улетел куда-то в грязь. Все как в замедленной съемке, он хотел встать, но коп тут же навел на него ствол, он видел, что ты выбросил нож? Вставай. Встать встать встать. Он мог пристрелить меня. Нет вставай. Так, напряги ноги. И вот Айзек вновь бежит. Никто не стреляет, если начнет стрелять, ты почувствуешь раньше, чем услышишь, вообще ничего не почувствуешь, он коротко оглянулся, коп, высокий чернокожий, что-то говорил в рацию у плеча, Барон, должно быть, остановился, потому что коп целился теперь в другую сторону, не в Айзека.

Перед глазами все плыло, но он заставлял себя бежать, через парковку между офисными зданиями, через какие-то кусты и обратно в ту сторону, откуда пришел.

10. Поу

С утра Поу несколько часов торчал в камере, дожидаясь, кто сопроводит его во двор. Сокамерник так и не появился. Заглядывал надзиратель сообщить, что завтра придет адвокат, но Поу не хотел думать об адвокате. Наконец у решетки появился Кловис и забарабанил по прутьям. – А Дуэйн, что, занят? – поинтересовался Поу.

Кловис не стал отвечать, и Поу молча поплелся за ним вдоль прохода, вниз по лестнице, по коридору блока, клубилась пыль в солнечных лучах, прикрой глаза и представь, что ты в раздевалке, воняет грязными носками, сортиром и заплесневелым цементом, парни галдят, несут какую-то хрень. Он вышел за Кловисом в центральный коридор, а потом через металлодетектор во двор, свежий воздух, солнце, песок, голубое небо. Практически летний пляж. Можно вообразить, что караульные на вышках – это спасатели.

Кловис все молчал, остальные наблюдали, как Поу подошел к тренажерам, или улыбались, неприятно так улыбались, или отворачивались, чтобы не заговаривать с ним. Поу тут же занервничал, но отыскал свободное местечко у забора и сделал вид, что ничего особенного не замечает.

Подошел Черный Ларри.

– Юный Поу, – начал он. – Мы тут побазарили о твоём будущем.

Поу кивнул.

– Я тебе кое-что скажу. Есть мнение, что нам надо поразвлечься с твоими бумажками. Взглянуть на уведомление о подозрении. Удовлетвори наше любопытство, если не возражаешь.

– Да мало ли, чего вы хотите. Мне насрать, – пожал плечами Поу.

– На твоём месте я бы не стал так заноситься, – посоветовал Кловис. – Половина здешних парней не прочь навалить тебе.

– Ну а я точно знаю, что один-то точно не станет со мной связываться, по крайней мере пока его не выпустили из лазарета.

– Малыш вовсе не последнее дерьмо тут, и я, мать твою, гарантирую, что ровно в ту минуту, как мы перестанем за тобой приглядывать, твой долбаный труп найдут в мусорном баке. Ты здесь из нацменьшинств, если вдруг не заметил, каждый гребаный ниггер легко удавит тебя, без слова вообще.

– Кловис, – предупреждающе сказал Дуэйн.

– Юный Поу все понимает, – успокоил приятелей Черный Ларри. И

повернулся к Поу: – Позагорай пока, Юный Поу. Лучшая дезинфекция.

– Ладно.

– Ступай с ним, Дуэйн.

– Йоу, Дуэйн, – окликнул Кловис.

Дуэйн обернулся.

– И давай приведи всех остальных, чтобы могли взглянуть.

– Нет, бля, вопросов.

Они прошли через металлодетектор. Тот был выключен, но Дуэйн кивнул надзирателю и спокойно прошел.

– Волнуешься, дружок? Потому как, если ты крыса, схлопочешь от меня первого.

– Все нормально, – проворчал Поу. – От меня проблем не будет.

– Рад слышать, приятель. Тут на Черного Ларри наезжают, так что у него есть основания быть подозрительным. Меня вот тоже обвиняли.

– А Кловиса?

Дуэйн помолчал. Когда они отошли подальше от любопытных ушей, сказал:

– У Кловиса есть свои причины.

Взяв папку, Поу с Дуэйном вернулись во двор. Черный Ларри внимательно просмотрел документы, пустил их по рукам.

– Фрэнсис.

– Угу.

– Что такое? – удивился Кловис.

– Уильям Фрэнсис Поу, – сказал Черный Ларри. – Полное имя у него такое.

– Да ладно, хрень это, – сказал Кловис. – Обвинение есть обвинение, и все.

– Убийство первой степени, – заметил Дуэйн.

– На кого-нибудь другого свалить не удастся, а, Юный Поу?

– Нет, – поспешно ответил Поу. – Я один виновен.

– Ладно, все равно не так хуево.

– Пока хорош, – заключил Черный Ларри.

Он выудил откуда-то из-за спины банку с пруно, и они пустили ее по кругу. Вроде повеселели. Поу присел на лавку, все расслабились. Остаток дня прошел нормально, народ подваливал и отваливал. Поу тихонько сидел на солнышке, ему было хорошо, ветер обдувал лицо, на душе легко, а потом он вспомнил Ли, последний раз, когда он был навеселе. Может, позвонить ей? Не, совсем неудобно. Он уже звонил матери, а той не оказалось дома, надо составить расписание, а то к телефону не всегда

пускают. Адвокат придет завтра, адвокату от него нужно только одно.

Пока он размышлял, высоко в небе кружил ястреб, парил в воздушных потоках, будто на веревочке, Поу долго-долго смотрел на него.

– Просыпайся. – Это Дуэйн.

На площадке у тренажеров остались только Черный Ларри, Дуэйн и Кловис. Остальные разошлись.

– Я не сплю.

– Тебе надо глянуть кой на что, – сказал Черный Ларри.

Поу поднялся со скамейки, а Ларри, наоборот, уселся, взъерошил свой выбеленный гребень, выбрал гантель и принялся молодецки накачивать бицепс – вылитый серфер на пляже в Калифорнии, как их показывают по телику. Красавчик Черный Ларри, у него ко всем есть подход, в него даже присяжная втюрилась. Дуэйн и Кловис такие спокойные, тихие, будто только о футболе и беседуют, но тут Дуэйн едва заметно кивнул в сторону охранника, прохаживавшегося вдоль ограды в другом конце двора.

– Видишь вон ту мразь? Маленький щуплый мудака, который старается не смотреть в нашу сторону?

– Вон тот?

– Не показывай, мать твою! – Кловис шлепнул Поу по руке. – Господи, твою мать, Иисусе, он, конечно. Ну что за придурок.

– Кловис, – вмешался Черный Ларри, – давай-ка не отклоняться от темы, а? – Он рассеянно бросил гантель на песок.

Кловис продолжил:

– Тот парень завтра утром будет поджидать Черного Ларри в коридоре между душами и прачечной. Тихое местечко, люди там могут спокойно побазарить. На случай, если отсюда тебе плохо видно, он тощий мудака с козлиной бородкой, похож на обдолбанного наркомана.

Поу понял, о чем его сейчас попросят, и похолодел, волоски на руках и на шее поднялись дыбом. Он надеялся, что это незаметно.

– Зовут его Фишер, – тихо добавил Дуэйн. – Морда у него крысиная. Но на всякий случай имя написано на бейдже.

– Фишер, – рассеянно повторил Поу.

– Никого рядом не будет. Просто сделаешь свое дело, и все.

– Зачем?

– Дебильный вопрос, – фыркнул Кловис.

Черный Ларри примирительно вскинул руки:

– Разумный вопрос, Юный Поу. Отвечаю: мистер Фишер нам задолжал, мы заплатили, чтобы он достал нам кое-что, а он заявляет, что это кое-что конфисковали. Мистер Фишер в этих играх новичок, он считает, что его

положение позволяет ему набить нас.

– Но я просто дожидаюсь суда, – возразил Поу. – И не хочу связываться с долбаным надзирателем.

– Мистер Фишер вовсе не из тех праведников, которые работают здесь, только чтобы прокормить семью. Он наркодилер. И даже хуже. Он дилер, который ворует у своих партнеров. Это чтоб ты не чувствовал себя виноватым.

Поу покачал головой, покосился на забор, прикидывая, а что будет, если он вдруг подпрыгнет и начнет карабкаться вверх. Пристрелят, наверное. Это здесь хорошо поставлено.

– Юный Поу. – Черный Ларри подошел вплотную, взял Поу за подбородок и развернул лицом к себе, так мог бы сделать отец или тренер, к примеру. – Там, за оградой, есть люди, которым ты не нравишься, очень не нравишься. И уж если ты попал сюда, значит, здесь твой новый дом, и, вероятно, надолго. Соображаешь, о чем я толкую?

– Ну и чего. – Поу не знал, куда деть руки, они повисли плетью по бокам, а Черный Ларри меж тем продолжал держать его лицо. От него сладко пахло пруно, обгоревшей на солнце кожей, брови у него густые и светлые и на щеках проступила щетина. Глаза у Ларри голубые, и сам он славный парень, всем желает только добра, вот такое он производит впечатление.

– У тебя случились терки с нашими черными братишками, но сейчас они знают, что если тронут тебя хоть пальцем, то каждый из нас начнет полномасштабную войну. А нам что двадцать ниггеров, что двадцать жаб раздавить. Обычно новичкам положен долгий испытательный срок, но тебе открыли зеленую улицу. – Черный Ларри силился разглядеть что-то в лице Поу, но, похоже, безуспешно. Он внезапно опустил руку и шагнул назад, оставив растерянного Поу.

– От тебя немного просят-то, – сказал Кловис. – Твоего сокамерника закрыли в карцер на шесть месяцев за то, что сунул нож в спину надзирателю, ты, может, читал в газетах, трое охранников и двенадцать зэков попали тогда в больницу.

– Нет.

– Он не читает газет, – вздохнул Кловис.

Дуэйн назидательно поднял палец:

– Парень, ты, похоже, не въехал, тебе страшно повезло. Ты поимел их авторитета, прямо зашибись как, на глазах у всех, мать твою, и они рады почикать тебя, только чтобы подмазаться к боссу, ты вдобавок разворошил старые счета между нами и парнями из “ДС Блэкс”^[34]. Загрузил нас по

полной, и нам теперь эту хрень разгребать.

– Короче, я попал, я должен навалить охраннику. – Не увлекайся, – уточнил Черный Ларри. – Мы хотим, чтобы он остался жив и расплатился-таки с нами. – Он ухмыльнулся.

– Я все понял, – сказал Поу. – Мне просто нужно все обдумать.

Черный Ларри не поднимал глаз, а Кловис покачал головой:

– Я же вам сказал, парни, еще в самый первый гребаный раз, как только засек этого мудака, еще когда этот гондон только вошел в хуеву столовку.

– Твое место здесь, – тяжело уронил Черный Ларри, указывая на тренажерную скамейку. – Или там, – и ткнул пальцем в сторону двора, кучку людей в дальнем его конце. – Это братва, Юный Поу. Все просто.

Он кивнул Кловису, и оба неторопливо, перевалочку, направились в другой конец двора. Черный Ларри потянулся, зевнул. От группы чернокожих отделилось несколько человек, Ларри с Кловисом кивнули “ДС Блэкс”, тусовавшимся возле своих тренажеров, подошли к латиносам, отдыхавшим в тени; Поу видел, как вокруг них собираются парни, всячески выказывая уважение.

– О таких вещах не просят дважды, приятель. Знаешь, ты попал гораздо круче, чем думаешь.

Они с Дуэйном остались вдвоем. Поу смотрел, как чернокожие собираются у своей спортплощадки, человек двести, не меньше. Что он мог сказать на это. Да, он согласен, потом как-нибудь разберется с последствиями. Сейчас согласится, и у него будет еще несколько часов подумать. Нет, дружище. Ты согласишься, и ты сделаешь это.

– Ладно, – выдал он. – Я в деле.

Дуэйн молча ждал.

– Сделаю, что надо. Если надо подрезать того парня, тоже могу. Просто иногда я туго соображаю.

– Я такой же был, – вздохнул Дуэйн. – До меня тоже не сразу дошло, как оно на самом деле.

– Думаешь, Ларри не станет на меня наезжать за это?

– Да он нормальный мужик, – успокоил Дуэйн. – Не сомневайся. Мы тут все поначалу были, как ты. Особенно мудозвон Кловис. – Он отошел в сторонку к забору, поддел ногой какой-то пыльный комок.

Поу незаметно поднял – носок, набитый батарейками.

– Рассыпь по карманам, – посоветовал Дуэйн. – Когда рамка на входе завизжит, покажешь пару батареек – и от тебя отвяжутся.

Книга четыре

1. Айзек

Полицейский не преследовал его, Айзек услышал сирену второй, а потом и третьей машины и понял, что они схватили Барона. Быстро к каналу. Забрать рюкзак. Пара минут максимум – и Барон начнет объяснять, откуда у него такая куча наличных.

Айзек пробежал несколько жилых кварталов – ни души, раннее утро, даже солнце толком не встало. Так, канал за теми деревьями. Но где же чертова лужайка? Он нырнул в кусты, пытаясь сообразить, где же точно находится. Полицейские сирены все не унимались. Теперь уже не меньше четырех машин. Ну не станут же они выслеживать его по кустам.

Надо было сразу бить ножом, как только сел, а ты зачем-то ухватил его за одежду. Глупо рассуждать задним числом. Нет, это был момент выбора, не притворяйся. Вой сирены приближался, Айзек припал к земле и затаился, глядя, как полицейская машина едет по улице, через которую он только что бежал. Ближе, чем ты думал. Это их работа. Забудь про рюкзак.

Не хотелось шевелиться. Я отлично спрятался, могу пересидеть здесь, пока они не уедут. Нет, поднимайся. Перебирайся к тем деревьям, а потом сматывайся отсюда. Вставай. Вот так. Я справился. От деревьев до канала двадцать ярдов, а там через чахлую рожицу и подальше от этого места, подальше от дороги, где гнался за Бароном. Где же рюкзак? Где эта чертова поляна?

На другой стороне канала просторный газон, а впереди, на этом берегу, он наконец увидел, где кончаются деревья – поросшая травой площадка позади домов. Рюкзак остался где-то сзади. Теперь ты знаешь, где находишься. Сирены поблизости стихли, только где-то вдалеке еще завывают. Надо же, сколько машин. Штук шесть. Или семь. Человек с ножом – это ты. Надо сматываться, нет времени искать свое барахло.

Нахлынуло отчаяние. Так, надо спокойно подумать. Здесь меня никто не заметит. Рюкзак пропал – смирись. Смени внешность, они видели твою куртку и черную кепку. Отлично, уже яснее. Куртку и кепку он швырнул в канал – вместе с ножнами. Гораздо лучше – коричневый джемпер и синяя фланелевая рубашка. Рубаху заправить, а воротник выпустить поверх джемпера. Образцовый школьник. Господи, холод какой. Градусов двадцать пять ^[35]. Но лучше, чем угодить за решетку.

Он постоял в нерешительности, глядя на дома впереди, оглянулся на

мелькавшие где-то рядом с парком огни полицейских машин. Забудь про рюкзак, повторил он себе. Лучший вариант сценария – убраться отсюда подобру-поздорову без наручников. Голову выше. Не беги, иди спокойно.

Айзек вышел на открытое пространство, в пятидесяти ярдах от уютных коттеджей. Обычный парень. Решил прогуляться. Проветрить голову на утреннем воздухе. Надеюсь, никто не смотрит в окно. Боже правый, хуже места не мог выбрать – с одной стороны громадная парковка. Видимость на полмили. Не психуй. Молись, что здесь поздно встают. Он скажет, что ты гнался за ним с ножом, пытался убить. Кто тебе поверит? Не надо было ввязываться в это с самого начала.

Какой же ты идиот. Айзек чувствовал, что сейчас разрыдается. Мог же спокойно уйти, когда проснулся первый раз, и сейчас у тебя были бы и деньги, и дневники, и все остальное. Я очень устал, оправдывался он. Нет, ты просто болван. Уже второй прокол. Больше никаких ошибок.

Вдалеке какой-то павильон, две тетки бегут трусцой. Свидетели. Но Малыш справится и с этой проблемой. Он не ищет легких путей. Лица не видно, слишком далеко. На парковке замелькали синие огни – идут по твоему следу.

Он как раз рядом с большим складом, синие отблески на стене, он оглянулся – по парковке, в сотне ярдов позади, медленно едет полицейская машина, направляясь ровно к теткам-бегуньям. Тебя видно? Нет. Бежать? Иди спокойно.

Он нырнул за угол и продолжал идти вдоль канала, но теперь на другом берегу жилые дома, в одном из окон видно, как мужик пьет кофе на кухне, в одних трусах. Эти ранние пташки, чтоб их. Да ладно, он тебя и не заметил. Своих проблем полно.

Еще несколько сотен ярдов; он миновал железнодорожную эстакаду над каналом, широкую, с полдюжины путей. Ты сейчас южнее завода. Все будет хорошо. Держись маленьких улочек, и все будет хорошо. Постарайся заметить их раньше, чем они заметят тебя.

* * *

Примерно через час Айзек вышел к широкому бульвару. Торговый центр, оживленное движение, час пик, хмурый день. Даже хуже, чем в Долине. Середина апреля, а будто зима. Автобус подошел. Толпа народу. Это твой автобус. Давай, бегом через дорогу, где твой бумажник?

Перебежав улицу, он встал в очередь на автобус. Кое-кто обернулся, разглядывая его. Без верхней одежды, лицо в синяках, подозрительный тип. Рубашка и джемпер мятые, штаны грязные. Еще и белый вдобавок.

Айзек устался на бордюры, и постепенно люди перестали обращать на него внимание. Вдох через нос, выдох через рот. Малыш-убийца едет на юг. Вся полиция округа охотится за ним, а он ускользнул у них под самым носом. День Шакала. Безмятежно садимся в автобус.

Свободных мест нет, он нашел уголок в середине салона, встал в сторонке. Тепло здесь. Куда я направляюсь? Сколько у меня денег? Попытался подсчитать. После покупки билета осталось девять баксов. Можно поесть несколько раз. Езжай до конечной – уберешься как можно дальше. Автобус еле полз, пробки, Айзек начал клевать носом. Люди постепенно выходили, салон пустел, он сел на освободившееся сиденье. Через некоторое время очнулся и понял, что автобус стоит. Открыл глаза, в салоне никого, водитель вопросительно смотрит на него в большое зеркало. Айзек кивнул, выскочил, огляделся.

Куда это он забрался? Миль десять проехал, не иначе. Другой мир. Зелено, дома большие, окружены каменными стенами или живыми изгородями. Он шел мимо стадиона, потом какого-то каменного здания, школы кажется. Мальчишки лет четырнадцати-шестнадцати, в форменных синих пиджаках, курили на перемене. Он вежливо кивнул, но все, кроме самого старшего, отвернулись. Предпочли тебя не заметить. Вечное человеческое желание – не усложняйте мне жизнь.

Примерно через квартал он замедлил шаг, рассматривая себя в зеркале автомобиля. Какой сюрприз, однако, ты опять чумазый. Похож на бродягу. Собственно, ты он и есть.

Он высматривал копов, но все тихо. Опять проголодался. Неважно. Шел бесцельно, заворачивая в случайные улицы, пытался определить положение солнца на затянутом облаками небе и все шел и шел не останавливаясь.

* * *

Ночь застала его на шоссе, вечерний час пик заканчивался, никаких огней, только свет фар, иногда видно людей в автомобилях. Теплые и счастливые. Ковыряют в носу и слушают радио. Тебя не видят. Дешевый у тебя джемпер, однако, – ветер продувает насквозь. Он окоченел. Хоть бы один махнулся с тобой местами... Внутри или снаружи, какая незначительная разница.

Ветер, все дело в нем. Не надо было выбрасывать куртку. Может, я не замерз, а просто устал и проголодался. Но ты же поел вчера вечером, много калорий. Один день – ерунда. Давай, прикинь свои координаты. Мне трудно думать. В этом моя проблема. Надо бы остановиться перекусить, но

негде и опасно. Считаю, на таком шоссе должны расставлять контейнеры с едой и одеялами для нуждающихся, стоят же вон телефоны для экстренных вызовов. Тормозни попутку. *Сэр, я хотел бы воспользоваться вашим пальто. Или задним сиденьем вашего автомобиля – у вас же все равно включен обогреватель. Только до завтра.* Вот это и называется сходить потихоньку с ума. Простые решения кажутся бессмысленными.

Ты здесь по собственному желанию – запросто мог остановить его. Когда почувствовал руку в своем кармане, мог ударить ножом, но зачем-то вцепился в куртку. И были бы у тебя и деньги, и все остальное, и никаких сожалений. Вот она, роковая ошибка, рука вместо ножа. Девять долларов и никакой теплой одежды. А тот парень, поди, ночует в “Хайятте”. Он такой кучи денег за всю жизнь не видел.

Истина в том, что ты замерзнешь до смерти. Ты всегда опережал ровесников в развитии и здесь тоже окажешься впереди, все закономерно. Вселенная стремится к равновесию. Человек не должен быть теплее окружающей среды. Человек не накапливает тепло. И оно не возникает само. Для начала его нужно откуда-то получить – закон сохранения энергии не изменился со времен Большого взрыва. А я промежуточный заемщик. Тепло моего угасающего тела повысит общую температуру планеты на одну триллионную градуса. С помощью точнейших инструментов это даже можно зарегистрировать. Нежнейший вариант кончины. Говорят, утопление тоже хорошо, но это сейчас невозможно – захлебнуться водой, – узнаешь у матери. Скоро? Поймешь, когда станет тепло. Сначала тепло, потом все.

Какой-то торговый центр, но закрыт и заброшен. Но хотя бы ветра нет. Нет, иди дальше, не останавливайся. Впереди огни. Ты просто голоден. Поешь там чего-нибудь, и сразу станет легче. Сорок процентов калорий преобразуются в тепло. Ладно, уговорил. Раздобуду еды – и проверим, прав ты или как. Холод жуткий, но хорошо хоть снег не идет, воздух слишком сухой, и то счастье. Хотя какая разница. Огни впереди, примерно в миле отсюда, много огней. Шаг за шагом, шаг – фут. Можешь прикинуть скорость. Скоро придется принимать решение.

2. Грейс

Билли забрали три дня назад, но весь город уже в курсе. На работе все вежливы и любезны, но она же слышит, о чем они шушукаются. Хуже всех Линн Бут и Кайла Эванс, хотя и подружка Грейс, Джанн Херрин, не лучше, они все три из Бьюэлла и видели, как Билли вел себя на поле, когда еще играл в футбол. Как мог вмазать соперникам во время игры. *Всегда думала, что он немножко слишком... Знаешь, если б просто стукнул того парня, но это же. Расколотить человеку голову, это надо специально постараться.* Грейс старалась не прислушиваться; не поднимая головы, подталкивала ткань под лапку швейной машины, строчка получалась идеально ровной.

В “Джайент Игл”, куда она заскочила по пути с работы, наткнулась на Несси Кэмпбелл, и даже старая жирная Несси сделала вид, будто целиком поглощена замороженной рыбиной, пока Грейс тащила корзинку к кассе; Несси Кэмпбелл, которая буквально выслеживала тебя на улице и всякий раз норовила всучить очередной шедевр от “Амвэй”.

Дома не лучше. Погода хмурилась весь день, в доме холод. Ну и хорошо, залезем под одеяло. Вообще-то пятнадцатого апреля не должно быть такого мороза. Надо разобраться с налогами. Начала на прошлой неделе, да так и не закончила, потому что случилась вся эта история. Но все же как она могла забыть? Подошла к столу, выдвинула ящик, принялась перебирать бланки – нет, бесполезно. Голова не работает. Налоги – самая мелкая из проблем.

Билли справится, он крепкий парень. Ну да, он бугай, но она-то думала о нем всегда иначе, конечно сравнивала с другими, но все равно смотрела на него материнскими глазами. Потом почему-то вспомнила отца, не общалась с ним уже восемнадцать лет, хотя тот продолжал звонить на каждые Рождество и Пасху. Он бросил мать двадцать лет назад. Мама была человеком не слишком-то гибким, плохо приспосабливалась к новым обстоятельствам, не могла смириться с тем, что происходит с Долиной, что ее дочь и зять живут в конуре, никто ничего не зарабатывает, город по вечерам вымирает, автомобили разваливаются, а опустевшие дома с прежде аккуратными газонами зарастают кустарником.

Она изменилась, постоянно наезжала на всех, а в 1987-м все закончилось: отец за обедом торжественно объявил, что уходит, что его все это достало. Сначала Грейс его не винила, а потом обозлилась, а потом простила и после опять принялась упрекать. Но все же это был в некотором

роде отважный поступок. Дети выросли, матери он оставил кучу денег. Невозможно представить, как с ее матерью можно быть счастливым. Отец переехал в Восточный Техас, и Грейс не отвечала на его звонки. Он продолжал звонить на Пасху и Рождество, но она не брала трубку. И сейчас она ощущала все это тяжким грузом на собственной шее. Почти все ее детские воспоминания так или иначе связаны с отцом, а он взял и спас только себя. Но при этом сломал жизнь Грейс, поскольку бремя присмотра за матерью досталось ей. Наверное, это и есть подлинная причина ее нежелания отвечать на телефонные звонки. Эгоистка. Вот сейчас, когда тебе тоже нужны люди рядом, ты поймешь.

У тебя есть Бад, напомнила она себе. Не возлагай слишком больших надежд, но что-нибудь обязательно получится. Она не останется одна, у нее есть человек, который будет ее любить, а она сможет полюбить его. Приподнятое настроение, не оставившее ее накануне вечером и сегодня утром, когда они проснулись вместе и опять занимались любовью, растаяло, снова сменившись тревогой за Билли.

У нее есть брат, которому можно позвонить. Рой – неплохой по-своему человек, но отмотал срок в Альбионе, поэтому она не хотела, чтобы он появлялся у них; обаятельный парень, чем-то похож на Верджила и потому дурной пример для Билли; всю жизнь ее окружали мужчины по-своему симпатичные. Роя схватили, когда он выходил из леса с охапкой только созревшей конопли, сказал, трава не его, мол, сделал одолжение приятелю. Некоторое время его телефон прослушивали. Сейчас живет в Хьюстоне, говорит, больше никаких проблем с законом, работает шофером в транспортной компании, живет с какой-то женщиной, старше его, которая помогла ему взяться за ум. Верджил никогда не любил ее брата, а брат не любил Верджила, уж слишком они были похожи. Каждый считал, что другой ее не достоин. Но на деле один другого стоил, снаружи одно, а внутри – совсем иной человек. Все деньги Верджил спускает на выпивку и девок, брюхатит их, а потом – о чудно, вдруг вспоминает, что у него есть жена, у которой есть дом, где можно перекантоваться, жена, которая будет его обслуживать. Ну хоть его она наконец-то смогла выставить. Вот, можно гордиться.

Не хотелось сидеть дома. Она набросила пальто и вышла на задний двор. Холмы, амбар вдалеке, все такое зеленое вокруг, прохладно и сухо, не то что летом, когда дышать нечем. Будь у Бада Харриса сын, уж он не загремел бы в тюрьму. Вот кому надо было стать отцом Билли. Да он и заботился о Билли больше, чем Верджил. Ничего тебе не должен, но вот помогает же. Любопытно, почему она всегда принимала его заботы как

само собой разумеющееся. Верджил не пропускал ни одной юбки, все бабы вокруг напропалую вертели перед ним хвостом, а ты вечно держалась настороже, придавленная и униженная страхом потерять его. Целых пятнадцать лет. Забавно, как долго ты не осознавала эту простую истину.

И вот теперь Билли за решеткой, а Верджил. да кто знает, где этот Верджил. Да, сын Бада Харриса не угодил бы в тюрьму. Ни за что. Говорят, Харрису доводилось убивать людей, но она не особо тому верила, а если честно, не сомневалась, что вранье это. Болтали даже, будто он наркоман. Будто Харрис прикончил кого-то давно, потому он теперь такой образцовый полицейский, но достаточно посмотреть на него – и сразу ясно, что правда, а что нет. Но даже если и так? С чего вдруг она об этом задумалась? Какая ей разница, убил Харрис кого-то там или нет?

Озябнув, Грейс вернулась в дом, уселась перед телевизором. Пощелкала пультом, ничего стоящего, надо бы добавить каналов, да. Не забыть. Не помогает – в голове упрямо вертится все та же мысль. Сначала показалась бредовой, потом – почему бы и нет, а теперь она вполне уверена. Бад Харрис запросто может убить человека, если решит, что иного выхода нет. Он же воевал во Вьетнаме.

Надо бы проветриться, решила она. Харрис сказал, что сегодня не придет, что им следует попридержать коней. Нужно быть оптимисткой. Все только начинается, как сказал Харрис. Неизвестно, что дальше. И в глубине души *она и была* оптимисткой. В глубине души она верила, что все и вправду закончится хорошо. Сегодня вечер пятницы, ровно неделя с того дня, как Билли явился домой замерзшим до полусмерти, с раной на шее. Можно сходить в “Рего” поужинать. Она позвонила Рэю и Розалин Паркер, но они не ответили, поэтому пришлось набрать номер Данни Уэлш, но и та почему-то не отвечала. Грейс оставила сообщение для обоих – встречаемся в “Рего”. Не уверена, что ей стоит появляться на публике. Но больше заняться нечем.

Народу было битком. Она увидела свободный табурет в конце барной стойки и направилась напрямик туда. Люди обращали на нее внимание, оборачивались, коротко, но она заметила.

Подкатила Бесси Шитц, барменша:

– Пивка и рюмашку, не иначе.

– Только рюмашку.

– Ну ты как, держишься? – участливо спросила Бесси, наливая выпивку.

– Я в норме.

– Помни, что вокруг друзья, ладно? – Бесси подтолкнула Грейс рюмку и навалилась на стойку. – Думаю, ты не в курсе, но я потеряла сына. И,

знаешь, только о нем и думаю.

– Сколько ему было?

– Сорок шесть.

– Молодой еще.

– Так быстро все случилось. Вроде целый год, а все равно как обухом по голове – бах бах бум. Ну да, он курил с двенадцати лет, и воевал, и все такое, но ни хрена не легче.

– Сейчас воевал?

– Нет, раньше еще, в девяносто первом.

– Сочувствую, – вздохнула Грейс.

– Колесо жизни, так я себе говорю.

– Мэм, мы вообще-то тоже не прочь поболтать, – весело окликнул мужчина с противоположного конца стойки. И подмигнул Грейс.

– От вас чаевых не дождешься, – парировала Бесси. – Вот познакомится она с вами поближе и тоже начнет скупердяйничать. Ага, ага, вы спустили целых пять долларов. Доллар в час.

– Не трать на меня время, – сказала Грейс.

– Да насрать на них, – фыркнула Бесси, выпрямляясь. – Мэм. Не, ну прикинь, что за хрень?

* * *

Спустя полчаса Рэй и Розалин так и не появились; одна из женщин за стойкой несколько раз встречалась с ней взглядом и улыбалась, крашенная блондинка, жена Говарда Пила из “Пил Сапплай”, его компания поставляла трубы для угольных шахт, один из двух главных работодателей в городе. Моложе Грейс и лет на двадцать моложе своего мужа, черные брючки в обтяжку, крошечный розовый топ, всегда на каблуках. Как же ее зовут-то. Верджил на какой-то вечеринке положил на нее глаз, поэтому ты всегда ее терпеть не могла. Хизер. Фигня, конечно, такая женщина, как Хизер, не станет рисковать своим положением ради такого типа, как Верджил. Но в то время она и мысли подобной не допускала, что ты. О, двое парней хохочут над какой-то шуточкой Хизер, хотя даже отсюда видно, что им ни капли не смешно.

Грейс уже решила уйти, когда наконец появились Рэй с Розалин.

– Прости, – виновато улыбнулся Рэй. – “Пайретс” против “Кабс”.

– Извини, дорогая, это все мой балбес, – добавила Розалин и ткнула пальцем в мужа. – Ребята, давайте устраивайтесь вон за тем столиком, а я принесу выпивку.

Рэй чмокнул Грейс в щеку и уселся напротив.

– Ну как ты, принцесса?

– Похоже, нормально.

– Да уж, могу представить.

Грейс уставилась в свою рюмку.

– Что хочу сказать, ты знай, я на твоей стороне, Грейс. Понимаешь. черт. – Он покачал головой. – Не мастер я говорить.

– Спасибо, Рэй. – Грейс похлопала его по руке.

– Ждем еще кого-нибудь?

– Нет вообще-то.

– Прости, что мы опоздали.

Кто-то подошел к столику, Грейс подняла глаза. Крашеная блондинка.

– Вы знакомы? – спросил Рэй.

– Встречались раз десять. Я Хизер, а вы Грейс.

– Угу, я помню, – буркнула Грейс.

– Я присяду, не возражаете? Мне надо избавиться от тех олухов.

Ровно в тот момент, когда Рэй делал широкий приглашающий жест, вернулась Розалин с тремя бокалами вина.

– О, привет, дорогуша, – улыбнулась Хизер.

– Тебе тоже нужно выпить, – заметила Розалин.

– О черт, нет. Мне нужно, чтобы меня кто-нибудь остановил уже.

– Рэй, а давай-ка ты оторвешь задницу от стула и поможешь мне принести закуски.

Рэй поспешил к бару следом за Розалин.

– Ваш бедный сын, – Хизер улыбнулась Грейс, – я так расстроилась, когда узнала.

– Спасибо.

– Знаете, если вам что-нибудь потребуется.

– Благодарю, все нормально.

– Я понимаю, каково вам сейчас, правда понимаю.

Неловкое молчание, Грейс поискала взглядом Рэя с Розалин, которые застряли у бара, болтая с кем-то из знакомых.

– Расскажите, как вы познакомились с Говардом, – предложила Грейс.

– Он взял меня в секретарши. Я была барменшей в Нью-Мартинсвилле, а он заходил туда, ну и предложил мне работу. Банальная история, да, но. – Она пожала плечами. – Ему все же пришлось за мной побегать.

– Скучаете по родному городу?

– О боже, нет. Говарду пришлось только на мои зубы потратить десять штук. Видите? – Она весело оскалилась. – А раньше торчали вкривь и вкось.

– Да ладно, не верю.

– Печально, но правда. Но... Ваш сын, я действительно переживаю. Вы мне всегда казались особенной, и когда увидела эту историю в газетах, ужасно огорчилась.

– Дело еще не окончено. На самом деле все только начинается.

– Наверное, вам сейчас совсем не хочется об этом говорить.

– Все в порядке.

– Вечно я ляпну невпопад, а потом извиняюсь. Прямо талант.

– Маникотти, – у стола возник Рэй, – на всех.

– Как тебе удалось так быстро?

– Позвонил по пути сюда.

– Даже смотреть спокойно не могу, – сказала Хизер. – Мне надо в дамскую комнату.

Розалин дождалась, когда Хизер окажется вне зоны слышимости, и наклонилась поближе к Грейс:

– Видела бы ты их гребаный дом. Вся мебель черная. Огромный тренажерный зал и по всем стенам живопись.

– Ты про те картинки, которые будто умственно отсталый намалевал? – ухмыльнулся Рэй.

Грейс закатила глаза.

– Я не шучу. Выглядит так, словно человек их рисовал с закрытыми глазами. Не поверишь, сколько бабок за них отвалили.

– Можно подумать, ты знаешь. – Розалин повернулась к Грейс: – Она мне сказала, что они заплатили двести тысяч. А только за прошлый год эти картины выросли в цене вдвое.

Рэй фыркнул.

Вернулась Хизер, чуть хлюпая носом. За стол усаживаться не стала.

– Простите меня, мне и впрямь пора уходить.

– Рада буду встретиться как-нибудь, – попрощалась Грейс.

– Я тоже, дорогая. – Хизер стиснула плечо Грейс и удалилась, слегка покачиваясь на трехдюймовых каблуках, парни за стойкой проводили взглядами ее узкие брючки, дверь хлопнула.

– Спонсор позвонил, видать, – громогласно объявил кто-то, когда дверь за Хизер закрылась. Парни хохотнули.

– Я слышал, он по тридцать тысяч наваривает на каждом уволенном, – заметил Рэй.

Грейс удивила эта неожиданная резкость. И тут же она почувствовала себя виноватой.

– В любом случае. – начала Розалин.

И тут входная дверь опять распахнулась, на пороге возникла Хизер и ринулась напрямиком к их столику.

– Дайте нам знать, если что понадобится, дорогая, – выдохнула она, склонившись над Грейс, и сунула ей в руку клочок бумаги. – На всякий случай, если что, звоните мне.

И, заметив, что все пялятся на нее, поспешно выскочила из бара, прежде чем Грейс успела ответить.

– Что это было? – обалдела Розалин.

– Все любят Грейс, даже женщины, которые.

– Прекрати, – резко оборвала Розалин и крепко двинула мужа в плечо. – Что с тобой такое сегодня, черт побери?

– Мне срочно нужно кинуть в пасть маникотти. – И он вывалил себе на тарелку огромную порцию. – Просто проголодался, вот и все, дефицит глюкозы.

– Прости, что мы пропали. – Розалин ласково смотрела на Грейс. – Как ты вообще?

– Справляюсь. Сохраняю оптимизм.

– Ты правда думаешь, что все будет хорошо? – спросил Рэй.

– Да. Так или иначе.

3. Поу

Он валялся на койке и размышлял, что будет делать с надзирателем и что скажет адвокату, когда тот заявится, когда клацнула дверь и на пороге в сопровождении инспектора появился новый обитатель. На вид простак простаком: лет двадцати, соломенные волосы и, несмотря на то что уже полгода парень торчит за решеткой, нос у него по-прежнему в веснушках – типичная деревенщина. Мельче Поу, стройный, красивый даже, но как-то по-девчачьи, зато руки в татуировках, как у прочих, на одной яркий зеленый клевер, на другой – буквы АВ, вокруг каждого локтя – паутина. Надзиратель замкнул дверь и тут же ушел.

Поу сел.

– Я Такер, – сообщил сосед. – Мне про тебя рассказывали.

Поу назвал себя, они приветственно стукнулись кулаками.

– Слыхал, завтра ты разберешься с Фишером, этим куском дерьма.

Поу промолчал.

– У тебя счетец к нему, а?

– Ну да, только я сам, честно говоря, не знаю какой.

Такер смотрел озадаченно.

– Я просто жду суда.

– Слушай, ну ты сказал им? Мне-то толковали, с тобой все ясно, ты четкий, свой.

Поу пожал плечами.

– Я знаю, что тебя закрыли на днях, но с этими парнями лучше не связываться. Так что ты бы озаботился, как разгрести это дерьмо. Хочешь, пойду с тобой, постою на стреме, но дело делать придется тебе самому.

– Я думаю откосить, – признался Поу.

– Не, хрен тебе, не выйдет, чувак. Да если вообще кто услышит, как мы с тобой об этом деле базарим, порвут на фиг. У Ларри с Дуэйном с полдюжины пожизненных на двоих.

– Меня больше тревожит Кловис.

– Да Кловис – это тупые мышцы, и все. На хуй Кловиса.

– Ну, я не знаю.

– Говорю тебе, не вздумай откосить, раз пообещал. А я забуду, что мы с тобой перетирали за это. Я их знаю, пронюхают – и меня посадят на тот же нож, которым перережут твое долбаное горло.

– Пофиг.

– Не делай этого. Уж проще самому повеситься. Здесь не то место, чтобы молодому белому парню обходиться без друзей.

Поу вновь уставился в потолок, а Такер вытащил свой ящик и принялся разбирать вещи.

– Ты трогал мое барахло?

– Даже не видел его. Наверное, только сегодня принесли.

– Я узнаю, если ты тут что-нибудь трогал.

– Да расслабься ты.

Вечером, когда уже погасили свет, со стороны решетки донесся странный шорох, потом тихое постукивание. Поу проснулся. У решетки стояла надзирательница. Осторожно оглядевшись, она расстегнула форменные штаны, так что стали видны лобковые волосы. Койка внизу заскрипела. Придурочный извращенец, кажется, дрожит на нее, подумал Поу. На эту жирную мерзкую надзирательницу. Он некоторое время разглядывал тетку, чисто из любопытства, потом улегся обратно, дожидаясь, пока эта мерзость кончится.

Чуть погодя услышал шепот:

– Не смей на нее больше смотреть. Я шесть месяцев сидел, и за это дерьмо я заплатил.

– Я не смотрел.

– Я все слышал. Знаю, ты смотрел.

– Мне нет дела до твоей подружки. Я вообще не понял, что у вас там было.

Такер проворчал недовольно и замолк. Поу попытался опять уснуть, но надзирательница не выходила из головы. Это могла быть западня. На одну они дробчат, а другому я должен вломить. Чушь какая-то. А вдруг они все работают на окружного прокурора и хотят заманить его в ловушку. Вот только вряд ли окружной прокурор представляет, что тут творится, да и вообще никто не в курсе местных порядков, братва не допустит, здесь каждый день гладиаторские бои. Прямо Древний Рим. Ну а если его сюда посадили специально? Вроде все по закону, но никто не станет возражать, если тебя изнасилуют в душе или раскроют череп металлическим замком. Нет никакого закона, есть только то, что с тобой захотят сделать.

Поу начало слегка трясти, от страха или от злости, непонятно. Если я не наваляю охраннику, они все придут по мою душу, и черные, и белые, и никто не вступится. А если расправлюсь с охранником, то против меня будет все начальство и черные. Кое-кто из надзирателей замешан в темных делишках. Невидимая паутина. Эти нити повсюду, опутывают всех, кроме него.

Он думал и думал, и в конце концов захотелось врезать кому-нибудь, и он вмазал ладонью по стене, стена не шелохнулась, они никогда не реагируют, эти стены, зато качнулась койка, и сосед сердито пихнул снизу его матрас. Плевать на соседа. Но он же наехал на него, нет? Хотя никто не видел, как Поу спустил это дело на тормозах.

Вот окажись здесь сейчас Айзек, из Айзека он бы разом вышиб дух, ага. В чем он виноват-то – в том, что ему вспороли горло да чуть не оторвали яйца, и все. Он сполна расплатился за все. Той же ночью он расплатился за все, что сделал и чего не делал. Айзеку, сволочи, все сошло с рук.

Снаружи тот же шум, те же бессмысленные вопли и музыка, сокамерник внизу возится на матрасе, устраиваясь удобнее. Айзека тут разорвали бы в клочья. Все его сто десять фунтов. Сожрали бы живьем. Вот поэтому здесь сидит он, Поу. Он правильно поступает. Он герой. Он будет действовать так, будто на него смотрят люди, – это поможет мыслить и действовать ясно. Да, здесь ключ ко всему: представить, что на тебя смотрят. Как на футбольном поле, толпа здоровенных парней хочет тебя замочить, это твой выбор. Волк или ягненок, если не сделаешь выбор сам, его сделают за тебя. Охотник или добыча, хищник или жертва, самый древний вариант отношений.

Но не только в этом дело. Не в одном только благородстве. Истина в том, что это место и вправду дожидалось его. У одних есть способности, а

у других нет, и даже в дни своей славы он сознавал этот факт, понимал, что рано или поздно правда выяснится, от судьбы не уйдешь. Мать, конечно, надеялась, но сам-то он все понимал про себя. Это его личная тайна. Он исчерпал свою удачу, такова его доля, и, если поразмыслить, ему повезло.

Он даст просрать этому охраннику. И кому угодно еще. Это игра, в которую придется играть. Пойдет туда пораньше, для начала прокрутит все как следует в башке, представит, что парень уже валяется на полу. Подойдет к нему сзади, чтобы не разглядел его лица. Здесь важны только твои поступки, действуй так, словно на тебя смотрят, утром он этого не понимал, но теперь понял. А потом подумал: нет. Не сможет. Не сможет он прибить охранника. Ноги опять задрожали, захотелось в туалет, он спустился с койки, сделал свои дела, включил воду в раковине и сполоснул лицо. – Слышь, хорош будить меня. Раз улегся наверху, так и нечего бродить по ночам.

– Ты разбудил меня своей дрочкой, а теперь еще указываешь, когда мне можно поссать.

– Ладно, – прошипел Такер. – Повторять не буду, я тебя предупредил.

– Поговори еще, – огрызнулся Поу. – Мне насрать.

Он начал взбираться наверх, почувствовал движение рядом, развернулся и со всей мочи заехал Такеру по физиономии ровно в момент, когда тот вставал. Такер рухнул обратно на койку, но тут же подскочил, точно на пружинах, и напрыгнул на Поу, стремительный как кошка. Они душили друг друга, катаясь по полу в тесном пространстве между стеной и койками, злобно рычали, каждый стремился захватить и удержать противника, но Поу был гораздо сильнее. Вскоре он уже сжимал голову Такера двумя руками и остервенело колотил ею по полу.

А потом понял, что Такер больше не сопротивляется, а потом зажегся свет. В коридоре уже толпились охранники. Поу вскинул руки вверх, но ему все равно брызнули в лицо из перечного баллончика, ударили под коленки резиновой дубинкой и по спине, били по-настоящему. Он закрывал голову руками, и в конце концов побои прекратились, Поу ничего не видел, глаза жгло огнем, он орал и просил воды. На него нацепили наручники, вздернули на ноги, поволокли по коридору, из каждой камеры орали, все давно проснулись и наслаждались дармовым шоу, Поу, ослепший, кашлял, кричал и рыдал, весь мокрый, что это – вода, слюна, слезы или кровь. Наткнулся на кого-то, надзиратель, они решили, что он пытается вырваться, и принялись опять колотить дубинами, он упал. Опять потащили, кажется, их много. Вниз по лестнице, он приподнял голову, чтобы не биться о бетонные ступени, на голову вылили ведро воды, глазам

стало легче, приподняли, наклонили над чем-то, вот как оно бывает, здесь тебя и поимеют. Но, оказывается, просто поток воды в лицо, шланг, струя прямо в глаза. Это просто раковина. Отмывают лицо. Его отвели в другую часть тюрьмы, в подвал, камера такого же размера, что и прежняя, но с одной койкой. Он лежал на спине на тонком матрасе, с облегчением ощущая, что глаза больше не жжет.

Один из надзирателей остался рядом, Поу слышал. Еще слышал, как тот закурил, почуял сигаретный дым.

– У тебя деньги есть?

– Нет. – Из носа все еще сильно текло, Поу сел и высморкался, прямо на пол.

– Есть кому позвонить?

– Вообще-то нет.

– Так, – задумчиво проговорил надзиратель. Протянул Поу остаток сигареты. Пришлось встать и подойти поближе, чтобы взять.

– Знаешь ты или нет, но по некоторым причинам, – тихо проговорил надзиратель, – мы все рады, что этот ублюдок получил по заслугам. Но с твоей стороны это было очень глупо. Они этого так не оставят.

4. Харрис

Ну конечно, он хотел сегодня встретиться с Грейс, однако Душевный Покой подсказывал, что лучше переждать. Чуть ослабить напор. Но на полпути к своему коттеджу вдруг почувствовал, что провести вечер наедине с собакой – плохая идея, невыносимая. Он резко затормозил, вытащил телефон и отыскал номер Райли Койла. – Мы тусим все с той же толпой придурков, – сообщил Райли. – Если хочешь, приезжай к нам в “Тупик”.

Харрис доехал до дома, переоделся и вернулся в город. Процент на пятьдесят, нет, может, и не пятьдесят, но на двадцать точно он знал, что если накатит слегка, то непременно позвонит Грейс. Она ответит, и потом.

“Тупик” – один из немногих баров, что продолжали работать, даже когда завод закрылся, и ходили шутки, что уборку там делали в последний раз еще до строительства того же завода. Длинное помещение, уютный полумрак, вид на реку с задней террасы. Райли, Честер и Фрэнк раньше вкалывали на заводе. В итоге Фрэнк нашел работу на “Ю Эс Стил” в Ирвине, Райли открыл маленькую авторемонтную мастерскую, а Честер получил MBA. Теперь он чаще тусуется в другом обществе, консалтинг в фармацевтических компаниях. Когда Харрис добрался до бара, все трое

сидели за столом, заигрывая с женой хозяина.

– Парни.

– Мистер Джонни Законник, – радостно приветствовал Райли. И обернулся к жене владельца заведения, симпатичной брюнетке возраста Грейс, которая заметно напряглась при появлении Харриса: – Ему надо выпить.

– Да ладно тебе. – хмыкнул Харрис.

– Ему определенно нужно выпить, – настаивал Райли.

Барменша улыбнулась и вернулась за стойку. Даже не верится, что она замужем за Жирным Стэном. Негусто, должно быть, с женихами в Долине. Да, не поспоришь, взгляни хоть на себя. Такая женщина, как Грейс. Надо все-таки присесть.

– Как дела, парни?

– Зашибись, – ответил за всех Фрэнк. – Лучшие дни моей жизни.

– У Фрэнки новая игрушка, – пояснил Честер. – Прикатил бы на ней, если б жена позволила.

– Что, купил-таки “корвет”?

– Не. Только квадроцикл. Но зато “ямаха” 660, полный привод, автомат, снегоочиститель, лебедка, все дела. Сзади еще прицеп крепится.

– Стоит, поди, дороже твоего джипа, – вставил Райли.

– Есть скейтборды дороже моего джипа, – сказал Харрис и кивнул Фрэнку: – Как на работе, все хорошо?

– Угу. Включили в программу участия в прибылях компании, фонд аж до ста процентов. Приняли только что на работу сына Бенни Гарника.

– Я думал, он программист.

– Удаленно работает для индусов. Парнишка учится, так что не попадет под сокращение, как его отец, но потом.

Харрис лишь печально качнул головой.

– Но как-то легче становится на душе, – сказал Фрэнк. – Хотя цинично, понимаю. Эти люди не слишком сочувствовали нам двадцать лет назад, помню, как один козел за другим вещали нам по ящику, что мы сами виноваты, что не закончили колледж.

– Сыну Бенни Гарника от этого не легче.

– Он с самого начала получал девятнадцать шестьдесят в час. С такими деньгами парень не потеряет свой дом, как все мы.

Подошла барменша с подносом, уставленным стаканами:

– Это от Жирного Стэна. От заведения.

Сам Жирный Стэн помахал им с другого конца стойки, Харрис махнул в ответ. Барменша поставила перед каждым по пиву и стопке виски,

покосилась на Харриса:

– Приятно познакомиться, Шеф.

– Я простой полицейский, – улыбнулся Харрис. – И сейчас не на дежурстве.

– Ладно, все равно приятно познакомиться. – Она улыбнулась в ответ, но поспешила вернуться за стойку.

– Ой, господин Шериф, – поддразнил Райли. – Вы же не наденете на меня наручники, правда? Я так плохо себя вел.

Харрис мучительно пытался припомнить. Он ведь не арестовывал ее никогда? Может, ее брата? Или отца, или ее парня, да запросто, кого угодно. А некоторые люди просто так боятся полицейских, иррационально.

– Ты смотри не надирайся. Толстяку может понадобится помощь.

– Или у него конопля растет в подвале.

Харрис хлебнул пива:

– Ну он, по крайней мере, знает, что я обойдусь недешево.

– Качество того стоит.

– Точно, судя по его жене.

– Говорят, они познакомились по переписке.

– Серьезно? – Красотка, яркая брюнетка, но никакого акцента Харрис не заметил. Может, она действительно из Восточной Европы, ну так половина Долины родом оттуда.

Райли расхохотался.

– Она из Юнионтауна, – сообщил Честер. – Танцевала там, а Стэн и заметил.

– Раз уж мы заговорили об этом, – Райли обернулся к Харрису, – то как поживает *твоя* подружка, Джонни Законник?

– Это которая?

– Грейс Поу. Или, как сейчас лучше говорить, просто Грейс.

– Понятия не имею. Эта история выдохлась давным-давно.

Все четверо умолкли, понуро глядя в разные стороны.

Честер задумчиво повертел стакан в руках:

– Слушай, мы все переживаем из-за того, что случилось с ее сыном.

– Ну, надевай болотники, мужики. Сейчас хлынет и затопит на хрен.

– Райли, хоть на минутку будь серьезнее, – недовольно бросил Фрэнк.

– А я очень серьезно. Если вернуть домой всех парней, что сейчас топчутся по арабской пустыне, нацепить на них полицейскую форму, а М16 пока не отбирать, мы очень скоро будем жить в обществе, где вообще нет преступников. Прекратить швырять деньги на Ближнем Востоке и вложить их в решение здешних проблем.

– Не пойму, о чем ты, – сказал Честер.

– О том, что мы с тобой можем сейчас пойти в любой квартал этого городишки и без проблем грабануть кого угодно. Вот я о чем. Не в упрек Джонни Законнику, но ему нужно человек триста бойцов, чтобы навести порядок в наших местах. И нечего удивляться, что мальчишки здесь вырастают в полных отморозков.

– Все-таки пока дела не зашли так далеко, у нас не анархия, а, Бад?

– Вовсе нет, – согласился Харрис. – Ничего похожего.

– Ага, только болтают, к чему оно приводит, когда парню запросто сходит с рук убийство.

– Не понимаю, о чем ты. – Но сам опять вспомнил про брошенную куртку.

– Честер пытается сказать, что слухи разные бродят, нехорошие слухи.

– Мне, в общем, по хрену, Бад, – хлопнул его по плечу Райли. – Просто чтоб ты был в курсе.

– Здесь вполне можно навести порядок. Просто законы надо ввести пожестче и исполнять их строго, а то люди боятся, что криминальная статистика растет, никто не хочет сюда переезжать, бизнес не заинтересован и тому подобное.

– Честер, – сказал Райли, – этот парень даже не мерцает на том радаре, о котором ты толкуешь. Это был жалкий оборванец, дерьмо, даже если пацан и впрямь накосячил, и это не было самообороной или в таком роде. Вполне возможно, тот же говнюк, который свистнул крышу с кузова моего фургона.

– Мне про это ничего не известно, – буркнул Честер.

– Брось, тебе прекрасно известно, что в округе было десять-пятнадцать мелких заводиков, которые закрылись в последние годы. Может, конечно, тебе из твоего Севен-Спрингс и не видать, но так дело и обстоит. Кровавой бойни пока не случилось, но выжившие начинают потихоньку постреливать. И последствия будут страшные, и никому не повредит, если для умирения повесить нескольких негодяев.

– Если не считать сброд, который живет на жилищные субсидии, здесь по-прежнему неплохое местечко.

– Так, мне надо выпить, – объявил Райли.

Харрис подтолкнул ему свое едва начатое пиво.

– Слушай, Бад, мы все думаем, что ты правильно сделал, когда не надел на Билли наручники в прошлом году.

– Но сейчас, – вступил Фрэнк, – некоторые считают, я не о себе, но некоторые люди полагают, что Билли Поу нужно посадить, и тогда не

будет новых неприятностей.

– Никто не знает, что там произошло, – сказал Харрис. – Никто не видел.

– Да, мы слыхали, что Билли молчит. Может, это и умно с его стороны, но не означает, что он невиновен.

– Тут не мне судить.

Жирный Стэн и его жена внимательно наблюдали за ними издалека. Интересно, что им удалось расслышать.

– А есть люди, которым хочется, чтобы ты поучаствовал в этом деле, – заметил Честер. – Они будут рады, как свиньи в луже, если узнают, что ты опять вписался за Билли Поу.

– Точно.

– Есть люди, которые думают, что этот парень – дурное семя, и единственная причина, по которой он на свободе, – это ты.

Харрис неловко поерзал на стуле. Он чувствовал, как уши горят. Ну а чего ты ожидал. Ладно, уж лучше выслушать в открытую.

– Держи нос по ветру, вот что мы хотим сказать, – уточнил Честер.

– Ага. – Райли внимательно посмотрел на Харриса. – Я слыхал, они мечтают повесить тебя рядом с Канко. – Он решительно допил пиво. – Вот такая награда за годы беспорочной службы.

– Кто именно? – спросил Харрис. И добавил: – Парни, вы не обязаны отвечать, если что.

– Многие, Бад, многие.

– Да не то чтобы многие, – ухмыльнулся Райли. – Говард Пил из “Пил Сапплай” и Тони Ди Пьетро. И еще Джоуи Роскинс с ними. Вообще-то вся их кокаиновая зависимость, свингующая коммерческая компашка.

Честер покосился на Райли.

– Да насрать на этих козлов, – фыркнул Райли.

– Не только они, – тихо сказал Честер.

– Бадди, – Райли наклонился к Харрису, – я точно знаю, что раз в неделю Гови Пилу поставляют пудру для носа парень из Клертона. Ты реально в дерьме, так что держи это про запас, как козырь.

Честер смотрел очень серьезно, на душе у Харриса становилось все гаже и гаже. Год назад он отпустил Гови Пила, задержав его за вождение в пьяном виде, заставил позвонить жене, чтоб отвезла домой. Тревожный сигнал, подумал тогда. Решил было, что ошибся, но не мог взять в толк в чем. Нет, не стоит спускать на тормозах. Может, потолковать еще разок с Гленом Патаки. Так, надо посидеть спокойно одному и все как следует обдумать.

– Я не знаю, о ком ты, Честер, – прервал паузу Райли. – Но я не боюсь этого козла, и мне насрать, кто он такой.

– Угомонись, – вздохнул Харрис.

– Убийство – это серьезно, – тихо проговорил Фрэнк. – С этим не поспоришь.

– Как посмотреть, – не мог успокоиться Райли.

– Люди боятся, что скоро вновь прольется кровь.

– Что ж, – спокойно сказал Харрис. – Возможно, они правы.

5. Айзек

Впереди сияли огни “Уолмарта”. Айзек шел очень медленно; целую вечность он брел через парковку, а когда оказался у дверей, остановился под потоком теплого воздуха и стоял так, пока какой-то служащий не махнул приглашающе рукой. Из Армии спасения, что ли? Уж очень внимательно разглядывает. Наверное, предупредит охрану.

Светло-то как здесь. Я хочу только спать. Надо найти тихий уголок. Нет, сначала поесть. Вон там “Тако Белл” и “Пицца Хат”, ты вполне можешь потратить два доллара. Айзек встал в очередь у “Тако Белл”, изучая меню над головой. Что тут самое калорийное? Двойной буррито с фасолью и тако. Сбалансированная еда. Тело – это храм.

Получив поднос с едой, он взял стакан воды, уселся за стол и ел очень медленно. Слишком устал, чтобы есть. Сейчас, всего несколько минут. Ну вот, в голове проясняется – выныриваем из-под воды. Уровень сахара в крови растет. Закрой глаза, на мгновение.

– Молодой человек? Молодой человек?

Он распахнул глаза. Старушка за соседним столом пялится на него.

– Вы уснули, – радостно сообщила она.

Он кивнул. Ага, хорошо, уже проснулся. Бабка довольна – только посмотрите, – будто спасла человека от неведомой опасности. Надо найти другое место и отдохнуть. Нет, не вариант. Магазин рано или поздно закроют, и ты окажешься там, откуда начал. Можно поискать приют для бездомных. Угу, именно там тебя и будут первым делом искать. Опасный бродяга. Любой на твоём месте смылся бы из города. Вот только у меня нет одежды, и я не представляю, где нахожусь. Он внимательно изучал пространство торгового зала. Отлично. Да, вот так и сделаем.

В зале играла легкая музыка, Айзек безмятежно толкал пустую тележку между рядами товаров. Прочие покупатели пристально разглядывали полки, стараясь не встречаться с ним взглядом. Смущаются, понятно. Да и

кто бы не смутился? Но Малышу плевать. У него важнейшая миссия – самосовершенствование. Накопление ресурсов. Как первый человек – начинает с нуля. Новое общество. Начало новой эры – в отделе мужской верхней одежды. Сколько же тряпья. Никогда не думал, что банальная куртка – такая ценность. В старые времена на ее изготовление уходили месяцы. А сейчас можно просто заскочить в магазин – и готово. Не нервничай, она просто смотрит на тебя.

Работник в форменном комбинезоне проводил его долгим взглядом. Айзек развернулся и покатил в другой конец универмага, к парфюмерии, положил в тележку бритву, мыло в дорожной упаковке и крем для бритья. Пожалуй, еще дезодорант. На будущее. В следующей секции прихватил энергетических батончиков. Какие любит Ли. Малыш выражает высочайшее одобрение. Не бери больше, чем сможешь унести. Так, теперь спортивные товары – целая стена охотничьих ножей. Один отправляем в тележку. Четыре дюйма. Малышу известна истина: человек без ножа – не человек.

Вернувшись к одежде, он нашел пару штанов, удобную рубашку, носки, трусы, упаковку футболок. Пахнет свежим бельем. Дальше по пути выбрал самую толстую куртку, с тяжелой шерстяной подстежкой. Настоящий спальный мешок, одеяло, а не куртка. И флиску еще добавим. Малыш ценит качество. А теперь шапку и, может, еще одну. Буду спать как король, в двух шапках. Малыш, он смотрит в будущее. Он предусмотрительный. А вот и прилипала явилась.

Маленькая хрупкая старушка лет семидесяти, продавщица, подошла спросить, не желает ли он примерить что-нибудь.

– Нет, мэм, – вежливо ответил Айзек. – Я знаю свои размеры.

– Да, сэр. – Но не двинулась с места. Стоит тут и думает, что видит Малыша насквозь. Подозревает. Он ведь годится ей во внуки, но старухе и дела нет – лояльность компании прежде всего. Компания важнее человечности. Иди к кассе. Делай вид, что покупаешь все это.

Он встал в очередь в кассу, впереди какой-то мужик болтал по телефону. В магазине людно, думал он, а Малыш маленький и совсем не грозный. Он посылает в пространство положительные вибрации – сто десять фунтов чистой любви. Нет никаких оснований для подозрений. Масса других поводов для беспокойства.

Очередь медленно двигалась, и вскоре старушенция-продавщица утратила к нему интерес и занялась другими делами. Айзек вышел из очереди и покатил тележку к примерочным. Надеюсь, они открыты. Скорее внутрь.

Свалив все мелкие предметы в кучу на куртку, он потащил узел в примерочную, заперся, стянул с себя всю одежду. Начал натягивать новые штаны. Погоди, смени сначала белье. Чуть больше достоинства. Он разделся донага, встал перед зеркалом – хилый мальчишка, волосы грязные, на щеках недельная щетина. Типичный беженец. Еще чуть похудеть – и попутным ветром его унесет в Канзас.

Айзек переоделся в новое, потом натянул сверху всю старую одежду. Практически не изменился. Ну, может, кое-где топорщится. Нож за поясом, мыло и бритва в карманах штанов, батончики в куртке. Готов к бою. Красавчик Чарли. Повесь куртку на плечо, небрежно, как будто несешь свою вещь. Малыша можно притормозить, но так запросто его не остановишь. Иные, пожалуй, предпочли бы, чтобы он замерз, – их деньги, его жизнь. Но они не были на его месте, и он не держит на них зла. Истинно благородный Малыш.

Выйдя из примерочной, он стремительно осмотрелся и быстро направился к выходу, уже потев под двойным слоем одежды. Задача победить на их поле, равнодушно смотри в пол, не психуй. Длинная очередь людей, готовящихся потратить деньги. Выход справа. Тридцать секунд. О-оу. Это проблема. Пора набросить куртку.

– Сэр, – пронзительный женский голос сзади, – сэр, вы должны заплатить.

Не оборачивайся. Притворись, что не слышишь. Надевай куртку. У самых дверей он почувствовал, как адреналин бушует в крови, не останавливайся, ты уже почти справился. *Сэр, неслось вслед, сэр, нам нужно поговорить*, а потом кричали люди и что-то громко объявляли через громкоговоритель, *внимание всем служащим, код семьдесят шесть*.

Краем глаза он заметил, что к нему кто-то бежит, и тут рванулся сам. Между ним и выходом стоял только пожилой мужчина в синем жилете, охранник, взгляды встретились, Айзек мчался на него, не снижая скорости, и, не выдержав, старик отступил в сторону.

Он всем телом ударился в двери, споткнулся, но вот уже свободное пространство парковки, самый короткий путь – прямая. Погоня позади. Толкни тележку, задержи их. Нет, пустое. Он бежал к деревьям, окружавшим парковку. Мимо редких машин, мимо людей с тележками, слыша приближающийся топот за спиной. Мышцы горели, он не отводил взгляда от спасительной рощи. Доберись до первых деревьев, и ты в безопасности. Только доберись туда. Что-то ухватило его за куртку, чья-то рука, но тут бежавший сзади споткнулся, и Айзек услышал, как тот упал. Но кто-то еще остался.

А потом шаги сзади стали тише и совсем пропали, и он перемахнул через высокий бордюр, не притормозив, ворвался в заросли травы и понесся куда-то вниз, ты сейчас упадешь, но нет, удержался на ногах. А потом он уже в лесу, в безопасной темноте, но все еще бежит.

6. Генри Инглиш

Дочь пошла спать, а Генри сидел в инвалидном кресле в своей спальне, собираясь с духом, чтобы перебраться в кровать. Эта крошечная каморка раньше, наверное, была запасной спальней, или комнатой няни, или прислуги.

В изголовье есть поручни, но обычно мальчик его поддерживал. А теперь надо как-то переместиться до кровати, ухватиться одной рукой и попытаться подтянуться, волоча следом безжизненные ноги. В последние пять дней ему удавалось это сделать, но с огромным трудом. Если упадет, то придется всю ночь лежать на полу. Может, и замерзнет до смерти. Он не хотел, чтобы Ли помогала. Сам справится. Уж как-нибудь.

Он в худшей форме, чем думал; мальчик, сбежав, словно заставил его признать этот факт. Даже когда удавалось наконец взобраться на кровать, потом он битый час раздевался, тщательно планируя стратегию и организуя систему рычагов, сначала одну ногу двигаем на несколько градусов, потом другую, согнуть колено, затем второе – в надежде, что первое колено не распрямится обратно, пока он возится со вторым. Он стал слабее, мышцы задеревенели, прямо трупное окоченение. Посплю-ка я в кресле, решил он. Но это не снимет проблемы. Он не сможет долго скрывать от нее правду о своем состоянии. Надо помыться, он не мылся с тех пор, как мальчик ушел, Генри знал, что она скажет. Судя по тому, как она смотрела на него, желая спокойной ночи, как целовала – словно младенца. Ужасно. Тебя поместят в приют. Айзек ни за что бы не согласился, это ему и в голову не могло прийти, но дочь мыслит рационально. Ее сердце на пару градусов прохладнее.

Это ты из-за мальчишки расстроен. Шесть дней как исчез. Попал, поди, к бродягам. Потом подумал: нет, парень крепче, чем кажется. Не говоря уже про четыре тысячи долларов в кармане, жалкая мотивация к возвращению домой. О черт. Распирает изнутри, как будто растет давление в котле, надо спустить пар, дать кулаком как следует, он стукнул по ручке кресла, по матрасу, стиснул челюсти, едва не ломая зубы. Потом заметил себя в зеркале, рожа красная и перекошенная, истерика.

Успокойся. Почитай немного. Он отъехал на кресле в другой угол

комнаты, под лампу, где не видно зеркала. Взял телевизионную программу. Он сам виноват, матрас слишком мягкий, и нет возможности толком опереться, кровать старше его детей. Брачное ложе. Пружины впиваются в спину, когда ворочаешься, но он никогда не выбросит ее. На этой кровати спала Мэри в свою последнюю ночь, она будет и его смертным одром, она помнит времена, когда Мэри приходила к нему по ночам.

Конец близок. Его дни на исходе. Старая сосна со сгнившими корнями, рухнет под собственным весом. Все внутренности объявили бессрочную забастовку, почки, печень, поджелудочная, ему удалили часть кишечника, аппендикс, желчный пузырь, он мало что может есть без последствий. Никакого алкоголя, жирное тоже нельзя. И соль. Ли вчера приготовила обед, сплошной сыр и сливки, так он полдня провел на толчке, чуть все кишки не высрал. Она хотела свозить его в кино, пришлось прикинуться, что сильно устал. Не стал говорить правду. Вытурил ее из дому, чтобы спокойно заняться своими делами.

Можешь продержаться до бесконечности, если разрушаться сравнительно маленькими кусочками, – он раньше думал, как это прекрасно, триумф человеческого духа, стремиться жить, несмотря ни на что. Это Шеклтон^[36] мог совершать подвиги, нормальный человек на такое не способен. Разум дан человеку, чтобы высоко держать голову. Проблема только в отсутствии перспективы, в том, что позитивное мышление не меняет реальность. А реальность в том, что он – медленно гниющий кусок плоти. Голова крепится сверху на старое мясо, которое не в состоянии самостоятельно снять штаны. Любое другое животное уже давно усыпили бы, чтоб оно не валялось в собственном дерьме.

Болтовня это все. Пустой треп и хрень. В ящике стола лежит девятимиллиметровое решение. На случай, если окончательно устанешь, ты всегда можешь потолковать с Мистером Браунингом, тот даст хороший совет, когда ты готов будешь его выслушать. Но он валяется там уже тринадцать лет. Потому что ты только болтаешь попусту.

Генри отложил программу, все равно никакого толку. Подкатил к письменному столу, он сам спровоцировал всю историю, его осечка. Поленился, оставил деньги там, где мальчишка смог найти. Надо было прятать подальше, в надежном месте. Сплошные счета, чертова больница, еще прием назначили, не могут все в одно время, что ли, кучка паршивых говнюков, ни за что не упустят свои двадцать пять за визит. Халтурщики, мать их, недоумки, в маленьких больницах вроде нашей хороших врачей не найти, здесь одни коновалы работают. Когда якобы нашли опухоль в простате, он буквально видел, как они довольно потирают руки, ну как же,

столько анализов и операций впереди. И пошел тогда к специалисту в городе, как его, индус какой-то, Рамеш, Рамид, говорит так, что не разберешь, но приятный, добрый парень. Этот Рамеш щупал и щупал, проверял и проверял, но опухоли как не бывало, а может, и впрямь никогда не было. Помню, сказал ему тогда: *док, никогда в жизни так не радовался, как сейчас, когда мужик совал палец мне в задницу*. А он все неправильно понял. Маленький старательный доктор. Сказал: *мне это понравилось не больше, чем вам, мистер Инглиш*. И после даже не смотрел на тебя. Хороший парень, да только больше к нему не пойдешь, неловко.

Генри подъехал к окну, в лунном свете отлично видны руины соседского дома, Паппи Гросс уехал двенадцать лет как. В Неваду, к сыновьям, а уже через пару недель доброхоты растащили водостоки, двери, окна с двойными рамами. Звонил ему в Неваду, оставлял сообщение, но он так и не перезвонил. А дом постепенно развалился.

Шум наверху, это Ли рассказывает по комнатам. Она скоро должна будет вернуться к себе, не станет торчать здесь без толку, как Айзек. Ну признайся же. Настоящий мужчина так никогда бы не поступил – как ты обращался с мальчиком. Правильно жертвовать собой ради детей, а вовсе не наоборот. Мальчик по факту гений, они его проверяли, но он никогда не рассказывал, что у сына IQ 167, больше, чем у сестры. Но, как это объяснить, парень всегда был странный какой-то, будто умный и дурак одновременно. Вечно вел себя как-то по-идиотски. Детская бейсбольная лига, мальчишке было двенадцать, его поставили питчером, отличный бросок, но он облажался, восемь ранов кряду, и просрал игру. И как с гуся вода. Бред какой-то. Каково смотреть, как твой сын сливает игру, а ему и дела нет, будто ничего и не случилось.

Нет, думал он, у тебя не было выбора, Ли сбежала первой, и это легче легкого. А мальчик совладал, не пал духом, он сильнее, чем она. Она говорит одно, но внутри совсем не такая. Жизнь здесь доконала бы ее.

Генри думал об этом, он запросто выкатился бы на рельсы под несущийся поезд ради любого из них. Без всяких рассуждений. Мальчик его сын. Нормально же иметь любимчиков, его собственный отец любил его больше, чем брата, так устроена жизнь. Он не сумел бы дать равного внимания обоим. Нет, вранье все это. Ты просто не хотел оставаться один и сделал свой выбор.

Рано или поздно мальчика пришлось бы отпустить, настало время последнего путешествия. В дом, где стариков в памперсах подмывают чужие люди. На пару недель примерно. Жизнь за жизнь. На лужайке у бывшего дома Паппи Кросса пасется олень, жив ли еще сам Паппи, дом

выставлен на продажу уже двенадцать лет, сын его приезжал однажды, остановился в отеле, нанял кого-то срубить все деревья, даже молодые сосенки, по сорок долларов, продал лес на шахту, хоть какие-то деньги получил. Интересно, в курсе ли Паппи. Развалины дома среди пеньков, а скоро и следа не останется, на планете миллионы мест, подобных этому, и сейчас, и во все времена. Земля состоит из костей и руин. Из лесов и обратно в леса, прах из праха, и не знаешь, что тут было прежде тебя.

7. Поу

В новой камере не было окна и свет никогда не выключался, но зато он здесь один. Уже почти середина дня, наверное; завтрак приносили, кажется, несколько часов назад, хотя и в этом он не уверен. Да какая разница. Теперь против него вся тюрьма, бандиты черные и белые, коалиция доброй воли^[37], он не сдержал слова, да вдобавок завалил еще одного чувака, надул парней с обеих сторон. Как только умудрился. Главное правило – грамотно выбирай врагов, а он выбрал врагами всех. Не убил ли он, часом, Такера. Можно подумать, это что-то меняет, огребать-то придется не по совокупности. Что бы ни натворил в жизни, все равно в конце ждет смерть. Его прикончат, разумеется, при первом же удобном случае.

Поу тут же зазнобило, он весь покрылся холодным потом, взмок и сразу замерз, хотя еще минуту назад было тепло. Встал, прошелся по камере, похлопал ладонью по стене, потрогал решетку, бесполезно, закон природы, хотелось кричать, есть чувства, которым надо дать выход. Но он не станет. Он мужик. Он сейчас ляжет на койку и успокоится. Так и сделал. Он весь мокрый, в ушах шумит, похоже на инфаркт, так и сдохнешь на этой койке. Через несколько минут паника улеглась, навалилась слабость и ощущение пустоты.

Но по-прежнему есть выход. Прямо перед носом. Можно сказать правду и все изменить, адвокат, как и все прочие, ждет от него именно этого. Для того и нужны адвокаты. Чтобы вытащить его отсюда. Спасти ему жизнь.

Вот только это не спасение, а сделка. Айзек и Ли. Против его жизни. Против его клятв. Против всего, во что он верил, что есть хорошие люди и плохие, и Айзек один из немногих хороших. А он сам, если спокойно посмотреть, находится ровно там, где ему и положено быть, ему здесь место, а вот Айзеку – нет. Не самое правильное, конечно, место, может, и не совсем ему тут положено быть, но он не слишком потрясен, даже смирился как-то. В прошлом году он уже практически угодил сюда, да мать с Харрисом вытащили. Так что это не трагический поворот судьбы, он не родился беженцем в трущобах, это его собственный выбор, и надо по-мужски за него отвечать. Он готов ответить за последствия.

И все-таки – если адвокат начнет расспрашивать, что произошло, трудно будет удержаться от подробностей, это уж не разум, а его натура такая. Если спросят, он скажет. Ничего с этим не поделать. Но если не

спросят, он и не станет ничего говорить. Это по-честному, равные шансы для обеих сторон. Правда, он знает, что спросят обязательно. Очевидный же вопрос: кто убил человека в заброшенной мастерской? Господи, как будто много лет прошло, кажется, что все случилось в далекой древности, это уже часть истории. Но ты оказался здесь ровно из-за тех событий. Тебя спросят, и ты расскажешь. Это лишь правда, только правда. Ничего, кроме правды.

Поу опять встал, походил, три шага до стены, развернуться, три шага обратно. Перед ланчем, так они сказали, адвокат придет перед ланчем, а сейчас уже прошло сколько-то времени после завтрака. В этом весь ты. Если есть шанс во что-то вляпаться, ты обязательно вляпаешься, и дело тут не в случайности, запросто можно было всего этого избежать, сколько дорог открывалось, но ты не воспользовался ни одной. Дохлый номер, безнадега. Проспал свою жизнь, плыл по течению. А течение становилось все быстрее и быстрее, а он не заметил. И вот финал, он перед громадным водопадом. И не только колледж, были и другие возможности, иногда такие, за которые с готовностью ухватилось бы полгорода, но он выбрал иной путь. Сразу после выпускного ему звонил Орн Зидель, предлагал место в компании, которая производила пластиковые уплотнители для мусорных полигонов. Поездки по всей стране. На новых полигонах они укладывают пластиковое покрытие как подкладку под будущие отходы, чтобы всякая дрянь не просачивалась в грунтовые воды, в речки и всякое такое. А старые свалки они запечатывают в такой здоровенный пластиковый пакет, накрывают сверху плотным слоем специального материала и надувают воздухом, проверяя герметичность, а пока не засыпали сверху землей, можно пробежаться по этому грандиозному батуту, как по поверхности Луны попрыгать, говорил Орн, для начала четырнадцать долларов в час. Но это же не пробежаться по Луне по-настоящему. Это же возиться с мусором. Они называют себя техниками, как же. На самом деле просто накрывают пленкой горы мусора, вся жизнь проходит на свалке. Родная страна должна предложить тебе что-нибудь получше, считал ты.

Или вот последний грандиозный шанс – дядька Майка де Люка предлагал, золотая жила вообще, демонтаж, разбирать старые заводы, сталелитейные гиганты, они же по всей стране закрываются, не только наши местные. Но это ж надо ездить. Поу заполнил заявление, конечно, и даже на собеседование сходил, но это ведь жить на чемоданах, постоянно в разъездах, и мужик, который с ним разговаривал, догадался, наверное, по его роже, что ему такое не по душе. Работать надо на Среднем Западе,

разбирать автозаводы в Мичигане и Индиане. Но придет день, когда и эта работа закончится и не останется ничего, напоминающего о великой американской промышленности. Поу казалось, что из-за этого обязательно возникнут большие проблемы, он не знал, какие именно, но возникнут точно. Нельзя, чтобы страна, особенно такая большая, как Америка, не производила нужные вещи сама для себя. Иначе обязательно со временем начнутся неприятности.

А дядька Майка де Люка, двадцать лет он отработал на сталелитейном, а потом следующие двадцать лет растаскивал эти заводы на металлолом, разворовывал их, это было вроде мести, словно хотел поквитаться за то, что его сократили, но по факту все-таки не месть, работа, не то что о такой каждый мечтает, как он втирал в городишках, куда его заносило, если вдруг официантка спросит: *а что это вы делаете в нашем городе?*

Впрочем, все не так плохо. Он прожил нормальную жизнь, видный парень, местная знаменитость, круче многих. Переспал с четырнадцатью девчонками, тоже неплохой результат. У одной из них, может, даже ребенок от него, жизнь после смерти, так сказать. Но не обязательно все должно вот так закончиться. Он же может сказать правду. Правду и ничего кроме. Он же не убивал этого Отто, и тогда его отпустят, и Кловис и все остальные, которые непременно пришьют его, они тогда просто никогда больше его не увидят.

Старое присловье, что истина сделает тебя свободным. Он сможет сидеть на свежем воздухе, дышать полной грудью, ловить рыбу, есть сэндвичи с яйцом, постреливать в кроликов из А-22. Благословенный А-22, что бы я мог тут натворить, будь ты у меня в руках, А-22, самый мелкий калибр, да я бы прищучил всю эту свору. И он вышел бы на волю и лежал под теплым одеялом, а Ли обнимала бы его ногами, поднимая одеяло над ними обоими, как палатку, и он вдыхал бы запах ее кожи и шершавой темной полоски между ее ног. Да до хренища в жизни удовольствий, миллионы, целую вечность можно их перебирать, для каждого свои, дубовая кора, свет в доме, заметить здорового оленя и не стрелять в него. В любой момент ты мог потерять это счастье, но принимал как должное, а сейчас все будет иначе. Его жизнь обретет смысл. Ты больше не будешь плыть по течению в надежде, что все обернется к лучшему, раньше ты не знал, а теперь-то знаешь, теперь ты сможешь все изменить.

Он лежал на холодном бетонном полу. Сунул голову под койку и лежал в темноте. Он не сможет сказать правду, потому что это не правда вовсе. Ли никогда его не простит. Поймет, кто он такой на самом деле. Не захочет даже думать о нем, возненавидит больше всех на свете, и не надо быть

гением, чтобы это понять. Черт, она уже знает, как все произошло. Не надо было ей рассказывать. Но сделанного не воротишь, пути назад нет, она не простит ему, что это был ее брат, она не сможет притвориться, будто бы ничего не было.

На этом месте ему стало еще хуже, опять начал нервно потеть. Нет, такого он не допустит. Рассказав ей, он сам захлопнул за собой двери тюрьмы. Но соврать все равно не сумеет. Ни за что так не поступит, не сдаст своего лучшего друга, он не из таких, думать может что угодно, но никогда так не сделает. Вроде как смотреть можно, а трогать нельзя.

Только посмотрит. Такова жизнь. С одной стороны – идеи, с другой – настоящая жизнь, даже точнее, слова против крови. Посмотрим. Придет адвокат, он подпишет бумаги, и все будет кончено. Сам предлагать ничего не станет, но если спросят, он скажет. У него не будет выбора. А если не спросят, он и не скажет ничего. Но они же спросят. И это, скорее всего, будет самый первый вопрос.

Нет, он не хочет встречаться с адвокатом. Он будет зол, подумает, как достать Кловиса или самого Черного Ларри, он утянет их с собой. Поу станет легендой, про него будут рассказывать, как человек запросто может изменить судьбу. Шум откуда-то. Поу все так же лежал под койкой. Высунул голову и увидел надзирателя, который колотил дубинкой по прутьям решетки.

– Надевай браслеты. Твой адвокат явился. – И открыл окошечко в двери, чтобы Поу просунул туда руки.

Поу встал, подошел к унитазу, попробовал помочиться – не вышло, слишком нервничал.

– Вали, мать твою, сюда, надевай браслеты! – рявкнул надзиратель. Маленький толстяк с реденькими волосами и пухлой раскормленной рожей, которая так и сияла от радости.

– Никуда я не пойду, – отозвался Поу.

– Хорош уже строить из себя крутого. Выкатывайся давай отсюда, пока я, мать твою, не вызвал долбаную спецкоманду по твою задницу.

– Да зови. Они меня выволокут, но добром я никуда не пойду.

– Ты тупой мудака, слышь?

– Открой дверь и давай глянем, точно ли я такой тупой.

Толстяк уставился на него в радостном изумлении.

– Ну ладно. – Он еще разок провел дубинкой по решетке и двинулся было прочь.

– Эй, – окликнул Поу.

– Что, уже передумал?

– Что с тем парнем? Моим соседом?
– Увезли в больницу в Питтсбург.
– Он вернется?
– Даже если и вернется, не думаю, что сможет создать кому-то проблемы.
– Да мне похрен.
– Да и всем тоже. Тут есть человек пятьдесят, кто с радостью разберется с ним, даже в больнице.
– Это должно мне как-то помочь?
– Тебе не добавят новых обвинений, это я тебе могу обещать. А теперь поднимай задницу, надевай наручники и вали к своему адвокату.
– Нет.
– Не знаю, что ты себе вообразил, – сказал охранник. – Наверное, думаешь, что твои дружки дома сделают для тебя то же самое, но точно тебе скажу – нет, а если не веришь – посмотри внимательно вокруг, где они, твои друзья? Так что поднимайся. Дай себе хотя бы один шанс.
– Не старайся, – ответил Поу.
Толстяк еще раз внимательно посмотрел на него напоследок. А потом скрылся из виду, и Поу слышал его удаляющиеся по коридору шаги.

8. Ли

Почти весь день она колесила по окрестностям, искала, где бы посидеть почитать, останавливалась на минуту, а потом ехала дальше, мимо домов своих старых приятелей, учителей, но нигде так и не обрела покоя. Здесь нет для нее места. Может, когда-нибудь, но не сейчас. Все, что у нее здесь есть, – ностальгические воспоминания. В основном связанные с Айзеком. Или она пытается себя в этом убедить.

Ли всегда знала, что ему будет нелегко в жизни, эта его несуразность, вечная неловкость с людьми, с ее школьными друзьями. Непонятно, как с ним вести себя. Да он сам не понимал, что с собой делать, с таким. На свете только один человек был похож на него – его сестра. Ровесники ошибочно принимали его великодушие за снисходительность, полагая, что Айзек оценивает их по тем же невысказанным критериям, что и самого себя. И в итоге он, должно быть, оставил попытки.

Она чувствовала, что начинает злиться, в первую очередь на себя, но еще и на своих бывших однокурсников. За год до выпуска, помнится, они сидели в комнате у Гретчена Миллза, и кто-то, кажется Банни Сач, сказала: “Ребята, вы понимаете, что это самое сложное, что мы сумели в жизни.

Попасть сюда – это величайшая задача в мире, и мы ее уже решили”.

Да ничего они на самом деле не сумели. Все они родились у правильных родителей, в правильном месте, учились в правильных школах, общались с правильными людьми, сдали все правильные экзамены. У них просто не было шансов на неудачу. Да, они много работали, но всегда знали, что получают достойную награду – мир никогда не повернется к ним спиной. Очень немногие из них заслужили свое место по праву. Каждый признавал себя избалованным счастливымчиком, но в глубине души они были уверены, что достойны своего успеха.

Разумеется, она промолчала тогда. Хотела бы возразить, но не решилась. И жалеет теперь. Это сейчас легко вспоминать и рассуждать, но в тот момент она не хотела выделяться из компании и мечтала подружиться с Банни и думать, что заслужила эту безмятежную радостную жизнь.

Дружба Айзека с Поу по сей день озадачивала ее. Но и ее отношения с Поу должны были вызывать недоумение у Айзека. Может, потому что люди всегда выделяли их, Поу и Айзека, отличали от прочих – Поу за его выдающиеся достижения в спорте, Айзека за его мозги. Они оба были лучшими – каждый в своем. Их маленький городок практически впал в депрессию, наблюдая, как два самых талантливых парня хоронят себя в этой дыре, обманув всеобщие надежды.

После первой поездки Айзека в Нью-Хейвен она думала, что брат вернется, хотя бы на месяц летом, она бы наскребла денег на круглосуточную сиделку для отца, уж на месяц наскребла бы. К тому моменту у нее уже были две кредитки – как-нибудь нашла бы способ расплатиться.

Но Айзек так и не ответил на ее предложение приехать. Он уже начал меняться тогда. Впрочем, нет, он, наверное, слишком беспокоился об отце. Генри понял бы, если б Айзек уехал на каникулы в Коннектикут, но Айзек не хотел рисковать – боялся, что Генри о нем подумает. А ты относилась к проблеме гораздо проще. И соскочила с крючка.

Айзек не был готов уйти, он же сам так говорил. У него было гораздо больше времени, чтобы снова и снова думать о матери, в то время как его сестра уже перемещалась на другую орбиту – и вскоре укатила в Нью-Хейвен. Она и не подозревала, сколь сильно изменились Айзек и отец за эти годы без нее. За это время могло произойти все что угодно. Повезло тебе. Ты слишком эгоистична, чтоб хотя бы допустить возможность остаться.

Вот Айзек – назовите два числа, предложите ему перемножить в уме,

например, 439 на 892. И через пару секунд получите ответ. Он просто его видит, без всяких вычислений. Разделить – тоже запросто. Она однажды решила проверить с калькулятором, была уверена, что он просто запомнил определенные комбинации цифр, что это какой-то трюк. Но нет, никакого подвоха. Есть у меня такое свойство, пожал он плечами, сам не понимаю, как работает.

Ее бывший бойфренд, с первого курса, Тодд Хьюз, физик, буквально влюбился в Айзека, называл его блистательным, предлагал помочь с заявлением. Почти все выходные Айзек не отходил от Тодда. А ей с Тоддом было скучно. Может, Айзек слишком рано приехал, она была еще совсем девчонкой. Это тебе следовало остаться с отцом, а не Айзеку. Ты единственный человек в семье, который ничем не пожертвовал. На Саймона, который познакомился с Айзеком в те памятные выходные, брат не произвел особого впечатления, и Саймон тоже не произвел впечатления на Айзека.

Давным-давно, когда они еще учились в школе, ей казалось, что если закрыть глаза и как следует сосредоточиться, она сможет увидеть, где сейчас находится Айзек. Потому что ты прекрасно его изучила, думала она. В этом нет никакой магии.

Ли ехала по шоссе вдоль реки.

Ну ладно же. Заметила удобную площадку, подрулила туда, выключила двигатель и долго смотрела на траву, скалы, вздымающиеся из воды, на извилистую реку, за очередным поворотом скрывающуюся из виду. Опустила голову на руль, закрыла глаза и сосредоточилась.

9. Айзек

Из лесной тьмы, сквозь завесу листьев, он разглядел двух людей на ярко освещенной парковке “Уолмарта”. Молодые парни, примерно его возраста, в форменных синих жилетах. Рады неожиданному развлечению – погоня за воришкой. Расскажут всем приятелям, что почти поймали тебя. Но соваться за тобой в темноту. Айзек развернулся и двинулся дальше в лес, через несколько сотен ярдов наткнулся на ручей, вода поблескивала в лунном свете. Старые шины и рваные матрасы, пивные бутылки. Никто сюда не ползет. Вон там дальше тропинка.

Айзек пошел по течению ручья. Так легче, тем более когда не знаешь, где находишься. А нормально прошло ведь. Ты точно знал, что тебе нужна эта одежда, и рассуждать не пришлось. Все происходит само собой, просто не мешай, и все получится. Если чересчур долго раздумываешь, то

зацикливаешься, теряешь уверенность, отсюда все твои ошибки. Остался в той мастерской, когда явился Швед с друзьями, потом вернулся зачем-то прятать тело. Улегся спать на поляне рядом с человеком, которому не доверял. Начал доставать нож, пока тебя грабили, но зачем-то ухватил злодея за куртку, потом гнался за ним по улице. Что бы ты сделал, если бы поймал его, – применил силу убеждения?

Будь здесь Поу, он ни за что не позволил бы тебе безмятежно спать рядом с Бароном. Да будь здесь Поу, я бы вообще не встретился с Бароном. Но Поу здесь нет. И, вполне вероятно, вы никогда больше не встретитесь. Подумайте об этом, Ватсон, – все эти люди для вас фактически умерли. В животе образовалась пустота, которая стремительно распространилась на все тело. Не останавливайся, приказал он себе. Все пройдет.

Примерно через милю, почувствовав себя в относительной безопасности, он остановился. За это время он пробрался под несколькими мостами; здесь все по-другому, меньше мусора по берегам. Пора бы помыться. Для начала осмотреться. Видишь – ты один. Айзек сбросил старую одежду. Свет от домов вдаль, но у воды тьма кромешная, приятно. Да, все меняется. Прежде боялся темноты, а сейчас тебе в темноте спокойно и уютно. Помнишь, в детстве ты спал в палатке во дворе, но всегда оставлял полог открытым, чтобы было видно дом. Нынче все иначе.

Так, хорош канителься. Давай-ка приведи в порядок физиономию, неряха. Он сложил похищенные туалетные принадлежности на камень у воды, разделся до новых трусов, плеская водой, намочил голову, намылил волосы и лицо, смыл, намазал щеки гелем для бритья и побрился на ощупь. Выбрал зачем-то дешевые лезвия, будто собирался за них платить. Пройдись-ка еще разок для верности. Намылил лицо заново и побрился второй раз. Вытирайся уже быстрее – вода течет через помойки, триллион бактерий на галлон. И воняет машинным маслом. *E. coli*^[38]. Новый человек, начисто отмытый промышленными отходами и дерьмом. Где футболка?

Он обстоятельно оделся, аккуратно заправил новую свежую рубашку в чистые штаны, сверху флиску и куртку. Энергетические батончики выпали из карманов во время бегства. Забыл застегнуть молнии. А ведь это была еда на целый день. Да ладно, мотнул он головой, думай о хорошем – чистые волосы, чистое лицо, чистая одежда. Минута – и согреешься.

Следуя по течению ручья, он прошел задами длинющего жилого комплекса, потом под еще одной эстакадой, затем еще один жилой район, с дворами, спускавшимися к реке. Мечта жителя пригорода – ручей на заднем дворе. У всего есть обратная сторона – и ручей может оказаться

водопроводом для беглого преступника.

Айзек остановился, разглядывая дома на пригорке, там у людей светло, им не видно, что творится во мраке у реки. Дымок из труб, уютные каминны. Девчонка вышла на заднее крыльцо поболтать по телефону; в соседнем коттедже с десятков гостей – вечеринка, похоже, – и никто не замечает, что мимо них, всего в пятидесяти ярдах, бредет в темноте Айзек.

Итак, умозрительная ситуация: тебе, скажем, придется выбирать между собой и ими – вон теми людьми, ты никого из них не знаешь. Нажать красную кнопку, сбросить ядерную бомбу, все такое. Идиотский вопрос вообще-то. Ладно, тогда представь, что это *им* приходится выбирать – между тобой и собой. Тоже мне загадка. Чужак – пустое место. Звонок в полицию, полминуты волнений – и назад к своему шардоне. О твоём лабрадоре будут волноваться больше. Итак, Ватсон, в путь. Нет приюта усталому путнику.

От соседнего крыльца залаяла собака. А кстати – не стырить ли ее жратву? Гости вечеринки смотрят в окна, прямо на Айзека, но не видят его. Но шавка знает, что ты тут, а вроде, казалось бы, тупое животное.

Он не останавливался. Прекрати размышлять об этих людях, у тебя и без того был тяжелый день. Пожалел розгу – испортил Барона, как говорится. Может, это был единственный вариант, а может, и нет, – в итоге шесть долларов в кармане и полицейский видел тебя в лицо. Айзек вздрогнул. Финал в прицеле пистолета. Коп запросто мог пристрелить тебя. И все по закону, сбежавший преступник. Милосердие сдержало его палец на спусковом крючке – ты напомнил ему сына. Единственная удача за многие годы.

Еще два дня, и ты останешься окончательно без денег и пищи, если до тех пор не случится чего-нибудь еще. И подавания не попросишь – описание твоей внешности уже разослано. И рюкзак твой, скорее всего, тоже нашли, им известно твое имя. Не говоря уже об истории со Шведом. Ордер действителен во всех штатах.

Продолжай в том же духе, и твое тело скоро обнаружат в кустах. Для них очередной висяк, для тебя – *нет, умоляю*, шепот *прости, малыш*, и чувствуешь, как жизнь покидает тебя. Может, и не завтра, но вскоре. Не прикидывайся, что не видишь иного выхода. Ты должен срочно начать действовать по-другому.

Он брел, озираясь в темноте. Никого, только ты. Возможно, уже поздно что-либо менять. Возможно, ты уже обменял свою жизнь на жизнь Барона.

* * *

Ручей привел на широкую просеку для ЛЭП. Ровно, хорошо расчищено, при свете звезд и луны далеко видно в обе стороны.

Полярная звезда позади – ты идешь на юг. Присядь на минутку. Он нашел удобное место и устало опустился в высокую траву. Закрыв глаза, но цветные пятна и бесформенные образы под веками быстро сменила череда лиц. Он поскорее открыл глаза, еще разок огляделся. Нет, ничего. Тоже мне большое дело. Подтянул ноги, уронил голову на острые коленки. Четкая картинка, мужчины сидят у огня. Ты просто устал. Но лица не исчезали, Швед и остальные, и что-то еще, смутная тень в темноте. Потом Швед стоит в полный рост, отлично виден в свете пламени из печки, говорит *он наверное давно сбежал*. Последние слова. Выбор невелик – в одну дверь вышел, а вошел в другую. Ведь *знал*, что не надо возвращаться тем же путем.

Единственная причина, по которой вы с Поу остались в живых, тот самый невеликий выбор. Собственное тело постаралось сохранить твою жизнь – *иди в другую дверь*. Автоматический режим. Древний, как гравитация. Погляди, что ты сотворил со Шведом: никаких размышлений, никакого ножа, пистолета или даже дубинки. Случайно подобранный предмет. Животная часть природы, нижние центры. Встроено в каждого младенца. Говоришь, это атавизм, но оглянись вокруг. Друг важнее чужака. Ты сам важнее друга. Высочайшие ставки – и ты жив, а другой парень – нет.

Так, и каков вывод? Айзек глубоко вдохнул. Надо двигаться дальше. Он совсем вымотался, ноги сводит судорогой, но он встал и пошел.

Вот он, смысл: ставь одну ногу перед другой. Не замерзай. Тебе придется повторить то, что ты провернул в универмаге, может, и не завтра, но когда-нибудь обязательно. Разыгрываешь из себя особенного, но ты такой же, как все. И тебе тоже нужно питаться.

Признай этот факт. Остановись. Нет уж. Поверь в Малыша, он что-нибудь придумает.

Айзек продирался сквозь высокую густую траву. Вокруг темно и уже давно не видно никаких светящихся окон, а над головой просторное свободное небо.

Нет здесь никаких Малышей. Есть только ты.

10. Грейс

Она почти не спала, а в окно уже пробивался солнечный свет, опять утро, пустое и бессмысленное. Позвонила на работу, сказала заболевшей.

Ей нужно подумать. В непонятном забытии очутилась вдруг перед дверью в комнату Билли; дыра, которую он пробил, а потом заклеил изолентой, то ли в припадке злости, то ли еще почему, она не помнила уже. Распахнула дверь, вошла. Тишина, покой, солнечный свет и клубы пыли. Как в гробнице. Растянулась на его постели, все еще хранящей его запах; ее мальчик, уже совсем взрослый мужчина.

И все равно это детская: покоробившиеся старые плакаты, в кучу сваленная одежда, обувь, охотничьи журналы, школьные тетради, какие-то листы с домашними заданиями, карниз со шторой, упавший несколько месяцев назад, который он так и не озаботился повесить на место. Надо бы поесть, но совершенно неохота. Она сделала все, что могла, но этого недостаточно. Никогда не узнает почему, но она не справилась и никогда не поймет этого. Он чертовски упростил ей жизнь, теперь она ясно видела, как часто удерживалась на краю *только ради него*. А так-то что жить, что умирать – без разницы. Тяжесть во всем теле, подняться – нет, и помыслить невозможно.

Его охотничий лук в углу, винтовка рядом с кроватью, единственные две вещи, за которыми он ухаживал почти с религиозным фанатизмом, вечно натирал воском тетиву, смазывал ружье, держал оружие на специальных деревянных подставках на стене, сам смастерил. Грейс встала, взяла в руки винчестер, взвела курок, она не знала, заряжено или нет. Не стала проверять патронник, просто держала оружие, ощущая его вес. В такую игру она могла бы сыграть. А если окажется, что было заряжено, она не виновата.

Чуть погодя она опустила винтовку, и тут вдруг руки задрожали. Нужно выйти отсюда, выйти из комнаты Билли, но она не хотела и потому опять уселась на кровать.

Придется избавиться от ружья, отдать его Харрису. Но, наверное, поздно, мысль уже поселилась в сознании и медленно подтачивает его, как вода берег реки или как пустоты в грунте, когда дом внезапно проваливается в старую шахту. Почва постепенно исчезает, тает, а потом – раз.

Впрочем, у нее же есть Харрис. Она не останется в одиночестве. Но без Билли она будет становиться все тише, все меньше, пока в конце концов не сожмется в крошечную точку и не исчезнет, потому что это все равно было время займы, вся жизнь была построена на фундаменте надежды. Под всем этим дерьмом про выбор, про счастье скрывалась только надежда. В смысле, нерешительность. Сердце замирает в ожидании перемен.

Она всегда твердила, что надо верить, надо думать, что дальше будет

лучше, а на деле это мышеловка, один из тех узлов, что ты не в силах развязать.

Грейс опять встала, открыла шкаф, ну конечно, зачем тут полки, все навалено кучей, просто гора барахла, вот-вот вывалится наружу. И все это надо будет выбросить, ведь он никогда не вернется домой.

“Но я же никому не причинила зла!” – выкрикнула она вслух. Почему же я должна расплачиваться за это. Это правда – она никому не причинила зла. Работала в Кризисном центре для женщин – помогла многим людям. Сверху на шкафу стояли пустые пивные бутылки, давно, наверное, стоят, она взяла одну, взвесила в руке, принаравливаясь, вот бы запустить бутылкой в окно, заорать во весь голос, расшвырять все в этой комнате. Но никто не увидит и не услышит. А если никто не услышит твоих воплей, то нечего и напрягаться.

“Я хороший человек, – вслух, громко, объявила она, – я всегда поступала правильно”. Она из тех, кто живет ради других людей. И Билли – это была самозащита, она ни секунды не сомневалась. Самозащита, она же видела его шею. Один из тех типов, возможно именно тот, что умер, пытался перерезать горло ее сыну. Это была самозащита, но некому подтвердить. Его посадят, он погубит свою жизнь ни за что. А те, кто засадил его туда.

Ну давай, скажи. Скажи, о чем ты думаешь. Скажи вслух, что ты имеешь в виду. Она ворвалась в ванную, увидела в зеркале свое лицо, торопливо умылась холодной водой. Я хороший человек, но то, что случилось с моим сыном, это несправедливо. И Харрис может найти того человека. Хороший человек и хорошая мать – звучит почти одинаково. Ничего подобного. Это не одно и то же. Самозащита, и этот тип, бездомный, бродяга, *никто*, как сказал Харрис, – или ее Билли. Неправильно так ставить вопрос, ты не должна так думать, но вообще-то дело обстоит именно так: другой человек в обмен на Билли.

* * *

Она долго принимала ванну с сандаловой пеной, которую берегла целый год, подарок от девочек из центра. Что бы они сказали? Но все они поступили бы точно так же, любая мать на ее месте, нет здесь никакого выбора. Она позвонила Харрису, и тот обещал приехать.

11. Харрис

С Грейс что-то не так, она сидела на диване и словно бы удивилась,

увидев его; на секунду он даже подумал, не вернулся ли Верджил, но машины снаружи не было. Потом решил, что она, наверное, просто выпила.

– Не слышала, как ты подъехал. – И похлопала ладонью по дивану рядом с собой.

– Плохой день?

Она кивнула.

– Я могу помочь?

Грейс помотала головой.

– Знаешь, наверное, это знак, Билли и все это. Вроде бы я старалась изо всех сил и. – Она растерянно пожала плечами.

– Никакой это не знак. Еще рано делать выводы.

– Не надо, не лги мне больше.

– Он славный парень. У него все наладится. – И вовсе не солгал, ему так хотелось, чтобы это было правдой, ведь Билли и впрямь славный мальчик.

– Спасибо.

– Я серьезно.

Они целовались, но как-то спокойно, без огонька. Харрис занервничал, чуть не схватил ее за плечи, встряхнуть, разбудить, показалось, что он вновь ее теряет. Как старая семейная пара, они просто сидели на диване и смотрели в разные стороны.

– Давай сходим куда-нибудь, – предложил он. – Приглашаю тебя в “Спирс Стрит”^[39].

– Не надо. – Она медленно приподняла руку и с силой опустила ладонь на его запястье, почти шлепнула. Крепко сжала.

– Много еще должно произойти.

– Я и так знаю, что с ним произойдет, Бад.

Он начал было возражать, но бесполезно, Билли не стремился быть спасенным, на самом деле он тащил на дно и ее, а в итоге он утопит их всех, всех троих. Подавив внезапную вспышку ярости, Харрис скрестил руки на груди, словно пытался удержать гнев внутри. Он всегда ревновал, видя, как она относится к Билли; стыдно, но приходится признать, что он ревновал женщину к ее собственному сыну. И еще одна позорная мысль: было бы лучше, если бы мальчишка погиб, – тогда она смогла бы уехать отсюда, поверить в себя. А сейчас он то ли есть, то ли его нет, он как бы жив, но недоступен, и она всю жизнь будет думать только о нем. И нести его, точно факел.

– Повезло тебе, у тебя никого нет, – прервала она его размышления.

– Грейс, – вздохнул он. – Бедная моя Грейс.

– Я серьезно. Не стоит оно того.

– Давай все же куда-нибудь выберемся. Можем даже в Город^[40], в “Винсент Пицца”, сто лет там не были.

Она устало склонилась вперед, обхватив себя руками.

– Не хочу, живот болит.

– Ты что-нибудь ела?

– Не могу.

– Нужно поесть.

Грейс только помотала головой.

Он коснулся ткани ее блузки, ласково погладил по спине, пробежал пальцами вверх-вниз, прикрыв глаза.

– Я понимаю, мне повезло, – сказала она. – Прости, что все слишком драматизирую.

– Иди-ка сюда.

Она прильнула к нему, опустила голову ему на плечо, и он опять закрыл глаза.

– Может, мне нужен секс, – задумчиво проговорила она. – Думаю, да, именно это мне и нужно.

Они поцеловались, как-то неловко, и он хотел было остановиться, но она не позволила. Прелюдия получилась очень долгой, а потом прошло еще немало времени, прежде чем все закончилось. Он чувствовал себя как выжатый лимон. Грейс вышла в спальню, вернулась оттуда в халате; он как болван сидел голый на диване. Потом все же прикрыл бедра футболкой.

– Не то чтобы я навязывался, но тебе следует все же поесть.

– Я лучше полежу.

– О'кей.

– Но пока не забыла, я должна отдать тебе кое-что.

Она опять вышла и вернулась с оружием – винчестер, он узнал 30-30, винтовка Билли, и старый дробовик.

– Думаю, лучше тебе это забрать.

Он ничего не смог прочитать в ее глазах, пустота. Бесстрастно протянула ему винтовки, и Харрис поставил их в угол у двери.

* * *

Они повалялись вместе в постели, потом опять занимались любовью, уже без всякой неловкости, а словно это было привычным, обыденным делом, она отвечала на его ласки, но будто издалека, откуда едва доходят сигналы. Закончив, они просто лежали, взявшись за руки. Она никогда не

сможет с этим справиться. Ему придется принять решение.

Но вообще-то решение давно принято. Пожалуй, еще в тот момент, когда он прятал куртку Билли. Но он не может уйти от нее просто так. Харрис разгладил одеяло. Казалось, если рвануться посильнее, сможешь продрасться наружу сквозь собственную кожу. Он сам виноват, сам позволил вернуться темным временам. Знакомое чувство. В прошлый раз оно настигло на охоте в Вайоминге, когда заблудился и две ночи провел в снежном плену, без еды, а снег грозил похоронить его навеки. Он понимал, что погибнет, без вариантов, он это заслужил, знал, что надвигается шторм, но не стал ждать, он же так рвался в Вайоминг и не собирался понапрасну терять драгоценные отпускные дни.

Сейчас история повторяется. Он сам вляпался. На рассвете третьего дня он выбрался из снежной пещеры и побрел, пробираясь через сугробы, слишком слабый, чтобы нести винтовку и рюкзак, и спустя десять часов, в сгущающихся сумерках, вывалился на дорогу. Ни одной живой душе он об этом не рассказывал, ни Грейс, ни Хо, ни своему психотерапевту, он переночевал в мотеле и на следующий день улетел первым же рейсом. Но часть его так и осталась в том лесу. В этот раз надо повести себя разумнее. Это единственное, что ты можешь ей дать.

Лучше, конечно, поглубже закутаться в одеяло, но он заставил себя встать. Прошелся по комнате, остановился у окна. Вероятно, он всегда это знал. Только подождать, пока придут нужные слова.

– Иди сюда, – позвала она.

– Сейчас. – За окном светили звезды, он высматривал что-то, но не понимал, что именно.

– Со мной все нормально, просто сегодня вдруг навалилось. Обещаю, я соберусь. Вернись, пожалуйста.

Посреди ночи он вдруг открыл глаза и понял, что совсем не спал. Ничего нового, он делал это и прежде, избавлялся от дурных ростков. Внушения, уговоры. Нет смысла. Билли всегда был на первом месте, есть люди, которые живут ради детей, и Грейс как раз из таких. В противном случае она не была бы Грейс. Масса народу живет иначе, и это чудо, что на свете еще есть такие, как она. Ему повезло встретить прекрасного человека.

– Что ты сказал? – прошептала она.

– Я позабочусь о Билли. С ним ничего не случится.

В темноте они долго смотрели в глаза друг другу. Она не понимает, догадался он. Она не понимает, что это значит.

– На всякий случай, будет лучше, если ты никому об этом не расскажешь. Ни единой душе.

Он видел, как на глаза ее навернулись слезы, но она вытерла их, и все.

– Я плохой человек. Да?

Он ласково убрал прядь волос с ее щеки:

– Ты его мать.

12. Айзек

Он спал в подлеске на краю поля и очнулся, разбуженный шумом подъезжающего фургона, фары светили прямо на него. Вставай, это за тобой. Айзек мучительно соображал, где он, куда бежать, а шум становился все громче, и свет фар вдруг переместился в сторону, и Айзек тут же вскочил на ноги.

Зеленый фермерский трактор. Айзек присел, и фермер пронесся мимо, не заметив; длинная сеялка оставляла за собой ярко-желтый шлейф семян. Ох уж эти ранние пташки. Кровь стучала в висках, Айзек еще не до конца проснулся, но не мог сдержать усмешки. Старик рассекал на тракторе, точно на гоночном болиде. Но борозды при этом идеально ровные. Из своего укрытия он наблюдал, как работает фермер, а потом – как встает солнце над длинным полем, но наконец опомнился, собрался с духом и пробрался за живую изгородь. По ту сторону оказалась дорога.

Равнины, в основном сельскохозяйственные земли. Кое-где разбросаны небольшие поселки, но в основном обширные пространства возделанной пашни, разделенные узкими полосками деревьев или старинными заборами. Аккуратно расчерченный мир. По линейкам дорог. Посевная, потому смотри, чтобы тебя не поймали за нарушение границ частных владений. Потому что в этих владениях запросто можно раздобыть еду. Или как минимум напиться из чьей-нибудь поливочной системы.

Около полудня на пути оказалась широкая река. Или это озеро Эри? Оно тут должно быть недалеко. Интересно, вода нормальная? Хоть рот промочить. Не, даже не пытайся, а то финал окажется еще хуже. Слева вдоль берега стояли дома, большой коттеджный поселок, справа, чуть дальше, сплошь вода и просто открытое пространство. Айзек направился в сторону озера. И тут заметил полный мусорный бак.

Ну как, осмелишься? Да без вопросов. Он огляделся, нет ли свидетелей, и торопливо перерыл содержимое. Здесь точно найдется нетронутая и неиспорченная еда, он чувствует ее запах, перебивающий даже вонь помойки. Нет, до такого я еще не дошел. Он копался в куче отходов – бумажные пакеты из-под уличной еды, винные бутылки, пустые пивные банки, бутылочки из-под воды. Одна оказалась увесистой. Почти полная. Интересно, там вода или что-нибудь еще? Ты проверь, а то вдруг это моча. Зарывшись по плечи в помойку, он ухватил бутылку, вытащил, посмотрел на свет. Чистая и холодная. Надеюсь, без примесей. Лучше, чем вода из озера, – эту, по крайней мере, пил только один незнакомый человек, а не

миллион. Он выпил половину воды, слегка отдающей сигаретами, плотно завернул крышку, сунул бутылку в карман. Ну вот. Уже лучше. Надеюсь, никто не видел.

Айзек шел дальше, вдоль линии берега. Впереди виднелась атомная электростанция, над озером торчали башни охлаждения. Куда ты направляешься? Не знаю. Просто иду. А что сейчас делает Поу? Уж точно не ест обьедки из помойки. Спит, наверное. Напился и дрыхнет в своем гамаке. Впрочем, это не единственная возможность. Поскольку в наличии еще мертвое тело и его куртка, обнаруженная рядом. От этого факта не скроешься.

Когда же я перестал быть прежним? В глазах других или своих собственных? В своих, разумеется. Не знаю. Что-то не так, ты удаляешься от озера – вдоль притока, что ли. Пойдешь вдоль него и совсем заблудишься. Выбери направление и держись его. Запад, вот и отлично. Но он понимал, что это не имеет значения. Ему некуда идти, его никто не ждет, и отныне совершенно неважно, где он находится.

* * *

Еще одна федеральная автострада, пространства все шире, леса и поля. Время от времени он позволял себе глоток из бутылки с водой. Рано или поздно попадется что-нибудь еще. Ведерко с кусками жареной курицы. Бифштекс и яичница. Дорога заканчивалась тупиком в лесу, и Айзек пошел через лес. По-прежнему на запад. Какая разница. Здесь или по дороге – одинаково бессмысленно. Просто идти, передвигать ноги.

Через лесополосы, такие широкие, что не видно было, где кончаются деревья, и узкие посадки, разграничивающие фермерские поля. К обеду появилось странное чувство, что за ним следят. Глупо было сюда сворачивать, здесь же не раздобыть еды. Земля влажная, испещрена следами оленьих копыт. Пульс участился. Чистая паранойя. Угомонись, не то свихнешься. Единственное истинное здоровье – здоровье психическое. Айзек продолжал путь, но чувство не притуплялось. В узком месте тропы он спрятался за здоровенным валуном и затаился.

Три пса, бродячих, трусили следом, вожак остановился, принялся. Тощие и грязные, с проплешинами на шкурах, помесь разных служебных пород – бордер-колли, овчарки, не разберешь.

Он похолодел. К стае присоединился четвертый пес и, почуяв Айзека, насторожился и двинулся к обломку скалы, за которым прятался человек. Неужели заметили? Вроде нет. Но едва ли они хотят поиграть. Айзек огляделся, подобрал несколько камней покрупнее. Ты шевельнулся – вот

теперь они тебя видят. Первый пес ринулся вперед, слегка припадая к земле, уши прижаты, Айзек поднялся во весь рост и швырнул камень прямо ему в грудь. Не очень сильно, и пес лишь слегка вздрогнул, но не прервал атаки. Второй камень Айзек запустил с гораздо большей силой, целясь прямо в нос, а третий удар обратил пса в бегство. Остальные звери в замешательстве медлили, но под градом камней в панике бросились наутек.

Жестоко? Ерунда. Давай-ка переберись через вон то поле и отыщи дорогу. Простите, собачки. Они, однако, чуяли, что съестного у него нет. И не собирались выпрашивать подачки – они проверяли. Бродячие псы хуже койотов – меньше боятся людей. Поэтому фермеры их отстреливают. Ладно, проехали.

Перед закатом он остановился передохнуть под деревянным мостом. Огромный диск солнца низко над полями и над кромкой леса. Красиво. Отхлебнул воды из почти пустой бутылки, живот сводило от голода. Если у вас достаточно воды, все в порядке. Надо было порыться еще в помойке, поискать. Нет, шел бы лучше вдоль дороги. Остался бы поближе к людям и еде. Глупо.

Но я же пытаюсь скрыться от людей. Айзек чувствовал, что вот-вот хлынут слезы – от разочарования. Надо вернуться на шоссе. Миль пять-шесть. Поднимайся. Скоро стемнеет, не сможешь ориентироваться. Где-то позади дорога, которая пересекается с федеральной трассой.

К ночи он почти добрался до автострады. На башмаках налипла тонна грязи, он еле брел. Далекое. На сегодня хватит. Если попадется ручей, обязательно напьюсь. Сколько я прошел? Двадцать миль? Голова болит из-за обезвоживания. Ничего, не умрешь. Надо поесть и поспать. И хотя бы глоток воды. Отдохнешь позже. Осталось чуть-чуть. Сосны впереди – под ними должно быть мягко.

Издали донесся собачий лай. Надо бы найти палку. Нет, лучше спальный мешок. Земля холодная. Дайте поспать. Закрывая глаза, он видел фигуры вокруг костра, открывал – но эти люди никуда не исчезали, вон они, высоко в ветвях деревьев. Швед улыбается, его лицо в оранжевом свете огня, темные тени за его спиной. Рядом со Шведом стоит Поу. У изможденных людей бывают галлюцинации, ага. И у голодных. Просто дайте мне поспать.

Завтра придется что-то предпринять. Возможно, еще раз украсть. Прекрасно. Естественнее и быть не может, бери все, что тебе необходимо. Сожри другого. Подобно старине Отто – почил навеки, вонючий козел. Оборванец, чучело. Где-то он сейчас. Вспоминают ли его родные, забрали

ли тело. Пустышка, как любая мертвая вещь, но он человек, у него есть имя, биография, ребенок или двое, девушка, которая его любила. Человеческое начало проявляется в заботе о мертвых и слабых. Звериная природа – наоборот. Проступает, когда остаешься один. Твои высшие ценности меркнут.

Во рту пересохло. В любом сарае найдешь кран, садовый шланг, что угодно. Попробуй сейчас, пока темно. Представь – если бы мать могла тебя видеть. Меч в ее разбитое сердце. Семейный синдром. Ли не подхватила эту заразу. Старик думал, что ты тоже болен, но он ошибался. Хотел другой семьи, чтобы сидеть во главе стола.

Когда это было? Месяц назад. А будто год. Тогда ты решил уйти, и каким же идиотизмом это кажется сейчас. Сидели вместе на заднем дворе, в пальто, грелись на солнышке, слушали радио – главные события весенней серии. “Редс” против “Пайретс”. *Зак Дьюк*^[41], сказал он, *заполучили в высшую лигу – вот парень, который вытащит нас из трясины.* Что ты ему тогда ответил? Не помню. *Любопытно, каково это – быть таким парнем, да. Парнем, который добьется успеха, по-настоящему.* Он смотрел на тебя. *Понимаешь, о чем я?* И продолжил; *конечно, для человека с твоими параметрами у тебя всегда были чертовски сильные руки.*

Айзек повернулся на бок и свернулся комочком, сохраняя тепло. Неужели из-за этого? Нет, конечно, – еще одна соломинка в стог. Могло быть что-нибудь другое, да что угодно – ты все время ждал его одобрения. Признай это. Ты остался не из милосердия. Ты остался, чтобы заставить его осознать, каков ты на самом деле. И получилось лишь хуже. Сегодня он благодарит тебя за вкусный обед, а завтра разглагольствует о том, как ты живешь на его пенсию. Проверяет тебя на прочность. И с матерью он обращался так же. Но ни ты, ни она ни разу не дали отпора. Она, видимо, понимала, что совершила ошибку. И не знала, как исправить. Пыталась выстоять, но не смогла. И в итоге приняла решение.

Она не была святой. Решила, что ее долг исполнен, когда Ли поступила в Йель. Что можно спокойно уйти. Впрочем, не угадаешь, могло случиться что угодно. Никакой записки, импульсивное действие. Смотришь с высокого моста – и вдруг тебя охватывает странное чувство. Сам не успеваешь понять, что произошло.

* * *

Ночью он несколько раз просыпался от холода, в результате окоченел настолько, что не смог больше уснуть. Встань и иди, иначе замерзнешь.

Глоток воды, теперь подняться, пошатываясь, и отряхнуться, и вот он двинулся с места, в полузабытьи, на звук автострады, пока не взошло солнце, и уже не нужно было двигаться, чтобы согреться.

Он доплелся до асфальта и шел еще час, а может, и все три до “Макдоналдса”, а там купил на доллар три сэндвича с яйцом и выпил несколько стаканов воды, унимая головную боль; наполнил бутылку. Люди поглядывали на него искоса и тут же отводили глаза. Осталось два доллара и восемь центов. Третий сэндвич он аккуратно завернул в бумажный пакет и сунул в карман куртки. Умылся в туалете. Одежда опять помята и измазана, но совсем не так, как раньше. Интересно, почему люди косятся на него. Видимо, что-то необычное в лице. Не только синяки.

Дальше он двигался параллельно шоссе, по другую сторону ограждения, чтобы не привлекать внимания полицейских. Нужно отыскать железную дорогу. О, я вновь в состоянии думать. Сесть в поезд на юг, где тепло. А зачем? Куда ехать? Куда-нибудь, где тепло, какая разница.

Все наладилось, я приспособился. Надо бы раздобыть пожрать сегодня. Хочешь сказать, украсть? Не знаю. Просто почему-то хочется есть. Необходимо экономить. Осталось два доллара с мелочью – а завтра тоже надо поесть. И послезавтра. Половину сэндвича съем вечером, решил он.

Айзек медленно брел, перебираясь через бесконечные заборы, кусты и прочие заросли, скрываясь от посторонних глаз. Наткнулся на зону отдыха с туалетом и питьевой водой, здесь то и дело останавливались машины, он наполнил бутылку, долго пил из фонтанчика. Потом уселся отдохнуть за стол, прямо напротив санитарного домика. Вскоре подъехала “камри”, из нее выскочил мужик и поспешил к туалету. Айзек встал, обошел автомобиль, бумажник валялся прямо у переключателя передач, дверцы тупо не заперты, до ближайшего леска ярдов пятьдесят.

С полминуты он стоял, привалившись к машине, а потом пошел прочь, совсем, подальше от этого места. Глупо, убеждал он себя. Эти реверансы больше не для тебя. Нет, я не могу поступить так с другим человеком. Сможешь. Иначе сдохнешь с голоду. Сегодня есть не обязательно, решил он. И вообще у меня пока есть деньги.

* * *

Как только солнце садится, температура стремительно падает, поэтому он битый час готовился – собирал валежник, наваливал кучей около упавшего дерева, оставляя совсем крошечное пространство внизу, потом засыпал сверху сосновым лапником и палой листвой и вообще всем, что годилось в качестве утеплителя, пока не получилась куча высотой в

несколько футов. Еле втиснулся под нее. Тесно, но тепло. Покров из листьев. Получи значок, скаут.

Должно быть, он крепко уснул, потому что очнулся в кромешной тьме, ему показалось, что похоронен заживо, забился в панике, начал было выбираться из убежища, но выглянул наружу и тут же вспомнил, где находится. В лунном свете видно, что рядом какое-то животное, крупное, длинные ноги, олень. *Топ топ топ. Топ.* Почуял запах, подпрыгнул, умчался, только треск сучьев. Айзек закрыл глаза. Мать идет по дорожке к дому, солнечные блики на темных гладких волосах, но мелькает и седая прядь, она улыбается чему-то. Потом ее лицо пропадает. Отец в больничной палате, *забирайся*, предлагает он, и Айзек вспрыгивает на кровать, отцовское лицо распухло от ожогов, волос почти не осталось, он гладит Айзека по голове. *Мой маленький мужчина*, говорит он. *Как поживает мой сынок?* Совсем не похоже на него. Даже глаза. Больничная пьеса с переодеванием. Гамлет наоборот. Начало конца, вот что это было. Сначала когда его сократили, а потом когда произошла авария. Всех перемололо – один ты устоял. Помню, как хотел, чтобы мама завела любовника, бросила его. Но сам-то ты не смог его бросить.

Ездил к Ли, она так радовалась, бесконечно тискала и целовала. Боже, как я счастлива тебя видеть. Прекрати, иначе люди заподозрят тебя в инцесте, увещевал ты. Она беспечно пожимала плечами и мурлыкала песенку из “Избавления”^[42]. Скоро ты тоже окажешься здесь. Среди высоких каменных башен и университетских зданий, похожих на замки. О папе не беспокойся, сказала она.

Думал, что все будут высокомерны, но оказалось – вовсе нет. В ваших краях очень красиво, верно? *Наверное. Но не так, как здесь, конечно.* Думали, он шутит. О нет, он прав. Здесь и вправду красиво, мы просто привыкли воспринимать как должное. Физик, тогдашний бойфренд Ли.

Я должен похоронить воспоминания. И никогда больше к ним не возвращаться.

* * *

Утром он расшвырял свой шалаш, вырыл ямку под туалет, а потом тщательно забросал землей. Уничтожить все следы. И по-прежнему целый сэндвич в запасе. Дорога совсем рядом, и машины несутся, и солнце светит. Он доел последний кусочек, допил последний глоток воды.

И вновь пошел вдоль шоссе в том же направлении. Не представляешь, где находишься. Где-то в Мичигане. Что бы сделал Поу на твоём месте? Фиг знает. Смастерил бы лук и стрелы. Но тебе ни к чему. Что там со

Шведом? Не угадаешь. Да и ладно. Рано или поздно доберусь до железки. Сначала надо бы раздобыть денег или жратвы. Посидеть подольше в какой-нибудь зоне отдыха, наверняка что-нибудь подвернется. Ага, только не хочется. Как пожелаешь. Тогда голодай. Вон виадук, осмотришь.

С высоты виадука далеко видно, равнина, легковушки и грузовики с ревом проносятся под мостом, потом шум затихает вдали. Солнце яркое, при свете заметно, что ты порвал новые штаны. Интересно где. Ветки, шипы, колючая проволока на ограждении. Повезло, что не столбняк. Не перегибайся так далеко за перила. Чувствуешь, как воздух поддерживает, подталкивает вверх. Можешь парить, но всего миг. Кинетическая энергия тяжелого грузовика: масса на скорость в квадрате пополам. Восемьдесят тысяч фунтов умножить на восемьдесят миль в час в квадрате. Нет, футы в секунду. Ладно, тогда сто пятнадцать. Девятьсот двадцать девять миллионов футофунтов. А твой вес – сто десять фунтов. Грузовик и хода не замедлит. Нет, технически возможно. Но все равно не заметит.

Она бы все равно шагнула с моста, и неважно, что она не была нестигаемой. Впрочем, она могла бы выйти замуж за другого человека. Тогда тебя бы не было. Твое существование обусловлено единственным мигом их отношений, и вот он ты. Твое существование предопределено ее браком именно с ним. Твое существование привело к тому, что она совершила. Все две недели поисков вы знали правду, но никто не хотел этого признать. Надеялись, что она просто сбежала, начала новую жизнь, но в глубине души все понимали. На похоронах старик отказывался отодвинуться от могилы, не хотел отъезжать на своем кресле чуть в сторону. Им с Ли пришлось его откатить. И всю церемонию твердил, всем подряд рассказывал, что ее убили. Но люди-то знали. Люди всегда все знают – достаточно сложить два и два. Ты обвинял его и в то же время ни в чем не винил. Да он сам себя проклинал. Уж в этом-то можно быть полностью уверенным. Но все равно продолжал испытывать тебя на прочность – *ну, ты тоже меня покинешь?*

И вот теперь он остался один, с мыслью, как виноват перед ней, с пониманием, что ты его не простил. Один, потому что дочь простила его и спокойно уехала. Да нет же, и я простил его, он все выдумывает и преувеличивает. Потому что вынужден. Видимо, так он чувствует себя внутри. Точно как у тебя со Шведом, часть тебя должна умереть, чтобы не сознавать случившегося. Белая ледяная дыра в самом центре души. Другие должны согреть тебя, иначе холод просочится в мир. Из чего состоит человек: любовь честь нравственность. И тот, о ком нужно заботиться. Человек единственное разумное животное. Одинокий человек разумное

животное. Ненужное зачеркнуть. Крепче держи нож. Не отступай, пока тебя не остановят.

Можешь идти дальше, а можешь прямо здесь наклониться чуть дальше вперед, еще немножко, полсекунды боли, а потом ничего. Я не боюсь. Но есть незавершенное дело. Много дел, но все их можно бросить. Вот только Поу. *Только Поу* – ты не думал о нем так, когда он вытаскивал тебя из реки.

Повезло, подумал он, повезло, что меня никто не видел таким. Ну тогда иди. Давай шагай. Ладно. Я спущусь с этого моста. Я спущусь с моста и сделаю свой выбор.

Книга пять

1. Поу

На третий день карцера явился тот же толстяк-надзиратель, опять поколотил дубинкой по прутьям и велел протянуть руки под наручники. – Не буду я с ним встречаться, – отказался Поу. – Ни сегодня, ни вообще.

– Ты должен подписать протоколы. Пока не подпишешь, даже своего гребаного адвоката не получишь.

– Не собираюсь я ничего подписывать.

– О господи, – вздохнул надзиратель. – И я еще удивлялся, как ты сюда попал.

Он все-таки подождал чуть-чуть, на всякий случай. Поу решил задать вопрос. Можно ведь просто спросить, и все. И выговорил в конце концов:

– А он не может сам сюда спуститься?

– Твою мать, нет, адвокаты не спускаются в долбаный карцер. У них наверху есть специальная комната, там все для тебя приготовлено.

– Ну а я с места не двинусь. Пускай сам приходит. – Знаешь, давненько я не видал такого тупого осужденного мудака.

– Я пока не осужденный.

– Что-то мне подсказывает, что за этим дело не станет.

– Пускай пришлет мне документы по почте.

– Ну смотри сам. Но имей в виду, она баба, адвокат твой. И на морду ничего себе, кстати.

– А сколько мне тут еще торчать?

– Недолго, – фыркнул охранник. – Совсем недолго.

Поу прислушался, как затихают шаги охранника. Соседи по блоку орали вслед, но тот невозмутимо шествовал мимо, будто оглох и ослеп. Поу решил, что недурно справился. Не сломался, не воспользовался вторым шансом. Но насчет третьего раза не уверен, сможет ли опять сказать “нет”. Уселся на койку. Громкоговоритель орет, зови на помощь, никто не придет, он вон битых два дня вопил.

Нет тут хорошего решения. Или он, или Айзек. Так, чтобы выпутались оба, не выйдет. В день, когда его выпустят из карцера, его будут ждать Кловис и остальные. Так или эдак, он все одно расколется – а заточка или адвокат, это можно выбирать. Как только адвокат узнает, кто прикончил Отто, он тут же отправится к окружному прокурору, и тогда Айзек займет его место. И может, Айзек сумеет разрулить это дело куда лучше, чем он,

Поу. Вполне возможно. Айзек хоть и мелкий, но типа вооружен лучше. Мозгами покрепче. Да ты просто трусишь. Будешь и дальше очковать, знаешь, что получишь.

Поу сунул в рот последнюю дольку апельсина, оставшуюся от завтрака, еда отвлекает. Лежал, жевал и ждал, пока заполнится пустота, он мог быть либо пустым, либо полным, ну еще переполненным, но никогда в промежуточном состоянии. А люди ведь умирают каждую минуту. Каждый миг. И настоящее чудо – эта их убежденность, что смерть их не касается. Но никуда не денешься, смерть неизбежна. Обратное во тьму, это круговорот. Назад во тьму, по кругу, обнадеживает. Нет смысла откладывать. Спираль стыда и чувства вины, спираль заблуждений, воображаешь, что ты источник бытия, хотя по факту, рождаясь, ты просто будущее имя на могильном камне. Надгробие будущего. Предопределение, судьба. Его имя внесут в список славных людей. Где-то там существует такой список, и его имя с почетом туда впишут.

Фигня. Существует только смерть. Смерть и страх. И неважно, какой счет в твою пользу, герой ты или трус, это не имеет значения, это никак не изменит факт твоей смерти.

Он же хороший человек. От него даже бывала польза другим. Если бы он уехал в Колгейт, то есть бросил Бьюэлл, его бы не было дома в тот день, когда Айзек решил прогуляться по тонкому льду Мон. Это ведь был отважный поступок с его стороны. Айзек отошел от берега на добрых десять футов, ясно было, что лед его не выдержит, а потом он просто скрылся с глаз, и все, и Поу бросился за ним и тоже провалился, почувствовал, как проседает лед, и перепугался до жути, но не повернул назад. Он спас Айзека Инглиша. Это лучшее, что он вообще сделал на свете. Жизнь у Айзека была не из легких, но он отличный парень – редкий случай, вообще-то. О таком обычно не говорят, это не по-американски, что ли, но часто люди, у которых жизнь не ладится, просто последние сволочи, и чем тяжелее судьба, тем сволочнее человек. Но богатые – те еще гаже, они вообще в жизни ничего не понимают, Ли рассказывала про своих богатеньких дружков, так они рассуждают как умственно отсталые, реально, как будто у них с башкой совсем плохо, и если они так разбираются в жизни, то неудивительно, что наш мир настолько говеное место. Да почти все, реально, все люди полное говно. Ему в этом смысле повезло, он не из богатых, но и не нищий. И Айзек, когда передумал сводить счеты с жизнью, он ведь пришел к Поу. Это ведь Поу отогрел его, выслушал его, и они сидели и разговаривали всю ночь напролет. Ну если это не доказательство, тогда я не знаю уже. Это же свидетельство, что для

всего есть причина, и хоть ты едва не прикончил того парня из Доноры, зато спас Айзека Инглиша. Это знак, и пошли они все на хрен, и Харрис, и прокурор, и все прочие, которых он даже не знает, ничего он им не расскажет, может, он и совершил в жизни один-единственный достойный поступок, но не собирается его профукать.

Он на пределе. И не знает, чего ждать. Еще больше тревожных симптомов, как при раке, вот только они были уже, эти грозные симптомы, много их было, но он не сумел их заметить. И теперь от судьбы не уйдешь.

В карцере не нашлось ничего подходящего, что можно использовать в качестве оружия, да и все равно будут обыскивать. Но когда вернется в общую зону, подберет железяку какую-нибудь или заточит ручку зубной щетки, смастерит бритву из жестянки кока-колы, все лучше, чем ничего. Сколько-нибудь ублюдков да заберет с собой.

2. Ли

Вечер воскресенья, она места себе не находит, с Саймоном уже поговорила, читать не получается – ни слова из прочитанного не понимает, надо бы выбраться куда-нибудь. Пролистала записную книжку, вот, например, Джоэль Карузо и Кристи Ханем. Позвонила обеим, договорились встретиться в баре у дядюшки Джоэль. Народу полно, почти все знакомые еще по школе или их братья-сестры, младшие и старшие. Потрясло, какие тут здоровенные мужики, все как один, на тренажерах такое не накачать, явно не обошлось без стероидов, сидят в футболках с обрезанными рукавами, руки скрещены, бицепсы напоказ. Ну а чем еще тут заниматься? А вот девчонки, едва за двадцать, а уже начинают потихоньку расползаться, наверное, женщинам в спортзал здесь ходить не принято. Ли порадовалась, что она в фуфайке и без макияжа.

– Рада тебя видеть, дорогая. Даже не верится, что-то ты зачастила. В прошлый раз ведь была на Рождество, а?

– Думаю, это было прошлое Рождество, – улыбнулась Ли.

– О боже, – выкатила глаза Джоэль. – Серьезно?

– Ну да. – Ли сделала вид, будто прикидывает в уме. – Точно, прошлое Рождество, полтора года назад.

– Ну, считай, ты все про нас поняла, ага? – покачала головой Джоэль.

– Ты замужем или как? – Кристи потрогала свое кольцо.

Ли кивнула, порадовавшись, что не надела роскошное обручальное кольцо.

– Поздравляю, детка. Парень из колледжа?

– Его зовут Саймон.

– В церкви венчались или как современные люди?

– Ни то ни другое, мы пошли к мировому судье.

– Твою ж мать, у нее ребенок!

– Нет, это было просто спонтанное решение.

– Послушать нас, – фыркнула Кристи, – стервы, да и только.

– Ладно, девчонки, а вы-то как?

– Жиреем, все дружно жиреем. Мужики тягают гантели, колют в жопу стероиды, а мы только жиреем.

– Они тоже жиреют, – буркнула Кристи.

Разглядев, видимо, удовлетворение на лице Ли, Кристи поправилась:

– Да нет, на самом деле все нормально. У меня свой дом, сама выплачиваю ипотеку. Не так все плохо.

– Кристи у нас воюет с придурками, чтобы заработать на жизнь.

– Коррекционная школа, – пояснила Кристи. – Преподаю детям с задержкой развития. – И шутливо толкнула кулаком Джоэль: – Ну какая же ты сучка.

– А ты чем занимаешься?

Ли и сама не понимала, почему ей так трудно ответить на этот вопрос.

– Ну, – проямлила она, – собираюсь продолжать образование и, ну не знаю, помогаю свекрови в бизнесе.

– Так он хотя бы кольцо тебе подарил? Где оно?

– Оно не совсем по размеру. – На самом деле она просто стеснялась его носить.

– Все они одинаковы. Хочешь еще выпить?

Джоэль и сама могла пройти за стойку, но они подождали, пока подойдет ее дядя и примет заказ.

– Понимаю, дурацкий вопрос. – Ли, поколебавшись, продолжила: – Девчонки, вы ничего не слыхали про моего брата?

– Я думала, он уехал учиться.

– Нет, – сказала Кристи, – он здесь. Мы его видим иногда.

– А что он тут делает?

– Ухаживает за отцом, – ответила Ли.

– Бред какой-то. Глядя на вас двоих, мы всегда думали, что уж если кто отсюда и свалит, так именно он.

Ли чувствовала, что уши начинают гореть.

– Ну, я в том смысле, что ты всегда нормально с людьми общалась. А он типа такой умный, что вроде как не знает, о чем с нами говорить. Он как не от мира сего, вот.

– Даже не знаю. Думаю, дело в отце, за ним нужно присматривать.

– В отце? – Джоэль недоуменно покачала головой. – Слушай, не могу сказать, что у нас тут проблемы с нормальной сиделкой для твоего папы, особенно с его пенсией. Да сейчас только голову высунь за дверь и оглянись вокруг. Пансионаты для стариков по всей Долине. Да единственная работа, которую сейчас запросто можно найти, это социальные службы, уход за стариками на дому. Учителя больше никому не нужны, если бы Кристи не досталось это место с детишками, она бы уже меняла кому-нибудь памперсы.

– К сожалению, она права, – кивнула Кристи.

– Наверное, это из-за матери, – сказала Джоэль. – Такие дети очень сильно привязаны к матери. Думаю, он сильно страдает из-за несчастья с мамой.

Девушки уставились в свои стаканы, помолчали.

– А вот еще печальная новость, может, взбодритесь немного, – оживилась Кристи. – Помните Билли Поу? Футболиста? Мы как раз заканчивали школу, когда он только поступил в девятый.

– Ну конечно, помню.

– Он убил бродягу в какой-то старой мастерской. Забил до смерти.

– Зачем вообще тащиться в такое место, – пожала плечами Джоэль. – Ничего хорошего точно не выйдет.

– У всех свои секреты, – сказала Кристи.

– Что ты имеешь в виду?

– Может, он гей. Они всегда встречаются в странных местах, не могут же они запросто назначить свидание в баре и заявиться сюда как парочка.

– Могу тебя заверить, он не гей, – улыбнулась Джоэль.

– Откуда тебе знать?

– Знаю наверняка. – Она развела два пальца на приличное расстояние. – Этот мудака так и не перезвонил, получив свое.

Ли чувствовала, как краснеет все сильнее.

– Ну, думаю, сейчас он не отказался бы трахнуть любую из нас, – сказала Кристи. – Не скоро он опять увидит женщину.

– Жаль его.

– Думаешь, это точно он? – спросила Ли и, досадуя, что не сдержалась, отвела взгляд, но девчонки все равно не заметили.

– Кто знает?

– Однажды он до полусмерти поколотил Рича Уэлкера. За дело, конечно, но, видит бог, парень все равно такого не заслужил.

– А тот малый, из-за которого его арестовали в прошлом году?

– Ага, и это тоже.

Ли кивнула, глотнула вина, очень сладкое.

– Так ты возвращаешься сюда или как?

– Вряд ли. Во всяком случае, не сейчас.

– Слава богу, – усмехнулась Джоэль. – А то я бы в жизни не кончила больше.

– Вот ты и в самом деле сучка, – сказала Кристи.

Ли криво усмехнулась, приподняв бровь.

– Да ладно, шучу, у нас тут одни и те же рожи, всю жизнь. Трахнешься с парнем разок, еще в школе, поймешь, что это не вариант, но пять лет спустя никаких других так и не возникнет, да еще бар вечером окажется закрыт, ну и перепихнешься с ним еще раз. А десять лет спустя, глядь, а ты уже за ним замужем. Да посмотрите на наших родителей. А сейчас еще хуже. Все нормальные давно уехали.

– Считаете, сможете свалить отсюда? – Зря она спросила, но Джоэль и Кристи не подумали обидеться.

– Сомневаюсь. Буду, наверное, тут работать до самой смерти. – Джоэль обвела рукой бар. – А она будет нянчиться с дебилами.

– Жертвами пьяного зачатия.

– Ну да, мы с тобой команда.

И обе невесело рассмеялись.

– С другой стороны, не все так плохо. Если машина вдруг заглохнет, можешь быть уверен, что через пару минут мимо проедет кто-нибудь из знакомых.

– Девчонки, вы должны приехать ко мне в гости, – сказала Ли. – Прошвырнулись бы вместе в Нью-Йорк.

– Я бы с удовольствием, – обрадовалась Джоэль.

– Ой, брось, – отмахнулась Кристи.

– Я серьезно, – сказала Джоэль. – Мы с Джон-Джоном ездили в круиз на Ямайку. Я не то что ты, я настоящая искательница приключений, вот.

3. Харрис

От Грейс он поехал напрямик в участок, размышляя по пути, что, наверное, она именно этого и хотела от него с самого начала. Однако, если дело не выгорит, дальше на нарах они окажутся уже вместе с Билли Поу. Может, стоит все-таки дождаться суда, для всех так будет лучше: свидетель Мюррей Кларк – алкоголик, ему не удастся убедить присяжных. А вот если со старым Мюрреем что-нибудь случится, окружной прокурор

землю будет рыть, лишь бы выяснить правду.

В Браунсвилле Мюррей Кларк числился по двум адресам – Харрис подсмотрел в полиции Юнионтауна, даже уединился в туалете, чтобы записать. В тот момент он еще не понимал, зачем ему это нужно, просто собирал информацию, старые привычки. Как же все надоело. Голова пустая. Тупо глядя перед собой, он пытался сосредоточиться на дороге. Ищешь оправданий.

Это будет самый дурной поступок в твоей жизни. Ладно, я только потолкую с ним, и все, убеждал он себя. В незапамятные времена, еще в морской пехоте, он застрелил человека в Дананге. Если это грех, что ж, пускай так. По крайней мере, в этом есть смысл. Он всю жизнь чувствовал, что поступает правильно, даже если со стороны оно и выглядело сомнительно. Он лгал, чтобы засадить человека за решетку, много раз лгал в суде. Но только по поводу доказательств, и всегда речь шла о настоящем преступнике, он ни разу не обвинил в совершении преступления невиновного. Лгал, но только чтобы оправдать и подтвердить собственное чутье, почему он остановил именно эту машину, почему открыл багажник или почему вдруг решил обыскать того или иного человека. Он лгал, чтобы дать разумное объяснение тому, что он знал наверняка, просто доказать не мог.

С тем человеком в Дананге, там не было никакого смысла вообще. Очередной минометный обстрел, и вовсе не тихий рассвет, и Харрис, жующий свой декседрин, скучающий и вздернутый. Он год как окончил школу, безумие, что его вообще туда отправили. Он торчал в карауле в блиндаже рядом с вертолетной площадкой. Тот тип тащил какой-то узел, возможно подрывной заряд, – Харрис так никогда и не узнал, он видел, как кто-то пробирается вдоль траншеи, там никого не должно быть, ни одной живой души, на этом плоском выжженном глиняном пространстве возле ограждений, а дальше зеленели рисовые поля. Харрис подождал, не повернет ли человек, но нет, и тогда с расстояния в двести ярдов он поймал фигуру в прицел, и нажал спусковой крючок М60, и удержал его на одну долгую секунду. Каждая пятая пуля – трассирующая, Харрис видел, как они врезаются в тело, а потом летят дальше в ярко-зеленые рисовые чеки. Подрывник не упал сразу, он еще долго стоял, будто отказывался признать случившееся, и Харрис смутился, а потом почему-то обиделся, нажал на спуск и не отпускал долго, уже после того как человек наконец упал; он водил стволом туда-сюда, поливая пулеметным огнем все вокруг, словно пытался стереть все следы происшествия. Извел целую ленту, пол блиндажа был усыпан закопченными медными гильзами.

Потом этого парня подобрали рядом с траншеей, человека в нем можно было опознать только по оставшимся клочкам одежды. Как будто комбайном переехало. Узел пропал. Другой не стал бы и заморачиваться: мертвый вьетнамец – мертвый коммунист, но Харриса не оставляло чувство, что он должен понести наказание, он же убил человека, это не может просто так сойти с рук. Он во всех подробностях доложил о случившемся равнодушному лейтенанту, тот выслушал отчет и сделал пометку в личном деле. Подтвержденно пораженная цель – одна. Пять месяцев спустя, в мае 1971-го, американцы передали свои позиции войскам Южного Вьетнама, и Харрис вернулся домой. Все, кто умер на этой земле, – они все когда-то были живы. Вот о чем люди забывают.

Подъезжая к участку, он вновь подумал о Грейс. Когда он уходил утром, она спала, и он поцеловал ее, а она не проснулась, и тогда он понял, именно потому что она так крепко и безмятежно спала, он понял, что она и вправду не понимает, о чем его просит.

Технически совсем не сложно, найти Мюррея ничего не стоит, Карзано хотел, чтобы свидетель всегда был под рукой, потому выдавал ему по сто долларов еженедельно из служебного фонда, списывая по программе защиты свидетеля, хотя никакая это не защита, разумеется. Просто Мюррею нужны бабки, и он будет ошиваться поблизости, получая их ни за что, пока кто-нибудь – Харрис, точнее – не даст понять раз и навсегда, что это небезопасное развлечение. Но ему придется быть максимально убедительным.

Мюррей Кларк неплохой, в сущности, мужик. Возможно, и не составит труда уговорить его смыться. Или составит. Не лукавь, это обмен, ты – вместо Билли Поу. Да, я знаю.

Припарковался, чуть не забыл выключить двигатель, вошел в здание полиции, вниз по лестнице в хранилище вещдоков, как на автопилоте, груды коробок, сваленных здесь после переезда из старого здания, на некоторых даты еще 1950-х, и никто сроду в них не заглядывал, он все собирался выкинуть хлам, но теперь ясно, почему так и не занялся этим. Порывшись несколько минут, вытащил пятизарядный револьвер, сданный кем-то, судя по ярлыку, еще в 1974-м. Внимательно рассмотрел оружие. Вспомнил о Грейс. Подумал: если намерен просто поговорить, зачем тебе.

Проверил, как взводится курок, фиксатор барабана, нажал на спуск, не заедает ли боек. Потом поднялся в свой кабинет. Здесь нашлась коробка пуль; аккуратно беря их салфеткой, Харрис зарядил револьвер. Накатила слабость, он обвел взглядом кабинет, старые картины, до отставки всего полтора года. Ты ведь все равно не собираешься воспользоваться им.

Просто хочешь *поговорить*.

Револьвер оттягивал карман куртки, но он понимал, что подстраховаться необходимо. Старичок “Зиг”^[43] не будет бросаться в глаза. Харрис достал из сейфа свой “голд кап” сорок пятого калибра, который купил, уволившись из армии, сунул в карман запасной магазин, а пистолет – в кобуру на ремне сзади. В голову пришла разумная мысль, он разделся до белья, надел бронежилет, опять оделся. Боишься, хмыкнул он про себя. Когда, интересно, ты так паниковал в последний раз, снаряжаешься как в бой. Сто лет не носил эту штуку. Где же фонарь-то. Вытащил из дежурного снаряжения ксеноновый фонарик, тоже в карман. Что-то я неважно соображаю. Эдак можно забыть что-нибудь важное. Обычно людей – солдат, летчиков, гонщиков – губит вторая ошибка. Ты совершаешь промах, успеваешь сообразить, что именно произошло, и ты огорчен, сбит с толку, и тут же следует еще одна ошибка. И вторая оказывается роковой. Его отец был летчиком, летал на истребителе, и он рассказывал, что если в воздушном бою ты облажался, потерял ориентиры, то должен немедленно выйти из боя, отойти на некоторое расстояние и не лезть обратно в драку, пока мозги не встанут на место. А сейчас у нас какой момент? Черт его знает. Выходя, он окликнул Хо:

– Завтра хочу взять выходной. Вызови Миллера или Борковски, кого хочешь, если я к семи не появлюсь.

– Куда собрались?

– Порыбачить. А ты держи оборону. Лучше все-таки позвони тем двоим прямо сейчас. Просто прикажи быть готовым явиться по вызову.

На стареньком “сильверадо” он поехал домой. Пока Фур резвился на улице, Харрис уложил в рюкзак сменную одежду, пару кроссовок, налил воды псу, насыпал еды в миски, оставил полный пакет корма неподалеку, куда пес сможет добраться в случае чего, и рядом еще одну большую кастрюлю свежей воды. Фур влетел в дом и тут же почувствовал неладное, Харрису пришлось с силой оттащить его с пути, выходя из дома. Он трясся по разбитой колее, глядя прямо перед собой, надо было прихватить кофе и чего-нибудь поесть, возможно, придется проторчать там всю ночь и весь завтрашний день.

В Браунсвилле он остановился на вершине холма рядом со старинными зданиями, достал карту. Нашел нужные адреса, запомнил, не делая никаких пометок, потом залил доверху оба бака на случай дальней дороги. Итак, у него есть два адреса Мюррея Кларка, и Харрис направился по первому из них.

4. Айзек

Простояв невесть сколько на виадукe, не в силах отвести взгляд от потока машин, он все же решительно двинулся в сторону съезда на 75-е шоссе, ведущее на юг. Тщательно отряхнул куртку, разгладил, насколько получилось, аккуратно заправил рубашку, пригладил пальцами волосы, вытащив заодно застрявшие репы и всякий мусор. Студент после загула, вот кто ты. И чистое совпадение, что похож на бродягу. А нож? Прикроем курткой.

Яркий пурпурный тягач с цистерной на прицепе медленно выползал с заправки, Айзек вскинул большой палец и терпеливо ждал. Грузовик затормозил рядом с ним. Айзек подбежал, взлетел на подножку, потянул тяжелую дверь.

– Тебе куда?

– Наверное, в Пенсильванию.

– Наверное? – Водитель, щуплый мужичок лет пятидесяти, гладко выбритый, подмигнул Айзеку. – Могу подбросить тебя до 70-й трассы, если заплатишь за топливо. Хотя, конечно, есть пути и покороче.

– У меня совсем нет денег.

– Да я шучу, – улыбнулся мужик. – За все платит компания, а я все равно в ту сторону, садись.

Внутри тягача оказалось просторно, темно и уютно. Волшебник из Страны Оз, снаружи огромное чудовище, а внутри на жердочке крошечный человек. Они сидели высоко над землей и неслись вперед с огромной скоростью. Миль восемьдесят.

С минуту Айзек пытался рассмотреть, мимо чего они пролетают, от этого голова еще больше закружилась. А ведь кто-то изобрел все это, думал он. Покосился на водилу, тот слушал радио. Из служебной рации время от времени доносились невнятные звуки. Разум привыкает ко всему – даже к голосам из металлической коробки. Из двух металлических коробок. А ты меж тем смотришь на дорогу, и тело удивляется, что движется чересчур быстро. Но и к этому привыкаешь. За окном появлялись и тут же исчезали грузовики, дорожные знаки, дома, другие шоссе и виадукы. И все созданы людьми. Как и авиация, радио и спутники. Все это вроде бы должно что-то означать. Ничего подобного – просто мы так устроены. Именно это делает нас людьми, этим мы и отличаемся от животных. Автоматическое оружие и антибиотики появились одновременно. Управляемые бомбы и онкологическая хирургия. Не бывает одного без другого, даже наша собственная природа стремится сохранять

равновесие мира. Даже если заселить Марс, ничего не изменится – все равно будут рождаться дети, а супруги будут изменять другу другу. Демократия и геморрой. Проповедники-сифилитики. Пацан, мастурбирующий в скафандре под фантазии о своей старшей сестре. Он захихикал. Какой горячий Малыш, ты только подумай.

– Не расскажешь? – любопытствовал водитель.

– Долго был совсем один, – объяснил Айзек. – Ну и первый раз еду на грузовике.

– Прогуливаешь школу? Или ты уже в колледже? Хотя по виду не скажешь, без обид.

– Ни то и ни другое. Хотя мог бы учиться в колледже.

– Ага, есть в тебе что-то. Я сначала подумал, ты из тех чокнутых проповедников любви Христовой, которые шарахаются по парковкам, заправкам, всякое такое, пристают к людям, норовя всех обратить в свою веру, а потом присмотрелся и решил, что ты как раз один из новообращенных, только малость слетел с катушек. А потом вообще ничего не мог понять. Потому, видать, и остановился.

– Чудо, не иначе.

– А то.

– Я всяко признателен.

– Тут не угадаешь. Ты мог оказаться самим Христом, и тогда меня ждала бы достойная награда.

– Еще не все потеряно.

– О, а теперь ты рассуждаешь как нормальный шизанутый автостопщик.

– Эх, спалился.

Водила весело хохотнул:

– Шучу. Но ты не против послушать радио, а? Говорят, эти придурки в Корее построили ракету, которая может нести ядерную бомбу.

– Вы имеете в виду Северную Корею?

– Понимаю, ты не в теме.

– Немножко.

– Я лично считаю, мы должны ударить по ним прямо сейчас, сравнять с землей. Иначе скоро услышим, как в Толидо^[44] грохнет ядерная бомба.

– А они то же самое думают про нас.

– Ну... – протянул водила и замолчал на минуту. – Подожди-ка лет двадцать, а потом увидишь, как начнешь немножко больше ценить эту жизнь, понимаешь меня? Вот я о чем толкую. – Он повернулся к Айзеку: – Да ты не понимаешь, поди.

– Нет, понимаю.

– Лет двадцать, и тогда точно поймешь. Молодой ты еще, и, знаешь, я ведь тоже много чего прошляпил. В шестидесятые я был сопляком, теперь о многом жалею. Иной раз упустишь шанс, а другого и не будет.

– Сомневаюсь, что вы многое упустили.

– Не, я ни одного шоу не пропускаю, это точно. Но в чем я вам, молодым, не завидую, так это насчет девчонок, ведь всех, о ком так сладко мечтается, вы уже видали голыми. Бритни Спирс, Пэрис Хилтон и прочие, ведь всех уже успели щелкнуть, как они трахаются. А для меня Бэмби Вудс была откровением. Но может, оно и к лучшему.

– Может быть.

– Э, что-то мы быстро перешли к серьезной теме. – Водитель опять весело подмигнул. – Не возражаешь, прервемся на минутку? Ты только послушай этого парня, по радио.

– Ладно.

– Знаешь его?

Айзек прислушался к голосу из приемника.

– Кажется, мой отец любит его слушать.

– Джей Гордон Лидди^[45]. – Водила пожал плечами. – Ну, я не всегда с ним согласен, но он интересно говорит.

Айзек устроился поудобнее, пока водитель искал нужную станцию. Внезапно он выключил приемник и объявил:

– Я понял. Для вашего поколения нет ничего загадочного, вот. Но вернемся к нашим баранам. – И опять включил радио.

Айзек хотел было возразить, но к чему. У Малыша с этим все в порядке. Сплошные тайны. Вселенной четырнадцать миллиардов лет, при этом размером она примерно в сто пятьдесят миллиардов световых лет. Квантовая механика против теории относительности. Малыш должен создать новые правила, дать жизнь тварям и плодам, неподвластным человеческим законам. Его разум поглощен возвышенными размышлениями, он откроет полет. Стратосфера. Здесь холодно, заметит он. Холод и синева. Азот – это он делает небо голубым, а растения зелеными. Строительные блоки Вселенной. Кто больше всего мечтает о полетах – люди в инвалидных колясках. Старики, гниющие в собственных выделениях. А Малыш, он возвращается, подобно Одиссею. Из долгого изгнания. Он верно служит только царю лестригонов.

– Эй, ты там в порядке?

– Все хорошо, – очнулся Айзек.

– Смотрю, ты не скучаешь сам с собой, а?

– Надеюсь, вас это не раздражает.

– Не, я рад, что подбросил тебя. Я обещал дочке, что скоро вернусь домой, поэтому за последние сутки вздремнул всего на часок, а когда заправлялся, понял, что надо бы подыскать попутчика, поболтать в дороге, а то эдак недолго уснуть навеки в кювете. А тут и ты нарисовался. Так, если подумать, выходит, ты спасаешь мне жизнь.

– Это Иисус во мне.

– Угу, – торжественно кивнул водитель. – Так оно и есть.

* * *

Через несколько часов он высадил Айзека на развязке в Дейтоне. На прощанье спросил:

– Как, парень, не спустишь деньжата на наркоту или выпивку, а?

– Я не употребляю, честно.

– Ну тогда купи себе чего-нибудь поесть. – И протянул Айзеку пять долларов.

Айзек прошагал около мили до ближайшей забегаловки на 70-м шоссе, купил сэндвич с фрикадельками. Уселся было за стол в кафе, но как-то это было неправильно, поэтому вышел и пристроился на бордюре. Шум моторов, запах дизеля, огромные грузовики, подъезжающие и отъезжающие, похоже на большую товарную станцию. Подумал, что придется подождать, но уже через десять минут на шоссе, ведущем на восток, его подсадил тягач с грузом тракторных запчастей. Парень спросил, откуда он, и Айзек ответил – из Мичигана, а водитель заметил, что если хочешь прокатиться задарма, то есть места и поинтереснее, а Айзек объяснил, что катался на поездах, а теперь возвращается домой к родным. Водила пришел в восторг, и оставшуюся часть пути они больше молчали.

Уже стемнело, когда тягач свернул на 79-е шоссе, высадив Айзека в нескольких милях за Литтл-Вашингтоном. Айзек двинул прямо на восток, забрался на вершину холма и сел там, глядя на темную ленту шоссе, убегающего в долину реки Мон. Сколько осталось? Миль двадцать, пожалуй. Можно подъехать, если заглянуть вон на ту заправку. Он поразмыслил. Нет уж. Ты вернешься тем же путем, что уходил.

Что сейчас подельывает Ли? Раньше ты запросто мог угадать. Вероятно, и сейчас можешь. Между ее отъездом в Йель и маминой смертью прошло три месяца. Все абсолютно разумно. Мы все вместе были в Музее Карнеги, ископаемые кости, динозавры, разглядывали скелет тиранозавра. Старик говорил: *Не хочу смотреть на тварь, которая может раскусить меня*

пополам. Очень рад, что они вымерли. Но все равно долго не мог оторваться. Представь, каково было парню, который это нашел, сказал он. В смысле, представь, каково это, когда он уже нашел эту штуковину, но еще никому не рассказал. Подумайте-ка, Ватсон. Вот таков был старик.

Айзек сидел и смотрел на холмы. Реки не видно, но она где-то там. Пешком доберусь до дома за два дня. Нет, за полтора. Ну и нормально. Знакомые места.

5. Поу

На следующий день вместо обеда велели надеть наручники.

– Опять явился мой адвокат?

– Понятия не имею, о чем ты, – рявкнул охранник. – Давай сюда руки.

– И не подумую.

– Если через десять секунд я не увижу твои грабли в этой дырке, вызываю спецгруппу. И мне насрать, что у тебя за проблемы.

Это уже другой надзиратель. Высокий, худой, с аккуратной седой прической, в очках с толстыми стеклами.

– Короче, – буркнул он. – Тебя возвращают в общий блок.

– Но за то, что я сделал, мне положено тут торчать несколько месяцев.

– Принимая во внимание статус жертвы, короче, если ты прихлопнул ублюдка, начальник тюрьмы, может, вообще отменит тебе приговор.

Поу вытаращил глаза.

– Шутка, – сказал надзиратель. – Не бывает такого.

– А если я не хочу?

– Ничего не выйдет. У них тут и без того психов штабелями.

– Господи.

– Поднимайся.

– Я подам на содержание под стражей в целях безопасности.

– Я тебя понял. Но для этого надо переговорить с начальством наверху, я не могу заниматься этим отсюда.

Наверху его поместили в другую камеру. Один из членов Арийского братства заметил, как Поу вели по лестнице, и тут же поспешил в противоположную сторону.

Оказавшись в одиночестве, Поу задернул занавеску, достал зубную щетку и принялся тереть ручкой по цементному полу, пока не образовалась острая режущая кромка. Обследовал решетки и окно на предмет металлических деталей, которые можно бы отковырнуть, вот тогда бы получилось настоящие оружие, но тщетно, ничего. Улегся на койку

головой к унитазу, ногами к решетке. А решение-то было. Путь на волю. Билет на свободу. Можно было бы прямо сейчас броситься к посту охраны, орать, требовать поместить его в охраняемую камеру. И он оказался бы ровно там же, где и вчера.

Или он, или Айзек, середины нет. Поу задыхался, он весь взмок, одежду хоть выжимай, будто из-под душа. Потом в коридоре послышался громкий топот, люди сновали туда-сюда. Он ведь сообщил охраннику, что просит заключения для собственной безопасности. Это же нормальный компромисс, он сказал охраннику, и если тот передал дальше, тогда его отведут обратно в карцер, но если надзиратель никому не сообщил о просьбе, тогда никто и не придет за ним. Вполне справедливый шанс, все честно.

Да, сейчас ты дышишь, но это вопрос времени, и так ведь всегда было. Твоя жизнь висит на волоске, фитиль уже горит, его запалили, когда ты родился, – как у всех людей, под каждой жизнью. Смерть неизбежна, ты просто никогда не задумывался над этим, она неизбежна, и в этом можешь быть уверен, так что вроде и бояться тут нечего, она наступит – неотвратно, как зимние холода. А все равно страшно. Тупо страшно. Все, что в твоих силах, – это придать ей какой-никакой смысл. Он спасет Айзека Инглиша. Надеется, что справится. И хватит уже думать об этом.

Поу опять проголодался, в новой камере, третьей за четыре дня, есть нечего. Интересно, им вправду нужно было освободить место в карцере или это братство так устроило, чтобы его вернули в общую зону.

А мог бы играть в футбол или облагораживать свалки. Сейчас этим занимается какой-то другой парень. Но есть кое-что, в чем никто другой заменить его не смог бы, – никто не протянул Айзеку руку помощи, даже его собственная семья. Даже Ли, по ходу, жила только для себя. Хотя рано или поздно обязательно случилась бы какая-нибудь фигня. Он-то себя знает, надолго бы его не хватило. Все у него в жизни через жопу, он родился таким, пора уже смириться. И он отдаст всего себя, как герои прошлого. Высший смысл, промысел Божий. Зов судьбы. Он должен спасти Айзека Инглиша, поэтому он здесь, в этом его предназначение, вся его жизнь вела к этому моменту, и он будет достоин. Он станет защитником.

Вот только есть очень хочется. Поу встрепенулся: звяканье ключей, шаги, надзиратель поднимается по лестнице, идет по коридору, это за ним, его сейчас отведут в карцер, он спасен. Звуки все ближе, какое облегчение. Я спасен. И тут же совсем иное чувство – накатила тоска, до тошноты, отчаяние, будто увидел всю свою дальнейшую унылую жизнь. Он

растерялся, запутался – собственные ноги вот-вот предадут, уведут прочь, не позволят ему красиво погибнуть, и все его высокие мечты – просто чушь, тело возьмет верх, страх за собственную шкуру победит. Поу улегся обратно на койку.

Но охранник прошел мимо. Дальше, к другой камере, передал там что-то, вернулся, спустился по лестнице, шаги затихли. Я трус.

Не раздумывая дальше, он встал и открыл дверь. Пообедает побыстрому, и все, поест и сэкономит силы. Поу спешил по коридору и дальше на основной этаж, потом в главный коридор, он чувствовал запах столовой, увидел дверь и решительно толкнул ее.

Сидевшие за столами подняли головы. Вот и Кловис со своими шестерками, и Дуэйн, но он уставился в пол, демонстративно не замечая Поу, зато Кловис уже поднимался с места, ухмыляясь, словно давно его дожидался, и ноги у Поу задрожали, он помедлил, а потом развернулся и бросился вон из столовой. Перед глазами только квадратики кафельной плитки пола, он помнил лишь, что надо быстрее переставлять ноги, широкий пустой коридор, Поу не знал, куда деваться. Тело такое легкое, почти невесомое, но все происходит как в замедленном действии. Свернул было к своему блоку, но передумал, сюда-то они за ним и придут, вернулся в коридор, потом к выходу во двор. Слишком тихо. Ни звука за спиной. Вот уже рамки металлоискателя и двери. На посту никого. Дернул дверь – закрыто. Он тряс ручку, потом пнул со всей силы ногой. Бесполезно.

Поу обернулся, позади стоял Кловис и с ним несколько прихвостней-молокососов. Кловис почему-то был без шапки, и Поу впервые увидел жиденькую рыжую прядь у него надо лбом, Кловис оказался практически лысым.

У одного из парней в руках самодельный нож с длинным лезвием и ручкой, обмотанной синей изолентой. Поу еще раз подергал двери, стукнул кулаком, но нет, не открыли. Тогда, сделав пару ложных выпадов, он попытался прорваться мимо пятерки головорезов, но один оказался слишком быстрым, он зацепил его, однако Поу не упал, продолжал рваться дальше, волоча парня за собой, но тут подоспели остальные. Они били его, и почему-то было очень больно, а потом перед глазами поплыло и, уже теряя сознание, он увидел, что весь пол залит кровью.

Книга шесть

1. Грейс

С террасы трейлера она наблюдала, как меняется свет над Долиной, солнце обжигало кожу, но она и не подумала передвинуть стул. Уже два дня она ничего не ела. Трижды собиралась позвонить Харрису, отговорить его, сказать, что готова к иным вариантам. Трижды представляла, как Билли лежит на столе в морге или в гробу и какое у него лицо. И оставалась сидеть на месте. Она помнила, как он впервые шевельнулся внутри нее и дальше как по расписанию, каждый вечер около одиннадцати. Как будто просто очень сильные удары сердца.

Он все никак не хотел рождаться. Она проносила его почти десять месяцев и после этого не могла больше забеременеть. Он будто знал, что станет единственным, больше она не вытянет; знал, что ей потребуются все внимание и силы, чтобы уследить за ним. Эти холмы, просторные пастбища, чистое небо – все это казалось сейчас таким нездешним и чужим, эта земля прежде была будто частью ее самой, но теперь это чувство бесследно растаяло. Эта земля никогда не изменится, и тут нет места любви и страданию.

Но она бездействовала. Ей ведь неизвестно, что именно задумал Бад Харрис. Да известно, конечно. Этот бродяга, бывший автомеханик, однажды уже пытался убить ее сына, а теперь намерен сделать это еще раз. Нет, ты снова врешь себе, ты и понятия не имеешь, что совершил этот человек и что натворил твой сын, но ты уже сделала выбор, и чья-то вина или невиновность не имеют больше для тебя значения. Прежде такое и помыслить было невозможно.

Она хотела только одного: чтобы Бад Харрис прямо сейчас убил того человека. Именно так. Она хотела, чтобы единственный человек, который видел, как ее сын что-то там сделал, чтобы этот человек был мертв. Или чтобы солгал, что он видел. Она хотела, чтобы тот был мертв, а ее сын – жив. И это единственная правда. Любая мать хотела бы того же. Да любой на ее месте.

Но я ведь ничего ему не сказала, я ни о чем не просила, я же не сказала прямо Бад Харрису: пойд и убей. Он сам принял решение. Опять врешь. Тебе и не надо было ничего говорить. Вы оба и без слов все понимали. И если Бад что-то сотворит с тем бродягой, это все равно как ты сделала это сама, своими руками. Нельзя перекладывать такую ношу на другого. Есть

обстоятельство, которое ты предпочитаешь не замечать: тот тип пошел в полицию, а твой сын – нет. Но это твое нежелание не отменяет истины. Что вообще должен был сделать Билли, чтобы ты не желала смерти ближнему?

“Ты дошла до точки”, – произнесла она вслух. Все всё узнают. На прошлой неделе Калтрап, сосед-фермер, смотрел в упор, когда она проезжала мимо, и даже рукой не взмахнул, а ведь они знакомы с Эдом Калтрапом двадцать лет. Потому что Билли убил человека. Люди готовы простить вам многое, даже вашим детям готовы многое простить, но такое – нет.

Да, случившееся между нею и Бадом Харрисом предельно ясно, как если бы они все подробно обсудили. И всем остальным это будет так же очевидно. Ее выживут из города, а то и похуже. Все поняли, когда Бад Харрис выручил Билли из прошлой передряги, хотя вроде дело обстряпали по-тихому, но как-то оно вышло наружу. А нынешняя история – она даже представить боялась. Плевать. Пускай я, пускай кто угодно, лишь бы не он.

2. Айзек

Давным-давно стемнело, а он все шел и шел, весь день шел из Литтл-Вашингтона в Спирс, почти двадцать миль преодолел. До Бьюэлла оставалось восемь.

Прежде чем спуститься к железнодорожным путям, постоял немного на мосту над 70-м шоссе, глядя на реку Мон. Под мостом собралась компания подростков, один из них начал было задирать Айзека, но он лишь глянул, и мальчишки мигом притихли; проходя мимо, Айзек сообразил, что они разглядели его охотничий нож.

Отойдя подальше, он снял нож с пояса и без колебаний швырнул в реку. Малыш отрекается от прежнего. Если не выбирает он, выбирают за него. Взгляните на него, идущего, – решил передвигать ноги, и вот результат. Хорошая мысль. Кошка его сестры вечно сбрасывала карандаши со стола. Зачем? Просто чтобы показать – она на это способна. Потому что некая часть сознания – очень древняя его часть – знает, что наступит день, когда она не сможет этого сделать. Урок тебе. Просыпайся каждое утро словно впервые. И напоминай себе, что ты по-прежнему среди живых.

Айзек продвигался на юг. Рельсы вели через широкий луг, и ночь была темной и ясной, и звезды рассыпаны по небу до самого горизонта. Их миллиарды во Вселенной, океан звезд, а ты в центре этого океана. Вот он, твой Бог, – звездные частицы. Прилетают и уносятся прочь. Звезда создает планету, которая создает человека, который создает Бога. Твоя мать

становится рекой, которая становится океаном. Обращается в дождь. И возвращается дождем. Ты можешь простить того, кто умер. Он чувствовал, как голова, шея, все тело освобождаются от чего-то – это нечто будто испарялось, просачиваясь через кожу наружу.

Южнее Наоми он решил заночевать. Осталось всего несколько миль. Нашел ровное место у реки и сел: надо спокойно подумать. Домой идти нельзя, там сразу начнут отговаривать. Ты бы так же поступил на их месте. Лучше переждать.

Старик, он пытался. Действительно пытался. Это говорит в его пользу. Завтра ты пойдешь и расскажешь Харрису, что натворил. Это будет правильно.

Айзек сидел на берегу, и мертвящее оцепенение постепенно отпускало его, будто заживали раны и кровоподтеки. Швед запросто мог сидеть на этом же месте пару недель назад. Вон старое кострище. Хорошо бы развести огонь. Спичек нет. Айзек смотрел на реку, медленно текущую меж деревьев. Спать, подумал он. Последняя ночь на свободе, выспись как следует.

3. Генри Инглиш

Поехали к адвокату в Питтсбург, в большую фирму на верхнем этаже знаменитой башни Копперс, что на Грант-стрит. Когда Ли вкатывала его в лифт, он размышлял, что дороговато это все обойдется. Даже думать неохота, что ее новый муженек финансирует их нужды, но иначе никак не выходило.

Адвокат сидел в угловом офисе, мужчина примерно его возраста, но высокий, стройный, подтянутый, с гривой седых волос, еще и в теннис играет, поди. Женщины определенного возраста наверняка считают его привлекательным. Генри он сразу не понравился, но Ли, похоже, все устраивало. Теперь это ее круг. Генри ощутил тревогу, занервничал – может, из-за самой обстановки, может, из-за причины, которая привела их сюда, или из-за всего разом. Он заерзал в своем кресле.

– Вам удобно, мистер Инглиш?

– Нормально. Я привык.

Они устроились за столом, и адвокат сразу перешел к делу – к стоимости его услуг и правам клиента, самая существенная часть которых сводилась к тому, что в случае чего им перезвонят безотлагательно. Ли покивала и вытащила чековую книжку. Сверху ее имя, рядом с именем Саймона. Она все еще носит фамилию отца. Приятно, что ни говори. Из тех вещей, о которых он никогда ее не спрашивал.

Адвокат Питер Браун участливо расспросил об Айзеке, где они живут, чем занимается Генри, даже об обстоятельствах той давней аварии. Спросил о матери Айзека, и Генри запротестовал было, но Ли сама все рассказала. Чересчур откровенно. Потом Ли сообщила, что, по словам Билли Поу, того человека в заброшенной мастерской убил Айзек. Питер Браун отложил ручку и достал из ящика стола маленький магнитофон.

– Может, не стоит записывать такое, – усомнился Генри.

– Вы мыслите в правильном направлении, мистер Инглиш, но это запись для нас, а не для государственных органов. Чтобы получить ее, им пришлось бы врываться сюда силой и похищать. – Адвокат говорил тихо, приходилось сидеть не шелохнувшись, чтобы расслышать.

Генри глянул на Ли.

– Вы точно помните, он именно так и сказал? – уточнил Питер Браун.

– Насколько я помню, да.

– Мой сын никого не убивал. И нечего это записывать.

– Папа.

– Ваш сын присутствовал на месте преступления в момент его совершения. Если мы не хотим признать этот факт сейчас, нас заставят это сделать в суде. Это единственная причина, по которой мы все записываем.

– Вот только Билли Поу ни слова об этом не сказал. Если бы он дал показания, мой сын давно бы уже сидел за решеткой.

– Билли Поу пока не встречался с адвокатом, но как только это произойдет, события начнут развиваться стремительно. Айзеку до сих пор не предъявлено обвинение по чисто техническим причинам. – Адвокат отвел взгляд. – Простите.

* * *

Десять вечера, Генри сидел в своей спальне, перебирал бумаги на столе. Наверху долго шумела вода в душе, потом Ли постучалась к нему, спросила, не помочь ли ему лечь в кровать, и он ответил, что справится сам. Она постояла в дверях.

– Что-то хочешь?

– Нет. Попробуй поспать.

Она поднялась к себе, и он слышал, как она ходит по комнате, а потом все стихло, тишину нарушали только поскрипывания старого дома. Он задремал прямо в кресле, приснилось, что все еще работает на “Пенн Стил”, что с нетерпением ждет утра, он уставал к концу смены, возвращался домой грязный, но был счастлив дома с женой, а по утрам всегда радовался, спеша на работу. Что-то громко скрипнуло, он проснулся, задыхаясь.

Все та же спальня. Мучительно втягивая воздух, он пытался вдохнуть, иногда бывало, что во сне ему не хватало кислорода. Насколько это все унижительно – вот что невозможно объяснить другим. Если бы я знал, как оно все обернется, я бы знал, что делать. Медленное скольжение вниз.

Мэри бросила его в одиночестве, он понимал: она сдалась. Какая бессмыслица, вовсе не она должна была так поступить. Если бы они могли нормально все обсудить, они обязательно нашли бы разумный выход, она забрала бы детей и переехала куда-нибудь, но она ушла одна, навеки, и не сказала ему ни слова. Руки тряслись. Сколько раз он хотел это сделать и должен был, наверное, но она успела раньше. Она была слабой, в этом ее сущность, сущность любой женщины, поэтому он сделал ставку на Ли. Ее нужно было вытолкать отсюда, он не мог допустить, чтобы Ли кончила, как ее мать.

А может, слабаком оказался именно ты. Может, в ее поступке как раз и проявилась сила. Ты же понимаешь, почему она оказалась в реке, и

понимаешь, почему твой сын влип в историю. Вообще-то он не представлял, на что способен парнишка. Три года он фактически жил в Индиане, приезжал домой раз в месяц, семье это давалось нелегко, но и ему тоже, кантовался по пансионатам, общежитиям, дешевым мотелям. Но зато в “Стилкор” неплохо платили. Просто приходилось работать на износ, и никакой техники безопасности. Ты смотрел статистику, у них полно было аварий. Но какой толк от статистики. Они подписались на эту работу ради денег. Хозяева пытались выжать из завода все до последнего доллара, вместо того чтобы устранять неполадки. Чего бы ты ни отдал в тот день, чтобы внезапно заболеть и отпроситься с работы.

Сперва-то он не возражал выйти из профсоюза, ведь, как сказал Рейган, расходы на зарплаты никем не контролируются, в этом проблема профсоюзов, а ты голосовал за него. Но тут другой случай. За пятнадцать лет “Пенн Стил” ни цента не потратила на свои заводы, как, впрочем, и большинство крупных американских сталелитейных компаний, в цехах все разваливалось, повсюду стояли только мартеновские печи вплоть до самого закрытия, а немцы и японцы между тем уже с шестидесятых всюду использовали кислородные конвертеры. Именно этого ты и не желал слышать, пока не стало поздно, – япошки и немцы вкладывали деньги в свою промышленность, инвестировали в новое оборудование. В самих себя. А “Пенн Стил” не вложила в свое производство ни цента, и крах был неизбежен. Все так называемые социальные государства, всякие Германия и Швеция, все так же выплавляют десятки тысяч тонн стали. А мы идем ко дну. Он смотрел на лежащие перед ним документы и не мог вспомнить, что собирался с ними делать. Отвлёкся. Опять начал клевать носом.

* * *

Они пробили летку печи и заполнили тигель, и кран уже понес его, готовясь вылить. А потом раздался совсем другой звук, необычный, он ясно различил его за прочим шумом. Лебедка продолжала вращаться, но стрела крана вдруг качнулась, а потом они пролились на землю – пятьдесят тонн жидкой стали. Видел, как стрела с грохотом рухнула, сталь костром взметнулась в воздух, ослепительный свет, словно солнце родилось из тигля, а все остальное – тени, Чак Каннингем и Уэйн Дэвис, они просто темные силуэты, сталь омывала их, как лава из жерла вулкана. До тебя десяти футов не хватило. Не следовало выживать после того, как видел такое, лучше бы это было последним в жизни воспоминанием. Затаился и ждал смерти. Здание задрожало, задняя стена цеха вспыхнула. Ты ощутил себя таким крошечным. Это все несправедливо. Ты ведь не думал тогда о

Мэри, только о том, как несправедливо, не по-божески то, что происходит.

На барабане лебедки должен был стоять предохранительный тормоз. Но компания на этом сэкономила. Что-то треснуло в системе привода.

Башня горела, все вокруг объято пламенем, и тогда ты решил прыгнуть. Три этажа. В воздухе носились обломки металла, пятисотфунтовый ящик с инструментами задел краем по голове и врезался в крышу цеха. Что-то взрывалось, рев стоял, как на гонках, где носятся болиды на закиси азота, такой грохот даже не слышишь, а ощущаешь всем телом, а потом почувствовал, как кожа начинает гореть под защитным комбинезоном, ничего не видно, только пламя и темные тени. Все равно сдохнешь – прыгай к чертовой матери. Очнулся, когда тебя уже вытаскивал тот черный парень – вернулся за тобой, прорвался сквозь огонь. Кругом горящая сталь, а на нем ни царапины. Вот кому попробовать сыграть в лотерею. Говорит, увидел, как ты прыгнул.

Федеральное агентство по охране труда оштрафовало компанию на тридцать тысяч. Примерно столько компания зарабатывает каждую минуту.

Вот и все. Так оно и закончилось. Чаки Каннингем погиб, Уэйн Дэвис, старый толстый Уэйн, Уэйн, вечно ты его дразнил, какой же ты жиртрест Уэйн, утонули в расплавленном металле, а ты стоял на том месте всего минутой раньше. Прыгнул, вот в чем твоя ошибка. Стоял бы на месте, о семье бы позаботились, приличная пенсия плюс выплаты от компании. Сначала ты горевал по Уэйну и Чаку, но по факту они-то спасли и себя, и свои семьи, а ты – нет.

В доме уже давно тишина. Чем дольше ждешь, тем страшнее. Мальчик совершил преступление, и виноват вовсе не Билли Поу, вся вина целиком на тебе. Он качнул кресло вперед-назад. Неважно, что там натворил мальчик, это произошло исключительно из-за него, мальчик не должен был оставаться в этой дыре. Они все хотели, чтобы ты умер, подумал он, вся твоя семья. И не надо было так долго выжидать. Боялся собственных детей. Боялся, что они бросят тебя одного, а ты не сможешь этого вынести. В один год потерял сразу и Мэри, и Ли. И не готов был потерять еще и Айзека.

Он подкатил к ящику стола, выдвинул, вот он, пистолет, но как же это. представь, как Ли обнаружит тебя здесь. полбутылки “Дьюара”, так и не прикоснулся, с тех пор как запретили пить. Ну валяй уже, вперед. Бережешь себя, как призовую лошадь. На душе стало спокойнее. Он знал, что должен сделать. Жаль, стейк не доел. В шкафчике с лекарствами отыскал пузырек с оксикодоном^[46], почти полный, он уже год как от него

отказался, закутался в одеяло, тихонько покатыл в гостиную, а потом на террасу. Плотно прикрыл за собой дверь.

На улице оказалось зябко, и он сделал добрый глоток скотча. Затем судорожно откупорил пузырек с таблетками, сунул в рот, разжевал, до чего же мерзкий вкус, но так действуют быстрее. Руки дрожали, он завинтил пузырек, чтобы не просыпать остальное. Ты только глянь на себя, столько лет заставлять мир вертеться вокруг собственной персоны, а потом взять и вот так спустить все в один момент. А потому что раньше надо было думать, давным-давно. Тогда Айзек не застрял бы здесь, а уехал бы, как Ли.

Он покатыл кресло дальше во двор, решив найти удобное место, где можно будет как следует поразмышлять о жизни. Съехал по пандусу на траву, колеса вязли в мягкой почве, с усилием покатыл к любимой поляне, спугнув пасшегося там оленя.

Взвесил в руке пузырек с таблетками, он, кажется, вновь передумал, но сейчас это именно то, что нужно, уйти с улыбкой на лице. Это твой личный выбор. Так или иначе, ты все равно с ними расстанешься. Надо же, прежде он и не думал об этом с такой точки зрения. Сражался без надежды на победу. И тащил их вниз за собой.

Он так и держал пузырек на ладони. Нет, это стыдно. Неправильно. Слишком легкий выход. Ты сможешь хотя бы немного и сам потянуть лямку, не такая уж тяжкая ноша – собственное бремя. Итак? Он сунул пузырек обратно в карман. Сколько я принял? Три штуки. Недостаточно, чтобы убить. Зато с каждой минутой будет все легче. Завернись-ка в одеяло поплотнее, а то замерзнешь.

Генри смотрел на темный лес, на реку вдалеке, хорошее место он выбрал, всю Долину отсюда видно. Много славных лет прожито, больше, чем заслужил, и пора наконец позаботиться о других. О своей семье. Едва он подумал это, как земля словно ушла вниз, он стоял на высокой скале, а прямо перед ним – небо и звезды. Никогда не видел ничего подобного. Какой прозрачный воздух. Последним усилием, уже засыпая, он натянул одеяло и почувствовал, что согревается.

4. Харрис

Лобравшись до первого нужного адреса, Харрис припарковал джип за углом. Газон перед домом аккуратно пострижен, но на заднем дворе все густо заросло высокой травой. Старая ива нависала над двором, в тени ее ржавели останки старого “олдсмобиля” и трактор без колес, совсем

неуместный здесь. На задней террасе громко ворчал холодильник, а крыша провисла настолько, что едва не накрывала дверь в дом. Харрис разглядел внутри только одну фигуру и, прячась в тени, пробрался через заросли, осторожно огибая кучи хлама, рассыпанного там и сям. В гостиной на узкой кровати лежала старуха, в изголовье – кислородный баллон. Он убрал пистолет.

– Где Мюррей?

– Нету его тут, – проскрипела она. – И денег у него тоже нет. – Помолчала. – Три года как не работает. Ничего вы с него не получите.

* * *

Уже несколько часов он торчал в заброшенном доме, пристроившись на перевернутом ведре. В этом конце улицы, похоже, все коттеджи давно опустели – дворы заросли травой, только здесь он заметил узкую тропку, протоптанную ко входу в дом, за которым он следил. Еще над парой крылечек в дальнем конце квартала светили лампочки, но иных признаков жизни не наблюдалось. Примерно в полночь прямо на улице появились олени, дикое зрелище – животные брели по тротуару, ошипывая на ходу кусты, потом скрылись в проулке между постройкой, где он сидел в засаде, и вероятным обиталищем Мюррея. Олени не испугались, да и вряд ли заметили его присутствие, что Харрис счел добрым предзнаменованием.

Он надел перчатки и вязаную шапку, но все равно начал замерзать и проголодался. Около трех ночи в дом вошли двое, один из них точно Мюррей. Электричество, должно быть, отключено, потому что они зажгли свечи и развели огонь в камине. Вскоре один вышел в соседнюю комнату, улегся там. Не лучший вариант, их двое, может, стоит подождать, пока Мюррей останется один, но тут не угадаешь, в любой момент Мюррей Кларк может смыться и появиться уже только на суде.

Харрис подождал еще с полчаса и решил, что второй уснул.

Он открыл и закрыл барабан револьвера, проверил свой 45-й, чуть светился ночной визир. Тебе, по крайней мере, все видно, подумал он, хорошо, что установил прицелы ночного видения, это *Хо* настоял: *в оружии нет толку, если не видишь прицел*; сам Харрис подобными вещами не заморачивался. Плохая примета – забивать себе голову деталями конструкции, как будто ищешь оправданий для применения оружия. Самый удобный вход – со двора, мимо спальни, где устроился второй.

Ступени скрипнули, он замер. Нет, ничего. Медленно отворил дверь, пробрался через кухню, мусор, какие-то коробки, длинный коридор. Он медленно шел по коридору, когда чей-то голос окликнул:

– Ты, что ль, Хесус?

Еще несколько шагов – и он в гостиной. Два продавленных дивана, свечи, воткнутые в пустые бутылки, – рука с оружием пока в кармане куртки.

На диване валяется мужик лет сорока. Давно не брит, под глазами круги.

– Мюррей, – тихо проговорил Харрис.

– Знакомое лицо, – взгляделся Мюррей. – Шериф Харрис?

Харрис вынул револьвер и наставил на Мюррея. Тот немедленно вскинул руки.

– Ох ты ж, – выдохнул он. – Вы берете не того человека, шериф.

– Ты немедленно уматываешь из Долины. – Харрис слышал свой голос словно издали, палец застыл на спусковом крючке.

– Конечно, обязательно, – зачастил Мюррей, – все, что скажете.

– Если я узнаю, что тебя видели в этом штате, твое тело найдут в реке. Если узнаю, что ты еще раз хоть словом перемолвился с окружным прокурором в Юнионтауне, – тот же результат.

– Меня уже нет, – испуганно бормотнул Мюррей, но тут же как-то странно дернулся, и Харрис почувствовал, что позади кто-то стоит, и выбор небольшой – обернуться или нажать на спуск.

Он нажал на спуск. Револьвер грохнул, Мюррей влип в диван. Харриса сильно толкнули в спину, оба врезались в стену и рухнули на пол. Он попытался сбросить с себя нападавшего, но тот крепко прижимал руку к его животу, странное чувство, вроде всего-то врезал по ребрам, но боль сильнее обычной; а, так это нож, но жилет так запросто не пробить. Потом мужик отбросил нож и потянулся за револьвером Харриса. Вцепился двумя руками и медленно начал выкручивать из пальцев. Пистолет в задней кобуре, Харрис выгнулся дугой, пытаясь дотянуться до кобуры левой рукой, вышло неловко, этот козел, кажется, сломал что-то у него в запястье, Харрис слышал хруст, но сейчас не до того, сосредоточиться на пальцах левой руки, сомкнувшихся на рукоятке пистолета, бандит добрался до револьвера ровно в тот момент, когда Харрис выхватил свой 45-й, сбросил с предохранителя и сунул ствол прямо в треугольник волос над ухом противника. Он едва осознал, что прогремел выстрел, видел лишь, как стукнула о стену гильза. Мюррей покачивался над ними, Харрис выстрелил ему снизу в промежность; Мюррей вылетел в дверной проем и исчез.

В комнате темно, единственный источник света – колеблющееся пламя свечей. Он выкатился из-под мертвого тела и, полуоглохший, ринулся за

Мюрреем; 45-й выпалил у самого уха, он едва различал звук собственных шагов, уши заложило.

На улице тьма, хоть глаз выколи, сердце екнуло – никого. Он перебрал пистолет в левую руку, пошарил в кармане, отыскивая фонарик и одновременно сканируя окрестности, высматривая любое движение – вон там, в кустах, ярдах в двадцати; включил фонарик, держа его в наверняка сломанной руке, и разглядел Мюррея. Скорчившись, тот ковылял через подлесок, замер на месте, едва оказавшись в луче света. Харрис чуть поправил прицел и всадил пулю точно между лопаток Мюррея. А потом еще один точный выстрел.

Когда Харрис подошел ближе, Мюррей стоял на четвереньках и будто бы молился кому-то, кого Харрис не видел. Он, кажется, не заметил, что уже не один, и через мгновение медленно осел в высокую траву и больше не шевельнулся. У Харриса тряслись руки, никак не мог попасть пистолетом в кобуру.

На обратном пути к машине, все два квартала, он старался держаться самых темных мест. В голове крутилась одна мысль – *пошевеливайся*, остальное терялось в тумане. *Надо было обшарить их карманы, забрать бумажники, чтобы было похоже на ограбление.* Поздно. Правая рука сломана, ноет нещадно. В доме осталась стреляная гильза или даже две, и еще несколько на террасе – он не помнил, сколько раз выстрелил. И револьвер тоже там – перчатки не снял хоть? Нет. Шапка на тебе? Проверил – да, на месте.

Перед тем как сесть за руль, он стянул куртку, шапку и перчатки, на них могли остаться кровь и пыль, швырнул в кузов; тронул с места тихо-тихо и ехал, не зажигая фар, до главной дороги. Попытался было осмотреть себя, но руки слишком дрожали, он чувствовал, как под жилетом стекает кровь, но не хотел останавливаться проверять, насколько серьезна рана. Дышится нормально, так что все не так плохо, кевлар сослужил свою службу. Две мили. Он поглядывал на спидометр. Три мили.

Вскоре выключил фары, остановился на повороте к реке выбросить 45-й. Уже отъехав, сообразил, что забыл избавиться от шмотья, валявшегося за спиной. И всего остального заодно. На следующей развилке заглушил мотор, переоделся в запасную одежду и кроссовки, а все, что было на нем, включая кевларовый жилет, швырнул в реку.

К рассвету он был в своем кабинете. Да, кто-то должен будет позаботиться о его собаке.

5. Поу

Дико кружилась голова, и еще шум, страшный шум, невыносимый, но он ничего не может с этим поделать, и его куда-то несет, это река, точно, это водопад. “Девяносто на шестьдесят”, – услышал он. Отвратительное ощущение не то чтобы пропало, но чуть отступило, он вновь мог видеть свет, дневной свет. Я упал, наконец-то. Я лежу на земле под деревом. Очень яркий свет. Ему что-то суют в рот, хотят задушить, его сейчас вырвет. “Он вернулся, – чей-то голос. – Вынимайте трубку. Мистер Поу, очнитесь”. Яркие лампы, плитка на потолке. В ушах опять зашумело, но зрение вернулось, опять куда-то плывет, в животе обрывается, он падает, какой мерзкий звук, невыносимо. “Очнитесь, мистер Поу”. Да они меня лапают. Он потянулся прикрыться хотя бы ладонью, одежду сперли, гады. “Сожмите мою руку, Уильям. Уильям, вы меня слышите?”

Он попытался сесть, воздуха не хватало.

– Нет нет нет. – Сильные руки удержали его.

– Мистер Поу, вы понимаете, где находитесь?

Он все помнил, но лучше не отвечать, чтобы не вышло боком. Он боялся, что и так наговорил лишнего, насчет Айзека. Ничего не скажу, решил он, хотите заставить меня проболтаться.

– Возможно, у вас повреждена шея. Вам нельзя двигаться, пока мы не сделаем снимок.

Калека, значит. На глаза навернулись слезы. Дышать трудно, никак не получается толком вдохнуть.

– Вы знаете, где вы находитесь? Уильям. Уильям, вы меня слышите? У вас пробиты легкие. Мы собираемся откачать жидкость, чтобы вы могли дышать.

Будет немного больно.

Он попытался произнести что-то в ответ, но безуспешно. Опять хочется спать.

– Держите его.

Ему ткнули чем-то в бок, протолкнули глубже, а потом так глубоко, что боль рванулась из самого нутра, он испуганно забился, а потом услышал собственный пронзительный крик.

– Держите его! – орал кто-то, и Поу понимал, что это о нем, но он ничего им не скажет, нет нет нет нет, а потом все исчезло.

Очнулся он в другом помещении. Очень яркие лампы. Кто-то склонился над ним. Они что-то делают с его головой. Прекратите, сказал он, но звука почему-то не получилось. Прекратите, сказал он, но губы не

шевелились, и лицо чем-то накрыто. Он попробовал убрать эту штуку, но не смог. Руки не двигались. С ним что-то делают. Воняет, запах жженных волос, что они делают. “Он очнулся”, – произнес чей-то голос. “Я вижу”, – ответил другой, а потом Поу почувствовал странное покалывание в руке. Такое уже было раньше, успел он подумать, прежде чем вновь оказался под водой.

* * *

Когда он очнулся в третий раз, было темно. Поу помнил, что садиться нельзя. Оглядел себя, стараясь не сильно шевелиться. В кровати. Накрыт одеялом. С одной стороны капельница, с другой – окно, оттуда желтый свет, наверное, там улица, дома. В палате еще одна кровать, кто-то храпит на ней. “Тихо, ты”, – сказал он и тут же устыдился. Это какие-то аппараты, пищат и стрекочут. “Тихо”, – прошептал он. Не видно, что там. Надо сесть. Они меня не удержат. Он шевельнулся, и тут же накрыла боль, и он потерял сознание.

Лежи. Лежи тихо, убеждал он себя. Шевельни пальцами. Ног он не видел. Попробовал двинуть рукой, но ничего не вышло, он скосил глаза и увидел, что рука намертво привязана к поручню кровати. Грудь и бока болели, но зато он мог дышать. Голова забинтована. Он потрогал свободной рукой. Что-то торчит из башки. Трубка, пластиковая трубка прямо из затылка. Лежи тихо. Через мгновение до него дошло: жив.

6. Айзек

За стойкой сидел полицейский, маленький азиат, это он был с Харрисом тем вечером, когда их с Поу поймали в мастерской. Полицейский пил кофе и выглядел так, словно не спал уже несколько дней.

– Мне нужно поговорить с шефом Харрисом, – сказал Айзек.

– Его нет, – спокойно ответил Хо.

Вот и отмазка, подумал Айзек. Но вслух произнес: – Я видел его пикап на парковке. Скажите, что пришел Айзек Инглиш.

Хо неохотно поднялся и скрылся в коридоре. *Твой последний шанс.* Но Айзек знал, что никуда он не сбежит. Нет у него иного пути.

Вернулся Хо:

– Дверь в конце коридора.

Айзек прошел по коридору, постучался в железную дверь, а потом почему-то просто открыл и вошел, не дожидаясь ответа. Станный кабинет, такие же бетонные стены и флуоресцентные лампы, как повсюду

в участке, но мебель другая – дерево и кожа, а на стенах картины. Харрис сидел на диване, завернувшись в одеяло. Бледный и взъерошенный, одна рука на перевязи.

– Ты вернулся.

– Я пришел с повинной.

– Ого. – Харрис поднял руку, прерывая Айзека, медленно встал, явно преодолевая боль, подошел к двери. Высунул голову наружу, осмотрелся, закрыл дверь и запер. – Давай присядем. – Он приглашающе указал на диван. Айзек сел с одного края, Харрис – с другого.

– Билли Поу не убивал того бездомного.

Новость, похоже, ошеломила Харриса. Он откинулся на спинку дивана, прикрыл глаза.

– Пожалуйста, не говори больше ничего, – тихо попросил он.

– Я говорю правду.

– Нет.

– Мы с Билли были.

Но Харрис внезапно качнулся вперед, ухватил Айзека за рубашку, как мог бы сделать старший брат, и накрыл ладонью его рот. Лицо у него было бледным и в испарине, изо рта пахло кислым.

– Мне только что звонил окружной прокурор, тех двоих, что были с вами в заброшенной мастерской, нашли мертвыми. – Он отпустил Айзека и вернулся на свое место. – Теперь все трое мертвы, Айзек. Единственные, кто знает, что произошло той ночью, это ты и Билли Поу. Понимаешь?

– А что с ними случилось?

– Да неважно.

Они долго сидели молча, несколько минут наверное, потом Харрис с трудом встал, побрел к своему столу, достал из деревянного ящичка сигару.

– Ты ведь не куришь, а?

– Нет.

– А мне сейчас не помешает.

Он отрезал кончик, раскурил и встал у окна. Казалось, он собирается с духом.

– Не знаю, в курсе ли ты, потому что когда я заехал к вам, чтобы поговорить с тобой, ты уже ушел. Билли арестовали за убийство того парня, но теперь им придется его отпустить. Твое имя ни разу не упоминалось, и, думаю, раз уж Билли не сдал тебя до сих пор, он этого и не сделает, особенно когда его адвокат узнает о новых обстоятельствах дела. А я ей позвоню сразу же, как мы с тобой закончим.

– Когда его арестовали?

– Точно не помню. Примерно неделю назад.

– И в чем конкретно его обвиняют?

– В убийстве, – повторил Харрис. – В преднамеренном убийстве.

– И он ничего не сказал?

Харрис отрицательно покачал головой.

Айзек помолчал, а потом сказал:

– Я собираюсь уехать отсюда. Поеду к сестре в Коннектикут. – И сам удивился собственным словам. Но понял, что сказал чистую правду.

– Отличная мысль, – согласился Харрис.

– А что будет с Билли?

– Через месяц, плюс-минус, им придется его отпустить. – Он отошел от окна, взял со стола ручку и блокнот. – Слушай, если вдруг станет тяжело на душе или посоветоваться надо, заходи. Вот мой сотовый и домашний телефон, просто позвони, встретимся, поговорим.

– Не думаю, что понадобится, – улыбнулся Айзек. – Я в порядке.

– Ты правильно поступил, знаешь? Я бы даже наградил тебя за то, что ты явился сюда, потому что немного я знаю людей, которые на такое решились бы. Но сейчас. – Он растерянно пожал плечами. – Тебе пора домой.

* * *

Айзек спокойно прикрыл дверь кабинета, спустился по лестнице, вышел на дорогу, ведущую в город. По небу бежали облака. На полпути, уже у реки, он вдруг осознал, что решил довериться Харрису. И всем остальным людям. Он попытается, и посмотрим, что из этого выйдет.

Пройдя несколько городских кварталов, он пересек старую железную дорогу и остановился в камышах у реки. На душе спокойно, в голове тишина. Он стоял, смотрел на солнце над тихой рекой, опустил на колени, погрузил руку в воду, пустив рябь по поверхности, солнце сверкало на куполе собора и в окнах домов, пара крачек направлялась куда-то в сторону океана, а вскоре и ему предстояло последовать за ними, покинуть эти места.

7. Харрис

Он смотрел, как уходит Айзек, вежливо прикрывая за собой дверь. Сумеет ли парень держать язык за зубами? Ведь все могло обернуться кошмаром. И еще может.

Он не рассказал Айзеку, что Билли Поу пырнули ножом и он чуть не погиб, после того как несколько дней отказывался встретиться с адвокатом. Мальчик-то оказался совсем другим человеком. Грейс еще ничего не знает. И узнает уж точно не от него. В голове плыло; рано или поздно окружной прокурор явится с расспросами, и к тому моменту он должен быть в порядке. Пальцы ныли, боль отдавала выше в руку, рана на ребрах и не думала затягиваться, надо бы зашить, впрочем, повязка тоже сгодится.

Так, надо встать. Придумать складную историю про то, где он был прошлой ночью, отмыть пикап, тщательно, пройтись везде ватной палочкой. Наверное, сменить резину. Впрочем, шины – это уж чересчур. Или нет. Фурия в аду ничто в сравнении с обманутым юристом. Он усмехнулся собственной шутке, и вдруг стало удивительно легко. Оба мальчишки стояли того, чтобы их спасти. А мог ведь этого и не узнать.

Хо никому не звонил – всю ночь дежурил один. Знал, что-то должно случиться. Да все знали. Весь город. Харрис понимал, что нужно встать и заняться делами, но он уже двое суток толком не спал, солнце светило прямо в окна, он следил, как луч медленно ползет по полу, дюйм за дюймом, он подождет еще минутку, пока солнечный луч коснется лица. А потом начнет новый день.

8. Поу

Он знал, что находится в больнице уже какое-то время, но словно очнулся впервые. День в разгаре, в палате жарко, за окном видно парковку, а за ней жилые дома, и какой-то старик поливает цветы в кадке.

Женщина, медсестра наверное, отодвинула занавеску.

– Здравсьте, – улыбнулся Поу.

– Повезло вам, – отозвалась сестра. – Вы потеряли столько крови, что сердце остановилось. Повезло, что молодой.

– Готов махнутья с вами в любой момент.

– Мы беспокоились, что у вас нарушения в работе мозга.

– Так оно и есть, но уже давно.

Она улыбалась, но надо все же проверить.

– Я что-нибудь говорил, пока был в отключке? Она недоуменно пожала плечами. Определенно не поняла, о чем он толкует.

– Что со мной дальше будет?

– Вас хотят забрать отсюда, но мы подержим вас еще несколько дней. Вам пока нельзя активно двигаться, слишком много внутренних швов.

– Я вернусь в Фейетт?

– Куда-нибудь вы непременно вернетесь, но сомневаюсь, что туда.
– Ко мне пустят кого-нибудь?
– Нет.
– Могу я позвонить матери?
– Вечером, возможно. – Сестра направилась к выходу. – Имейте в виду, за дверью сидит полицейский.

9. Грейс

Ближе к вечеру в заднюю дверь постучали. Грейс лежала на диване. Она не ела три дня и не слышала, чтобы по дороге кто-то проезжал.

Шаги на террасе, а потом в гостиной появился маленький крепкий мужчина, внимательно посмотрел на нее, обошел дом. Грейс его не узнала. Он заглянул в каждую комнату, потом вернулся к ней. Ну вот и все. Прислали и за тобой.

– Меня зовут Хо, – сообщил человек. – Я друг шефа Харриса.

Грейс удивилась. Человек без полицейской формы. – Я слышал, у вас родственники в Хьюстоне.

– Где Бад Харрис?

– Он очень занятой человек.

Грейс закрыла глаза.

– К вам приходил кто-нибудь, пытался вступить в контакт?

– Нет, – едва слышно ответила она. – Вы первый, кого я вижу за несколько дней.

– Это хорошо. Прекрасная новость.

– Вы не объясните, что случилось?

Он откашлялся, еще раз окинул взглядом комнату. – С вашим сыном все будет хорошо, – сказал он. – Но вам нельзя здесь оставаться.

– Когда я должна уехать?

– Самое позднее завтра утром.

– Понимаете, я много лет не общалась со своим братом.

Хо равнодушно пожал плечами.

– Могу я повидаться с Бадом?

– Вам нужно собираться, прямо сейчас, – ласково проговорил он.

Грейс кивнула. Откуда-то пахло едой.

– Он велел мне принести вам поесть.

– Похоже на него.

– Он часто о вас говорил.

Полицейский присел на корточки рядом с ней, и Грейс вдруг

сообразила, что он почувствует, как от нее пахнет, она же не мылась все это время, но он не подал виду. Бережно приподнял, подоткнул подушку, помог усесться. Потом достал из сумки пластиковый контейнер. – Вот так, – уговаривал он. – Потихоньку, полегоньку.

– Не уверена, что смогу.

Но, когда он осторожно поднес ложку, Грейс покорно открыла рот.

* * *

Она долго смотрела в окно. Тихая прохладная ночь. Закрывает глаза и увидела сына: уже лето, пыльная высохшая дорога, он дошел до самого конца, но здесь ничего больше нет. Он огляделся, но вместо трейлера лишь обгорелый остов, даже деревья вокруг сожжены. Поу долго стоял, а потом пустился в обратный путь, на новое место. Он шел к ней.

Сноски

1

“Страх и трепет”, перевод Н. Исаевой (*здесь и далее примеч. перев. и ред.*).

2

“Чума”, перевод Н. Жарковой.

3

Минус 240 градусов по шкале Цельсия.

4

Дейл Эрнхардт (1951-2001) – знаменитый американский автогонщик; с середины 1980-х гг., когда начался его взлет, не расставался с № 3 на капоте своего гоночного автомобиля.

5

Готовая смесь для выпечки.

6

В американской школе отметки выставляются по 100-балльной шкале, разбитой на буквенные интервалы. “С” (70-76 баллов) соответствует примерно четверке с минусом.

7

“Дочь Вавилона, опустошительница! блажен, кто воздаст тебе за то, что ты сделала нам! блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень!” (Псалтирь, 136:8-9)

8

Одно из индейских названий Миссисипи.

9

Ральф Нейдер Младший (р. 1934) – американский адвокат и политический активист левого толка, четырежды баллотировался в президенты США, в 1996 г. – от Партии зеленых.

10

Университет в Пенсильвании.

11

Фэйт Хилл (р. 1967) – кантри-певица родом из штата Миссисипи, пик ее популярности пришелся на середину 1990-х гг., когда ее песни крутили едва ли не все американские радиостанции.

12

Тест для приема в высшие учебные заведения США.

13

Тест для поступающих в юридические вузы США.

14

Один из самых богатых городов в США.

15

Популярный в США седативный препарат, оказывающий быстрое действие.

16

Чарлз Шваб (1862-1939) – американский промышленный магнат родом из Пенсильвании, в начале XX в. создал крупнейшую металлургическую компанию мира.

17

Университет штата Пенсильвания.

18

Водоем в Массачусетсе, на берегу которого несколько лет в простой хижине жил Г. Д. Торо, описавший его в одной из главных книг американской литературы “Уолден, или Жизнь в лесу”.

19

Вымышленный маленький тихий городок, в котором происходит действие популярного сериала.

20

Джеймс Паттерсон (р. 1947) – популярный американский автор триллеров и детективов.

21

Американская военная доктрина, основанная на применении сил, многократно превосходящих силы противника, дабы подавить его волю к сопротивлению. Доктрина была разработана в 1996 году в Университете национальной обороны США.

22

Профессиональные бейсбольные клубы из Питтсбурга и Сан-Диего.

23

Цитата из романа Гюнтера Грасса “Жестяной барабан”.

24

Американская государственная программа субсидирования жилья.

25

Статус постоянного (пожизненного) профессора в университетах США.

26

Аллюзия и пародия на строки сонета Эммы Лазарус “Новый Колосс”, выгравированные на бронзовой доске внутри статуи Свободы. “Отдайте мне всех тех, кого гнетет жестокость вашего дурного нрава” (*пер. В. Кормана*). “Я дам приют голодным, оскорбленным. Пришлите мне отверженных судьбой” (*пер. Л. Зубарева*).

27

Популярный персонаж американского фольклора, дровосек-великан. Этот образ много эксплуатировался в рекламе; в частности, Поль Баньян изображался с огромным синим быком по кличке Малыш.

28

Аллюзия на песню Эминема из фильма «Восьмая миля».

29

Имеется в виду американская киноклассика, фильм Майкла Чимино “Охотник на оленей” (1978, пять “Оскаров”), действие которого частично происходит в городе Клэртон.

30

Бакалавр, магистр.

31

Плюс 32 градуса по Цельсию.

32

Дэвид Хассельхофф (р. 1952) – певец и актер, особую популярность обрел, когда начал сниматься в сериале “Спасатели Малибу”.

33

Самодельное вино на основе любых фруктов или даже дрожжевого хлеба, популярное в американских тюрьмах.

34

Афроамериканская внутритюремная преступная группировка, главари которой родом из Вашингтона, округ Колумбия. В состоянии войны с “Арийским братством”.

35

Примерно минус 3 градуса по Цельсию.

36

Эрнест Шеклтон (1874-1922) – знаменитый ирландский исследователь Антарктики.

37

Страны, поддержавшие намерение Соединенных Штатов развязать войну и начать оккупацию Ирака.

38

Кишечная палочка.

39

Ресторан на берегу реки Мононгахила в историческом районе городка Спирс.

40

Имеется в виду крупнейший город округа – Питтсбург.

41

Знаменитый питчер “Питтсбург Пайретс”, долгое время был одним из главных игроков команды.

42

Фильм Джона Бурмена (1973); песня “Банджо-дуэлянты”, в основе которой лежит инструментальная композиция Артура Смита (1955),

приобрела чрезвычайную популярность.

43

Пистолет немецкой компании “Зиг Зауэр”, одно из основных видов вооружения американских полицейских.

44

Промышленный центр в штате Огайо.

45

Джей Гордон Лидди (р. 1930) – юрист, агент ФБР, влиятельный политик, замешанный в Уотергейтском скандале. В 2002-2012 гг. – ведущий популярного ток-шоу на радио.

46

Обезболивающий препарат, опиоид.